ФОНД
поддержки науки и образования в области правоохранительной деятельности
«УНИВЕРСИТЕТ»

АССОЦИАЦИЯ ФИЛОСОФИИ ПРАВА САНКТ-ПЕТЕРБУРГА

МОЛОДЕЖНАЯ АССОЦИАЦИЯ “ФИЛОСОФИИ ПРАВА”

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77 – 40503

Журнал аккредитован в Российском индексе научного цитирования (РИНЦ)

Подписной индекс по каталогу Агентства «Роспечать» – 71079

Электронная копия издания размещена в фондах Президентской библиотеки

Юридическая наука: история и современность

2018, № 2

Санкт-Петербург
2018

FOUNDATION
FOR SUPPORT OF SCIENCE AND EDUCATION IN THE AREA OF LAW ENFORCEMENT ACTIVITIES
“UNIVERSITY”

ASSOCIATION OF THE PHILOSOPHY OF LAW SAINT-PETERSBURG

YOUTH ASSOCIATION PHILOSOPHY OF LAW

Journal is registered by Federal Service for Supervision in the Sphere of Communications, Information Technology and Mass Media (Roskomnadzor).
Print publication registration certificate No. ФС 77 – 40503

Journal is accredited in the Russian Science Citation Index (RSCI)

Subscription index according to the catalog of Rospechat Agency – 71079

An electronic copy of publications available in the holdings of the Presidential Library

Legal science: history and the presence

2018, № 2

Saint-Petersburg
2018

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Сальников В.П., главный редактор журнала «Юридическая наука: история и современность», доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации (Санкт-Петербург, Россия)

Антонов И.А., начальник кафедры уголовного процесса Краснодарского университета МВД России, доктор юридических наук, профессор (г. Краснодар, Россия)

Арзамаскин Н.Н., заведующий кафедрой теории и истории государства и права Ульяновского государственного университета, доктор юридических наук, профессор (г. Ульяновск, Россия)

Бабаджанов И.Х., председатель международного коммерческого арбитража при Торгово-промышленной палате Республики Таджикистан, главный научный сотрудник отдела теоретических проблем современного государства и права Института философии, политологии и права им. А.М. Баховиддинова Академии наук Республики Таджикистан, доктор юридических наук (г. Душанбе, Таджикистан)

Бекки Колер да Круз, доцент кафедры уголовного правосудия, координатор программы магистратуры в области уголовного правосудия, координатор программы «Закон & Общество». Армстронг Атлантик Университет Штата доктор права, доктор философии (США)

Боер В.М., проректор, декан юридического факультета Санкт-Петербургского государственного университета аэрокосмического приборостроения, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации (г. Санкт-Петербург, Россия)

Варыгин А.Н., профессор кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права Саратовской государственной юридической академии, доктор юридических наук, профессор (г. Саратов, Россия)

Егоршин В.М., профессор кафедры оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел Санкт-Петербургского университета МВД России, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации (г. Санкт-Петербург, Россия)

Захарцев С.И., ведущий научный сотрудник Института государства и права Российской Академии наук, доктор юридических наук (г. Москва, Россия), профессор кафедры теории и истории государства и права Московского государственного университета технологии управления им. К.Г. Разумовского, доктор юридических наук (г. Москва, Россия)

Лазарев В.В., начальник отдела имплементации решений судебных органов законодательства Российской Федерации Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, профессор кафедры теории государства и права Московского юридического университета имени О.Е. Кутафина, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки Российской Федерации (г. Москва, Россия)

Лукьянов В.В., заведующий кафедрой уголовного права Санкт-Петербургского государственного университета, доктор юридических наук, профессор (г. Санкт-Петербург, Россия)

Майдар Батаев, доктор философии в юриспруденции «PhD», профессор Университета МВД Монголии (г. Улан-Батор, Монголия)

Рахимов М.З., директор Национального центра по законодательству при Президенте Республики Таджикистан, доктор юридических наук, профессор (г. Душанбе, Республика Таджикистан)

Стивен Хугланд, доктор, доцент уголовного правосудия Байнбридж колледж, Джорджия (США)

Томас Джурканин, доктор, доцент департамента уголовного правосудия, Университет штата Среднего Теннесси (США)

Хейонг Лим, доктор, доцент департамента уголовного правосудия, Университет штата Алабама в Бирмингеме (США)

Шафиров В.М., главный научный сотрудник отдела теории и истории права и судебной власти, профессор кафедры теории права, государства и судебной власти Российского государственного университета правосудия, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный работник высшей школы Российской Федерации (г. Москва, Россия)

Шутак И.Д., профессор кафедры теории и истории государства и права Ивано-Франковского университета права имени короля Данилы Галицкого, руководитель лаборатории академических исследований правового регулирования и юридической техники, доктор юридических наук, профессор (г. Ивано-Франковск, Украина)

Щендригин Е.Н., заведующий кафедрой организации правоохранительной деятельности Орловского государственного университета, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации (г. Орел, Россия)

Адрес редакции: 198261, Санкт-Петербург, пр. Ветеранов, д. 114, корп. 1, лит. Б.

Ответственность за достоверность сведений в опубликованных статьях несут авторы. Полная или частичная перепечатка материалов и использование их в любой форме, в том числе в электронных СМИ, допускается только с письменного разрешения редакции журнала.

© Юридическая наука: история и современность, 2018
© Фонд поддержки науки и образования в области правоохранительной деятельности «Университет», 2018

EDITORIAL TEAM

Sal'nikov V.P., Editor-in-Chief of the journal "Legal science: history and the present", Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Worker of Science of the Russian Federation, Honored Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation (Saint Petersburg, Russia)

Antonov I.A., Chief of the Criminal Procedure Department of Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Doctor of Legal Sciences, Professor (Krasnodar, Russia)

Arzamaskin N.N., Head of the Department of Theory and History of State and Law of Ulyanovsk State University, Doctor of Legal Sciences, Professor (Ulyanovsk, Russia)

Babadzhanov I.Kh., chairman of the international commercial arbitration at the Chamber of Commerce and Industry of the Republic of Tajikistan, chief research officer of the department of theoretical problems of the modern state and law of the Institute of Philosophy, Political Science and Law. A.M. Bahoviddinov Academy of Sciences of the Republic of Tajikistan, Doctor of Law (Dushanbe, Tajikistan)

Becky Kohler da Cruz, Associate Professor of Criminal Justice Department, Program Coordinator, Master of Science in Criminal Justice, Program Coordinator «Law & Society». Armstrong Atlantic State University, Doctor of Law, PhD (USA)

Boer V.M., pro-rector Dean of the Department of Law of Saint-Petersburg State University of aerospace instrumentations, Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Jurist of the Russian Federation (Saint Petersburg, Russia)

Varygin A.N., Professor of the Department of Criminal and Criminal Executive Law of Saratov State Academy of Law, Doctor of Legal Sciences, Professor (Saratov, Russia)

Egorshin V.M., Professor of the Department of operational-investigative activity of internal affairs of the St. Petersburg University of the Ministry of Interior of Russia, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation (Saint Petersburg, Russia)

Zakhartsev S. I., Professor of the Department of Theory and History of State and Law of the K.G. Razumovsky Moscow State University of Technology management, Doctor of Legal Sciences (Moskow, Russia)

Lazarev V.V., Head of the Department for Implementation of Judgments of the Legislative Bodies of the Legislation of the Russian Federation of the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, Professor of the Theory of State and Law Department of the Moscow Law University named after O.E. Kutafina, Doctor of Law, Professor, Honored Worker of Science of the Russian Federation (Moscow, Russia)

Lukyanov V. V., Chief of Saint Petersburg Head Office of the Ministry of Justice of the Russian Federation, Head of the Criminal Law Department of St. Petersburg State University, Doctor of Legal Sciences, Professor (Saint Petersburg, Russia)

Maidar Batayev, PhD in Law, Professor of the University of the Ministry of Internal Affairs of Mongolia (Ulan Bator, Mongolia)

Rakhimov M. Z., Director of the National Legislation Centre under the President of the Republic of Tajikistan, Doctor of Legal Sciences, Professor (Dushanbe, Republic of Tajikistan)

Steven Hougland, Doctor, Assistant Professor of Criminal Justice of Bainbridge College, Georgia (USA)

Thomas Jurkanin, Doctor, Assistant Professor of Criminal Justice Department, Middle Tennessee State University (USA)

Hyeyoung Lim, Doctor, Assistant Professor of the Department of Justice Sciences, University of Alabama at Birmingham (USA)

Shafirov V.M., Senior Research Fellow, Department of Theory and History of Law and Judiciary, Professor, Chair of Theory of Law, State and Judiciary, Russian State University of Justice, Doctor of Law, Professor, Honored Worker of the Higher School of the Russian Federation (Moscow, Russia)

Shutak I. D., Professor of the Department of Theory and History of State and Law of Ivano-Frankivsk University of Law named after the King Daniel of Galicia (Ukraine), Head of the Laboratory of academic researches in the area of legal regulation and legal technique, Doctor of Legal Sciences, Professor (Ivano-Frankivsk, Ukraine)

Schendrigin E. N., Head of the Department of organisations of law-enforcement activity of Orel State University, Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Jurist of the Russian Federation (Orel, Russia)

Editorial office address: 114, bldg. 1, Letter Б, Veteranov Ave., 198261, Saint Petersburg.

The authors are responsible for accuracy and reliability of the information in the published articles. Full or partial reprinting of materials and use of them in any form, including electronic media, is allowed only with the written permission of the editorial office of the journal.

© Legal science: history and the presence, 2018

© Foundation for support of science and education in the area of law enforcement activities «University», 2018

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Сальников В.П., председатель редакционного совета журнала «Юридическая наука: история и современность», доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации (Санкт-Петербург, Россия)

Александров А.И., первый заместитель председателя Комитета Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации по конституционному законодательству и государственному строительству; член бюро Президиума Ассоциации юристов России; заведующий кафедрой уголовного процесса и криминалистики Санкт-Петербургского государственного университета, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации (г. Москва, Россия)

Алекс-дель-Кармен, доктор, заведующий кафедрой и профессор департамента криминологии и уголовного правосудия, Университет Техаса в Арлингтоне (США)

Баранов В.М., помощник начальника Нижегородской академии МВД России по инновационному развитию научной деятельности; главный редактор ВАКовского журнала "Юридическая наука и практика. Вестник Нижегородской академии МВД России»; председатель докторского диссертационного совета Д-203.009.01 по специальностям 12.00.01, 12.00.08, 12.00.09 по присуждению ученой степени доктора юридических наук, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки Российской Федерации (г. Нижний Новгород, Россия)

Бондарь Н.С., Судья Конституционного Суда Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, Заслуженный юрист Российской Федерации (г. Санкт-Петербург, Россия)

Василевич Г.А., заведующий кафедрой конституционного права Белорусского государственного университета; председатель Конституционного суда Республики Беларусь (1997-2008 гг.); Генеральный прокурор Республики Беларусь (2008-2011 гг.); доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист республики Беларусь (Минск, Республика Беларусь)

Исмагилов Р.Ф., депутат Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации первого созыва; вице-губернатор Ленинградской области; Президент и Председатель Совета Ленинградской Торгово-промышленной палаты (1997-2014 гг.), доктор юридических наук, профессор (г. Санкт-Петербург, Россия)

Карташов В.Н., заведующий кафедрой теории и истории государства и права Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации (г. Ярославль, Россия)

Козюбра Н.И., заведующий кафедрой общетеоретических и государственно-правовых наук Национального университета «Киево-Могилянская Академия»; судья Конституционного Суда Украины (1996-2003 г.г.), доктор юридических наук, профессор, академик, Заслуженный юрист Украины (г. Киев, Украина)

Майкл Болтон, доктор, профессор уголовного правосудия, Мэримаунт университет, Арлингтон, Вирджиния (США)

Молдабаев С.С., профессор Евразийской юридической академии им. Д.А. Кунаева, доктор юридических наук, профессор (г. Астана, Республика Казахстан)

Романовская В.Б., заведующая кафедрой теории и истории государства и права Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского (Национального исследовательского университета), доктор юридических наук, профессор (г. Нижний Новгород, Россия)

Рональд Свон, доктор философии в юриспруденции «PhD», член редколлегии журнала «Западное уголовное правосудие»; член редколлегии журнала «Форум руководящих работников правоохранения» (США)

Степашин С.В., сопредседатель Общероссийской общественной организации «Ассоциация юристов России»; председатель наблюдательного совета государственной корпорации – Фонда содействия реформированию жилищно-коммунального хозяйства; народный депутат РСФСР, Председатель Комитета Верховного Совета Российской Федерации по вопросам обороны и безопасности (1990 – 1993 гг.); первый заместитель Министра безопасности, Директор Федеральной службы контрразведки, Директор Федеральной службы безопасности, Министр юстиции, Министр внутренних дел России (1993 – 1998 гг.); Первый заместитель Председателя Правительства Российской Федерации – Министр внутренних дел, Председатель Правительства Российской Федерации (1999 год); депутат Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации, председатель Комиссии по борьбе с коррупцией (1999 г.); Председатель Счетной палаты Российской Федерации (2000-2013 гг.), доктор юридических наук, кандидат исторических наук, профессор, Почетный доктор Дипломатической Академии МИД (г. Москва, Россия)

Хабибулин А.Г., заведующий кафедрой финансовых и экономических расследований, профессор кафедры теории государства и права и политологии юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, доктор юридических наук, профессор (г. Москва, Россия)

Экимов А.И., заведующий кафедрой теории и истории государства и права Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова, профессор кафедры теории и истории государства и права РУДН (Российский университет дружбы народов), доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации (г. Москва, Россия)

EDITORIAL BOARD

Sal'nikov V.P., Chairman of the editorial team of the journal "Legal science: history and the present", Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Worker of Science of the Russian Federation, Honored Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation (Saint Petersburg, Russia)

Aleksandrov A.I., Deputy Chairman of the Committee of The Council of Federation of the Federal Assembly of the Russian Federation for constitutional legislation, legal and judicial issues, development of civil society, Head of the Department of Criminal Procedure and Criminalistics of St. Petersburg State University, Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Jurist of the Russian Federation (Moscow, Russia)

Alex del Carmen, Doctor, Head of a chair an Professor of the Department of Criminology and Criminal Justice, The University of Texas at Arlington (USA)

Baranov V.M., Assistant Chief of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation for innovative development of research activities; Editor-in-Chief of the journal of the State Commission for Academic Degrees and Titles «Legal science and practice. Bulletin of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation»; Chairman of Doctoral Dissertation Council Д-203.009.01 for disciplines 12.00.01, 12.00.08, 12.00.09 on award of the degree of Doctor of Legal Sciences, Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Worker of Science of the Russian Federation (Nizhny Novgorod, Russia)

Bondar' N.S., Judge of the Constitutional Court of the Russian Federation, Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Worker of Science of the Russian Federation, Honored Jurist of the Russian Federation (Saint Petersburg, Russia)

Vasilevich G.A., Head of the Constitutional Law Department of the Belarusian State University; Chairman of the Constitutional Court of the Republic of Belarus (1997-2008); Prosecutor General of the Republic of Belarus (2008-2011); Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Jurist of the Republic of Belarus (Minsk, Republic of Belarus)

Ismagilov R.F., Member of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation of the first convocation; Vice-Governor of the Leningrad Region; President and Chairman of the Leningrad Chamber of Commerce (1997-2014), Doctor of Legal sciences, Professor (Saint Petersburg, Russia)

Kartashov V.N., Head of the Department of Theory and History of State and Law of Yaroslavl Demidov State University, Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Worker of Science of the Russian Federation, Honored Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation (Yaroslavl, Russia)

Kozyubra N.I., Head of the Department of General-Theoretical and State-Legal sciences of the National University of «Kyiv Mohyla Academy»; judge of the Constitutional Court of Ukraine (1996-2003), Doctor of Legal Sciences, Professor, Academician, Honored Jurist of Ukraine (Kyiv, Ukraine)

Michael Bolton, Doctor, Professor of Criminal Justice, Marymount University, Arlington, Virginia (USA)

Moldabayev S.S., Professor of the Eurasian Law Academy D.A. Kunaev, Doctor of Legal Sciences, Professor (Astana, Republic of Kazakhstan)

Romanovskaya V.B., Head of chair of the theory and history of state and law of N.I. Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod (National Research University), Doctor of Legal sciences, Professor (Nizhny Novgorod, Russia)

Ronald Swan, PhD in Law, member of the editorial team of the journal «Western criminal justice»; member of the editorial team of the journal «Law Enforcement Executive Forum» (USA)

Stepashin S.V., Co-Chairman of the All-Russian public organization «Association of Lawyers of Russia»; Chairman of the supervisory board of the state-owned corporation – Support Fund for the Reform of the Housing and Utilities Sector; People's Deputy of the RSFSR, Chairman of the Committee of the Supreme Soviet of the Russian Federation for the Issues of Defence and Security (1990 – 1993); First Deputy Minister of Security, Director of Federal Counterintelligence Service, Director of Federal Security Service, Minister of Justice, Minister of Internal Affairs of Russia (1993 – 1998); First Deputy Chairman of the Government of the Russian Federation – Minister of Internal Affairs, Chairman of the Government of the Russian Federation (1999); Deputy of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation, Chairman of Anti-Corruption Commission (1999); Chairman of the Accounts Chamber of the Russian Federation (2000-2013), Doctor of Legal Sciences, Candidate of Historical Sciences, Professor, Honorary Doctor of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation (Moscow, Russia)

Khabibulin A.G., Head of the Department of Financial and Economic Investigations, Professor of the Department of Theory of State and Law and Political Science of the Faculty of Law of Lomonosov Moscow State University, Doctor of Legal Sciences, Professor (Moscow, Russia)

Ekimov A.I., Head of the Department of Theory and History of State and Law of Plekhanov Russian University of Economics, Professor of the Department of Theory and History of State and Law of the Peoples' Friendship University of Russia, Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Jurist of the Russian Federation (Moscow, Russia)

ОГЛАВЛЕНИЕ

Теория и история права и государства. История учений о праве и государстве

Гутман М.Ю., Кудин В.А., Сальников В.П. Руководители полиции Санкт-Петербурга – столицы Российской империи (1718 – 1779 гг.) 11

Рассказов В.Л. Организация деятельности общей полиции по борьбе с преступностью (вторая половина XIX в. – 1908 г.) 40

Емелин С.М., Хакимов С.Х. Эволюция полицейских функций воевод и комендантов в Российской империи в XVIII в. (историко-правовой аспект) 54

Литвинов Н.Д., Журавель В.П. Чигиринское восстание, как форма Европейской гибридной войны на территории России. 1876-1877 гг. 64

Конституционное и муниципальное право. Конституционный судебный процесс. Административное право и административная деятельность

Кайнов В.И., Богданов М.Н., Егоров А.М. Рассмотрение судами Псковской области жалоб и заявлений граждан во второй половине 1980-х – начале 1990-х гг. (историко-правовой аспект) 86

Гражданское и семейное право. Предпринимательское и международное частное право. Гражданский и арбитражный процесс

Артамонова Г.К., Лысова Г.К. Формальные условия заключения брака: место и процедура подачи заявления 95

Трудовое право и право социального обеспечения. Земельное, природоресурсное и аграрное право. Экологическое право и охрана окружающей среды. Корпоративное и энергетическое право. Информационное право. Законодательная деятельность и правоприменительный процесс

Таймасханова А.Б. Субъективное вменение по делам о незаконном предпринимательстве: правоприменительная практика и необходимость законодательных изменений 103

Уголовное право и криминология. Уголовно-исполнительное право. Уголовный процесс. Криминалистика, судебно-экспертная деятельность и оперативно-розыскная деятельность

Безрядин В.И. Актуальные проблемы института уголовного преследования в современном российском досудебном уголовном судопроизводстве (некоторые проблемные вопросы) 108

Внуков А.В., Внукова Д.Р. Следственные действия в российском уголовном процессе. Лекция 117

Епифанов Б.В. Субъективная сторона преступления. Лекция 138

Финансовое и бюджетное право. Банковское и валютное право. Налоговое право

Федченко К.И. Проблемы формирования справедливой рыночной цены в государственных закупках 161

Судебная и прокурорская деятельность. Правозащитная и правоохранительная деятельность. Адвокатура и нотариат

Брылева Е.А., Сальников М.В. Особенности международного сотрудничества государств в сфере исполнения уголовных наказаний в конце XIX – начале XX веков 165

Исакович А.С., Коряковцев В.В. Первая женщина-адвокат в России Екатерина Абрамовна Флейшиц 171

Ботлунг И.И. Особенности участия адвоката-представителя в административном судопроизводстве 176

Международные отношения и внешняя политика. Международное и европейское право. Иностранное право

Дашин А.В. Предпосылки возникновения арабских государств на территории Средневекового Египта 180

Хачатуров Р.Л. Юридическая ответственность в соционормативной системе стран Древнего Востока 183

Философия права. Правовая культура и правосознание. Социология права и юридическая психология

Прокофьев К.Г., Сальников В.П., Поливко Е.А. Дж. Ролз о праве и морали: опыт преодоления юридического позитивизма 187

Информация для авторов 192

CONTENTS

Theory and history of law and state. History of law and state doctrines

Gutman M. Yu., Kudin V.A., Sal'nikov V.P. The leaders of the police of St. Petersburg – the capital of the Russian Empire (1718 – 1779) 11

Rasskazov V.L. Organization of the activities of the general police in the fight against crime (the second half of the XIX century – 1908) 40

Emelin S.M., Khakimov S.H. Evolution of policeman functions of vouvodes and commanders in the Russian empire in the XVIIITH century (historical and legal aspect) 54

Litvinov N.D., Zhuravel V.P. Chigirinskoe uprising as a form of European hybrid war in Russia. 1876-1877 64

Constitutional and municipal law. Constitutional litigation. Administrative law and administrative activities

Kainov V.I., Bogdanov M.N., Egorov A.M. Consideration by courts of the Pskov region of complaints and statements of citizens in the second half of the 1980s – early 1990s. (historical and legal aspect) 86

Civil and family law. Business and private international law. Civil and arbitration proceedings

Artamonova G.K., Lysova G.K. Formal conditions of marriage: place and application procedure 95

Labour relations law and law of social security. Land, natural resources and agrarian law. Environmental law and environment protection. Corporate and energy law. Information law. Legislation and enforcement process

Taymaskhanova A.B. Subjective imputation in cases of illegal business: law enforcement practice and the need for legislative changes 103

Criminal law and criminology. Criminal executive law. Criminal procedure. Criminalistics, judicial expert and operational investigative activities

Bezryadin V.I. Actual problems of the institute of criminal prosecution in modern Russian pre-trial criminal proceedings (some problematic issues) 108

Vnukov A.V., Vnukova D.R. Investigative actions in the Russian criminal process. Lecture 117

Epifanov B.V. The subjective side of the crime. Lecture 138

Finance and budget law. Banking and monetary law. Tax law

Fedchenko K.I. Problems of fair market pricing in government procurement 161

Judicial and procuracy activities. Human rights and law-enforcement activities. Advocacy and notary system

Bryleva E.A., Sal'nikov M.V. Features of international cooperation of States in the field of the execution of criminal sentences in the late XIX – early XX centuries 165

Isakovich A.S.
Koryakovtsev V.V. First female lawyer in Russia Ekaterina Abramovna Fleischits 171

Botlung I.I. Features of the participation of a lawyer-representative in administrative proceedings 176

International relations and foreign policy. International and European law. Foreign law

Dashin A.V. The emergence of the Arab states in the territory of medieval Egypt..... 180

Khachaturov R.L. Legal responsibility in the system of normative regulation of the ancient Eastern countries 183

Legal philosophy. Legal culture and legal consciousness. Sociology of law and legal psychology

Prokofiev K.G.,
Sal'nikov V.P.,
Polivko E.A. J. Rawls on law and morality: the experience of overcoming legal positivism..... 187

Information for the authors..... 192

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА. ИСТОРИЯ УЧЕНИЙ О ПРАВЕ И ГОСУДАРСТВЕ

ГУТМАН Матвей Юрьевич,
профессор кафедры философии и социологии Санкт-Петербургского университета МВД России, доктор юридических наук, кандидат исторических наук, профессор, Заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, Почётный председатель Региональной общественной организации ветеранов Санкт-Петербургского университета МВД России, полковник милиции (г. Санкт-Петербург, Россия)
E-mail: mygutman@gmail.com

КУДИН Василий Анатольевич,
ректор Водной академии, кандидат юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации, генерал-лейтенант полиции (г. Санкт-Петербург, Россия)

САЛЬНИКОВ Виктор Петрович,
главный редактор журнала «Юридическая наука: история и современность», доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, Почетный сотрудник МВД России, генерал-лейтенант милиции (г. Санкт-Петербург, Россия)
E-mail: Fonduniver@bk.ru

Специальность 12.00.01 – Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве

РУКОВОДИТЕЛИ ПОЛИЦИИ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА – СТОЛИЦЫ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ (1718 – 1779 гг.)

Аннотация. *Проводится социологический анализ круга лиц, занимавших должность руководителей Санкт-Петербургской полиции. Рассматриваются их краткие биографические характеристики, закономерности, лежавшие в основе назначения их руководителями полиции, время пребывания в должности, их личные качества и дальнейшие судьбы.*

Ключевые слова: *начальники полиции Санкт-Петербурга; Российская империя; общественный порядок; генерал-полицмейстер.*

GUTMAN M. YU.
KUDIN V.A.
SAL'NIKOV V.P.

THE LEADERS OF THE POLICE OF ST. PETERSBURG – THE CAPITAL OF THE RUSSIAN EMPIRE (1718 – 1779)

The summary. *A sociological analysis of the circle of persons holding the position of the leaders of the St. Petersburg police is being conducted. Their brief biographical characteristics of the laws underlying the appointment of their heads of police, the time spent in office, their personal qualities and further fate are considered.*

Key words: *police chiefs of St. Petersburg; Russian empire; public order; Chief Police Officer.*

Общественный порядок – это сложившаяся в обществе система отношений между людьми, правил взаимного поведения и общежития, регулируемых действующим законодательством, обычаями, традициями и нравственными нормами. К сожалению, в истории человечества еще не было обществ, в которых бы не нарушались человеческие взаимоотношения, не совершались правонарушения, отсутствовала преступность. Именно поэтому охрана общественного порядка и борьба с преступностью является одной из важнейших функций любого государства. Для её реализации создаются правоохранительные органы, которые обеспечиваются соответствующей обстановке материально-технической базой, специально подготовленными кадрами, от знаний, умений и навыков которых зависит уровень обеспечения общественного порядка. В процессе выполнения возложенных на правоохранительные органы задач, по мере накопления практического опыта формируется определённый слой сотрудников экстра-класса, которые успешно решают возложенные на них задачи, передают свой опыт товарищам, переходят на другие, более сложные участки работы.

В представляемой работе, подготовленной на основе научной литературы, документальных источников, архивных материалов, воспоминаний современников и Интернет-ресурсов авторы предприняли попытку обобщить 300-летний опыт подбора, назначения и перемещения руководителей полиции (милиции) Санкт-Петербурга и Ленинградской области (с 1924 г.) и проиллюстрировать его в серии статей.

Санкт-Петербург был и остаётся крупнейшим экономическим, промышленным, военным, культурным и научным центром Северо-Запада России, он с гордостью носит неофициальное звание «культурной столицы» современной России. Поэтому опыт подбора, назначения и перемещения руководителей полиции (в 1917-2011 гг. – милиции), имеющей славные боевые, служебные и трудовые традиции, имеет непреходящее значение.

В истории города были и героические и трагические страницы. Одной из них является 900-дневная фашистская блокада в период Великой Отечественной войны 1941–1945 годов. Город-фронт выстоял, победил, стал городом-героем. В город на Неве никогда не вступала нога врага. Поэтому очень высока, почетна и ответственна задача поддержания общественного порядка в Санкт-Петербурге [8; 9; 10; 11].

Авторы попытались найти и обобщить информацию обо всех руководителях полиции (милиции) Северной столицы. Основная задача, которую они поставили перед собой, – выявить закономерности, лежавшие в основе назначения их руководителями полиции, время пребывания в должности, их дальнейшие судьбы, окончившиеся для одних трагически, для других – блестящей карьерой, одобрением их деятельности и всеобщим признанием заслуг. К сожалению, нам не удалось собрать в одинаковой мере материала по всем руководителям. О большинстве из них имеются достаточно полные данные, о многих эти сведения носят отрывочный характер, о некоторых есть лишь упоминания, что они были руководителями полиции в определенное время. Наиболее полные сведения есть о руководителях полиции Санкт-Петербурга, значительно меньше о руководителях полиции Ленинградской области.

Известно, что за 300-летний период существования полиции Санкт-Петербурга и Ленинградской области проводилось множество её структурных реорганизаций. Изменялись и наименования этих должностей: генерал-полицмейстер, обер-полицмейстер, градоначальник, начальник милиции, начальник ГУВД и начальник ГУ МВД по Санкт-Петербургу и Ленинградской области.

В отдельные периоды был один руководитель полиции, который осуществлял руководство

полицией города и области (1718 – 1766 гг.; 1881 – 1917; 1921 – 1935 гг. и др.). В 1935 – 1939 гг. у начальника УНКВД Ленинградской области был заместитель по милиции, начальник милиции Ленинградской области. С 1939 и по 1956 гг. у начальника УМВД Ленинградской области было 2 заместителя по милиции – начальник милиции Ленинграда и начальник милиции Ленинградской области. В 1962 – 1969 гг. у начальника УМВД области были только заместители по милиции, начальники милиции города Ленинграда.

И еще одно замечание. Среди руководителей милиции в Советское время, были те, кто оставил о себе достойную память, кем мы можем гордиться, чей опыт работы должен изучаться, кто в сложнейшее время успешно выполнял свои обязанности. Но на этом посту в период «большого террора» в 1930-е годы были и активные участники репрессий, которые фабриковали дела на невинных людей, являлись «кольщиками» с применением мер физического воздействия. Но объективность требует, чтобы и они были представлены в наших статьях.

С момента образования первых министерств в Российской империи, в том числе и Министерства внутренних дел (1802 г.), на должности министров внутренних дел назначались разные руководители [5; 29], почти от каждого из них в какой-то степени зависела деятельность руководителя полиции, о которых идет речь в материалах. Данное обстоятельство тоже нельзя игнорировать.

Функции полиции, определённые Петром I, вначале были чрезвычайно широкими – не только административные и сыскные, но и судебные, финансовые и хозяйственные, то есть полиция отвечала буквально за все сферы жизни столицы. Однако постепенно её функции сужались, всё более и более сосредотачиваясь на охране общественного порядка и борьбе с преступностью.

В связи с тем, что мы подвергли анализу не многообразную деятельность руководителей полиции, а их личные качества, то в представленной работе мы называем их согласно занимаемой должности: генерал-полицмейстер, обер-полицмейстер, градоначальник, начальник полиции (милиции) города и области (губернии), руководитель полиции (милиции), и соответствующим чинам и званиям.

Всего на постах руководителей полиции (милиции) Санкт-Петербурга, Петрограда, Петрограда и Петроградской губернии, Ленинграда, Санкт-Петербурга и Ленинградской области за три столетия работали, по нашим подсчётам, 110 человек: от первого – генерал-полицмейстера – Антона Мануиловича Дивиера до сегодняшнего руководителя Главного управления МВД России по Санкт-Петербургу и Ленинградской области генерал-лейтенанта полиции Сергея Павловича Умнова*.

Руководители полиции (милиции) находились на этих должностях различное количество лет. Более 10 лет руководили полицией (милицией) Российской империи, Советского Союза и Российской Федерации А.Д. Татищев (1745–1760 гг.), И.И. Чичерин (1764–1777 гг.), Н.И. Рылеев (1784–1793 гг.), И. С. Горголи (1811–1821 гг.); С.А. Кокошкин (1830–1847 гг.); П.А. Грессер (1882–1892 гг.); А.И. Соколов(1962–1972 гг.) и В.И. Кокушкин (1972–1983 гг.) Ряд руководителей находились на этом посту менее года и освобождались от должности по самым различным причинам. Это Я.П. Шаховский, А.С. Шульгин, Ф.Д. Медведь, Н.М. Баранов, К.Е. Ворошилов, Е.С. Лагуткин, М.А. Суходольский и др., всего 27 чел. (24,50%).

Во время службы руководителей полиции Санкт-Петербурга – Петрограда – Ленинграда – Санкт-Петербурга внутренняя и международная обстановка была различной. Одни служили в относительно спокойное время, другие в условиях войны, третьи во времена бурных революционных событий, четвёртые – в условиях перехода от одной общественно-политической парадигмы к другой. Всё это требовало от них значительного умственного и физического напряжения, быстрого принятия решений, умения рационально использовать чрезвычайно ограниченные материальные и людские ресурсы.

Одни пришли на эти должности, имея большой опыт государственной и военной службы, другие его вообще не имели, многие назначались с этих должностей на высокие посты в армии и государстве, кто-то на время покидал этот пост, чтобы через некоторое время снова занять его, третьи уходили с этих должностей в отставку, трое ушли из жизни, находясь на посту… Были и такие, кого увольняли за упущения в работе.

Были и другие причины, влиявшие на продолжительность пребывания на этом важном для

государства посту. Имели место, особенно в 30-е годы XX столетия, случаи ложных обвинений в различных тяжких преступлениях, в результате чего руководители органов милиции были репрессированы, а затем расстреляны или сгинули в гулаговских застенках: В.С. Шатов, И.П. Рекстин, В.А. Кишкин, Ф.Д. Медведь и др. Большинство из них были реабилитированы посмертно.

Были среди руководителей полиции и те, кто запятнал себя преступлениями, связанными с проведением репрессий, фальсификации политических дел, которых, как правило, и самих не миновала «плаха». Это С.Г. Жупахин, Я.С. Агранов, Л.М. Заковский, М.И. Литвин и др.

Авторы не ставят перед собой задачу рассмотреть деятельность и судьбы руководителей полиции (милиции) Санкт-Петербурга и Ленинградской области за все 300 лет её существования. Цель работы более скромна: провести социологический анализ круга лиц, занимавших эту должность, сформулировать предложения по качествам, которыми должен обладать кандидат на неё, определить целесообразный период времени исполнения этих обязанностей, а также дать краткую характеристику руководителям, которые должны занять достойное место в истории Санкт-Петербурга нашего города и Российского государства.

Вместе с тем, среди рассматриваемой категорией сотрудников правоохранительной системы были личности совершенно заурядные, но были и те, кто многое сделал для укрепления правопорядка, кто пользовался доверием граждан, был уважаем, кто своим трудом заслужил звание Почётного гражданина города. Эти сведения помещены в кратких биографических справках.

Несколько предварительных замечаний.

1) В прилагаемом списке руководителей полиции, построенном в хронологическом порядке, указано 110 человек, но фактически их было меньше. Дело в том, что некоторые из руководителей назначались на эти должности не один раз. А. М. Девиер был дважды генерал-полицмейстером Санкт-Петербурга, дважды был начальником УНКВД Ленинграда и Ленинградской области и И.С. Шикторов. Начальником милиции Ленинградской области, а затем начальником милиции Ленинграда был комиссар милиции 2 ранга Е.С. Грушко. Дважды, хотя и на небольшой период времени, назначался на должность начальника милиции Ленинграда генерал-лейтенант Г.А. Степанов.

В 1760–1764 гг. одновременно было два генерал-полицмейстера. Н. А. Корф, находившийся в должности с 1760 по 1764 гг., и многократно отвлекавшийся от должности для выполнения различных поручений монарха. В этой связи в помощь Корфу в 1762 г. генерал-полицмейстером Санкт-Петербурга был назначен И. И. Юшков. Таким образом, Н.А. Корф и И.И. Юшков с 1762 по 1764 гг. были генерал-полицмейстерами столицы России.

Трое руководителей полиции некоторое время были исполняющими обязанности: П. В. Лопухин исполнял обязанности обер-полицмейстера в 1782 г. менее 1 года, И. И. Бларамберг с января 1856 по февраль 1857 гг.

Всего 8 дней исполнял должность начальника УНКВД Ленинграда и Ленинградской области Я. С. Агранов. Он прибыл в Ленинград вместе с И.В. Сталиным для руководства следствием по делу об убийстве С. М. Кирова 1 декабря 1934 г. Но и за столь короткое время Агранов успел изломать судьбы тысяч ленинградцев.

В связи с тем, что некоторые руководители полиции (милиции) исполняли обязанности менее года, их период пребывания в должности указывается с какого дня и месяца они находились на этом посту, во всех других случаях указываются только годы.

2) В предвоенные годы и в период Великой Отечественной войны проводились определённые реорганизации системы НКВД и НКГБ СССР. Определённое время они являлись единой структурой, в другое время действовали как самостоятельные ведомства. Изменялось и положения города. В 1919 г. Петроград находился на осадном положении. В годы Великой Отечественной войны до 8 сентября 1941 г. Ленинград был прифронтовой городом. С 8 сентября 1941 г. до 18 января 1943 г. находился в фашистской блокаде. Только 27 января 1944 г. были полностью освобождены от фашистской блокады Ленинград и Ленинградская область. Всё это требовало внесения соответствующих изменений и в структуру УНКВД Ленинграда. Так, проводилось объединение милиции города и области, затем их разделение, хотя они тесно взаимодействовали [1; 17; 24; 25; 31; 34; 38; 40; 44; 45].

Следует заметить, что в периоды объединения начальники милиции города находились в подчинении УНКВД по Ленинграду и Ленинградской области (ЛО), согласовывая свою деятельность с руководством данного Управления. В связи с этим авторы полагают правильным включить в проводимый анализ как начальников УНКВД СССР по Ленинграду и Ленинградской области, их заместителей – помощников начальников Управления по милиции – начальников милиции Ленинградской области, и начальников милиции Ленинграда УНКВД СССР по Ленинграду и Ленинградской области.

3) Для выявления закономерностей и особенностей кадровой политики по отношению к руководителям полиции (милиции) Санкт-Петербурга – Петрограда – Ленинграда – Санкт-Петербурга весь рассматриваемый исторический отрезок времени авторы разделили на три периода.

I. Дореволюционный период, с 1718 г. – с создания Российской полиции и назначение её первого руководителя – генерал-полицмейстера А.М. Девиера до 28 февраля 1917 г. – Февральской революции в России [26] и от Февраля 1917 г. – к Октябрю, до победы Великой Октябрьской социалистической революции.

II. Советский период, с октября 1917 г. до 1991 г. – перехода страны к новой общественно-политической парадигме [27]. В этом чрезвычайно сложном этапе выделено два временных отрезка:

1) с октября 1917 г. до 1945 г., т.е. от установления Советской власти в Петрограде [13] до Победы в Великой Отечественной войне. Это время непосредственно связано с социалистическим переустройством общества, продолжавшейся классовой борьбой, установлением тоталитарного государства и сращиванием государственного и партийного аппаратов, репрессиями 1920–1930-х гг., возраставшими внешними угрозами безопасности страны, требовавшими огромных материальных затрат. Особенности на формирование руководящих кадров милиции наложила тяжелейшая в мировой истории Великая Отечественная война 1941 – 1945 гг., последствия которой сказывались еще многие годы [4; 15; 16; 18; 23; 37; 41; 43];

2) от Победы советского народа над фашизмом в Великой Отечественной войне в 1945 г. до 1991 г. Это годы восстановления разрушенного войной народного хозяйства, ослабления тоталитарного режима, развития, апогея, а затем застоя, кризиса и распада СССР.

III. Россия в постсоветский период. С 1991 г. по настоящее время.

В статье все календарные даты до 1 января 1918 года приведены по юлианскому календарю, с 14 февраля 1918 года – по грегорианскому.

Данной статьей мы начинаем публикации, посвященные руководителям полиции Санкт-Петербурга и Ленинградской области: историко-социологический обзор (1718-2018 гг.). Здесь предлагается первая статья, охватывающая период с 1718 по 1779 год.

В XVII – начале XVIII вв. экономическое и культурное развитие России сдерживалось из-за отсутствия выходов к морям, что побуждало её правителей принимать меры по решению этой проблемы. Попытки получить выход в Чёрное море в конце XVII в. закончились неудачей, и в начале XVIII в. Петр I переориентировал свою внешнюю политику на Северо-Запад – на борьбу со Швецией за выход к Балтийскому морю. Победа в Северной войне (1700–1721 гг.) позволила создать необходимые условия для строительства города и его защиты. Было прорублено и «окно» в Европу.

Император Пётр I (1762 – 1725)

27 мая 1703 г. царь Петр I на отвоеванных у шведов землях заложил крепость, названную им Санкт-Питер-Бурх в честь святого апостола Петра. Документы свидетельствуют о том, что он сразу же принял решение перенести столицу империи из Москвы в этот строящейся новый город. Так, в 1704 г., находясь на Олонецких верфях, он написал письмо Д.А. Меншикову, в котором сообщал, что вскоре прибудет в Петербург. «Мы чаем кончая во втором или третьем числе будущего месяца отсель поехать, и чаем, аще бог изволит, в три дни или четыре быть в столицу (Питербурх)».

Во многих источниках перенос столицы из Москвы в Санкт-Петербург датируется 1712 годом, так как к этому времени в город на Неве переехал царский двор, высшие чиновники и сенаторы, иностранные посольства и ряд государственных служб.

Новый город быстро застраивался. Для поддержания высоких темпов его строительства в Петербург ежегодно направляли до 40 тысяч «работных людей», переселяли на постоянное место жительства множество мастеровых, ремесленников и купцов. Недаром говорят: «Москва создана веками, Петербург – миллионами!» [19].

Строительство города и постоянные войны требовали огромных средств и людских ресурсов. Тяжелый подневольный труд, бытовая неустроенность, скудное питание, неблагоприятный климат и другие причины приводили к быстрому истощению людских ресурсов, к неповиновению властям. И, несмотря на это, население Санкт-Петербурга быстро росло и было довольно пёстрым: рабочие и мастеровые, солдаты и торговцы, иностранные шкиперы и матросы, колодники и разнообразный сброд, искавший и заработка и наживы. В таких условиях обычным явлением были пьянство, воровство, процветали насилие и грабежи.

Условия, в которых шло строительство города, требовали наведения и поддержания общественного порядка, усиления борьбы с преступностью.

Следует отметить, что ко времени основания Санкт-Петербурга (16 мая 1703 г.) в России уже был накоплен некоторый опыт организации охраны общественного порядка и разработана определённая нормативно-правовая база его регулирования. Согласно Наказам Ярославскому (от 13 октября 1698 г.), Новгородскому (от 28 декабря 1699 г.), Астраханскому (от 30 мая 1700 г.) и Владимирскому (от 21 февраля 1701 г.) воеводам предписывалось организовать внешнюю круглосуточную охрану городов. Смотреть, «чтобы ни где разбою и татьбы, и душегубства и иного никакого воровства и корчмы, и зерни и табаку не было». Также предписывалось соблюдать противопожарную безопасность, особенно в летнее время. Всем, прибывшим в город, предписывалось обязательно регистрироваться в Приказной избе; а если «буде моровое поветрие» (имелись в виду частые тогда вспышки эпидемий, косившие тысячи людей – авт.), то организовывать заставы на всех дорогах.

Воеводы для охраны «от огня и всякого воровства», и военной работы были обязаны направлять круглосуточные подвижные наряды, сформированные из рассольников, стрельцов и пушкарей [22]. В Наказах также подчёркивалось, что наказывать людей за правонарушения следует по законам: совершивших преступление «имать и расспрашивать и про них сыскивать, и учинить им по Соборному Уложению, кто чего доведётся» [39, стр. 2].

Таким образом, создаваемая полиция должна была заниматься раскрытием и предупреждением преступлений и охраной общественного порядка. Кроме этого, полиции были переданы

судебные, финансовые и хозяйственные функции. В её компетенцию входило наблюдение за возводимыми в городе постройками (их соответствие генеральному плану), за исправностью обывательских печей, за торговлей съестными припасами, за санитарным состоянием богоугодных заведений и больниц, за исправностью дорог и мостов, за чистотой улиц, за устройством городских кладбищ. Полиция должна была принимать меры по недопущению распространения эпидемий, бороться с лихачами-извозчиками, пресекать нищенство, тушить пожары, преодолевать последствия стихийных бедствий и т.п. Одновременно полиция обладала правом определять меру наказания, минуя суд.

В такой сложной обстановке формировалась полиция Санкт-Петербурга и осуществлялась деятельность её руководителей. Безусловно, все проблемы, возникавшие в новой столице государства, в определённой степени оказывали влияние и на состав полиции, и на работу её руководителей.

Как известно, одним из сподвижников Петра I, активно участвовавшим в строительстве новой столицы, в поддержании в городе общественного порядка и в борьбе с преступностью, многие годы был Александр Данилович Меншиков (1673–1729), который к этому времени уже имел большой опыт государственной и административной работы [52]. Он участвовал с государем в Азовском походе, за границей работал с царём на корабельных верфях, принимал участие в расправах с участниками стрелецкого бунта. Его военный талант особенно ярко проявился в ходе Северной войны 1700–1721 гг.

До введения должности генерал-полицмейстера А.Д. Меншиков, по существу, выполнял перечисленные ранее обязанности, возложенные на воевод. Петр I высоко оценивал способности своего сподвижника, осыпал его наградами: Меншиков стал графом и князем Римской Империи, Светлейшим герцогом Ижорским, фельдмаршалом.

При Меншикове в организации охраны общественного порядка произошли серьёзные изменения. Опыт организации и деятельности полиции в Москве не мог быть взят за основу организации полиции в новой столице, так как к этому времени были выявлены его существенные недостатки: деятельность полиции была односторонней и заключалась лишь в обеспечении безопасности. «Забота же об общественном благе сферы полицейской компетенции почти не касалась». Также была явно несовершенна её нормативная база, мала численность личного состава и др. [39].

Петр I не только внимательно наблюдал за строительством полиции и её деятельностью в столице – он многое сделал для её создания и разработки её нормативной базы. Строительство полиции в городе осуществлялось по образцу немецких городов, однако при этом учитывались российские особенности. Первоначально из гарнизона «были избраны офицеры, которым было поручено смотреть за целыми слободами или отдельными улицами». В их подчинении находились десятские и сотские, назначенные из обывателей, обязанности которых заключались в надзоре за определённым количеством дворов [22].

Великий Пётр смог начать создание мощной законодательной базы, развивающейся Российской империи, охватывающей чуть ли не все стороны ее жизни и деятельности [20; 21; 36]. В этом ему помогали сподвижники, в том числе и А.Д. Меншиков.

Но А.Д. Меншиков имел и пороки. Так, борясь с коррупцией, он сам был не прочь «заглянуть в казну». В мае 1724 г. за злоупотребления должностью Пётр I лишил Меншикова всех должностей, в том числе и должности генерал-губернатора Санкт-Петербургской губернии. Однако в январе 1725 г. умиравший монарх допустил А.Д. Меншикова к своему смертному одру, что было расценено как прощение.

После смерти Петра I Меншиков способствовал восшествию Екатерины I на престол, благодаря чему в течение 1725-1727 годов он был фактическим правителем России. В 1727 г. ему было присвоено звание генералиссимуса. Однако в сентябре 1727 г., после смерти Екатерины I, он подвергся опале, был лишён имущества, званий, наград и сослан с семьёй в Сибирь, где через два года умер.

Но и после смерти Петра I, поиски решения проблем организации охраны общественного порядка в Санкт-Петербурге, продолжались. Её организаторы учитывали, что город строится по типу благоустроенных европейских городов, знали, что он систематически подвергается наводнениям, и, конечно, что Санкт-Петербург стал новой столицей Российского государства и должен привлекать к себе внимание «соседей»

не только красотой и изяществом, но и твердым общественным порядком, низким уровнем преступности. Ведь уже через 100 лет, писал А.С. Пушкин: «В гранит оделася Нева, мосты повисли над водами, великолепными садами её покрылись берега».

В соответствии с задачами полиции по обеспечению общественного порядка в городе Санкт-Петербурге и Петербургской губернии подбирались и её руководители. Во многих случаях этот подбор был удачным, руководящий состав справлялся со своими обязанностями, но нередко на эти должности попадали и весьма заурядные личности.

В соответствии с вышеизложенными задачами, социологическому анализу будет подвергнут круг лиц, которым на протяжении 300 лет было доверено возглавлять службу полиции, призванную выполнять обязанности, сформулированные в «Наказах» воеводам, а затем дополненных другими документами, изменявшими, дополнявшими и конкретизировавшими эти задачи в течение трёх веков.

1. Должность генерал-полицмейстера в Санкт-Петербурге была введена 25 мая 1718 г. указом Петра I. Государь лично участвовал в написании «Пунктов Санкт-Петербургскому генерал-полицмейстеру».

Должность генерал-полицмейстера была весьма престижна. Им присваивались высокие воинские, гражданские (статские) и свитские (придворные) звания, соблюдалась особая форма обращения к ним**. Таким образом, это были чиновники очень высокого ранга, 1–5-го классов по петровской Табели о рангах.

Обратимся к тем званиям и чинам, существовали в дореволюционной России в соответствии с Табелью о рангах, утверждённом Петром I 24 января 1722 г., в котором был дан перечень соответствий между военными, гражданскими и придворными чинами, ранжированными по 14 классам.

В Русской армии существовали гвардейские, армейские и так называемые свитские звания. Следует иметь в виду, что в XVIII в. существовало понятие «чин», применявшееся в равной степени к понятиям «звание» и «должность». В 1711 г. в армии появились должности «флигель-адъютант» и «генерал-адъютант», внесённые в 1722 г. в Табель о рангах и приравненные к определённым армейским чинам. На них назначались особо доверенные военнослужащие, состоящие при императоре и высших военачальниках, выполнявшие их личные ответственные поручения. Их приближенность к императору, к высшим военачальникам сразу стала выгодной и почётной. С 1731 г. императрица Анна Иоанновна назначала своими генерал-адъютантами представителей генералитета. Вступившая на престол в 1762 г. Екатерина II установила, что генерал-адъютантов может иметь только императрица, и чин их должен быть не ниже генерал-поручика. При Павле I эти должности приобрели статус почетных званий, не связанных с исполнением адъютантских обязанностей. Звания стали присваиваться параллельно с армейскими званиями, то есть военнослужащий мог иметь одновременно и армейский, и адъютантский чин. Император Николай I ввёл понятие «Свита Его Императорского Величества», и свитские звания, которые считались почётными и также присваивались параллельно с воинскими званиями.

Свитское звание давало определенные льготы: его обладатель имел право свободного входа в царский дворец, мог испросить аудиенцию у царя или царицы, мог подавать рапорты и прошения непосредственно на высочайшее имя и т.п. При увольнении с военной службы или при переходе в гражданскую службу свитское звание терялось [42].

Итак, из 58 начальников полиции дореволюционной России (1718–1917 гг.) генерал-фельдмаршалом был Б.К. Миних. Генерал-аншефами были пятеро: А.М. Девиер, В.Ф. Салтыков, А.Д. Татищев, Н.А. Корф и Н.И. Чичерин. Генералами от инфантерии и генералами от кавалерии были 16 человек. 7 человек были генерал-лейтенантами (генерал-поручиками). 12 имели звания генерал-майор.

18 генералов были еще и генерал-адъютантами: И.В. Анненков, А.Д. Балашов, В.В. Валь, П.В. Голенищев-Кутузов, П.А. Грессер, В.А. Дедюлин, А.Е. Зуров, Б.Я. Княжнин, С.А. Кокошкин, Ф.Ф. Трепов, А.А. Козлов, Н.В. Клейгельс, А.В. Паткуль А.Л. Потапов, В.Ф. Салтыков И.А. Фуллон, П.А. Шувалов, Ф.Ф. Эртель.

Многие руководители полиции имели гражданские (статские) звания. Так, действительным тайным советником 1-го класса (1-й класс по Табели о рангах) был П. В. Лопухин. Четверо были действительными тайными советниками;

тайными советниками были пятеро; звание действительного статского советника носили пятеро (4-й класс), и только двое – И.Д. Поздняков и Е. М. Чулков – были статскими советниками.

Генералами Свиты Его императорского величества были 9 человек: С.А. Кокошкин, А.Д. Балашов, А.П. Галахов, И.В. Анненков, А.А. Козлов, Д.Ф. Трепов, В.А. Дедюлин, Д.В. Драчевский и А.Н. Оболенский. Некоторые из генерал-полицмейстеров, обер-полицмейстеров и градоначальников имели воинские, гражданские и придворные звания.

2. Большинство перечисленных должностных лиц были выходцами из аристократических родов и семей, имели звания, соответствовавшие 1–4-му классам по Табели о рангах, и только несколько человек имели звания, относящиеся к 5-му классу.

11 руководителей полиции были членами Сената, учрежденного Петром Великим 19 февраля 1711 г. Сенат, члены которого назначались императорам, подчинялся только ему. Сенаторами были Я. П. Шаховский, В.Ф. Наумов, Н.А. Корф, Н.И. Чичерин, Д. В. Волков, П.П. Тарбеев, И.С. Горголи, И.В. Гладков, Б.Я. Княжнин, С.А. Кокошкин, Н.М. Баранов.

Практически все руководители были состоятельными людьми, владели, как правило, большими поместьями, сотнями и даже тысячами крепостных. Из этого правила были и исключения. Так, умершего обер-полицмейстера П. П. Тарбеева семья не могла похоронить за свой счёт, и расходы на погребение взяла на себя казна. В нищете умер и К. Ф. Дершау, награждённый золотой шпагой «За храбрость», который скончался от изнурительной горячки 20 февраля 1862 г., оставив без средств к существованию и в долгах вдову и двух сыновей [58].

Отыскать его портрет авторам не удалось – видимо, его и не было. Интересен и такой факт: отсутствуют портреты целого ряда обер-полицмейстеров, именно тех, кто испытывал финансовые затруднения – был «беден», не мог заказать свой портрет, так как работа художника оценивалась очень высоко, а фотография появилась лишь во второй четверти XIX в.

3. Весьма важен и такой показатель, как возраст, в котором вступали в должность генерал-полицмейстеры, обер-полицмейстеры или градоначальники в столице Российской империи – Санкт-Петербурге в 1718–1917 гг. При оценке этого фактора будем исходить из того, что, во-первых, влияние возраста на умственные способности несколько преувеличено. В обывательской среде бытует мнение, что с возрастом слабеют мозг и память, теряет пластичность мышление, пожилым с трудом даются новые, неожиданные решения. Однако учёные утверждают, что это предрассудок. Доказано, что мозг пожилого человека не стареет и не уступает в точности мозгу юноши. Причины же замедления его работы являются чисто психологическими – пожилые люди, стараясь не допустить ошибки, многократно, исходя из опыта, проверяют свои решения; во-вторых, такие функции мозга, как память и ассоциативное мышление, действительно с годами слабеют. Ученые также выяснили, что некоторые когнитивные способности человека достигают своего апогея лишь к 40 годам, а иногда и позже, и в последующие 10–15 лет вполне продуктивно и качественно выполняют свои обязанности! Безусловно, эти критерии относятся к руководителям, работникам умственного труда, но никак не к тем, у кого основная работа – физический труд. История знает массу примеров, когда блестящие результаты показывают как совсем молодые люди, так и люди преклонного возраста. Таким образом, большинство людей, занимающихся интеллектуальным и организаторским трудом, достигают пика своих способностей и возможностей в границах 35–55 лет. То есть эти годы для руководителя – самый продуктивный возраст. Конечно, из этого правила есть и исключения.

Анализ возраста вступления в должность руководителей полиции в Санкт-Петербурге за 200 лет и времени пребывания их на этом посту, позволяет сделать вывод, что это были люди с достаточным жизненным опытом. 38 из 58, т. е. 65,7%, в возрасте от 35 до 50 лет. К этому времени они прошли многие ступени служебной лестницы. Однако только 10 из этих 38 находились на этих должностях более 5 лет, а 20 исполняли эти обязанности менее года и освобождались по различным причинам.

Какие же факторы лежали в основе продолжительности пребывания на указанных постах представителей самодержавной элиты? Утверждение, что в периоды нестабильности общества, вызываемой различными факторами – экономическими и политическими, войнами, стихийными бедствиями и др., – происходит частая смена правящей элиты. Но в условиях абсолютной

монархии эта закономерность не всегда подтверждается.

Если исходить из того, что в условиях нестабильности в обществе (а одним из таких был период «дворцовых переворотов») смена обер-полицмейстеров должна была проводиться часто. Но именно в это время (1725–1762 гг.) в столице сменилось всего два генерал-полицмейстера – В.Ф. Салтыков, вступивший в должность в 57 лет и находившийся на ней 8 лет, и А. Д. Татищев, вступивший в должность в 48 лет и исполнявший её 16 лет, до своей кончины.

В то же время как в период относительной стабильности российского общества при Екатерине II – с 1762 по 1796 гг. – сменилось 7 обер-полицмейстеров. Но и в эти годы двое – Н.И. Чичерин и Н.И. Рылеев – чрезвычайно недалёкий, по отзывам современников, человек, – находились на этой должности 13 и 10 лет соответственно, остальные же – от двух до трёх лет.

В период обострения кризиса крепостной системы (с конца XVIII в. до 1861 г.) сменились 22 обер-полицмейстера, но исполняли эти обязанности более 5 лет только 4 человека, вступившие в должность в возрасте от 35 до 40 лет: Ф.Ф. Эртель – 5 с половиной лет, И.С. Горголи – 10 лет, Ф.Ф. Кокошкин – 17 лет и А.П. Галахов – 9 лет; 9 чиновников служили всего год и менее.

В пореформенный период, который можно лишь относительно считать стабильным, обер-полицмейстером (градоначальником) в течение 12 лет – с 1866 до 1878 гг. был генерал от кавалерии Ф. Ф. Трепов.

В годы Первой русской революции 1905–1907 гг. на посту градоначальника столицы сменилось 4 человека: И.А. Фуллон, вступивший в должность в начале 1904 г., и освобождённый от неё уже в январе 1905 г. – после «Кровавого воскресенья». 11 января на должность Санкт-Петербургского генерал-губернатора был назначен сын бывшего градоначальника Ф.Ф. Трепова – Д.Ф. Трепов, наделённый широкими диктаторскими полномочиями. Ему была непосредственно подчинена полиция города и пригородов, что послужило основанием для включения столь яркой фигуры «условно» в списки градоначальников. Должность генерал-губернатора столицы он исполнял до октября 1905 г. Вторым градоначальником в эти годы был В.А. Дедюлин, назначенный 17 января 1905 г., которого сменил В.Ф. Лауниц, вступивший в должность в январе 1906 г. и убитый террористом 03 января 1907 г.

Четвёртым градоначальником в январе 1907 г. стал Д. В. Драчевский, прослуживший в этот относительно стабильный период времени 7 лет.

Есть основания утверждать, что в условиях самодержавной власти текучесть кадров зависела не столько от уровня стабильности общества, от знаний и умений чиновников и от результатов их деятельности на любых постах, но и от таких факторов, как симпатии и антипатии, дворцовые интриги и «подковёрная борьба» за тёплое местечко у ног самодержца.

В качестве примера можно привести судьбу военного, государственного и политического деятеля генерала А.Н. Куропаткина. Он занимал многие ведущие должности в Российской империи (военный министр, генерал-губернатор Туркестанского округа, Член Государственного совета и т.д.), и в то же время был в опале у председателя Совета министров империи С.Ю. Витте. С его подачи отрицательно характеризовался в литературе того периода, что перекочевало в советскую историографию. И пожалуй, только в публикациях XXI века А.Н. Куропаткин представляется как истинный патриот России [2; 3; 6; 7; 12; 28; 30; 32; 33; 35].

Трудно объяснить и длительное пребывание при Екатерине II на постах обер-полицмейстера и генерал-губернатора Н.И. Рылеева, о глупости которого ходили легенды. Не менее знаменит своей тупостью был и И.И. Юшков, осмеянный современниками, назначенный в помощники к Н.А. Корфу. Достаточно известен и факт быстрого карьерного роста П. В. Лопухина, дослужившегося до должности Председателя Госсовета и Комитета министров России, который обязан своей карьерой дочери – Анне Гагариной, ставшей фавориткой Павла I.

В возрасте до 35 лет должности начальника полиции в 1718–1917 гг. в Санкт-Петербурге замещали 8 человек. Самому младшему из них, уже упоминавшемся П.В. Лопухину, было 27 лет. Из восьми обер-полицмейстеров только двое служили на этой должности более 5 лет: 34-летний Н.И. Рылеев – 9 лет, и 35 летний С.А. Кокошкин – 17 лет, а трое – менее 1 года.

4. Обратимся теперь к вопросу, почему тот или иной полицмейстер освободил свой пост?

Трое генерал-полицмейстеров скончались на своих постах: Н.А. Корф, А.Д. Татищев и А.М. Девиер, назначенный вторично на этот пост

после 12-летней ссылки.

14 генерал-полицмейстеров, обер-полицмейстеров и градоначальников ушли в отставку по возрасту и по болезни.

В.Ф. Лауниц был убит террористом.

25 руководителей были повышены в должности.

Трое были переведены в другие регионы на равнозначные должности.

10 были освобождены с должностей по разным причинам: В.Ф. Наумов был снят за участие в группе, пытавшейся ограничить власть императрицы Анны Иоанновны. За «не бескорыстие» (взяточничество) были сняты с должностей Е.М. Чулков и Д.В. Драчевский. За запрещённую игру в карты был освобождён – А. А. Аплечеев, который сам должен был вести борьбу против азартных игр.

Из 58 начальников полиции за недостатки в работе были уволены лишь трое: Н.С. Овсов, как «совершенно непригодный к должности»; Н.И. Чичерин, который, по мнению Екатерины II, проявил нераспорядительность во время катастрофического наводнения в Санкт-Петербурге в 1777 г., в результате чего погибли сотни жителей города; А.В. Фёдоров в связи с убийством Александра II.

Поскольку 25 из 58 руководителей полиции были назначены на более высокие должности, мы считаем, что в условиях кадрового голода правители были вынуждены чиновников, проявивших усердие в службе и успешно справлявшиеся на этой должности, направлять на другие ответственные посты, надеясь, что они там будут хорошо выполнять свои обязанности.

5. В дореволюционной России на должности генерал-полицмейстеров, обер-полицмейстеров и градоначальников назначались, как правило, люди образованные, имевшие как общее, так и специальное образование. Одни из них имели хорошее домашнее образование, другие получили военное воспитание в военном Пажеском Его Императорского Величества корпусе*** и приготовительных школах (военных прогимназиях), и дальнейшее образование в офицерских школах и военных училищах****, школах подготовки прапорщиков, в специальных школах артиллерийского ведомства и в военно-морских учебных заведениях, в Военной академии.

6. Большинство полицмейстеров (обер-полицмейстеров, генерал-полицмейстеров, градоначальников) были боевыми генералами. Участниками многочисленных войн в рассматриваемый период были 34 человека из 58 (60%). Именным оружием «За храбрость» были награждены 7 человек: П.В. Голенищев-Кутузов, И.С. Гарголи, А.Л. Потапов, И.В. Гладков, И.А. Фуллон, Н.В. Клейгельс. За отличие в битве под Бородино золотой шпагой с надписью «За храбрость» был награждён К.Ф. Дершау.

7. Большинство генерал – и обер-полицмейстеров были людьми честными, бескорыстными и нередко направлялись верховной властью для проверки злоупотреблений местных чиновников. Проводили ревизии А.М. Девиер, П.П. Тарбеев, И.С. Гарголи, А.Л. Потапов, Я.П. Шаховский и др.

А. Л. Потапов проявлял принципиальность при расследовании злоупотреблений в снабжении армии во время Крымской войны. Исключительной принципиальностью, добросовестностью, честностью и радением за каждую государственную копейку отличался Я.П. Шаховский. Он нередко вступал в конфликты по поводу финансовых нарушений Синодом, Сенатом и армейским начальством.

Конечно, были и любители поживиться за счёт казны, взяток и других злоупотреблений должностью. Так, на обер-полицмейстера С.А. Кокошкина неоднократно поступали жалобы о его взяточничестве, однако близость к царю Николаю I спасала его от наказания.

8. Полицмейстеры принимали активное участие в борьбе с эпидемиями холеры и чумы, нередкими в то время. Так, генерал-полицмейстер Д.В. Волков умело организовал борьбу с эпидемией чумы в Москве, обер-полицмейстер И.С. Гарголи организовал строительство холерных бараков, а С.А. Кокошкин активно участвовал в борьбе с эпидемией холеры в целом ряде губерний России. Конечно, были и другие примеры. Так, И.И. Юшков вместо того, чтобы возглавить борьбу с эпидемией, что входило в его обязанность, был в числе первых, покинувших столицу при известии о приближении холеры.

9. Среди полицмейстеров были и те, кто заботился о просвещении народа. Эти люди были уважаемы всеми слоями населения, избирались почётными гражданами городов. Так, А.В. Паткуль проявлял о подчинённых большую заботу, П.А. Грессер был избран почётным

гражданином города Гродно. Узнав о смерти П.А. Грессера, сибирский золотопромышленник К.И. Иваницкий пожертвовал 1000 рублей, «чтобы проценты с этой суммы выдавались каждые три года в награду наиболее достойному городовому под названием «премии П.А. Грессера». Генерал А.А. Козлов слыл отзывчивым, справедливым и честным человеком, проявлял большую самостоятельность во многих вопросах. Почётным гражданином городов Гродно, Соколки и Белостока был А.Е. Зуров. Стипендии его имени были учреждены в Гродненской гимназии, Белостокском реальном училище и в Гродненской женской гимназии. Портрет почётного опекуна А.Е. Зурова находился в зале Гродненской гимназии [51].

Весьма лестную характеристику А.В. Потапову – почётному гражданину Витебска и Вильны – дал П.П. Долгоруков. Он писал: «Умён и весьма хитёр; очень сметлив … На деньгу честен; взятку не возьмёт… Он всегда учтив, никогда не скажет оскорбительного слова» [14, стр. 333]. Почётным гражданином Новгорода был Н. М. Баранов, города Сапожки – А.Н. Оболенский, города Курска – В.В. Валь.

10. Все руководители полиции служили Российской империи, защищали существовавший самодержавный строй, правящую династию. Исполнение же возложенных на них обязанностей требовало применения самых различных мер, не только убеждения, но и принуждения, насилия, осуществляемого ими далеко не всегда законными средствами и методами. По этой причине кроме уважаемых руководителей полиции города были и такие, кого ненавидели и презирали, на кого совершались покушения. Так, А.П. Галахов был, чрезвычайно, ненавидим населением из-за своей жестокости. Он любил присутствовать при наказании преступников, и «если находил, что палач щадит наказуемого, мог повторить экзекуцию, прописав плети самому палачу». Но самыми ненавистными слугами царизма были градоначальник Ф.Ф. Трепов и особенно, его сын, генерал-губернатор Санкт-Петербурга Д.Ф. Трепов. Последний, по выражению Г.М. Дейча, был «фактическим диктатором России в начале революции 1905 г.». По его указанию в начале Всероссийской октябрьской политической стачки на улицах Петрограда был расклеен приказ по войскам с его знаменитой фразой: «Холостых залпов не давать и патронов не жалеть». Не случайно на самых ненавистных руководителей полиции совершались покушения, а на градоначальника В.Ф. Лауница было совершено 15 покушений. Террористы, в конце концов, добились своего: 21 декабря 1906 г. Лауниц был убит.

11. Нельзя не обратить внимания и на то, что обер-полицмейстеры Санкт-Петербурга активно использовали опыт работы на этой должности в других регионах и городах. До назначения на должность начальника полиции Санкт-Петербурга или перемещения на аналогичную должность в другой регион 13 человек уже имели определённый опыт работы в этих структурах. Например, в 1822 г. К.Ф. Дершау в чине подполковника был назначен Санкт-Петербургским полицмейстером и на этом посту «проявил себя выдающимся усердием и знанием службы». В 1826 г. он был командирован в Кронштадт для приведения в порядок местной полиции. В 1829 г. полковник К.Ф. Дершау был назначен Санкт-Петербургским обер-полицмейстером и исполнял эту должность в течение почти 6 лет.

Д.Ф. Трепов – сын Санкт-Петербургского градоначальника Ф.Ф. Трепова, в 1896 г. был назначен московским обер-полицмейстером и руководил полицией Москвы до января 1905 г. – до перевода в Санкт-Петербург на должность генерал-губернатора.

И.И. Юшков, Ф. Ф. Эртель и другие также были московскими обер-полицмейстерами. А.П. Балк до назначения на должность Санкт-Петербургского градоначальника в течение 12 лет – с 1903 по 1915 гг. – был помощником Варшавского обер-полицмейстера.

Такова общая характеристика лиц, возглавлявших полицию в Санкт-Петербурге (с 1914 г. Петроград) в течение 200 лет.

Здание Санкт-Петербургского градоначальства.

Генерал-полицмейстеры Санкт-Петербурга (1718 – 1779 гг.)

Должность генерал-полицмейстера, как руководителя полиции Санкт-Петербургской губернии, была введена указом Петра I от 25 мая 1718 г. Его обширные обязанности, как ранее упоминалось, содержались в лично написанных императором «Пунктах, данных Санкт-Петербургскому генерал-полицмейстеру». Генерал-полицмейстер осуществлял общероссийское руководство полицейскими отделениями крупных городов через Главную полицмейстерскую канцелярию. Если с 1722 г. эта должность соответствовала 5-му классу Табели о рангах, то с 1746 г. её статус был повышен до 3 ранга. Если со времени введения должности генерал-полицмейстер подчинялся Правительствующему сенату, то с 1734 г. он был переподчинён Кабинету министров, а с 1746 г. – непосредственно императору. С 1762 г. генерал-полицмейстер стал называться Главным директором над всеми полициями. В 1764 г. руководство местной полицией было передано губернаторам, и должность генерал-полицмейстера была упразднена, но в Санкт-Петербурге, как обозначение начальника местной полиции, она сохранялась до 1782 г.

В 1810 г. под именем Министра полиции была вновь учреждена должность общероссийского руководителя полиции. В манифесте от 25 июля 1810 г. говорилось, что «восстанавливается звание Генерал-полицмейстера под именем Министра полиции» .

Со времени введения в России должности генерал-полицмейстера – 25 мая 1718 г. – на этом посту в Санкт-Петербурге находилось 11 человек. Дважды генерал-полицмейстером был А.М. Девиер.

№ п/п	**Ф.И.О, годы жизни**	**Наименование должности, возраст при назначении и период пребывания в должности**	**Звание, чин**
	Меншиков Александр Данилович (1673–1729гг.)	**Генерал-губернатор Санкт-Петербурга (1703–1718 гг.) 30/15 лет**	**Генералиссимус**
1	**2**	**3**	**4**
1.	Девиер Антон Мануилович (1682–1745 гг.)	Генерал-полицмейстер (1718–1727 гг.) 36 лет; 9 лет	Генерал аншеф
2.	Поздняков Иван Давидович (1683–1740 гг.)	Генерал-полицмейстер (1727–1729 гг.) 40 лет; 3 года	Статский советник, генерал-адъютант
3.	Миних Бурхард Кристоф (1683–1767 гг.)	Генерал-полицмейстер (1728–1732 гг.) 45 лет; 4 года	Генерал-фельдмаршал
1	**2**	**3**	**4**
4.	Салтыков Василий Федорович (1675–1751 гг.)	Генерал-полицмейстер (1732–1740 гг.) 57 лет; 8 лет	Генерал-аншеф, генерал-адъютант
5.	Шаховской Яков Петрович (1705–1777 гг.)	Генерал-полицмейстер (1740 г.) 35 лет; менее года	Тайный советник
6.	Наумов Федор Васильевич (1692–1757 гг.)	Генерал-полицмейстер (1740–17.12.1744 гг.) 48 лет; 4 года	Действительный тайный советник
1.	Девиер Антон Мануилович (1682–1745 гг.)	Генерал-полицмейстер (17.12.1744–24.04.1745 гг.) 72 года; менее года	Генерал-аншеф

1.	Девиер Антон Мануилович (1682–1745 гг.)	Генерал-полицмейстер (17.12.1744–24.04.1745 гг.) 72 года; менее года	Генерал-аншеф
7.	Татищев Алексей Данилович (1697–1760 гг.)	Генерал-полицмейстер (1745–1760 гг.) 48 лет; 15 лет	Генерал-поручик, действительный Камергер
8.	Корф Николай Андреевич (1710–1766 гг.)	Генерал-полицмейстер (1761–1764 гг.) 51 год; 1 год.	Генерал-аншеф, действительный камергер
1	**2**	**3**	**4**
9.	Юшков Иван Иванович (1814–1886 гг.)	Генерал-полицмейстер (21.03.1762–1764 гг.), помощник у Корфа 2 года. 48 лет; 2 года	Генерал-поручик, тайный советник
10.	Чичерин Николай Иванович (1724–1782 гг.)	Генерал-полицмейстер (1764–1777 гг.) 40 лет; 13 лет	Генерал-аншеф
11.	Волков Дмитрий Васильевич (1727–1785 гг.)	Генерал-полицмейстер. Обер-полицмейстер (12.1777–12. 1779 гг.) 50 лет; 2 года	Действительный тайный советник

Звания и чины начальников полиции Санкт-Петербурга – Петрограда (1718–1917 гг.)

Чины и звания	*Кол-во*	*Фамилии и инициалы*	*Примечание*
		Воинские звания	
Генерал-фельдмаршал	1	Б. Х. Миних	
Генерал-аншеф	5	А. М. Девиер, В. Ф. Салтыков, А. Д. Татищев, Н. А. Корф, Н. И. Чичерин	
Генералы: от инфантерии, от кавалерии	16	Ф. Ф. Эртель, А. Д. Балашов, П. В. Голенищев-Кутузов, Б. Я. Княжнин, С. А. Кокошкин, П. А. Шувалов, А. Л. Потапов, А. В. Паткуль, И.В. Анненков, Ф. Ф. Трепов, А. Е. Зуров, А. А. Козлов, В.В. Валь, Н.В. Клейгельс, И. А. Фуллон, В. А. Дедюлин	
Генерал-лейтенант, Генерал поручик	8	А. М. Рачинский, И. В. Гладков, А. С. Шкурин, К. Ф. Дершау, А. П. Галахов, Н. М. Баранов, П. А. Грессер, И. И. Юшков	
Генерал-майор	12	П. М. Глазов, А. А. Аплечеев, П. А. Папков, А. С. Шульгин, И. И. Бларамберг, А. В. Федоров, В. Ф. Лауниц, Д. В. Драчевский, А. Н. Оболенский, А. П. Балк, П. П. Тарбеев, И. В. Гладков	

Генерал-адъютант	18	А. М. Девиер, И. Д. Позняков, А. Д. Балашов, В. Ф. Салтыков, П. В. Голенищев-Кутузов, П. А. Грессер, С. А. Кокошкин, А.П. Галахов, П. А. Шувалов, А.Л. Потапов, А.В. Паткуль, И. В. Анненков, Ф. Ф. Трепов, Н. М. Баранов, А. А. Козлов, Н. В. Клейгельс, И. А. Фуллон, В. А. Дедюлин	Чин установлен для старших адъютантов при царе, ген. фельдмаршале и «полных генералах»
		Светские чины	
Действительный тайный советник 1 класса	1	П. В. Лопухин	
Действительный тайный советник	4	В. Ф. Наумов, П. П. Тарбеев, И. С. Горголи, Д. В. Волков	
Тайный советник	6	Я. П. Шаховский, И. И. Юшков, Д. В. Волков, Н. И. Рылеев, А. М. Рачинский, Г. К. Зильбергарниш	
Действительный статский советник	5	Н. Ф. Муравьёв, В. И. Лисаневич, А. А. Аплечеев, Н. С. Овсов, Г. К. Зильбергарниш	
Статский советник	2	И. Д. Позняков, Е. М. Чулков	
Генерал-майор Свиты	9	А. Д. Балашов, С. А. Кокошкин, А. П. Галахов, И. В. Анненков, А. А. Козлов, Д. Ф. Трепов, В. А. Дедюлин, Д. В. Драчевский и А. Н. Оболенский	
		Придворные чины	
Действительный камергер	2	Н. А. Корф, П. В. Лопухин	
Камергер	1	А. Н. Оболенский	
		Сенаторы	
	12	Я. П. Шаховский, В. Ф. Наумов, Н. А. Корф, Н. И. Чичерин, Д. В. Волков, П. П. Тарбеев, И. С. Горголи, И. В. Гладков, Б. Я. Княжнин, С. А. Кокошкин, Н. М. Баранов	

Девиер Антон Мануилович
(1682–1745 гг.)
Генерал-полицмейстер Санкт-Петербурга.
(25.05.1718 – 1727; 12.12.1744 – 24.06.1745.)

А.М. Девиер (Антон Эммануэль Де-Виейр) – российский государственный и военный деятель, сподвижник царя Петра I, первый генерал-полицмейстер Санкт-Петербурга, граф (1726), генерал-аншеф(1744).

Точных данных о месте и времени рождения А.М. Девиера нет. Большинство исследователей считают, что он родился в 1682 году в Амстердаме в бедной еврейской семье, переехавшей в Голландию из Португалии. После смерти отца Антон поступил юнгой на голландский флот. В 1697 г., семнадцатилетний юноша понравился Петру I и был привезён в Россию. Практически вся его жизнь была посвящена императору.

3 августа 1711 г. Девиер вместе с Павлом Ягужинским были пожалованы в генерал-адъютанты – специально учреждённые для них звания. В 1712 г. он, несмотря на противодействие Меншикова, женился на его сестре. Когда в Санкт-Петербурге Петром I создавалась полицейская служба, первым генерал-полицмейстером 25 мая 1918 г. он назначил Девиера. Император вручил ему собственноручно написанную инструкцию из 13 пунктов, в которых были сформулированы обязанности городской полиции Санкт-Петербурга, её полномочия и полицейские повинности [39, стр. 10].

В июне 1718 г. Девиер участвовал в следствии по делу царевича Алексея Петровича, наряду с другими подписал ему смертный приговор.

В 1727 году по поручению императрицы Екатерины I Девиер совершил поездку в Курляндию для проверки жалоб курляндцев на Меншикова, пытавшегося завладеть герцогским престолом. Итоги проверки оказались не в пользу Меншикова.

Девиер активно выступил против намерений Меншикова выдать свою дочь Марию за наследника престола Петра Алексеевича, что нарушило планы Меншиков. После смерти Екатерины I в 1927 г. Девиер, при активном участии Меншикова, был ложно обвинён в намерении устранить от наследования престола Петром II, отстранён от должности генерал-полицмейстера, лишен дворянства титула, чинов и имений, бит кнутом и сослан в Сибирь, где пробыл 12 лет.

13 апреля 1739 г., уже при Анне Иоанновне, Девиер, как «добрый и совестливый человек», был назначен начальником Охотского порта. 1 декабря1741 г. указом Елизаветы Петровны Девиер освобожден из ссылки «с отпущением вины», в феврале 1743 г. ему были возвращены ордена, графский титул и поместье в Валуйском уезде Белгородской губернии.

12 декабря 1744 г. он был вновь назначен Санкт-Петербургским генерал-полицмейстером и оставался на этом посту до конца жизни.

Скончался 24 июня 1745 г. в возрасте 63 лет и был похоронен на Лазаревском кладбище Александро-Невской лавры (могила не сохранилась).

Поздняков Иван Давидович
(?–1740 гг.)
Обер-полицмейстер Санкт-Петербурга.
(1727-1729)

И.Д. Поздняков с 1711 по 1721 гг. – являлся помощником обер-секретаря Сената и вел дела Посольского и Преображенского приказов, Киевской и Казанской губерний.

В 1721 г. по распоряжению Петра I Поздняков стал обер-секретарём Сената и произведён в статские советники.

С 1726 г. Поздняков Санкт-Петербургский полицмейстер.

В 1727 г. по предложению А.Д. Меншикова его назначили обер-полицмейстером Санкт-Петербурга, и на этом посту он находился до 1729 г. Однако, право именоваться генерал-полицмейстером не получил. 03 ноября 1729 г. Иван Давидович стал московским обер-полицмейстером.

С 1731 по 1740 гг. Поздняков являлся членом Ревизион-коллегии. При проверке приходно-расходных книг Сибирского приказа в 1732–1733 гг. членами проверочной комиссии Ревизион-коллегии***** было обнаружено множество хищений и злоупотреблений [14, стр. 255-256].

БОЖІЕЮ МИЛОСТІЮ
МЫ ПЕТРЪ ПЕРВЫЙ
ЦАРЬ И САМОДЕРЖЕЦЪ
ВСЕРОССІЙСКІЙ,
ИНСТРУКЦІЯ

Миних Бурхард Кристов
(1683 – 1767 гг.)
Генерал-полицмейстер Санкт-Петербурга.
(1728-1732.)

Б.К. Миних родился в Германии, в княжестве Ольденбург, в семье потомственных инженеров, занимавшихся водными сообщениями. Получил образование в европейских университетах. Овладев инженерным и чертёжным искусствами, Миних получил опыт в области гидротехники, изучил латынь и французский язык. До 1721 он служил инженером в разных армиях Западной Европы, участвовал в ряде военных походов в Европе и получил хороший боевой опыт.

С 1721 г. на русской службе. По поручению Петра I руководил строительством Ладожского канала. С 1728 г. – граф. Президент Военной коллегии, генерал-фельдмаршал (1730). С 1728 по 1732 гг. – генерал-полицмейстер Санкт-Петербурга.

Во времена правления Анны Иоанновны, провел переустройство гвардейских и армейских полков, преобразовал Военную коллегию, основал в Петербурге первый в России кадетский корпус, создал первые полки гусар. Миних возглавлял русскую армию во время Польской кампании 1733–1734 годов.

Во время русско-турецкой войны 1735–1739 гг. командовал русскими войсками. Организовал осаду Азова и Очакова, овладел Перекопом и столицей Крымского ханства Бахчисараем.

Однако его блестящая карьера в 1742 г. внезапно была прервана. Елизаветой Петровной Миних был сослан в Пелым (Тобольская провинция), где провел 20 лет.

В 1762 г. Миних по указу Петра III был освобожден из ссылки и восстановлен во всех правах и званиях.

Награды: орден Св. апостола Андрея Первозванного, орден Александра Невского, орден Белого орла, золотое оружие «За храбрость».

Умер Б.К. Миних 16 октября 1767 г. в возрасте 84 лет и был похоронен в церкви Святых Петра и Павла в Санкт-Петербурге [59].

Церковь Святых Петра и Павла (Петрикирхе, нем. Petrikirche)– лютеранская церковь в центре Санкт-Петербурга. (Невский проспект, 22-24).

Б.Х. Миних был перезахоронен в волости Луунья Тартуского уезда Эстонии. 09 августа 2013 г. на месте перезахоронения была воздвигнута памятная стела с надписью на эстонском, русском, немецком и английском языках: ««… Не будучи сыном России, он был одним из ее отцов…» Екатерина II.

Жернов с инициалами Миниха, найденный при очистке пруда в его бывшем имении в Гостилицах в 1840 г.

В настоящее время жернов установлен в Гостилицах в цветнике у церкви Святой Троицы, построенной в 1755-64 годах архитектором А.В. Квасовым.

Салтыков Василий Фёдорович
(1675–1751 гг.)
Генерал-полицмейстер Санкт-Петербурга.
(29.08.1732-1740)

В.Ф. Салтыков родился в 1675 г. в семье стольника Фёдора Петровича Салтыкова, убитого во время стрелецкого бунта 1682 года в Москве. Долгое время служил в лейб-гвардии Преображенском полку в чине стольника.

Своим быстрым карьерным ростом он обязан императрице Анне Иоанновна (по матери Салтыкова). Взойдя на престол, она стремилась опереться на своих родственников, вернула Салтыкова на службу и 29 августа 1732 г. назначила его столичным генерал-полицмейстером, наградила орденом Св. Александра Невского. Уже 22 сентября 1932 г. Василий Федорович был произведён в генерал-лейтенанты, а 30 января 1734 г. стал генерал-адъютантом.

В 1733 г. императрица Анна Иоанновна назначила Василия Федоровича начальником всей полиции России.

При Салтыкове была учреждена «Комиссия о Санкт-Петербургском строении» (1737–1746), которая разработала новый план города, впервые были официально утверждены наименования городских улиц, каналов, площадей, мостов, организованы команды трубочистов (1737); учреждено 17 новых богаделен (1733).

8 лет Салтыков был генерал-полицмейстером. В эти годы полиция эффективно боролась с преступностью, отлавливала нищих, контролировала цены на рынке, был ужесточен полицейский контроля над всеми приезжающими и отъезжающими из города.

В 1741 г. Василий Федорович был награждён орденом Св. Андрея Первозванного – высшим орденом Российской империи. В 1742 г. по «преклонному возрасту» он удалился от государственных дел. Однако 15 декабря 1744 г. он был назначен генерал-адъютантом императрицы.

Скончался Василий Федорович в возрасте 76 лет в 1751 г. [53]

Орден Святого апостола Андрея Первозванного

Шаховской Яков Петрович
(1705– 1777 гг.)
Генерал-полицмейстер Санкт-Петербурга.
(1740)

Я.П. Шаховской родился 8 октября 1705 года. Наставником мальчика был его дядя – гвардейский офицер Алексей Иванович Шаховской, инициативный и честный человек, который дал племяннику блестящее домашнее образование и воспитал в нем чувство справедливости. С 14 лет Яков служил солдатом в лейб-гвардии Семеновском полку. В 1723 г. поручик Яков Шаховской перешел в Конную гвардию.

Во время Русско-турецкой войны (1735–1739 гг.) Шаховской участвовал в сражениях под Очаковым и Хотином под командованием Христофора Миниха.

В 1740 г. Яков Петрович был назначен советником в Главной полиции Санкт-Петербурга. В этом же году он стал генерал-полицмейстером и был произведён в действительные статские советники.

Но уже в 1741 г. Шаховской был назначен обер-прокурором Святейшего Синода. На этом посту он получил чин тайного советника.

Почти 12 лет службы он занимал этот ответственный пост и своей честностью заслужил большое уважение.

Однако далеко не всем эта честность и справедливость нравились. Поэтому он нажил не только друзей, но и множество недоброжелателей среди членов Синода. Именно они добились у императрицы Елизаветы Петровны, вступившей на престол в 1753 г., увольнения с занимаемой должности слишком требовательного прокурора.

29 мая 1753 года Шаховской был назначен генерал-кригс-комиссаром – главным управляющим государственными расходами, и в течение всей Семилетней войны добросовестно выполнял возложенные на него обязанности.

С 15 августа 1760 и до 1 января 1766 г. Шаховской был генерал-прокурором Правительствующего Сената и конференц-министром. И на этом посту Яков Петрович отличался исключительной принципиальностью, стремился с пользой для дела использовать каждую государственную копейку.

01 апреля 1766 г. Яков Шаховской ушел в отставку и обосновался в Москве.

Награды: орден Святого Андрея Первозванного, орден Святого Александра Невского, орден Святой Анны, а также многие другие награды.

Князь Я. П. Шаховской скончался 23 июля 1777 г. на 72 году жизни и погребен в Малой Соборной церкви Донского монастыря .

Малая Соборная церковь Донского монастыря.

Наумов Фёдор Васильевич
(1692–1757 гг.)
Генерал-полицмейстер Санкт-Петербурга.
(1740 – 12.12.1744.)

Ф.В. Наумов получил домашнее образование. С 1708 года служил в московском Судном приказе. С 1711 г. – адъютант Я. Ф. Долгорукова, возглавлявшего кригс-комиссариат. С 1717 г. – ревизор кригс-комиссариата.

В 1719 году Наумов был возведён в статские советники. В 1726 г. был переведён в Москву и назначен членом Комиссии о коммерции. В 1727 г. пожалован в действительные статские советники.

В 1727 – 1728 гг. – министр-советник при гетмане Украины.

После возвращения в Петербург 12 июля 1728 г. он был пожалован в тайные советники.

С 1730 по 1737 гг. руководил строительством Ново-Закамской (Черемшанской) линии крепостей.

В 1737 г. Ф.В. Наумов был назначен главным судьёй Судного приказа в Москве, а в 1738 г. Петербургским вице-губернатором.

В 1740 году был произведён в генерал-лейтенанты и назначен петербургским генерал-полицмейстером.

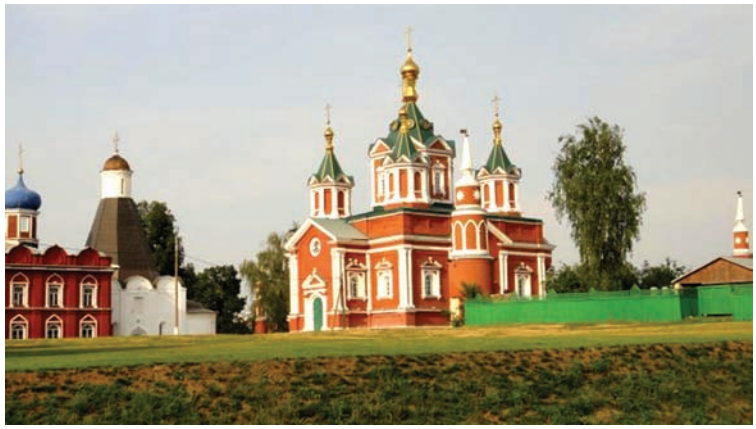
Федор Васильевич многое сделал для восстановления фактически разогнанной в 1740 г. столичной полиции. В Санкт-Петербурге он ввёл запрет на кулачные бои, издал приказ: не иметь в домах на центральных улицах битых оконных стекол, возобновил отлов нищих, борьбу с преступностью и надзор за казенным строительством.

17 декабря 1744 года Фёдор Васильевич Наумов был освобождён от должности, но оставался сенатором. В 1753 г. подал в отставку. В качестве «прощального подарка» получил от императрицы чин действительного тайного советника с соответствующей пенсией.

Наумов владел большими поместьями в Нижегородской, Московской и других губерниях. Он щедро выделял средства на благотворительные цели. Он был одним из постоянных благотворителей Успенского Брусенского женского монастыря [48].

Награды: орден Святого Благоверного князя Александра Невского.

Умер Федор Васильевич Наумов в 1756 г. в возрасте 65 лет.



Коломна. Успенский Брусенский женский монастырь.

Татищев Алексей Данилович
(1697 –1760 гг.)
Генерал-полицмейстер Санкт-Петербурга.
(1745 – 1760)

А.Д. Татищев – сын комнатного стольника Данилы Татищева, отец масона Петра Татищева, двоюродный дед дипломата Д. П. Татищева родился в 1697 г. С 15 лет он служил в Псковском пехотном полку, в составе которого участвовал в Северной войне (1700-1721).

В 1718-1725 гг. Алексей Данилович служил денщиком Петра I, который любил его за расторопность, исполнительность и инициативу.

А.Д. Татищев оставался на высоте при всех императорах, и лишь при Петре II в 1727 г. попал в опалу и отдалён от двора. Но при Анне Ивановне, вступившей на престол в 1730 г., ему было возвращено прежнее звание. 1737 г. Алексей Данилович был пожалован в действительные камергеры.

Татищев участвовал в русско-турецкой войне 1735–1739 гг.

В 1740 г. по его проекту был построен Ледяной дом. В этом же году он стал действительным камергером в ранге генерал-майора.

В 1745 г. А.Д. Татищев был произведен в генерал-поручики, стал кавалером ордена Св. Александра Невского.

В 1745 г. Алексей Данилович был назначен генерал-полицмейстером Санкт-Петербурга, и находился на этом посту 15 лет, до своей кончины в 1760 г. Он был первым генерал-полицмейстером, ранг которого по петровской Табели о рангах был поднят с 5-го до 3-го.

В 1746 г. Татищев добился полной самостоятельности должности генерал-полицмейстера, который подчинялся непосредственно императрице.

Как умелый организатор полицейской службы, в 1746 г. А.Д. Татищев был командирован в Москву «для устройства тамошней полиции на правильных началах».

30 августа 1757 г. Татищев был произведён в генерал-аншефы. Скончался Алексей Данилович 12 сентября 1760 г. в возрасте 63 лет. [49]

Русско-турецкая война 1735-1739 гг.

Корф Николай Андреевич
(1710–1766 гг.)
Генерал-полицмейстер Санкт-Петербурга.
(1761-1764)

Н.А. Корф, выходец из остзейского баронского рода, родился в 1710 г. в имении Прекульн в Курляндии. Как и многие его земляки, он до 1740 года, находился на службе в России. В 1740 г. Николай Андреевич уже был премьер-майором и служил кавалерийском Копорском полку. Его стремительной карьере способствовала женитьба на племяннице Екатерины I.

За выполнение особых поручений императрицы 05 февраля 1742 г. Корф стал действительным камергером. 15 июля 1744 г. был награждён орденом Святого Александра Невского.

30 марта 1758 г. Корф в чине генерал-поручика был назначен кёнигсбергским генерал-губернатором, и управлял прусскими областями, занятыми в ходе Семилетней войны.

В 1761 г. Корф был назначен Санкт-Петербургским генерал-полицмейстером.

При Петре III Николай Андреевич был награждён орденом Святого апостола Андрея Первозванного, стал полным генералом и подполковником лейб-кирасирского полка, полковником которого был сам император.

21 марта 1762 г. Корф был назначен «главным директором над всеми полициями», который подчинялся только императору. В его обязанность входила разработка мероприятий «по реорганизации полицейского управления в городах империи» и их представление императору [55].

В 1764 г. Корф, был освобождён от должности генерал-полицмейстера Санкт-Петербурга. Однако он до конца жизни пользовался доверием Екатерины II, и за ним было сохранено звание главного директора над полициями.

Награды: орден Св. Андрея Первозванного, орден Александра Невского.

Скончался Николай Андреевич 24 апреля 1766 г. в возрасте 55 лет.

Семилетняя война. Сражение при Цорндорфе 14 августа 1758 г.
Худ. А.Е. Коцебу.

Юшков Иван Иванович
(1714 – 1786 гг.)
Генерал-полицмейстер Санкт-Петербурга.
(1762-1764)

И.И. Юшков происходил из близкого к семейству царя Иоанна Алексеевича рода Юшковых. В 1738 г. он, имея чин секунд-майора, «состоял при комнатах царевен Екатерины Иоанновны и Прасковьи Иоанновны».

В 1739 г. Иван Иванович был переведён в Военную коллегию на должность экзекутора, в 1741 г. пожалован в подполковники.

С 1747 г. – вновь на гражданской службе в качестве советника Юстиц-коллегии. В 1753 г. получил назначение главным судьей Судного приказа. В 1760–1762 гг. управлял Камер-коллегией.

С 1762 по 1764 гг. – И.И. Юшков был Санкт-Петербургским генерал-полицмейстером.

С 1764 г. до 1773 гг. – являлся московским гражданским губернатором. Во время Чумного бунта 1771 г. в Москве он вместе с другими московскими руководителями в числе первых покинул заражённый город.

В 1768 г. за запрещенную игру в карты был вынужден уйти в отставку.

Награды: орден Святой Анны.

Скончался Иван Иванович 16 апреля 1786 г. на 72 году жизни, оставив после себя огромное состояние: две городские усадьбы, «обширное полузагородное имение на Девичьем поле, более 10 тысяч крепостных, а также огромное количество серебра, ювелирных изделий, и 40 пудов серебряной посуды». Похоронен И.И. Юшков в Спасо-Андрониковом монастыре Москвы [50].

Спасо-Андрониковый монастырь.

Чичерин Николай Иванович
(1724 –1782 гг.)
Генерал-полицмейстер Санкт-Петербурга
(1764 – 07.12.1777)

Н.И. Чичерин родился в 1724 г. в семье дворянина подполковника Полтавского полка И. Л. Чичерина. Николай начал службу в 13 лет. 1 февраля 1759 г. он был пожалован в полковники. 22 марта 1760 г. Чичерин был произведён в генерал-майоры и назначен киевским обер-комендантом.

В 1764 г. Николай Иванович получил должность генерал-полицмейстера Санкт-Петербурга. Через два года он был произведён в генерал-поручики и назначен сенатором.

В декабре 1766 г. по повелению Екатерины II Н.И. Чичерин успешно провёл в Петербурге выборы городского головы и депутатов от дворянства, и ему было поручено провести аналогичное мероприятие и в Москве. С этим заданием он также успешно справился.

21 апреля 1773 г. Николай Иванович был произведён в генерал-аншефы.

В 1777 г. в Санкт-Петербурге произошло катастрофическое наводнение. Нева поднялась более чем на 10 футов. Были затоплены низменные части столицы, погибли тысячи жителей города. Разгневанная Екатерина II обвинила полицию в нераспорядительности и гибели людей. Руководителю полиции Чичерину был сделан строгий выговор и 07 декабря 1777 г. он был отстранён от должности генерал-полицмейстера Санкт-Петербурга.

Награды: два ордена Св. Александра Невского, орден Св. Анны.

Скончался Чичерин в Петербурге в ноябре 1782 г. в возрасте 58 лет и был погребён в Лазаревской церкви Александро-Невской лавры [57].

Наводнение в Санкт-Петербурге в 1777 г.

Санкт-Петербург. Лазаревская церковь Александро-Невской лавры

Волков Дмитрий Васильевич
(1727– 1785 гг.)
Генерал-полицмейстер Санкт-Петербурга.
(12.1777 – 12.1779)

Д.В. Волков родился в селе Воскресенское Рузского уезда, Московской губернии в семье подьячего. Его отцу в 1731 г. было пожаловано личное дворянство. Дмитрий получил хорошее домашнее образование, владел французским и немецким языкам. В 1742 году он стал студентом в Московском архиве Коллегии иностранных дел. В 1745 году Волков получил чин прапорщика, который дал ему права на дворянство. В 1747 г. он был назначен переводчиком коллегии, а в 1749 г. – секретарём.

С 1755 по 1761 г. Дмитрий Васильевич служил секретарем Министерской конференции при Высочайшем дворе (высший на ту пору государственный орган) и работал под руководством А.П. Бестужева-Рюмина, отличаясь «на службе умом, сметливостью и энергией». В 1760 г. он стал членом Коллегии иностранных дел, был произведён в статские советники.

Петр III полностью доверял Волкову. В 1761 г. царь сделал его своим тайным секретарём, и приказал рапорты в совете «писать на имя наше, адресуя на конверте тайному секретарю Волкову».

После воцарения Екатерины II в 1762 г. Дмитрий Васильевич был назначен оренбургским вице-губернатором, с 1763 г. генерал-губернатором Оренбурга. Им были подготовлены записки о состоянии Оренбургского края (1763), подготовлен проект укрепления Оренбургской линии.

С 1764 г. Волков служил президентом Мануфактур-коллегии и принимал участие в решении всех серьезных экономических и финансовых вопросов. В 1768 г. его произвели в тайные советники. Дмитрий Васильевич был автором проекта о свободе внешней торговли и отмене торговых и промышленных монополий и привилегий (1760), комедии «Воспитание» (1774).

В 1771 г. Волков получил звание сенатора по трем московским департаментам.

В 1771 г. во время эпидемии чумы в Москве Дмитрий Васильевич добровольно отправился «для прекращения погибели рода человеческого от моровой язвы». За это был удостоен Екатериной II ордена Александра Невского.

В 1776 году, оставаясь на постах сенатора и президента Мануфактур-коллегии, Волков был направлен наместником в Смоленск,

С декабря 1777 г. и до конца 1779 г. Дмитрий Васильевич служил Санкт-Петербургским генерал-полицмейстером, и одновременно с декабря 1779 г. до августа 1780 г. исполнял обязанности Санкт-Петербургского гражданского губернатора.

С 1782 г. действительный тайный советник Д.В. Волков в отставке.

Последние годы жизни Д.В. Волков провёл в своём имении в селе Крест Велижского уезда, Витебской губернии. Умер в 1885 году в возрасте 58 лет и похоронен в селе Кресты [46].

Примечания

* Подсчитано авторами. В статье «ГУ МВД России по Санкт-Петербургу и Ленинградской области» дан список из 44 человек [47]. Однако при первых же уточнениях он увеличился более чем вдвое.

** В соответствии с классом чиновников устанавливались формы обращения к ним. К чиновникам 1–2 классов обращались «Ваше высокопревосходительство», к чиновникам 3–4 классов – «Ваше превосходительство», к чиновнику 5-го класса обращались «Ваше высокородие», 6–8 класса – «Ваше высокоблагородие» и к чиновникам 9–14 классов – «Ваше благородие».

*** Пажеский Его Императорского Величества корпус – элитное учебное заведение Императорской России.

**** До Петра I в России школами, готовящими офицеров для армии, служили два гвардейских полка: Преображенский и Семеновский – для пехоты и Лейб-Рудимент – для конницы. Там молодые дворяне проходили солдатскую службу и достигали сержантского чина, который позволял получить низшее офицерское звание (прапорщика или корнета) при выходе из гвардии в армию.

***** Ревизион-коллегия – центральное государственное учреждение Российской империи, осуществлявшее контрольно-счётные функции в отношении государственных финансов России в XVIII веке, образованное в 1719 году в ходе реформ Петра I и упразднённое в 1788 году в результате реформы.

Список литературы

1. Алексеенков А.Е. Ленинградская милиция на страже общественного порядка в период обороны города // Вопросы политической работы в органах внутренних дел в современных условиях: Сб. науч. трудов. – Л.: ВПУ МВД СССР, 1985. – 143 с.
2. Белозерова О.А. Командующий Маньчжурской армией генерал Алексей Николаевич Куропаткин (по дневниковым записям начала русско–японской войны 1904-1905 гг.) // Мир политики и социологии. – 2013. – № 10. – С. 47-56.
3. Белоконь И.В. «Цивилизационные разломы» и «желтая опасность» в контексте геополитических взглядов и идей А.Н. Куропаткина // Правовое поле современной экономики. – 2016. – № 8. – С. 155-164.
4. Биленко С.В. Советская милиция в защите социалистического Отечества (1941-1945 гг.). – М.: Знание, 1986. - 62, [2] с.
5. Борисов А.В. Министры внутренних дел России. 1802 – октябрь 1917 / Вступительная статья В.Ф. Некрасова и В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2002. – 350 с. – (Серия: «Внутренние войска и органы внутренних дел России»).
6. Генерал Куропаткин – государственный и военный деятель Российской империи. К 170-летию со дня рождения: Коллективная монография / Под общ. ред. В.П. Сальникова; О.А. Белозерова, И.В. Белоконь, О.А. Гоков, Н.В. Григорьева, С.В. Моисеев, Н.Ю. Николаев, Ю.Г. Попов, Р.Ю. Почекаев, В.П. Сальников. – СПб.: Фонд «Университет», 2018. – 370 с. – (Серия: «Патриоты Отечества»).
7. Гоков О.А. Поездки генерала А.Н. Куропаткина в Персию в 1895 и 1897 гг. и политика Российской империи в данном регионе // Мир политики и социологии. – 2016. – № 11. – С. 33-44.
8. Гранин Д.А. Жизнь не переделать. – М.: Центрполиграф, 2004. – 464 с.
9. Гранин Д.А. Причуды моей памяти. – М.: Центрполиграф, 2009. – 441, [7] с.
10. Гранин Д.А. Человек . – М.: Центрполиграф, 2004. – 464 с.
11. Гранин Д.А., Адамович А.М. Блокадная книга. – М.: Советский писатель, 1979. – 294 с.
12. Григорьева Н.В. Скрещение судеб: Куропаткин и другие... // Мир политики и социологии. – 2017. – № 1. – С. 49-54.
13. Гутман М.Ю. Милиция Петрограда и Петроградской губернии в годы революции и гражданской войны в России (1917-1920 гг.): Монография / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2002. – 320 с. – (Серия: «МВД России 200 лет»).
14. Длуголенский Я.Н. Военно-гражданская и полицейская власть Санкт-Петербурга-Петрограда. Генерал-губернаторы, гражданские губернаторы, генерал-полицмейстеры (обер-полицмейстеры), градоначальники / Изд. 2-е, испр. – СПб.: Журнал Нева, 2001. – 414 с.
15. Емелин С.М. Развитие форм взаимодействия органов внутренних дел и общественности в годы Великой Отечественной войны: правовые основы, особенности, исторический опыт // Юридическая наука: история и современность. – 2013. – № 9. – С. 28-36.
16. Емелин С.М. Состояние и уровень преступности на Южном Урале в годы Великой Отечественной войны (1941-1945): особенности, основные направления противодействия и профилактики // Юридическая наука: история и современность. – 2016. – № 12. – С. 108-114.

17. Ефремов Н.В. Транспортная милиция Ленинграда в годы войны // Внутренние войска и органы внутренних дел в период Великой Отечественной войны. 1941-1945: Матер. науч.-теор. конф., г. Ленинград. – Л.: ВПУ МВД СССР, 1976. – С. 164-169.
18. Заднепровская Л.Д. Борьба с беспризорностью, безнадзорностью и преступностью несовершеннолетних в годы Великой Отечественной войны // Из истории партийного руководства органами внутренних дел в годы Великой Отечественной войны. – Волгоград: ВСШ МВД СССР, 1973.
19. Зачем Петр I сделал Санкт-Петербург столицей // Русская Семерка. – URL: russian7.ru.
20. Иконникова И.С. Табель о рангах Петра I и современное развитие идей императора // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 11. – С. 20-24.
21. Кириллова Т.К., Мартынов В.Ф., Тищенко А.Г, Сальников С.П., Щербаковский Г.З. Значение петровских реформ для государственно-правового развития России // Вестник Санкт-Петербургского ун-та МВД России. – 2005. – № 3. – С. 84-93.
22. Кодан С.В. Система законодательства в России: формирование, развитие, становление (IX – начало XX вв.) // NB: Проблемы политики и общества. – 2013. – № 4. – С. 239–293.
23. Костин В.И. Борьба с хищением социалистического имущества и спекуляцией в годы Великой Отечественной войны. – Горький: Горьковская ВШ МВД СССР, 1982. – 87 с.
24. Ленинградская милиция в годы войны 1941-1945 гг. Ощущение времени. – СПб.: КОСТА, 2010. – 712 с., ил.
25. Мессер Р. Милиция осажденного города. – Л.: Ленингр. газ.-журн. и кн. изд-во, 1945. – 72 с.
26. Министерство внутренних дел России. 1802 – 2002: Исторический очерк в 2-х томах. Том 1 / Под общ. ред. В.П. Сальникова; Грызлов Б.К., Сальников В.П., Стрельников А.А, Рыскин Л.Б., Глушаченко С.Б., Александров А.И., Нижник Н.С. – СПб.: Фонд «Университет», 2002. – 272 с. – (Серия: «МВД России 200 лет»).
27. Министерство внутренних дел России. 1802 – 2002: Исторический очерк в 2-х томах. Том 2 / Под общ. ред. В.П. Сальникова; В.П. Сальников, Ю.Е. Аврутин, А.Е. Алексеенков, И.В. Говоров, М.Ю. Гутман, М.Э. Жаркой, В.А. Журавлев, В.А. Иванов, А.М. Назаренко, Н.С. Нижник. – СПб.: Фонд «Университет». – 2002. – 528 с. – (Серия: «МВД России 200 лет»).
28. Моисеев С.В. Военно-дипломатическая миссия А.Н. Куропаткина в Йэттишаре в 1876-1877 гг. // Мир политики и социологии. – 2016. – № 12. – С. 85-105.
29. Нижник Н.С., Сальников В.П., Мушкет И.И. Министры внутренних дел Российского государства (1802 – 2002): Биобиблиографический справочник. – СПб.: Фонд «Университет», 2002. – 584 с. – (Серия: «МВД России 200 лет»).
30. Николаев Н.Ю. А.Н. Куропаткин и Гаагская мирная конференция 1899 г. // Мир политики и социологии. – 2016. – № 12. – С. 117-130.
31. Панфилец А.В. Ленинградская милиция в годы блокады // Министерство внутренних дел: страницы истории (1802 – 2002 гг.): Сборник статей / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2001. – С. 427-439. – (Серия: «МВД России 200 лет).
32. Попов Ю.Г. Опыт историко-краеведческого изучения некоторых сторон жизни и деятельности генерала А.Н. Куропаткина в его имении Шешурино Холмского уезда Псковской губернии // Мир политики и социологии. – 2014. – № 11. – С. 47-82.
33. Почекаев Р.Ю. Политическое устройство и право туркмен в научных трудах и государственной деятельности А.Н. Куропаткина // Юридическая наука: история и современность. – 2016. – № 11. – С. 51-62.
34. Сальников В.П. Правоохранительная деятельность органов внутренних дел // Внутренние войска и органы внутренних дел в период Великой Отечественной войны. 1941-1945: Матер. науч.-теор. конф., г. Ленинград. – Л.: ВПУ МВД СССР, 1976. – С. 138-147.
35. Сальников В.П., Белозерова О.А. Шахматы генерала А.Н. Куропаткина // Мир политики и социологии. – 2014. – № 11. – С. 43-46.
36. Сальников В.П., Стеценко С.Г. Законодательная регламентация медицинской деятельности в России во время правления Петра I // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 2001. – № 4(237). – С 219-230.
37. Сальников В.П., Степашин С.В., Янгол Н.Г. Восстановление органов внутренних дел на освобожденной территории и их деятельность по ликвидации последствий войны, охране общественного порядка на Северо-Западе РСФСР // Министерство внутренних дел: страницы истории (1802 – 2002 гг.) / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2001. – С. 401-426. – (Серия: «МВД России 200 лет). – в кн. 608 с.
38. Сальников В.П., Степашин С.В., Янгол Н.Г. Органы внутренних дел Северо-Запада России в годы Великой Отечественной войны. – СПб.: Лань, 1999. – 224 с.
39. Санкт-Петербургская Столичная полиция и градоначальство. [1703-1903] Краткий исторический очерк / Сост И.П. Высоцкий. – С.-Петербург: товарищество Р. Голике и А. Вильборг, 1903. – 326, XVI с., 119 отд.

л. ил. : портр.
40. Скилягин А., Лесов В., Пименов Ю., Савченко И. Дела и люди ленинградской милиции. Очерки истории. – Л.: Лениздат, 1967. – 375 с.
41. Скилягин А.Т. Советская милиция в годы войны // Внутренние войска и органы внутренних дел в период Великой Отечественной войны. 1941-1945: Матер. науч.-теор. конф., г. Ленинград. – Л.: ВПУ МВД СССР, 1976. – С. 152-158.
42. Таблицы воинских званий Русской Армии [Электронный ресурс] // Русская армия и гвардия (1711–1917 гг.) URL: http://army.armor.kiev.ua/titul/svita.shtml.
43. Тимченко А.П. Организация и деятельность милиции Советской Украины в годы Великой Отечественной войны (июнь 1941 – май 1945 г.): Дис. … канд. юрид. наук. – Киев, 1981.
44. Филатов В.П. Ленинградская милиция в период обороны города. – Л.: ВШ МВД СССР, 1965. – 55 с.
45. Янгол Н.Г. Органы внутренних дел Ленинграда в годы Великой Отечественной войны (Историко-правовой аспект): Монография / СПб.: СПбГУАП.; СПбУ МВД России, 1998. – 203 с.
46. http://www.hrono.ru/biograf/bio_we/volkov_dv.html
47. http://www.wikiwand.com/ru
48. https://ru.wikipedia.org/wiki /Наумов,_Фёдор_Васильевич.
49. https://ru.wikipedia.org/wiki,Алексей Данилович Татищев; http://russiahistory.ru/general_politsmeyster/; https://ru.wikipedia.org/wiki.
50. https://ru.wikipedia.org/wiki/ Иван Иванович Юшков.
51. https://ru.wikipedia.org/wiki/Зуров,_Александр_Елпидифорович.
52. https://ru.wikipedia.org/wiki/Меншиков,_Александр_Данилович; http://histrf.ru/lichnosti/biografii/person/mienshikov-alieksandr-danilovich.
53. https://ru.wikipedia.org/wiki/Салтыков,_Василий_Фёдорови.
54. https://ru.wikipedia.org/wiki/Шаховской,_Яков_Петрович; http://lawbook.online/istoriya-prava/shahovskoy-yakov-petrovich-knyaz-17051777-26418.htm; http://www.hrono.ru/biograf/bio_sh/shahovskoy_ya.php.
55. https://ru.wikipedia.org/wiki; http://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/648741.
56. https://ru.wikipedia.org/wiki0
57. https://ru.wikipedia.org/wiki7/ Чичерин,_Николай_Иванович.
58. https://ru.wikisource.org/wiki/РБС/ВТ/ Дершау,_Карл_Федорович.
59. https://www.google.ru/search?q=Миних+Бурхард+Кристов.

РАССКАЗОВ Вячеслав Леонидович,
доцент кафедры теории и истории государства и права Кубанского государственного аграрного университета, кандидат юридических наук (г. Краснодар, Россия)
E-mail: rasskasov@mail.ru

Специальность 12.00.01 – Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве

ОРГАНИЗАЦИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОБЩЕЙ ПОЛИЦИИ ПО БОРЬБЕ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX В. – 1908 Г.)

Аннотация. *Рассматривается деятельность полиции Кубанской области во второй половине XIX – начале XX века. Анализируются штаты городской полиции, мероприятия, проводимые в целях усиления борьбы с преступностью.*

Ключевые слова: *полиция; Российская империя; Кубанская область; Екатеринодар: штаты городской полиии; борьба с преступностью на Кубани.*

RASSKAZOV V.L.

ORGANIZATION OF THE ACTIVITIES OF THE GENERAL POLICE IN THE FIGHT AGAINST CRIME (THE SECOND HALF OF THE XIX CENTURY – 1908)

The summary. *The activities of the police of the Kuban region in the second half of the XIX – early XX century are considered. Analyzed the staffs of the city police, the activities carried out in order to strengthen the fight against crime.*

Key words: *police; Russian empire; Kuban region; Ekaterinodar: the states of the city poliii; the fight against crime in the Kuban.*

С момента учреждения полиции в России в начале XVIII в. уголовно-розыскная деятельность постепенно сосредотачивается в ее руках. Однако вплоть до второй половины XIX в. в структуре полиции отсутствовали специализированные подразделения по розыску преступников. Необходимость создания сыскной полиции возникает в ходе общедемократических преобразований в России в 1860-х годах, в том числе и судебно-полицейской реформы [1; 40, стр. 151-168; 56, стр. 7-8].

25 декабря 1862 г., в целях «изменений и улучшений в устройстве полиции, особенно же в личном ея составе», император Александр II утвердил «Временные Правила об устройстве полиции в городах и уездах губерний, по общему учреждению управляемых», которые предусматривали сохранение городской полиции исключительно в губернских и крупных уездных городах, «оставив ее в подчинении полицмейстерам» [55]. Остальные же городские и уездные органы полиции подчинялись уездным полицейским управлениям во главе с уездными исправниками. [54] В свою очередь уезды подразделялись на станы под началом становых приставов. Нижним звеном общей полиции в уездах являлись сотские и десятские, которые избирались из состава сельских обществ [43].

В Кубанской области во главе уездных полицейских управлений стояли уездные начальники, а уезды разделялись на участки под началом участковых приставов. В пределах

территории станиц полицейские функции выполняли местные казаки во главе со станичными атаманами, а в близлежащих поселениях и хуторах – сотские и десятские, избираемые из казаков, крестьян и отставных военнослужащих, присягавших станичному атаману [31, л. 17-31].

Уголовный сыск на Кубани в XIX – начале XX вв. проводился местными органами общей (наружной) полиции, как и в большинстве регионов Российской империи. Исключения составляли обе столицы страны (Санкт-Петербург и Москва) и некоторые крупные губернские города, в которых учреждались специальные подразделения сыскной полиции. А в августе 1880 года в составе МВД был учрежден новый орган – Департамент государственной полиции, министром внутренних дел был назначен М.Т. Лорис-Меликов [41, стр. 160-175]. Положительный опыт и практика функционирования первых органов сыскной полиции впоследствии были взяты за основу при образовании общероссийской системы уголовного сыска в 1908 г. [2; 3; 67]. Этот опыт использовался и в органах уголовного сыска Кубани.

Во второй половине XIX в. штат полиции Екатеринодара составляли: полицмейстер, частные приставы – 2, следственный пристав, квартальные надзиратели – 5, урядники – 5, секретарь, писарь, столоначальник, полицейская стража: урядники – 5, казаки – 40 [32, л. 35]. Как следует из доклада Екатеринодарского полицмейстера И.Г. Петина начальнику Кубанской области, графу Ф.Н. Сумарокову-Эльстон в 1865 г., «полиция Екатеринодара составлена из чинов, вообще не соответствующих целям учреждения оной, обязанностиея слишком многосложны и требуют много условий от служащих как по письменной части при разборе жалоб, тяжб и производства следствий, так и в охранении благосостояния граждан» [5, л. 1]. Главная проблема такого состояния дел крылась в довольно низком содержании полицейских, как и в целом по России, особенно нижних чинов: например, писарь получал 3,5 руб. в месяц [6, л. 35]. В других городах Кубани штат полиции был еще скромнее, например: в Ейске – полицмейстер, пристав, помощник пристава и письмоводитель; в Темрюке – полицмейстер и его помощник; в Майкопе – полицейский пристав [65, стр. 124].

12 января 1887 г. Александр III утвердил мнение Государственного Совета «По проекту штата Екатеринодарской городской полиции» [44], которым предусматривалось на ежегодное содержание полиции 30430 руб., в том числе из средств города 19212 руб., а из государственного казначейства временно – 11218 руб., причем, с таким расчетом, чтобы «последняя сумма уменьшалась ежегодно на одну пятую часть, с соответственным сему увеличением суммы, расходуемой городом; по истечении же пяти лет, весь расход на Екатеринодарскую полиции покрывать из городских доходов полностью». В этой связи был составлен график движения средств из казны на указанный срок: 1887 г. – 11218 руб., 1888 г. – 8974 руб. 40 коп., 1889 г. – 6730 руб. 80 коп., 1890 г. – 4487 руб. 20 коп., 1891 г. – 2243 руб. 60 коп. Следовательно, с 1892 г. финансирование городской полиции должно было полностью осуществляться из бюджета Екатеринодара, что и произошло.

В штат Екатеринодарской городской полиции вошли: полицмейстер с содержанием 1440 руб. в год (жалованье 800 руб. + столовых 400 руб. + квартирных 240 руб.) и ему «на разъезды» 360 руб.; помощник полицмейстера с содержанием 1400 руб. (жалованье 800 руб. + столовых 360 руб. + квартирных 240 руб.); полицейские приставы – 4, с содержанием каждому по 650 руб. (жалованье 500 руб. + квартирных 150 руб.) и на «канцелярские издержки» каждому по 125 руб.; помощники приставов – 8, с содержанием каждому по 520 руб. (жалованье 400 руб. + квартирных 120 руб.); письмоводитель (он же бухгалтер) с содержанием 650 руб. (жалованье 400 руб. + столовых 130 руб. + квартирных 120 руб.); «на писцов и канцелярские расходы общего полицейского управления в городе» – 2 тыс. руб.; городовых: старших – 10, с жалованьем каждому по 216 руб.; младших – 90, с жалованьем каждому по 180 руб. Таким образом, ежегодная сумма на содержание Екатеринодарской городской полиции составляла 30430 руб. при штате 115 человек. Наем помещений, включая отопление и освещение их, для «общего управления полиции, равно как для полицейских частей и городовых», были отнесены на средства Екатеринодара [45].

Как следует из официального документа, служебные обязанности городовых (нижних чинов) в Екатеринодарской полиции состояли «в несении постовой службы с целью наблюдения

за тишиной, порядком и благочинием и для ограждения общей безопасности, посредством предупреждения и пресечения преступлений и устранения несчастных случаев». [53] В связи с тем, что штатом городской полиции не предусматривались должности других нижних полицейских чинов (околоточных надзирателей, конных стражников, полицейских служителей и рассыльных), в «многосторонние» обязанности городовых входили: «…ночные объезды по городу; явка на пожар для охраны имущества и содействия пожарной команде при тушении огня; конвоирование задержанных полицией и судебными местами в областную тюрьму, Полицейское Управление, Управление Отдела, Воинскому Начальнику, в камеры Мировых Судей и Судебных следователей; ежедневное вручение по городу массы повесток Мировых и Судебных Установлений как местных, так и иногородних; вручение окладных листов и извещений торговым и промышленным заведениям от Казенной Палаты и Податных Инспекторов по взносу разного рода казенных пошлин, квартирного и государственного налога и проч.; наряды в городской театр, цирк, маскарады, концерты, в увеселительные сады, на гулянья, парады, в церкви и проч.; дежурства при полицейских частях и кардегардиях; наряды от 5 до 10 городовых в камеры Мировых Судей и Съезда во время разбора полицейских дел…; весьма обременительный розыск, при отсутствии адресного стола, разных лиц и вызов их в Полицейское Управление и в камеры Полицейских приставов для объявления им разного рода бумаг, поступающих из разных Правительственных учреждений России; вручение паспортов и других документов; при этом на обязанности городовых, при отсутствии околоточных надзирателей, лежит наблюдение за санитарным состоянием города, а также и обязанности секретных агентов так называемой сыскной полиции» (в данном контексте под секретными агентами подразумевались филеры, осуществлявшие наружное наблюдение. – авт.). В заключение констатировалось, что «вся эта разнообразная деятельность 100 человек полицейских городовых на громадной территории города настолько переутомляет их, что они становятся неспособными к точному исполнению своих обязанностей, что вредно отражается на правильном течении наружной полицейской службы» [10, л. 10-11]. Такого рода реалии полицейской службы приводили к тому, что, например, в 1887–1892 гг. только пять городовых Екатеринодарской полиции из ста прослужили 5 лет, остальные – не более 1 года. В течение 1898 г. уволились из полиции 164 городовых, а вновь поступило на службу – 172 [59, стр. 30]. Причина подобной ротации кадров крылась в низком материальном содержании нижних чинов, наряду с тяготами полицейской службы, отсюда и низкая профессиональная подготовка городовых. В этой связи, характерно донесение полицмейстера Майкопа, подъесаула М.А. Левитеса начальнику Кубанской области от 1 мая 1907 г.: «…до 1 мая у меня было городовых 50 человек, а в настоящее время ввиду наступления полевых работ, многие из них, не пожелав остаться на жаловании 15 рублей в месяц, оставили службу в полиции и в данное время я имею лишь 38 городовых, которые и обслуживают весь город с его 40-тысячным населением. При таком незначительном штате охрана всего города, в особенности в ночное время, представляется весьма трудной задачей». На этом основании М.А. Левитес ходатайствовал «о командировании в Майкоп сотни казаков, т.к. одно лишь присутствие конной части в городе может сдерживать все порывы необузданности местных обывателей» [13, л. 93-93об].

11 июня 1892 г. было Высочайше утверждено «Городовое Положение», порядок действия которого применялся и для городов Кубанской и Терской областей. В ст. 138, помимо прочих, указывались предметы расходов «на средства городского поселения»: «6) …по содержанию чинов полиции, снабжением их провиантом, амуницией, вооружением и квартирным довольствием, согласно действующим штатам и росписаниям, а также пользование сих чинов в больницах; 7) Устройство или наем помещения для местного Полицейского Управления (где оно учреждено отдельно от Уездного), с отоплением и освещением». А ст. 140 предписывала: «При взимании городских сборов и производстве расходов из городских сумм в руководство принимается смета» [47]. Позднее канцелярия Наместника на Кавказе разъясняла, что «города Терской и Кубанской областей, в коих введено Городовое Положение 11 июня 1892 г., переданы, на основании Высочайше утвержденного 16 апреля 1902 г. мнения Государственного Совета, в ведение МВД лишь в отношении

городского хозяйства, почему переписка по делам городской полиции должна быть направляема по Окружному Штабу» [18, л. 19-19об].

Острое обострение криминальной обстановки в Екатеринодаре в начале XX в. позволило городским властям увеличить штат полиции: летом 1904 г. численность городовых выросла до 160 человек, причем 100 городовых получали содержание за счет расходов «на средства городского поселения», т.е. из городского бюджета, а 60 – от частных лиц [37]. В Майкопской полиции, за счет денежных средств частных лиц, штат был увеличен на 25 пеших и 15 конных нижних чинов полиции, а также повышены содержание старшим и младшим городовым [13, л. 271об]. Тем не менее, Майкопский полицмейстер М.А. Левитес сетовал начальнику Кубанской области на «все возрастающую преступность, бороться с которой, как я несколько раз доносил, нет возможности за малочисленностью штата чинов вверенной мне полиции» [15, л. 72-72об].

В соответствии с «Учреждением управления Кубанской и Терской областей и Черноморского округа», утвержденного 21 марта 1888 г. императором Александром III [46], к началу XX в. система административно-полицейской власти на Кубани выглядела следующим образом. Во главе ее находился начальник Кубанской области (он же наказной атаман Кубанского казачьего войска) с Областным Правлением. Среднее звено составляли полицмейстеры пяти городов – Екатеринодара, Майкопа, Ейска, Анапы, Темрюка, и атаманы семи отделов – Екатеринодарского, Майкопского, Ейского, Темрюкского (с 1910 г. – Таманского), Лабинского, Кавказского и Баталпашинского, в подчинении которых находились участковые начальники. И, наконец, нижнее звено – станичные и хуторские атаманы, волостные и аульные старшины.

Кубанская область по административной и полицейской части находилась в ведении Военного министерства, но как административно-территориальная единица, входила в состав Кавказского края (Бакинская, Елисаветпольская, Кутаисская, Тифлисская, Черноморская и Эриванская губернии; Батумская, Дагестанская, Карская и Терская области; Закатальский и Сухумский округа), которым руководил Наместник Его Императорского Величества на Кавказе (дислоцировавшийся в Тифлисе), назначаемый императором и непосредственно ему подчинявшийся в соответствии с Именным указом Николая II от 26 февраля 1905 г. «О восстановлении должности Наместника Кавказского» [49]. По гражданской части Наместник был подведомствен МВД, а по военной, будучи по должности еще и командующим Кавказским военным округом, а также «Войсковым Наказным Атаманом Кавказских казачьих войск», – Военному министерству. Согласно Именному указу от 3 мая 1905 г. «О предоставлении Наместнику Его Императорского Величества на Кавказе новых полномочий», власть главы Кавказа еще более расширилась: ему была предоставлена большая независимость по отношению к центральным органам власти, а по своему статусу Наместник приравнивался к министрам [51]. На этот ответственный пост в самый разгул революционных волнений Николай II назначил ближайшего сподвижника своего отца, покойного императора Александра III, графа И.И. Воронцова-Дашкова, который считал, что «Кавказ – это величина совершенно особого рода». Эта мысль легла в основу его деятельности и политики на посту главы Кавказской администрации [35, стр. 150].

В свою очередь, начальник Кубанской области (как губернатор) по гражданской части подчинялся МВД, а по военной (как командир дивизии) – Военному министру, однако не иначе как через Кавказское наместничество. Такой принцип двойного подчинения в громоздкой системе властной вертикали неизменно приводил к бюрократизации и рутинности управления государственного аппарата, в данном случае – на Кавказе.

В начале XX в. на Кубани сложилась крайне неблагополучная оперативная обстановка, которая определялась рядом факторов – экономическим, социальным, политическим, криминогенным, идеологическим и др. Одним из них являлся приток в область иногородних, главным образом рабочих, прибывающих из центральных регионов страны на заработки. Кубань представлялась им бескрайним источником естественных богатств с дефицитом рабочей силы. Так, только в 1902 г. таких рабочих было около 90 тыс. человек [11, л. 83-92]. Другой поток мигрантов составляли лица, прибывающие в регион с криминальными целями. В период с 1898 по 1913 гг. численность населения Кубани выросла на 62%, а число осужденных за совершение

преступлений – почти на 93%. В 1900 г. в Екатеринодарском судебном округе, охватывающем Кубанскую область и Черноморскую губернию, проходило 6135 дел, в том числе о преступлениях «против телесной неприкосновенности» – 1523 (24,8%), кражи – 1405 (22,9%), насильственное похищение чужого имущества – 509 (8,3%), убийства – 388 (6,3%), служебные – 350 (5,7%), «против женской чести» – 331 (5,4%) [64, стр. 127].

В целях усиления борьбы с преступностью на Кубани весной 1900 г. начальник Кубанской области (1892–1904), генерал-лейтенант Я.Д. Малама направил ходатайство в штаб Кавказского военного округа о выделении кредита «на расходы по розыску преступников» в размере 1 тыс. руб. При этом он ссылался на прецедент 1891 г., когда ему была выделена аналогичная сумма для «розыска преступников, ограбивших почту в селении Армавир». Однако ему было отказано главноначальствующим Кавказской администрации (1896–1905) Г.С. Голицыным, который «изволил заметить, что в положении одинаковом с Кубанской областью находятся и другие губернии Закавказья и Терская область, которым однако всем подобные отпуски произведены быть не могут; в таком же положении и другие губернии внутренней России, а между тем им для этой цели особых отпусков не производится». Вместе с тем, Г.С. Голицын признал возможным выдавать «денежное вознаграждение только лицам, способствовавшим раскрытию важных преступлений, по получению об этом мотивированного и подробного представления» [17, л. 6-6об].

В связи с сохраняющейся напряженной обстановкой в регионе 15 февраля 1902 г. из Главного управления Казачьих войск Военного министерства было отдано распоряжение начальнику Кубанской области: «В целях однообразия мер, принимаемых против уличных беспорядков, Военный министр приказал принять к сведению» циркуляр МВД № 6050 от 3 декабря 1901 г. «О предупреждении и пресечении уличных беспорядков» [12, л. 1]. В самом циркуляре, подписанном министром внутренних дел Д.С. Сипягиным, в декларативной форме предписывалось принятие «самых решительных мер к предупреждению и немедленному прекращению уличных беспорядков и к быстрому наложению надлежащих взысканий навиновных в производстве таковых», дабы «избавить меня от тяжелой обязанности всеподданнейше докладывать Его Императорскому Величеству о недостаточной распорядительности» [12, л. 2-3об]. Характерно, что в циркуляре не указывались ни силы и средства, необходимые для задействования, ни конкретные меры, принимаемые для ликвидации волнений, что свидетельствует о недопонимании министром, как, впрочем, и высшей властью, всей серьезности ситуации, вышедшей из-под контроля в целом по России. Отрезвление пришло достаточно быстро: 2 апреля 1902 г. террорист-эсер С.В. Балмашев убил министра внутренних дел Д.С. Сипягина [34, стр. 188]. В период 1901–1911 гг. только жертвами боевиков партии социалистов-революционеров стали: 2 министра, 33 генерал-губернатора, губернатора и вице-губернатора, 16 градоначальников, начальников окружных отделений, полицмейстеров, прокуроров, 7 генералов и адмиралов, 15 полковников [63, стр. 41].

Между тем, выполняя распоряжение Военного министерства, 3 апреля 1902 г. начальник Кубанской области Я.Д. Малама издал «Обязательное постановление», где, в частности, указывалось: «1. Воспрещается не только всякие сходбища и собрания на улицах, площадях и прочих общественных местах и частных домах для совещаний и действий, против общественного порядка и спокойствия, но и всякие, невызываемые необходимостью, остановки и сборища на тротуарах, улицах и площадях независимо цели таковых сборищ. 2) Участники всех сборищ обязаны разойтись по первому требованию полиции». В случае неповиновения требованиям полиции, все задержанные, «несмотря на их звание и положение», препровождались в ближайшее «полицейское учреждение» [12, л. 4-4об]. Как показывает дальнейшее развитие событий, указанные меры успехом не увенчались. В октябре того же года Екатеринодарский полицмейстер, есаул В.Е. Черник доносил начальнику Кубанской области Я.Д. Маламе, что «в последнее время, по случаю окончания полевых работ, времени заручений и свадеб, а также призыва новобранцев, драки уличников (хулиганов. – авт.) участились, и уличники стали до того дерзки и смелы, показывая этим свое удальство, что никакие меры наличной полиции не могут предотвратить их». В этой связи

В.Е. Черник взывал об оказании помощи городской полиции в охране общественного порядка силами конных казачьих разъездов [27, л. 40]. В середине апреля 1903 г. он вновь доносил, что в праздничные пасхальные дни «толпа уличников не давала проходу публике, врывалась во дворы жителей, била им окна» и опять просил в помощь конные разъезды для наведения порядка [27, л. 42-43]. Такого рода правонарушения хулиганствующей молодежи Екатеринодара, несмотря на всю озабоченность полицейского начальства, не шли ни в какое сравнение с теми широкомасштабными волнениями, которые очень скоро охватили Кубанскую область.

Революционные выступления в России, начавшиеся в конце XIX в., в конечном итоге вылились в Первую русскую революцию 1905–1907 гг., которая стала огромным бедствием для Кубани и инициировала значительный рост убийств, грабежей, разбоев и краж. Характерно, что убийства носили не только криминальный, но и политический характер. Грабежи и разбои прикрывались политическими лозунгами и революционной риторикой. Отвлечение сил полиции на сохранение общественного спокойствия и безопасности, развязывало руки криминалу [42, стр. 420-421]. Так, например, в приказе № 206 по Майкопской городской полиции от 14 ноября 1905 г. указывалось, что «чины полиции, по обязанности их охранения порядка и общественного спокойствия, должны быть осведомлены обо всех готовящихся беспорядках и принимать меры к воспрепятствованию таковых в самом начале их возникновения, не допуская их развития. При прекращении беспорядков, полиция не должна ограничиваться одним удалением с места нарушителей такового, а обязана выяснить как зачинщиков и руководителей, так и наиболее выдающихся участников беспорядков, для преследования этих лиц» [21, л.. 217об-218].

В период 1905–1907 гг. в Кубанской области произошло 730 выступлений. Наибольшая активность наблюдалась в Лабинском, Темрюкском, Кавказском отделах, в местах крупных сельских хозяйств, табачных плантаций и железнодорожных узлах. [57] Новым явлением было совместные выступления казаков и иногородних крестьян. Так, если в 1905 г. казаки 19 станиц области участвовали в 29 выступлениях, то в 1906 г. – 39 станиц принимали участие в волнениях [36, стр. 162].

В феврале 1905 г. новый начальник Кубанской области (1904–1906), генерал-лейтенант Д.А. Одинцов обнародовал «Объявление от Начальника Кубанской Области»: «В виду возникновения в Екатеринодаре уличных беспорядков и необходимости прибегнуть для прекращения их к действию военной вооруженной силы, прошу благонамеренных обывателей не входить в соприкосновение с производящей беспорядки толпой и, по возможности, не выходить без особой надобности из своих квартир, т.к. при действии войск оружием могут пострадать невинные, не принимающие участия в беспорядках…» [12, л. 5-а].

Между тем, по своим масштабам революционные волнения охватили фактически всю территорию Кавказа. 30 марта 1905 г. Наместник на Кавказе И.И. Воронцов-Дашков обратился к населению Кавказского края: «К сожалению, мне приходится вступить в отправление своих обязанностей в то время, когда ежедневно получаются вести о нарушении благополучия, о смутах, грабежах и всякого рода насилиях. … Ко всем обывателям без различия веры и национальности обращаюсь за содействием к благополучному устроению родной страны. Для введения в край порядка мирным путем необходима помощь всех общественных сил. Я верю в народную мудрость и убежден, что беспокойная часть населения не выдержит дружного общественного напора благомыслящего громадного большинства» [22, л. 244]. Учитывая сложную обстановку, 18 июня 1905 г. начальник Кубанской области Д.А. Одинцов отдал распоряжение, согласно которому «в виду тревожного времени, требующего усиленной и энергичной деятельности со стороны чинов полиции, отпуска этим чинам будут разрешаемы им лишь в особых случаях и только по болезни, по представлении медицинских свидетельств» [21, л. 154].

С опубликованием 17 октября 1905 г. Манифеста Николая II «Об усовершенствовании Государственного порядка», провозгласившего введение в стране политических прав и свобод [50], на Кубани, как и в целом в России, началась эскалация социальной напряженности: в Екатеринодаре, Армавире, Майкопе, Ейске, Гулькевичах, Кавказской, Тихорецкой и т.д. прошли демонстрации, митинги, стачки, забастовки и даже вооруженные восстания. Оппозиции противостояли органы общей и

политической полиции, войсковые и казачьи формирования [66, стр. 354-356]. 18 октября Николай II объявил всем чинам полиции Российской империи благодарность «за их беззаветно-верную службу при чрезвычайно тяжелых обстоятельствах» [22, л. 547]. А 21 октября с очередным призывом к населению Кавказа обратился И.И. Воронцов-Дашков: «… Высочайший манифест, который открыл государству зарю свободы, в то же время повелевает властям принять меры к устранению прямых проявлений беспорядка, бесчинств и насилий. Призывая население к спокойствию и обращению к мирному труду и занятиям, я убеждаю его избавить от грустной необходимости обращаться к представленным мне законом крутым мерам в охрану людей мирных, стремящихся к спокойному выполнению лежащему на каждом долге» [22, л. 509].

В октябре – ноябре 1905 г. в Екатеринодаре проходили антиправительственные манифестации, сопровождаемые погромами зданий и магазинов в центре города. В результате столкновений между толпой и полицией были жертвы с обеих сторон [28, л. 246-248]. 17 декабря начальник Кубанской области Д.А. Одинцов издал «Обязательное постановление для местностей Кубанской области, объявленных в положении усиленной охраны», в котором, в частности, указывалось:

«1. Сходки и собрания (митинги) в общественных и городских домах, в садах, скверах, на улицах и площадях без дозволения местной полицейской власти, а также всякие вообще сборища, нарушающие правильное уличное движение трамваев, экипажей и пешеходов, – воспрещаются.

2. Участники всех вышеупомянутых сходок, собраний и сборищ обязываются разойтись по первому требованию полицейской власти.

3. Воспрещается употреблять какие бы то ни было угрозы и насилия по отношению к служащим и рабочим с целью прекращения занятий и работ в правительственных и общественных учреждениях, на фабриках, заводах, в промышленных, торговых и тому подобных заведениях» [20, л. 1].

В этот период полиция Екатеринодара, совместно с Кубанским областным жандармским управлением, уже были не в состоянии обеспечить охрану правопорядка и безопасности: в конце декабря 1905 г. в областной центр были вызваны войска [60, стр. 16]. Примечательно, что во время накала массовых беспорядков и волнений, согласно донесениям Екатеринодарского полицмейстера В.Е. Черника, не последовало всплеска уголовных преступлений: к числу «важнейших» были отнесены лишь убийство жандармского унтер-офицера в ходе уличной драки между новобранцами и погром в гостинице «Турция». Прочие же преступления были связаны с конокрадством, кражами крупного рогатого скота и средствами передвижения [23, л. 1-2]. Делами же о государственных преступлениях ведало Кубанское областное жандармское управление – местный орган политического розыска.

Было неспокойно и в других городах Кубани. Так, 13 августа 1906 г. около тысячи жителей Темрюка окружили городское полицейское управление с требованием освободить из местной тюрьмы арестованных земляков и избили Темрюкского полицмейстера И.М. Статкевича и нескольких полицейских. Освободив арестованных, толпа прошла по городу с революционными песнями. Местная полиция была деморализована и на улицах не появлялась. Только 6 сентября прибывшая в Темрюк рота солдат выстрелами из винтовок в воздух и штыками разогнала бесчинствующую толпу и остановила беспорядки [39, стр. 95].

В связи с указом Николая II «Об объявлении Кубанской области на военном положении» от 30 октября 1906 г., предоставившим особые полномочия главе региона «по охранению государственного порядка и общественной безопасности» [52], начальник Кубанской области и наказной атаман Кубанского казачьего войска, в соответствии с Высочайше утвержденным мнением Государственного Совета «О местностях, объявляемых на военном положении» от 18 июня 1892 г., наделялся правами «Временного Генерал-Губернатора области», как то: передавать в военный суд дела «о всяких преступлениях, общими уголовными законами предусмотренных, для суждения виновных по законам военного времени»; «требовать рассмотрения при закрытых дверях в судах гражданского ведомства судебных дел, публичное рассмотрение коих может послужить поводом к возбуждению умов и нарушению порядка»; «воспрещать отдельным лицам пребывание в местностях, объявленных на

военном положении»; «высылать отдельных лиц во внутренние губернии империи с извещением о том министра внутренних дел для учреждения за ними полицейского надзора на время не свыше продолжения военного положения» [48].

Еще 20 сентября 1906 г. Наместник на Кавказе И.И. Воронцов-Дашков в своем циркуляре главам регионов Кавказского края указывал на недостатки в борьбе с преступностью. В частности, «в преследовании разбойников со стороны уездных властей замечается отсутствие надлежащей энергии, планомерности и согласованности; полицейские власти, вместо окончательного истребления шаек, ограничиваются лишь паллиативными мерами; не используются все те надежные элементы населения, содействие которых было бы очень полезным для истребления разбойников и установления спокойствия». В связи с этим, было предписано ежемесячно представлять отчеты о результатах мероприятий «по искоренению разбоев» [16, л. 1].

Во исполнение указаний, циркуляром от 3 ноября 1906 г. временный генерал-губернатор Кубани (1906–1908), генерал-майор Н.И. Михайлов обязал полицмейстеров городов и атаманов отделов принять все меры для наведений порядка и ежемесячно докладывать о состоянии борьбы с преступностью на местах. Так, например, Ейский полицмейстер Е.Т. Ромащук 5 декабря 1906 г. в своем отчете рапортовал, что «для искоренения разбоев мною приняты следующие меры: приставам частей города назначаются из городовых ночные обходы, которые проверяются чиновниками полиции, ежедневно, как только начинает темнеть и до закрытия всех магазинов и торговых мест, к корпусу лавок и торговых заведений назначаются усиленные наряды городовых с дежурным чиновником. Все эти наряды проверяются мною лично. Случаев разбоев в течение минувшего ноября в гор. Ейске не было» [16, л. 8]. Майкопский полицмейстер М.А. Левитес также докладывал 17 декабря 1906 г. о принятии «самых энергичных мер, благодаря чему, в последнее время преступники того или иного преступления или проступка стали задерживаться с поличным и, таким образом, нести заслуженное по закону наказание». Между тем, «главною причиною не обнаружения виновных» М.А. Левитес видел в том, что «полицейскому чиновнику, по большей части обремененному семьей и получающему недостаточное содержание для себя и семьи, как например в гор. Майкопе пристав получает жалованья в месяц 36 руб. 75 коп., а его ближайший помощник – околоточный надзиратель – 28 руб. 58 коп., не представляется возможности, за неимением средств выехать по горячим следам преступника, скрывшегося из города. Письменные же сообщения о задержании его мало достигают желанной цели. Нет в моем распоряжении и тех денежных сумм, коими я мог бы снабжать чиновников при нуждах по сыскной части» [16, л. 15-16]. Впрочем, довольно скоро, «благодаря сочувствию надежного элемента города», были собраны денежные средства на содержание 15-ти городовых сверх штата и одного сыщика, который, будучи «вполне обеспеченным материально», по мнению М.А. Левитеса, «работает с полным усердием и добывает своевременно необходимые сведения» [16, л. 26].

Не менее драматичная ситуация складывалась и в Темрюке: полицмейстер, подъесаул Д.С. Захаров (будущий Екатеринодарский полицмейстер) доносил, что «по смете на 1906 год, из городских сумм ассигнованы деньги на содержание 21 городового, считая каждому по 15 руб., а одному старшему @городовому@ 20 руб. в месяц. …при трудности полицейской службы и дороговизне жизненных припасов, действительно не представляется возможности иметь порядочных и надежных городовых» [24, л. 6].

Ситуация в сельских местностях Кубани была также сложная. Так, атаман Кавказского отдела, генерал-майор И.Н. Братков доносил, что «кражи, грабежи и убийства продолжаются. Видно, что народ до сего времени не может прийти к сознанию, что он сам, помимо полиции, должен охранять свое имущество, помогая ей в этом, т.к. одной полиции, по ея малочисленности, нет возможности точно выполнять свои служебные обязанности» [16, л. 11-13]. Ему вторил и атаман Лабинского отдела, полковник С.Д. Семеновский: «Обращаясь к вопросу о результатах деятельности наемной из местных жителей стражи, так называемой милиции, функционирующей третий месяц, скажу, что таковая не оправдывает возлагаемой на нее надежды, ибо она, не будучи сколько-нибудь организованной, не находится под контролем общей полиции» [16, л. 67-68]. Атаман же Екатеринодарского отдела, генерал-майор В.П. Савицкий предписал

станичным атаманам и сельским старостам «иметь незаметное для людей порочного поведения и подозрительных, наблюдение за этими людьми и вообще пользоваться всеми теми средствами, какие по местным обстоятельствам будут признаны действительнейшими и удобнейшими» [16, л. 29-29об]. Справедливости ради заметим, что Кубанское областное правление, в ответ на жалобы о недостаточности полицейских сил в сельских местностях, циркулярно оповестило атаманов отделов, что льготные офицеры Кубанского казачьего войска могут привлекаться к несению полицейских обязанностей на местах, «где это потребуется в интересах службы» [8, л. 2-2об].

С начала 1907 г. отчеты полицмейстеров и атаманов отделов Кубани в Канцелярию начальника области стали направляться еженедельно. Например, Майкопский полицмейстер уведомлял Канцелярию, что «в гор. Майкопе с 4 по 11 марта явлений политического характера и вообще событий заслуживающих внимания не наблюдалось» [14, л. 95]. В свою очередь, обобщив все сведения по Кубани, начальник области докладывал в штаб Кавказского военного округа и Особый отдел канцелярии Наместника на Кавказе [14, л. 297].

В целях достижения стабильной ситуации в Екатеринодаре, 6 сентября 1907 г. временный генерал-губернатор Кубани Н.И. Михайлов созвал экстренное совещание «по выработке мер борьбы с террористическими актами и увеличившейся преступностью вообще», на котором присутствовали не только чиновники аппарата, но и представители городского купечества и мещанства. Глава Кубани предложил сформировать в городе сыскную часть, увеличить число городовых и снабдить полицию современным вооружением [38]. Уже на следующий день, 7 сентября 1907 г., Екатеринодарская городская дума рассмотрела вопрос о мерах борьбы «с все учащающимися случаями так называемых экспроприаций и происходящими на этой почве убийствами». По результатам обсуждения было признано необходимым: 1) организовать «вооруженных полицейских стражников в количестве ста душ, считая по 1 стражнику на два квартала», с содержанием 240 руб. в год каждому; 2) «учредить временно для дневной охраны города и преследования преступников 10 должностей полицейских урядников, с содержанием по 600 руб. в год, и 50 городовых, с содержанием по 240 руб. в год каждому»; 3) «организовать сыскную часть в таких размерах, чтобы расходы на нее не превышали 5000 руб. в год»; 4) для финансирования проекта «установить сбор в общей сумме 30000 руб. со всех домовладельцев, имущество которых оценено для взимания оценочного сбора в 1000 руб. и выше» [19, л. 81-82]. 13 сентября Н.И. Михайлов утвердил решение городской думы и разрешил «совместно с полицмейстером приступить к реорганизации ночной охраны и организации денного полицейского надзора» [19, л. 83-83об.], а через два дня было опубликовано «Обязательное постановление, изданное Временным Генерал-Губернатором Кубанской области на основании п. 1 ст. 19 Правил о местностях, объявленных состоящими на военном положении». В нем, в частности, устанавливался сбор в сумме 30 тыс. руб., причем оговаривалось, что «деньги, следуемые с домовладельцев, вносятся ими в кассу Городской Управы в срок по ея указанию». Особо подчеркивалось, что «в случае несвоевременного взноса денег, таковые взыскиваются мерами полиции в бесспорном порядке, а неисправные плательщики подвергаются заключению в тюрьме на время до 3 месяцев или штрафу до 3000 рублей» [19, л. 87].

24 сентября 1907 г. последовал приказ № 285 по Кубанской области об учреждении 10-ти должностей пеших полицейских урядников и 50-ти пеших стражников «для ночной и дневной охраны гор. Екатеринодара». Полицмейстер города наделялся правом «назначать лиц на эти должности и увольнять их со службы» [19, л. 95]. Это формирование носило временный характер, не являясь штатным, и в окончательном варианте включало в себя 60 человек. Для утверждения приказ временного генерал-губернатора Кубани был направлен Наместнику на Кавказе с припиской, что «означенная мера принята ввиду неотложной необходимости, не допускающей ни малейшего промедления» [19, л. 98]. Из канцелярии Наместника на Кавказе ответили согласием, разъяснив, что «временное усиление состава полиции на общегородские средства может быть осуществлено распоряжением Областного Начальства, без специального на то разрешения высшей власти» [19, л. 112-113]. 30 июня 1909 г., «в виду снятия военного положения в области», по распоряжению начальника Кубанской области, все чины Екатеринодарской

полиции, «содержащиеся на средства, взыскиваемые с домовладельцев принудительным порядком», были уволены «по израсходовании взыскиваемых сумм» [26, л. 157-158].

Отличительной особенностью рассматриваемого периода является тот факт, что во многом благодаря усердию чинов полиции, продолжавших выполнять свой долг, и принятым чрезвычайным мерам, количество краж, грабежей и разбоев на Кубани в период 1906–1908 гг. пошло на убыль. Как отмечалось в официальном документе, «несмотря на увеличение народонаселения и массу неблагоприятных условий в борьбе с преступностью, количество преступлений, наиболее угрожающих общественному и государственному спокойствию, уменьшается в быстрой прогрессии». Об этом свидетельствовала и статистика: в 1906 г. на Кубани было совершено 2783 краж, в 1907 г. – 2035, в 1908 г. – 1553. Сократилось и количество грабежей и разбоев, соответственно с 715 и 493 – в 1906 г. до 572 и 507 – в 1907 г., и 458 и 486 – в 1908 г. Однако констатировалось, что «неблагонадежный элемент совершает преступления с большой осторожностью, хитро маскирует свою деятельность, с большими уловками скрывает следы преступления; выработалась известная система способов совершения того или другого преступления» [7, л. 2-2об.].

В рассматриваемое время население Екатеринодара составляло 67 тыс. человек, при штате городской полиции 113 чинов и полицейских служителей, с содержанием 30284 руб. в год (при городском бюджете 527 тыс. руб.). В других городах Кубани статистика была несколько скромнее: Ейск – население 39 тыс. человек, штат полиции – 68, содержание 20795 руб. (при бюджете 345 тыс. руб.); Майкоп – население 37 тыс. человек, штат полиции – 29, содержание 7973 руб. (при бюджете 117 тыс. руб.); Темрюк – население 15 тыс. человек, штат полиции – 25, содержание 8260 руб. (при бюджете 74 тыс. руб.); Анапа – население 8,5 тыс. человек, штат полиции – 21, содержание 7085 руб. (при бюджете 36 тыс. руб.) [62, л. 8]. Таким образом, в Екатеринодаре на содержание полиции расходовалось 1/17 часть городского бюджета, также как и в Ейске, в Майкопе же – 1/15, в Темрюке – 1/9, а в Анапе – 1/5.

Особое внимание следует обратить и на то, сколькими жертвами, из числа должностных лиц административно-полицейского аппарата, удалось стабилизировать криминальную обстановку на Кубани (только в период с 1 мая 1906 г. по 1 января 1908 г.). Так, в Майкопе были убиты двое городовых и член Майкопской городской управы; ранены – Майкопский полицмейстер, городовой и письмоводитель полицейского управления. В Темрюке и Ейске ранены по одному городовому, в Анапе – убит городовой; ранены городовой и писец Анапской городской управы. В Лабинском отделе погибли атаман отдела, полковник Н.И. Кравченко, полицейский урядник, жандармский унтер-офицер, судебный пристав и представитель «сельских властей»; ранены – двое городовых и полицейский урядник. В Кавказском отделе был убит старший городовой, а в Майкопском – дежурный станичного правления. В Темрюкском отделе погибли трое казаков, осуществлявших охрану общественного порядка. В других отделах обошлось без жертв [25, л. 2, 6-7, 9-15об., 17, 20, 23-24, 26-28, 30]. Столица Кубани понесла наиболее ощутимые потери. 21 сентября 1907 г. был убит правитель канцелярии начальника Кубанской области С.В. Руденко по пути на службу, а 15 февраля 1908 г. – директор народных училищ Г.М. Шкиль в своем кабинете. При исполнении служебных обязанностей погибли: 20 июля 1907 г. помощник Екатеринодарского полицмейстера Г.С. Журавель, 21 декабря 1907 г. пристав 1-й части города И.Т. Величко и 9 марта 1908 г. назначенный вместо него С.И. Кузнецов, 29 августа 1907 г. помощник пристава 2-й части И.Г. Боняк. Из числа нижних чинов Екатеринодарской полиции были убиты контролер ночных сторожей Е.Ф. Захарченко, ночной стражник О.Т. Голиков, старший городовой П.С. Зинченко, младшие городовые Е.И. Вдовенко и И.Г. Ковалев. Еще один городовой был ранен [25, л. 43-43об.]. Временный генерал-губернатор области в этот период неоднократно получал анонимки с угрозами убийства, в случае если не будет отменено военное положение на Кубани [30, л. 66]. Общероссийская газета «Речь» в статье «Екатеринодар. Общественная жизнь» живописала в январе 1908 г.: «До введения военного положения в Кубанской области было относительно тихо, а с введением этого положения настал ужас. Началось с убийства помощника полицмейстера Журавля. Затем среди бела дня и

безнаказанно было совершено убийство правителя канцелярии Руденко. Потом пошли убийства и покушения на жандармов и городовых, а недавно убит пристав Величко. Террор усилился ужасно и никакие казни не уменьшают его» [61].

Анализ практики деятельности Екатеринодарской полиции в условиях резкого обострения криминальной ситуации свидетельствует об изрядном объеме работы, проделанной ее чинами. Так, только в 1907 г. по всем четырем частям городского полицейского управления принято к производству 95981 «бумага» (заявления, поручения, жалобы и т.п.), которые подлежали разрешению, и было задержано 7866 лиц. Наибольшая нагрузка легла на 1-ю полицейскую часть Екатеринодара: принято к производству 29045 «бумаг» и задержано 4086 человек (более половины задержанных в городе). Самый низкий показатель был у 4-й части: 16002 «бумаги» и 96 задержанных [10, л. 12]. Таким образом, с учетом штата Екатеринодарской полиции в 115 классных и нижних чинов, включая и письмоводителя-бухгалтера, в среднем на каждого из них выходило более 834 «бумаги» в год (более двух каждый день) и 68 задержанных в год (более 5 человек ежедневно), помимо обеспечения охраны общественного порядка и безопасности, раскрытия преступлений, конвоирования задержанных и выполнения иных многочисленных функциональных обязанностей.

Давая анализ оперативной обстановки, сложившейся в столице Кубани в этот период, начальник Екатеринодарского охранного пункта, полковник Ф.А. Засыпкин полагал, что «слабая деятельность административной и полицейской власти и полное отсутствие политического розыска по гор. Екатеринодару привела к грандиозному накоплению преступного элемента, который, поощренный безнаказанностью, стал организовываться в различного наименования анархические и революционные группы, проявивших свою деятельность в целом ряде убийств различных лиц, грандиозного числа вымогательств денег с оружием в руках с угрозами смерти, разграблений казенных винных лавок, рядом вооруженных сопротивлений и, наконец, объявлении смертного приговора начальнику Кубанской области и стремлении привести в исполнение таковой» [29, л. 113].

Нельзя не привести и другую точку зрения относительно существовавших проблем в охране правопорядка. Незадолго до своей гибели от рук бандитов в центре Екатеринодара, правитель канцелярии начальника Кубанской области С.В. Руденко отмечал: «…если чины отделов и городских полиций в революционный период оказались, может быть, не вполне соответственными, то это произошло, главным образом, не столько от того, что чины эти вообще не соответствуют своему назначению, а благодаря недостаточности личного состава чинов полиции и несоответствия штатов современной жизни и предъявляемым к чинам полиции требованиям. Нельзя рассчитывать, чтобы полицейские должности, столь низко оплачиваемые, при массе обязанностей и трудности службы, соглашались занимать лица, которые по своей подготовке и другим качествам вполне соответствовали бы своему назначению» [9, л. 6-6об.].

В таких сложных условиях, по мнению В.П. Бардадыма, «наказной атаман Н.И. Михайлов оказался бессилен в борьбе с террористами. Осознав это, он подал в отставку» [4, стр. 305]. 23 января 1908 г. Наместник на Кавказе, граф И.И. Воронцов-Дашков писал императору Николаю II: «…Крайне тяжелое положение, в котором находится в настоящее время Кубанская область, где грабежи, насилия и самосуды сделались обыденным явлением – побудило меня войти с представлением к Военному Министру о безотлагательной замене Начальника Кубанской Области, генерал-лейтенанта Михайлова, другим лицом, т.к. главною причиною всего происходящего в Области, по моему мнению, является недостаточно умелое управление таковою названным генералом. Для замещения генерала Михайлова, выбор мой остановился на занимающем ныне должность губернатора Карской Области, генерал-лейтенанте Бабыч. Будучи природным казаком Кубанским, и прослужив в должности старшего помощника Начальника Кубанской Области семь лет – генерал Бабыч не только основательно знаком с условиями жизни и нуждами казачьего и неказачьего населения Области, но благодаря своему такту и отличным административным способностям – снискал всеобщую любовь и уважение как казаков, так и иногородних, среди которых имя его пользуется заслуженной популярностью. Кроме того, генерал Бабыч человек решительный, энергичный и способный; он это доказал в тяжелое

время смут 1905-го года, когда, появляясь везде где только угрожала опасность – твердыми и решительными мерами предотвратил беспорядки и восстановил законную власть. …я могу отвечать за спокойствие Края только в том случае, если не буду лишен возможности выбирать на столь ответственные должности, как должность Областного Начальника, лично мне известных администраторов, на которых я мог бы опираться в таком сложном деле, как управление Кавказским Краем. …Повелите назначить Бабыча Наказным Атаманом на Кубани. Более подготовленного на эту должность лица я не знаю. Да едва ли имеется, а Бабычу верят казаки. И я ему верю» [33, стр. 9-10]. Стоит ли говорить, что после такой блестящей аттестации Николай II поддержал позицию И.И. Воронцова-Дашкова. С 3 февраля 1908 г. по 26 марта 1917 г. генерал-лейтенант (впоследствии – генерал-от-инфантерии) М.П. Бабыч являлся начальником Кубанской области и наказным атаманом Кубанского казачьего войска; до своего назначения – военный губернатор Карской области (1906–1908) [68, стр. 36].

Буквально с первого дня М.П. Бабыч включился в работу. В это время Екатеринодарская городская дума продолжала искать пути оптимизации деятельности городской полиции по борьбе с преступностью. 25 и 27 февраля, а также 5 марта 1908 г. на заседаниях думы обсуждались вопросы «о реорганизации охраны города». В результате дебатов, «совещавшиеся пришли к признанию необходимости лучшей постановки Сыскной части, для заведования которой надо учредить должность 2-го помощника Полицмейстера». Помимо этого, было предложено обеспечить полицейских приставов «квартирными» по 300 руб. в год каждому. Принятое решение было закреплено журналом Екатеринодарской думы № 9 [19, л. 17-18]. Помимо этого, Екатеринодарский полицмейстер Д.С. Захаров доложил М.П. Бабычу, что «чины полиции по разнородности служебных обязанностей не могут всецело отдаваться сыскному делу и наружному наблюдению по охранению порядка и общественной безопасности», а поэтому «весьма желательно иметь сыскное отделение, деятельность которого может принести обществу большую пользу в целях розыска и предупреждения преступлений» [10, л. 2-3].

Таким образом, в начале XX в. на территории Кубанской области и в Екатеринодаре сложилась крайне взрывоопасная криминогенная ситуация, подпитываемая, с одной стороны, притоком иногородних рабочих из центральных губерний России с антимонархическими настроениями, а с другой – масштабными волнениями и беспорядками, вызванными революционными событиями 1905–1907 гг., охватившими практически весь патриархальный казачий регион.

По мере возникновения революционного движения в том или ином регионе Кубанской области активизировалась деятельность полиции [58, стр. 179]. В условиях обострения оперативной обстановки, когда тяжкие преступления совершались уголовниками под прикрытием политических лозунгов, а все силы полиции были брошены на пресечение массовых уличных правонарушений, выявились слабые стороны органов охраны правопорядка и безопасности, как то: стремительное отставание штатной численности полиции от реалий жизненной необходимости; крайне низкое материальное содержание полицейских, в особенности нижних чинов; их недостаточная профессиональная подготовка; слабое техническое оснащение полиции. В целях стабилизации ситуации и взятии ее под контроль местная и законодательная власти неоднократно принимали решения о выделении денежных средств из городского бюджета для финансирования вновь созданных временных полицейских подразделений и дополнительного стимулирования штатных чинов полиции. Несмотря на поддержку в этом вопросе начальника Кубанской области, в ряде случаев проблема встречала недопонимание в Кавказском наместничестве, в ведении которого по гражданской и военной части находилась Кубань как административно-территориальная единица. Наконец, остро давали о себе знать недофинансирование Департаментом полиции сыскной части в отделах области и отсутствие специализированного сыскного отделения в Екатеринодаре для предотвращения, пресечения и раскрытия уголовных преступлений. Хотя и с запозданием, но решение об учреждении такого подразделения, финансируемого на средства городского бюджета, было принято фактически накануне введения в действие общероссийского закона «Об организации сыскной части».

Список литературы

1. Аманацкий Ю.В., Гибов В.В., Глушаченко С.Б., Фролов В.В. Сыскная полиция в государственном механизме Российской Империи: Монография / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Санкт-Петербургский ун-т МВД России, 2006. – 88 с.
2. Артамонова Г.К., Берова Д.М., Сальников С.П., Шхагапсоев З.Л. Полиция, другие государственные учреждения и принуждение: судебная реформа в России XIX века // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 7. – С. 118-123.
3. Артамонова Г.К., Мухортов А.А. Российская Империя XIX – начала XX века: некоторые особенности правового регулирования функционирования полиции // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 11. – С. 7-11.
4. Бардадым В.П. Атаманы. – Краснодар : Советская Кубань, 2009. – 232 с.
5. Государственный архив Краснодарского края. – Ф. 249. – Оп. 1. – Д. 2425.
6. Государственный архив Краснодарского края. – Ф. 249. – Оп. 1. – Д. 2905.
7. Государственный архив Краснодарского края. – Ф. 318. – Оп. 6. – Д. 25.
8. Государственный архив Краснодарского края. – Ф. 449. – Оп. 2. – Д. 594.
9. Государственный архив Краснодарского края. – Ф. 449. – Оп. 2. – Д. 651.
10. Государственный архив Краснодарского края. – Ф. 449 – Оп. 2. – Д. 719.
11. Государственный архив Краснодарского края. – Ф. 454. – Оп. 2. – Д. 2988.
12. Государственный архив Краснодарского края. – Ф. 454. – Оп. 1. – Д. 65.
13. Государственный архив Краснодарского края. – Ф. 454. – Оп. 1. – Д. 228.
14. Государственный архив Краснодарского края. – Ф. 454. – Оп. 1. – Д. 253.
15. Государственный архив Краснодарского края. – Ф. 454. – Оп. 1. – Д. 272.
16. Государственный архив Краснодарского края. – Ф. 454. – Оп. 1. – Д. 288.
17. Государственный архив Краснодарского края. – Ф. 454. – Оп. 1. – Д. 326.
18. Государственный архив Краснодарского края. – Ф. 454. – Оп. 1. – Д. 379.
19. Государственный архив Краснодарского края. – Ф. 454. – Оп. 1. – Д. 380.
20. Государственный архив Краснодарского края. – Ф. 454. – Оп. 1. – Д. 1065.
21. Государственный архив Краснодарского края. – Ф. 454. – Оп. 1. – Д. 3160.
22. Государственный архив Краснодарского края. – Ф. 454. – Оп. 1. – Д. 3180.
23. Государственный архив Краснодарского края. – Ф. 454. – Оп. 1. – Д. 3175.
24. Государственный архив Краснодарского края. – Ф. 454. – Оп. 1. – Д. 3344.
25. Государственный архив Краснодарского края. – Ф. 454. – Оп. 1. – Д. 5191.
26. Государственный архив Краснодарского края. – Ф. 454. – Оп. 1. – Д. 5194.
27. Государственный архив Краснодарского края. – Ф. 454. – Оп. 2. – Д. 3070.
28. Государственный архив Краснодарского края. – Ф. 584. – Оп. 1. – Д. 199.
29. Государственный архив Краснодарского края. – Ф. 586. – Оп. 1. – Д. 1.
30. Государственный архив Краснодарского края. – Ф. 586. – Оп. 1. – Д. 25.
31. Государственный архив Краснодарского края. – Ф. 723. – Оп. 1. – Д. 43.
32. Государственный архив Краснодарского края. – Ф. Р-1700. – Оп. 1. – Д. 2905.
33. Елисеев Ф.И. Наказной атаман Кубанского казачьего войска, генерал Бабыч. 1844–1918. – Нью-Йорк, 1971. – 25 с.
34. Известные теракты / Авторы-сост. Д.В. Нестерова, А.В. Нестерова, О.В. Шумахер. – М.: Вече, 2003. – 384 с.
35. Исмаил-Заде Д.И. Граф И.И. Воронцов-Дашков. Наместник Кавказский. – М.: Центрполиграф, 2005. – 511 с.
36. История Кубани / Под общ.ред. В.В. Касьянова, Н.С. Короткого. – Краснодар: Кубанский государственный университет, 2005 – 336 с.
37. Кубанские областные ведомости. – 1904. – 17 июля.
38. Кубанские областные ведомости. – 1907. – 11 сентября.
39. Милованов С.В. Между двух революций. Деятельность Темрюкской городской полиции против революционного подполья в 1905–1917 гг. // Вестник архивиста Кубани. – 2014. – № 9.
40. Министерство внутренних дел России. 1802 – 2002: Исторический очерк в 2-х томах. Том 1 / Под общ. ред. В.П. Сальникова; Грызлов Б.К., Сальников В.П., Стрельников А.А, Рыскин Л.Б., Глушаченко С.Б., Александров А.И., Нижник Н.С. – СПб.: Фонд «Университет», 2002. – 272 с. – (Серия: «МВД России 200 лет»).
41. Нижник Н.С., Сальников В.П., Мушкет И.И. Министры внутренних дел Российского государства (1802 – 2002): Биобиблиографический справочник. – СПб.: Фонд «Университет», 2002. – 584 с. – (Серия: «МВД России 200 лет»).

42. Очерки истории органов внутренних дел Кубани (1793–1917 гг.) / Под ред. В.Н. Ратушняка. – Краснодар: Эдви, 2002 – 668 с. + 4 л. карт.
43. Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2. – Т. 37. – № 39087.
44. Полное собрание законов Российской империи. Собр. 3. – Т. 7. – № 4164.
45. Полное собрание законов Российской империи. Собр. 3. – Т. 7. Штаты и табели к № 4164.
46. Полное собрание законов Российской империи. Собр. 3. – Т. 8. – № 5077.
47. Полное собрание законов Российской империи. Собр. 3. – Т. 12. – № 8708.
48. Полное собрание законов Российской империи. Собр. 3. – Т. 12. – № 8757.
49. Полное собрание законов Российской империи. Собр. 3. – Т. 25. – № 25891.
50. Полное собрание законов Российской империи. Собр. 3. – Т. 25. – № 26803.
51. Полное собрание законов Российской империи. Собр. 3. – Т. 25. – № 26166.
52. Полное собрание законов Российской империи. Собр. 3. – Т. 26. – № 28503.
53. Рассказов В.Л. Первоначальный этап становления Екатеринодарского сыскного отделения // Актуальные проблемы права и правоприменительной деятельности на современном этапе: Материалы Международной научно-практической конференции 25-26 сентября 2014 г. – Краснодар: Юг, 2014. – С. 516-519. – в кн. 680 с.
54. Рассказов В.Л. Полиция Кубанской области в конце XIX– начале XX вв.: структура, функции, штаты и содержание // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. – 2015. – № 107. – С. 272-288.
55. Рассказов В.Л. Полиция Кубанской области на рубеже XIX-XX вв. // Аграрное и земельное право. – 2015. – № 4. – С. 41-48.
56. Рассказов В.Л. Уголовный сыск на Кубани: вторая половина XIX века – 1917 год (историко-правовое исследование): Монография. – Краснодар: ИП Купреев В.В., 2017. – 212 с.
57. Рассказов В.Л., Рассказов Л.П. Деятельность полиции Кубани в условиях резкого обострения криминальной ситуации 1905-1907 гг. // Труды Кубанского государственного аграрного университета. – 2015. – № 52. – С. 264-269.
58. Рассказов Л.П. и др. Кубань и казачество (конец XVIII в.-1920 г.) (историко-правовое исследование: Монография / Под ред. Л.П. Рассказова. – Ростов-на- Дону, 2003. – 440 с.
59. Ратушняк В.Н. Реорганизация Кубанской полиции в 1860–1890-е гг. // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2011. – № 4. – С. 27-31.
60. Революционное движение на Кубани в 1905–1907 гг.: Сборник документов и материалов / Сост. Г.Т. Чучмай. Краснодар: Кн. изд-во, 1956. – 375 с.
61. Речь. – 1908. – 25 января.
62. Российский государственный исторический архив. – Ф. 1276. – Оп. 3. – Д. 74..
63. Рязанов Д.В. Российская полиция и ее методы в контексте противодействия революционному терроризму (XIX – начало XX века) // Известия Саратовского университета. – 2008. – Т. 8. – № 1. – С. 38-47.
64. Сборник статистических сведений Министерства юстиции за 1900 год. – СПб., 1901.
65. Тарасов А.В. Реформа расследования преступлений в Российской империи XIX века и ее особенности на Кубани. – - Краснодар: Краснодарский юридический ин-т МВД России, 2003 – 186 с., [6] л. портр. : ил.
66. Трехбратов Б.А. История Кубани с древнейших времен до начала XX века. – Краснодар: Краснодар. кн. изд-во, 2000 – 440 с.
67. Шахматов А.В., Родичев М.Л. Феномен С.В. Зубатова: исторические ретроспективы развития агентурной работы в оперативно-розыскной деятельности и опыт противодействия терроризму в России // Юридическая наука: история и современность. – 2015. – № 11. – С. 106-117.
68. Энциклопедический словарь по истории Кубани: С древнейших времен до окт. 1917 г.. – Краснодар : Эдви, 1997. – 557 с.: ил., портр., табл.;

ЕМЕЛИН Сергей Михайлович,
начальник управления кадрового и правового обеспечения Уфимского федерального исследовательского центра Российской Академии наук (УФИЦ РАН), профессор кафедры управления информационной безопасностью Башкирского государственного университета, доктор юридических наук, кандидат исторических наук, профессор (г. Уфа, Россия)
E-mail: emelin_sm@mail.ru

ХАКИМОВ Салават Хазибович,
доцент кафедры истории и теории государства и права Уфимского юридического института МВД России, кандидат исторических наук, доцент (г. Уфа, Россия)
E-mail: khakimov72@yandex.ru

Специальность 12.00.01 – Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве

ЭВОЛЮЦИЯ ПОЛИЦЕЙСКИХ ФУНКЦИЙ ВОЕВОД И КОМЕНДАНТОВ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В XVIII В. (ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ)

Аннотация. *Рассматриваются вопросы реализации правоохранительной функции государственными органами Российской Империи в XVIII веке. Приводятся особенности формирования и становления специализированных полицейских органов, их правовая основа, структура и организационное построение. Выявлены задачи, стоявшие перед полицейскими органами в XVIII веке, особенности их выполнения в разных уголках Империи. Анализируются результаты исполнения решений по созданию регулярной полиции, причины перехода полицейских функций губернаторам и воеводам, качество их исполнения, а также место, которое занимали подразделения, выполняющие эти функции, в системе местного управления. Приводится список воевод и комендантов г. Уфы во второй половине XVIII в.*

Ключевые слова: *Российская Империя; XVIII век; Петр I; Главный магистрат 1721; Устав благочиния; полиция; обер-полицмейстер; генерал-полицмейстер; воеводское управление; местное управление.*

EMELIN S.M.
KHAKIMOV S.H.

EVOLUTION OF POLICEMAN FUNCTIONS OF VOUVODES AND COMMANDERS IN THE RUSSIAN EMPIRE IN THE XVIIITH CENTURY (HISTORICAL AND LEGAL ASPECT)

The summary. *The article is devoted to the implementation of law enforcement functions by government agencies of the Russian Empire in the XVIII century. The features of the formation and formation of specialized police bodies, their legal basis, structure and organizational construction are considered. Identified the tasks facing the police authorities in the XVIII century, especially their performance in different parts of the Empire. The authors analyze the results of the execution of*

decisions to create a regular police force, the reasons for the transfer of police functions to governors and voivodes, the quality of their performance, and the place occupied by units performing these functions in the local government system. The article provides a list of governors and commandants of Ufa in the second half of the XVIII century.

Key words: *Russian Empire; XVIII century; Peter I; Chief Magistrate 1721; Charter of Deanery; police' chief political master; general chief of police; voivode administration; local government.*

Охрана общественного порядка, защита жизни и собственности граждан всегда входили в круг первоочередных обязанностей государства и его территориальных органов управления. Следует согласиться, что эти функции как задача органов публичной власти территориально-организованного сообщества людей возникли еще в догосударственный период и осуществлялись в комплексе традиционно неразделяемых функционально и институционально направлений социально-политического управления наряду с финансово-административной и судебной деятельностью [9, стр. 85-88].

Формирование в России системы специализированных полицейских органов было вызвано необходимостью усиления роли государства и связано с масштабной реформаторской деятельностью Петра I и образованием Российской Империи. Структурирование выполняемых задач, которые до начала XVIII в. входили в функции административного управления и совмещались с финансово-административными и судебными, сформировали регулярную полицию, отвечавшую потребностям общества в государственной защите.

Переняв в общих чертах структуру западноевропейской полиции и само ее название, в 1715 г. император учреждает Главную полицмейстерскую канцелярию в Санкт-Петербурге. Предполагалось, что она будет управлять полицией всей страны. 25 мая 1718 г. Петр I утвердил «Пункты, данные Санкт-Петербургскому генерал-полицмейстеру Дивиеру для руководства» [21].

В Пунктах излагались основные обязанности полиции по борьбе с уголовной преступностью; охране общественного порядка, обеспечению санитарной и пожарной безопасности. 7 июня 1718 г. в Санкт-Петербурге учреждается должность генерал-полицмейстера с канцелярией и особым штатом сотрудников [50, стр. 10].

Вслед за Петербургом 19 января 1722 г. регулярная полиция была учреждена в Москве. В Указе Петра I отмечалось: «Учинить в Москве обер-полицмейстера, который должен депенденцию иметь от генерал-полицмейстера» [22]. Кандидатура обер-полицмейстера, таким образом, согласовалась с генерал-полицмейстером, что подчеркивало верховенство второй инстанции. В апреле 1722 г. назначенный по выбору Петра I обер-полицмейстером Москвы полковник Греков получил инструкцию об устройстве и основных обязанностях московской полиции, в которой, в частности, указывалось «и канцелярских и прочих служителей взять у прежних командиров, кому оное полицейское смотрение и правление в Москве поручено было» [19].

Однако на пути создания регулярной полиции в губерниях возникли финансовые и кадровые трудности. Бюджет государства был сильно истощен, его средств не позволяли организовать и содержать полицейские учреждения во всех городах Российской Империи. С другой стороны, комплектование полиции за счет армейских чинов, как это осуществлялось в столицах, могло ослабить боеспособность армии. Выход из сложившейся ситуации был найден Петром I в предоставлении магистратам, органам сословного городского самоуправления права создавать собственные полицейские органы.

Регламент Главного магистрата от 16 февраля 1721 г. устанавливал для полиции правовые и нравственно-воспитательные начала, так как она, по мысли законодателя, «споспешествует в правах и правосудии, рождает добрые порядки и нравоучения, всем безопасность подает от воров, насильников и обманщиков и им подобных, непорядочное и непотребное житие отгоняет и принуждает каждого к трудам и честному промыслу, чинит добрых домоустроителей, тщательных и добрых служителей города

и в них улицы регулярно починяет, препятствует дороговизне и принесет довольство во всем потребном к жизни человеческой, предостерегает от болезней, производит чистоту по улицам и в домах, запрещает излишества в домовых расходах и все явные погрешения, призирает нищих, увечных и прочих неимущих, защищает вдовых, сирых и чужестранных. Вкратце полиция есть душа гражданства и всех добрых порядков и фундаментальный подпор человеческой безопасности и удобства» [19].

Однако при жизни реформатора его указы по организации правоохранительных органов так и не были полностью исполнены, а с упразднением Главного магистрата полицейские функции вновь перешли губернаторам и воеводам.

Новая система местного управления была закреплена инструкцией от 12 сентября 1728 г. Единственными органами управления и суда в губернии стали губернаторы, а в провинциях и уездах – воеводы, которые осуществляли свои функции через соответствующие канцелярии: губернские, провинциальные, воеводские. Документ ограничивал компетенцию губернаторов и воевод конкретными, практическими и повседневными задачами феодально-крепостнического государства. Они были обязаны исполнять законы и распоряжения, исходящие от верховной власти, Сената и коллегий, охранять тишину и спокойствие на вверенной территории: ловить беглых крепостных, рекрутов, солдат и «всяких гулящих и слоняющихся людей»; вести борьбу с разбоем, осуществляя быструю расправу; в их ведении находились местные тюрьмы. Обширны были функции губернаторов и воевод в полицейских мероприятиях по охране от огня, чумы, по соблюдению чистоты на улицах и торгах и т.п.

Инструкция 1728 г. восстановила некоторые административные порядки воеводского управления XVII века. Только некоторые крупные губернские канцелярии делились на экспедиции. Все остальные губернские, провинциальные и воеводские канцелярии сохранили старое деление на столы и повытья (отделения, ведающие делопроизводством). Губернские и провинциальные канцелярии возглавляли секретари, а воеводские – подьячий с приписью. В 1730 г. был восстановлен старинный порядок смены воевод через два года.

Важным этапом на пути организационного управления полиции явился указ императрицы Анны Иоанновны от 23 апреля 1733 г. об учреждении в 23 городах Российской Империи самостоятельных полицейских контор под полной дирекцией Главной полицмейстерской канцелярии. В результате в 10 губерниях, 11 провинциях и 2 уездных городах были образованы полицейские органы [19]. В губернских городах штат данных подразделений определялся в 13 человек: полицмейстер (капитан), 1 унтерофицер, 1 капрал, 8 рядовых, 2 канцелярских служителя. Штат полиции провинциальных и уездных городов состоял из 11 человек: полицмейстер (поручик), по одному унтер-офицеру и капралу, 6 рядовых, 2 канцелярских служащих. Военнослужащих для полицейской службы предполагалось выделить из местных гарнизонов, в которых они бы продолжали числиться, получать жалование и все виды довольствия. Канцелярских служителей предполагалось набирать по конкурсу и платить им жалование из местных полицейских сборов. Новая система полицейских органов была строго централизованной, создаваемые подразделения имели вертикальное подчинение Главной полицмейстерской канцелярии в Петербурге, были юридически независимы от местных органов власти.

Для руководства полицмейстерским конторам на местах Главной полицмейстерской канцелярией была разработана должностная инструкция, где устанавливались функциональные обязанности и полномочия местной полиции. Будучи центром провинции Казанской губернии, Уфа не попала в данный перечень, но тем не менее здесь, безусловно, имелись должностные лица, исполнявшие полицейские функции. В провинциях и уездах воеводы и коменданты через свои канцелярии исполняли законы и распоряжения, исходящие от верховной власти, Сената и коллегий, по охране тишины и спокойствия на вверенной территории: ловить беглых крепостных, рекрутов, солдат и «всяких гулящих и слоняющихся людей»; вести борьбу с разбоем, осуществляя быструю расправу; в их ведении находились местные тюрьмы. Обширны были функции губернаторов и воевод в мероприятиях по охране от огня, чумы, по соблюдению чистоты на улицах и торгах и т. п. [8, стр. 110].

В 1727 г. была введена должность товарища (помощника) провинциального воеводы, назначаемого из ответственных унтер-офицеров (по

одному на провинцию), в задачу которого входил сбор и отпуск денег. А чтобы «у воевод с теми офицерами не было распри», было поставлено «давать провинциальным воеводам ранг второй полковничий, пока они будут воеводами» [24].

Воевода, исправно исполняющий свои обязанности, при выходе в отставку мог сохранить чин полковника и даже получить более высокий. Такая перспектива, по мнению законодателей, могла «побудить их к наилучшей ревности и осторожности» [24].

В марте 1727 г. Верховным тайным советом были выдвинуты кандидаты на должность воеводы в 31 провинцию и 185 городов и пригородов. «Под надзором провинциальных воевод» вершился суд и велось наблюдение за сбором податей. В городах воеводы получили чин майора, а в пригородах – поручика [18, стр. 255]. В 1718–1722 гг. обер-комендантом Уфы, затем воеводой служил полковник Бахметьев, в 1722–1727 гг. – воевода князь И.Г. Шаховской, с 23 июля 1725 по август 1731 г. – бригадир Батурлин [2, стр. 158].

Массовое бегство крепостных крестьян на Дон, в Поволжье и Южный Урал вызывало недовольство помещиков, к поиску беглецов привлекались губернские и воеводские канцелярии. Еще в 1721 году в Уфу был послан граф Головин для организации сыска беглых крестьян, который нашел «оных сходцев по показанию башкирцев и сторожимых там иноверцев, многие тысячи дворов, которых выслал с женами и детьми на старые жилища, где они написаны в подушном окладе и в корабельных работах: учредил между Казанского и Уфимского уездов по Каме и по другим рекам и через степь к Самаре… и поставил из регулярных и нерегулярных войск земств, чтоб впредь оные народы не могли уйти в башкирские жилища» [11, стр. 56].

Запрещение башкирам принимать беглое население было вновь подтверждено указами Сената от 9 июня 1725 г. и 31 мая 1728 г. Для задержания беглых на западных границах Уфимского уезда были привлечены караулы из подразделений вологодского полка, конкретно было предписано ставить на восточной границе башкирских земель в пристойных местах «крепкие заставы» [23].

Основной контингент среднего звена полиции предполагалось набирать из отставных военнослужащих с сохранением прежнего звания, обеспечением всем необходимым и денежным довольствием от военного ведомства. Указ от 14 мая 1740 г. подтвердил привлечение к полицейской службе военно-сухопутных и морских чинов. Помимо их в полицию набирали канцелярских и конторских служителей. В губернских городах начальниками назначались капитаны, а в провинциальных – поручики. Для караулов и содержания съезжих дворов (полицейская расправа в каждой части города) предусматривалось по одному унтер-офицеру. При караулах в губернских городах должно было находиться восемь рядовых и в провинциальных – шестеро. Кроме того, им помогали выбиравшиеся по полицейской повинности из городских домохозяев сотские, десятские и ночные караульные. Жалование и иное довольствие назначалось из сумм, выделявшихся на содержание губернских гарнизонов. Канцеляристы же содержались за счет местных доходов и сборов, производившихся полицией с населения.

Провинциальная полиция находилась в «полной дирекции» Главной полицмейстерской канцелярии. По императорской резолюции она обязывалась издать инструкцию о деятельности новых полицейских учреждений, но в 1730–1740-х годах подобный документ так и не был создан. Как правило, они руководствовались «Пунктами», данными генерал-полицмейстеру, инструкцией московскому обер-полицмейстеру и различными указами по полицейскому управлению.

Императорский указ от 4 марта 1733 года «Об учреждении полиции в городах» стал важной вехой в развитии отечественных региональных правоохранительных органов и ознаменовал первую законотворческую и административную стадию реформирования правительства в данном направлении. Данный нормативный акт стал правовой основой создания регулярных полицейских органов в масштабе всей страны. Подразделения полиции в губернских городах стали называться полицейскими конторами, во главе которых назначались полицмейстеры из числа офицеров местных гарнизонов.

Через четыре года издается указ Сената, изменивший подчиненность губернской и провинциальной полиции, которая передавалась «в ведомство губернаторов и воевод». Полицейские назначались на должность с жалованьем «из особых офицеров или из дворян», с определением к ним

«приказных служителей и рассыльщиков». Но так как, по мнению верховной власти, жалованье приведет к казенным убыткам, а от обывателей будут «происходить обиды», то указ советовал полицию отдать «на ратуши» [28].

По смыслу указа полиция получала двойное подчинение. Это, по-видимому, произошло потому, что круг вопросов, входивших в полномочия полицмейстерских контор, ограничивался соблюдением внутреннего благочиния (наблюдение за спокойствием и тишиной в городах) и противопожарной безопасностью. Полиция следила за ценами на рынках, так как они «должны быть заорленными» [20], то есть не спекулятивными, следила за продажей вина и лошадей. Важнейшие же дела (борьба с разбоями, поимка беглых рекрутов и крестьян) оставались в компетенции губернаторов и воевод. По всей видимости, такое разделение в то время являлось оправданным. Верховная власть исходила из того, что пока будет вводиться полиция, а ее чины – набираться опыта, разбойники ждать не будут. Губернаторы же с воеводами – власть более или менее к тому времени окрепшая и сильная.

Из обширных обязанностей полиции можно выделить следующие функции: санитарный и строительный надзор; противодействие нищенству и бродяжничеству; борьба с разбойными нападениями и охрана общественного порядка; осуществление паспортного режима; противопожарная безопасность; надзор за порядком управления (противодействие пьянству, продаже порченых продуктов и пр.) [29; 30; 31; 32; 33; 34; 35; 36; 37; 38; 40; 39; 42; 41; 43].

Однако без распоряжения городского магистрата полиция не могла наказывать граждан. Это закреплялось указом императрицы Елизаветы Петровны, данным нижегородскому магистрату. В нем говорилось, что «без ведома магистрата, полиция не может наказывать и дерзить обывателям, а по требованию в полицейском исправлении магистрату, полицией надлежащее вспоможение чинить».

Небольшой контингент полицейских чинов, вооруженных алебардами или дубинами, не мог обеспечить должный порядок в городе, особенно по ночам. Поэтому для предотвращения преступлений в ночное время улицы перегораживались рогатками, при которых дежурили обыватели. Об этом говорилось еще в наказе губернаторам и воеводам от 12 сентября 1728 года: «Для лучшего порядка и пресечения воровства сделать на концах улиц створчатые рогатки. Иметь при них палочные караулы из жителей и при них были бы для учинившихся пожаров, драк и воровства трещотки. А с которых дворов караулу быть надлежит, расписку учинить» [25].

Созданные в 1733 г. в 23 губернских, провинциальных и некоторых более мелких городах полицмейстерские конторы возглавлялись полицмейстерами из офицеров местного гарнизона: «К управлениям полицейским, – отмечалось в резолюциях, – из имеющихся в тех губерниях гарнизонов в полицмейстеры, в губернских из капитанов, в провинциальных из поручиков, по одному человеку к тому достойных, да для караулов и содержания съезжих домов по одному унтер-офицеру и капралу» [26].

Также в штате губернской полиции состояли 6 рядовых и 2 канцелярских служителя, а в провинциальной, соответственно, 6 и 2 человека с жалованьем и довольствием. Уфа, Оренбург не попали в данный реестр. Каждому полицмейстеру давалась в распоряжение небольшая команда. Компетенция полицмейстерских контор была весьма узкой, так как многие полицейские функции, особенно связанные с поимкой беглых крестьян, рекрутов, борьбой с разбоем, по-прежнему остались в ведении губернаторов и воевод. Местная полиция наблюдала за внешним порядком и «благочинием» в городе: за соблюдением тишины, чистоты, противопожарных мер и т. п. [8, стр. 113].

На территории, которая охватывает современную Башкирию, организация специальных полицейских учреждений начинается только с 1782 г. в период реализации учреждений о губерниях Екатерины II. Столь долгий период можно объяснить частотой как административно-территориальных изменений региона, так и сменой центров управления (Казань, Оренбург, Уфа).

Уфимская провинция была центром данной территории, Исетская – ее Зауральской частью. По определению выдающегося историка и географа П.И. Рычкова, «башкирский народ и жительствами и расположением своим занимает лучшую и высочайшую часть губернии и составляется наибольшее в ней людство» [4, стр. 24].

В Оренбургской губернии, образованной в 1744 г., насчитывалось 11 городов и пригородков,

имевших соответствующий юридический статус: губернский город Оренбург, уездные города – Уфа и Ставрополь, безуездный Мензелинск, центр дистрикта Шадринск, пригородки Алексеевск, Бирск, Каракулино, Оса, Табынск. Города и пригородки были военно-административными пунктами [4, стр. 35, 43].

В Уфе и Челябинске находились провинциальные канцелярии, возглавляемые воеводами, а впоследствии – комендантами. Воеводские канцелярии существовали в Мензелинске, Бирске, Красноуфимске, Осе и Табынске. Воеводы провинций, городов, пригородков назначались Сенатом. Лишь в Табынск воевод направлял губернатор [4, стр. 43]. Большими административно-полицейскими и судебными полномочиями обладали Уфимский, Исетский воеводы и провинциальные канцелярии. Присутствие Уфимской и Исетской провинциальных канцелярий состояло из воеводы, воеводского товарища и прокурора. Делопроизводство велось 1 или 2 секретарями [3, стр. 37].

Первым воеводой Уфимской провинции был назначен полковник Н.Д. Мерзлюкин (с августа 1735 по июнь 1736 г.). В 1737 г. правящим на воеводскую должность был определен полковник Астраханского драгунского полка П. Мартаков, с 1740 по 1744 гг. – П.Д. Аксаков, в 1764–1770 гг. – надворный советник И.В. Спиридов, а в 1770–1778 гг. – надворный советник А.Н. Борисов, при котором правление города передано комендантам и в 1770 г. первым комендантом г. Уфы был назначен полковник С.С. Мясоедов, который исполнял свои обязанности до 1773 г. [4, стр. 48].

В 1760 г. был установлен порядок смены воевод через пять лет. Губернаторы и воеводы осуществляли свои функции через канцелярии. С 1763 г. каждому губернатору для содействия в исполнении законов была дана воинская команда [8, стр. 112].

О сфере компетенции пригородочных канцелярий и воевод косвенно свидетельствует указ Уфимской провинциальной канцелярии в Осинскую воеводскую канцелярию от 6 октября 1770 г. «О невступлении в окружность к приему челобитен далее 30 верст впред(ь) до резолюцы». Следовательно, в ведении пригородочных правлений находились сами пригородки и население окрестных деревень в 30-верстной окружности.

По данным П.И. Рычкова, воеводские канцелярии и конторы в Елдяке, Красноуфимске, Нагайбеке, Мензелинске и Табынске учреждены, по определению И.И. Неплюева, в 1745 г. с «правом судить окрестных жителей, в том числе и башкир», но ежель дело земляное или иск более 1000 рублев», то следствие проводится «пригородочными» властями, а решение принимается провинциальной канцелярией [3, стр. 38].

В 1766 г. в Уфе проживало 150 казаков, которые получали жалование 4 рубля в год. Они выполняли и полицейские функции. Кто не был послан на пограничную линию «содержит городовой в пристойных местах караул, задолжаются в разные от Уфимской провинциальной канцелярии в Уфимский уезд по старшинам с указами посылки, к препровождению денежной казны и колодников до разных городов в конвое и в партии по поиску воров и разбойников». Аналогичную службу несли елдякские и нагайбекские казаки. Уфимские казаки в своих наказах депутатам Уложенной комиссии просили об увеличении их численности от 150 до 300 человек, об отмене полицейской службы (указывалось, что для этих целей могут быть использованы солдаты провинциальной роты) [4, стр. 228, 229, 232].

При штурме повстанцами Уфы 23 декабря 1773 г. и 25 января 1774 г. атаки были отбиты защитниками города. По распоряжению коменданта Уфы полковника С.С. Мясоедова, для обороны города было учреждено 13 пикетов в разных частях, где было задействовано 1120 человек, вооруженных огнестрельным оружием и 27 пушками [10].

Общее руководство обороной Уфы осуществлял воевода Уфимской провинции надворный советник А.Н. Борисов, занимавший данную должность с 1770 по 1778 год. Его предшественником был надворный советник – чин 7 класса Табели о рангах – И.В. Спиридов (1764 – 1770) [13, стр. 113; 14, стр. 208].

Последним воеводой Уфимской провинции был надворный советник И.П. Татаринов, прибывший в Уфу в 1778 г., а комендантом служил подполковник фон Тейхер. В 1785 г. в г. Уфе воеводской должности не было. Руководство осуществлял комендант города в лице подполковника и кавалера Ивана Архиповича Мистрова [15, стр. 354-355], который исполнял свою должность в период наместничества до 1789 г., в 1790 г. его сменил секунд-майор Ф.А. фон Гринблат, в 1791–1792 гг. комендантом был премьер-майор

С.П. Петрашевич, в 1793–1798 гг. – полковник, кавалер ордена Св. Георгия 4 степени князь Иван Юрьевич Баратов [15, стр. 348-349].

По указу, принятому в феврале 1797 г., коменданты городов, не имеющие «в своем ведомстве» гарнизонных военных формирований, переименовывались в городничих и переводились в гражданское ведомство [47].

С упразднением Уфимского наместничества военные части были передислоцированы в Оренбург, в Уфе оставалось минимальное число военнослужащих. 8 августа 1798 г. в г. Уфе должность коменданта была также упразднена и «начали управлять в городе городничие», отмечается в кратком описании Уфы [4, стр. 87].

В Уфимской провинциальной канцелярии в 1773 г. состояли на службе 44 человека, причем ключевые административно-полицейские должности занимали преимущественно представители дворянского сословия. Из 17 начальников учреждений среднего звена 14 были офицерами. Но среди канцелярских служителей встречались и разночинцы из подьячих, унтер-офицерских, солдатских и казачьих детей [4, стр. 43].

Должности комендантов и комендантских канцелярий были введены еще Петром I и просуществовали до 1796 г. Коменданты как гражданские правители подчинялись гражданскому губернатору, как начальники гарнизонов – генерал-губернатору. Их функции сводились к сбору налогов, суду над населением, организации борьбы с разбоями, а также с беглыми крестьянами и рекрутами, поддержанию порядка в городах, крепостях и гарнизонах [6, стр. 255-256]. Согласно штату от 19 апреля 1764 г. комендантские канцелярии включали 1 канцеляриста и 2 писарей, позднее были введена и должность копииста. В 1797 г. по штату Уфимского наместничества, состоявшего из двух областей или провинций, первой – Уфимской – из восьми уездов отпускалось на жалование и расходы присутственных мест ежегодно 98915 руб., а на Оренбургскую область – 43055 руб. Всего на Уфимское наместничество выделялось 141970 руб. [17, стр. 34].

8 августа 1798 г. должность коменданта г. Уфы была отменена, а полицейские функции переданы городническому управлению. Первым городничим был назначен надворный советник, дворянин Егор Иванович Павлов [5, стр. 60]. После окончания в 1765 году Сухопутного кадетского корпуса, в чине прапорщика он был направлен в регулярную армию, в 1768 – 1772 гг. в составе пехотного корпуса участвовал в русско-турецкой войне, получил ранение в левый бок [49, л. 11об, 12]. 30 ноября 1780 г. вышел в отставку с присвоением звания секунд-майора. В том же году указом Правительствующего Сената определен в Саратовское наместничество городничим в г. Вольск [49, л. 13]. В 1782 г. Е.И. Павлов был переведен в Уфимское наместничество советником гражданской палаты, занимался вопросом разграничения полномочий между Уфимским с одной стороны, и Пермским, Тобольским наместничествами с другой. С 1793 по 1798 гг. он работал в Уфимском земском суде во 2-ом департаменте заседателем [49, л. 13об]. 22 апреля 1798 г. назначен уфимским городничим и выполнял свои функции вплоть до своей кончины 18 октября 1802 г. [48, л. 84, 85об].

Самым старшим по возрасту был городничий г. Бирска коллежский асессор Иван Иванович Рушинский. В 1799 г. ему шел 61-й год. Он происходил из дворян, владел 31 душой крестьян в деревне Ивановка Мензелинского уезда. На службу поступил 22 марта 1752 г. в Уфимский драгунский полк капралом [49, л. 14, 15]. После получения капитанского звания 1 января 1771 г. вышел в отставку. С 1771 по 1790 гг. возглавлял городническое правление в г. Бирске, имел чин коллежского асессора [49, л. 15об].

Структура городской полиции, в отличие от уездной, в учреждениях для управления губернией не получила детальной правовой регламентации. В городах предусматривалось только введение должностей городничих. В соответствии со штатами Уфимского наместничества 1781 года эти должности были установлены в городах Бузулуке, Верхнеуральске, Сергиевске, Белебее, Бирске, Бугульме, Бугуруслане, Мензелинске, Стерлитамаке, Уфе и Челябинске, и несколько позднее, после образования уезда в 1784 г., – в Троицке. В Оренбурге должность городничего учреждалась в структуре аппарата обер-коменданта «в помощь ему» по полицейской части [44].

По данным за 1785 г., в Уфимском наместничестве комендантом г. Уфы, которая получила губернский статус, являлся полковник Иван Архипович Мистров. Городничими: в Бирске – капитан Иван Рушинский, в Мензелинске – надворный советник Николай Гаврилович

Огурцов, в Бугульме – надворный советник Иван Ефимович Хиряков, в Бугуруслане – коллежский асессор Федор Тимашев, в Белебее – секунд-майор Василий Ершов, в Стерлитамаке – секунд-майор Иван Еселев, в Челябинске – секунд-майор Иван Фон Швейгоферн, в Оренбурге – обер-комендант, генерал-майор и кавалер ордена Св. Георгия 4-го класса Яков Михайлович Зембулатов, в Бузулуке – комендант, секунд-майор Александр Иванович Львов, в Верхнеуральске – комендант, полковник Егор Алексеевич Ступинин. Указом от 1 апреля 1778 г. военной коллегии предписывалось назначать в штатные команды офицеров из гвардии и армии, а личный состав комплектовать «из служащих в полевых полках и гарнизонах и из отставных из полевой армии, способных к продолжению сей штатной службы» [15, стр. 354-359]. С 1782 г. городничий в Оренбурге назначен обер-комендантом [45].

С 1775 г. начинает проводиться коренная реформа полицейских учреждений, непосредственным толчком которой стала Крестьянская война под предводительством Емельяна Пугачева. После подавления восстания правительство осознало необходимость создания на местах прочной системы полицейских органов, способных эффективно профилактировать и решать возникающие конфликты и проблемы.

При Павле I организовывались командировки сенаторов для ревизии губерний. В Оренбургскую губернию были направлены сенаторы М.Г. Спиридов и И.В. Лопухин. После ознакомления с деятельностью уездных администраций сенаторы предложили учредить должность «директора уезда», который был бы «и не судья, но блюститель порядка и право судья в уезде, директор всех в уезде судов и полиции всего уезда, и в правлении орудие губернского начальства» [12, стр. 602]. Эти предложения были направлены на повышение эффективности деятельности уездных органов управления за счет устранения межведомственных трений и борьбы со злоупотреблениями чиновников.

В рапорте сенаторов М. Г. Спиридова и И. В. Лопухина от августа 1800 г. в отношении полицейских учреждений Оренбургской губернии отмечается, что в губернском городе Оренбурге, как и в уездных городах «полицией на основании высочайше опробованных штатов не учреждены за неполучением Сенатского указа. Посему полиция хоть и существует, не только по одному названию…» [12, стр. 595].

Здесь же отмечается, что жители городов не в состоянии содержать положенного по штатам количества чиновников, «и для того к облегчению городских жителей откомандировано для полицейских исправлений в Оренбурге из губернской штатной, а в уездных городах из уездных штатных же рот команды, и наблюдения в городах тишины, спокойствия и безопасности возложено в губернском на полицмейстера, а в уездных на городничих» …»[12, стр. 595].

Тем не менее, в своих выводах проверяющие констатировали: в Оренбургской губернии «спокойствие, безопасность и порядок, зависящий от полиции, существует» [12, стр. 595].

Император Павел I отказался от большинства нововведений, принятых в екатерининскую эпоху. При нем были нормативно закреплены организационные различия в структуре формирования полиции губернских и уездных городов, а также определены источники финансирования.

В его Указе от 25 июля 1799 г. «Об определении в полицейские должности по избрании губернаторов и комендантов, с положением жалования из городских доходов, и о разрешении неудобств, могущих возникнуть при учреждении полиции» отмечалось: «… его Императорское Величество, усматривая из донесений комендантов, что по вновь изданному установлению полиции, в губернских и уездных городах определенные в должность полицейские, купцы и мещане, не имея ни навыка, ни нужных сведений, не могут отправлять их с надлежащей исправностью, Высочайше повелеть изволил: на местах сии определять из оставшихся за упразднением мест и других в казенной службе бывших способных и расторопных чиновников по избранию губернаторов и комендантов с положением подлежащих им из городских доходов жалования» [46].

На городничих также возлагалась организация борьбы с ворами и беглыми, с возможными неповиновениями населения властям, наблюдение за состоянием мостов, переправ и улиц, надзор за казенными строениями, предоставление воинским командам квартир, проведение административного дознания о преступлениях в городах [7, стр. 210]. Согласно «Уставу благочиния» от 8 апреля 1782 г. городничие должны были возглавлять управы благочиния, но фактически

их в уездных городах не было. По мнению Р.И. Байгутлина, управы были организованы в Оренбурге и Уфе, а возможно, и в некоторых других городах [1, стр. 76]. Е.П. Сичинский добавляет Челябинскую управу благочиния [51, стр. 32].

Таким образом, начиная с XVIII века в России начинает оформляться такая важная часть административного управления как специализированные полицейские органы. Вместе с тем, их функции только формировались, а сфера полицейской компетенции распространялась преимущественно на решение административных и управленческих задач (такая сфера как «благочиние» или поддержание общественного порядка была лишь одной в ряду многочисленных задач). Это объясняет тот факт, что в рассматриваемый период полицейские функции выполняли воеводы и коменданты, наряду с военными и гражданскими административными задачами. Данный опыт имел существенное значение в плане дальнейшего развития государства, в том числе обеспечения безопасности граждан и общественного порядка. Интересно, что заложенная изначально практика выполнения широкого объема полномочий, не связанных с правоохранительной деятельностью, сохранилась и в последующем. В частности, в XIX, а особенно в XX веке, в советский период российской истории, полиция, а затем милиция выполняла широкий спектр задач государственного управления, вбирая множество т.н. «несвойственных функций», отказ от которых был одной из сторон реформирования системы МВД в новейшее время.

Список литературы

1. Байгутлин Р.И. Реорганизация полиции Оренбургской губернии при Павле I // Вестник Челябинского государственного университета. – 2010. – № 25 (206). Право. Вып. 25. – С. 76-81.
2. Биккулов И.Н. П.Д. Аксаков – воевода и вице-губернатор Уфимской провинции. – Уфа: Педкнига, 2009. – 181 с.
3. Васильев И.М. Податное и военно-служилое население Башкирии по наказам в Уложенную комиссию 1767 г. Ч. 1. – Уфа: Китап, 2000. – 171 с.
4. Гвоздикова И.М. Башкортостан накануне и в годы крестьянской войны под предводительством Е.И. Пугачева. – Уфа: Китап, 1999. – 512 с.
5. Гвоздикова И.М. У истоков уфаведения: Краткое описание губернского города Уфы. – Уфа: Китап, 2014. – 124 с.
6. Государственность России (конец XV – февраль 1917 г.). Словарь-справочник. Книга 2. Д-К. – М.: Наука. 1999. – 448 с.
7. Государственность России Словарь-справочник. Кн. 5. В 2 ч. Ч. 1. – М.: Наука, 2005. – 501 с.
8. Ерошкин Н.П. История государственных учреждений дореволюционной России. – М.: Высшая школа, 1983. – 352 с.
9. Ефремова Н.Н. К вопросу о генезисе регулярной полиции в России // Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития (навстречу 300-летию российской полиции): Материалы XIV международной научно-теоретической конференции. Санкт-Петербург, 27–28 апреля 2017 г. / Под ред. Н.С. Нижник: В 2 т. Т. I. – СПб.: Санкт-Петербургский ун-т МВД России, 2017. – С. 85–88.
10. Журнал Уфимской комендантской канцелярии о ходе боевых действий против повстанческих отрядов И. Н. Зарубина – Чики под Уфой с 24 ноября 1773 по 24 марта 1774 гг. // Южноуральский археографический сборник. Вып. 1. – Уфа, 1973. – 403 с.
11. Материалы по истории Башкирской АССР. Т. 3. – М.-Л.: АН СССР, 1949. – 691 с.
12. Материалы по истории Башкирской АССР. Т. 5. – М.-Л.: АН СССР, 1960. – 784 с.
13. Месяцеслов с росписью чиновных особ в государстве на лето от Рождества Христова. 1765. – СПб., 1765.
14. Месяцеслов с росписью чиновных особ в государстве на лето от Рождества Христова. 1774. – СПб., 1774.
15. Месяцеслов с росписью чиновных особ в государстве на лето от Рождества Христова 1785. – СПб., 1785.
16. Месяцеслов с росписью чиновных особ в государстве на лето от Рождества Христова 1796. – СПб., 1796.
17. Мухаметшин Ф.Б., Султанов А.Х., Хакимов С.Х. Полиция Башкирии. Три века на службе Отечеству. – Уфа: Уфимский юридический ин-т МВД России, 2017. – 282 с.
18. Писарькова Л.Ф. Государственное управление России с конца XVII до конца XVIII века: Эволюция

бюрократической системы. – М.: РОССПЭН, 2007. – 742 с.
19. ПСЗРИ. – Собр. 1. – Т. VI. – № 4047.
20. ПСЗРИ. – Собр. 1. – Т. VI. – № 4136.
21. ПСЗРИ. – Собр. 1. – Т. VI. № 3203.
22. ПСЗРИ. – Собр. 1. – Т. VI. – № 3883.
23. ПСЗРИ. – Собр. 1. – Т. VII. – № 4733.
24. ПСЗРИ. – Собр. 1. – Т. VII. – № 5033.
25. ПСЗРИ. – Собр. 1. – Т. VIII. – № 5333.
26. ПСЗРИ. – Собр. 1. – Т. VIII. – № 6378.
27. ПСЗРИ. – Собр. 1. – Т. IX. – № 6378.
28. ПСЗРИ. – Собр. 1. – Т. X. – № 7211.
29. ПСЗРИ. – Собр. 1. – Т. X. – № 7232.
30. ПСЗРИ. – Собр. 1. – Т. X. – № 7405.
31. ПСЗРИ. – Собр. 1. – Т. X. – № 7508.
32. ПСЗРИ. – Собр. 1. – Т. X. – № 8152.
33. ПСЗРИ. – Собр. 1. – Т. XI. – № 8214.
34. ПСЗРИ. – Собр. 1. – Т. XI. – № 8254.
35. ПСЗРИ. – Собр. 1. – Т. XI. – № 8621.
36. ПСЗРИ. – Собр. 1. – Т. XI. – № 8754.
37. ПСЗРИ. – Собр. 1. – Т. XII. – № 8918.
38. ПСЗРИ. – Собр. 1. – Т. XII. – № 8926.
39. ПСЗРИ. – Собр. 1. – Т. XIII. – № 9992.
40. ПСЗРИ. – Собр. 1. – Т. XIII. – № 8254.
41. ПСЗРИ. – Собр. 1. – Т. XV. – № 10001.
42. ПСЗРИ. – Собр. 1. – Т. XV. – № 10023.
43. ПСЗРИ. – Собр. 1. – Т. XV. – № 11521.
44. ПСЗРИ. – Собр. 1. – Т. XXI. № 15324.
45. ПСЗРИ. – Собр. 1. – Т. XXI. № 15329.
46. ПСЗРИ. – Собр. 1. – Т. XXV. – № 19047.
47. ПСЗРИ. – Собр. 1. – Т. XXVI. – № 17777.
48. РГИА. – Ф. 1286. – Оп. 1. – Д. 2576.
49. РГИА. – Ф. 1349. – Оп. 4. – Д. 39.
50. Сизиков М.И. История полиции России (1718–1917 гг.): Становление и развитие общей регулярной полиции в России XVIII века. – М.: АПО, 1992. – 66 с.
51. Сичинский Е.П. Полиция Южного Урала в период кризиса самодержавия. – М.: А.И. Осипенко; Майор, 2005. – 266 с.

ЛИТВИНОВ Николай Дмитриевич,
руководитель Экспертного центра «Национальной безопасности», доктор юридических наук, доцент (г. Воронеж, Россия)
E-mail: ndlitvinov49@mail.ru

ЖУРАВЕЛЬ Валерий Петрович,
ведущий научный сотрудник отдела страновых исследований Института Европы Российской академии наук, кандидат педагогических наук (г. Москва, Россия)
E-mail: zhvalery@mail.ru

Специальность 23.00.02 - Политические институты, процессы и технологии

ЧИГИРИНСКОЕ ВОССТАНИЕ, КАК ФОРМА ЕВРОПЕЙСКОЙ ГИБРИДНОЙ ВОЙНЫ НА ТЕРРИТОРИИ РОССИИ. 1876-1877 гг.

Аннотация. *Предпринята попытка пересмотреть наиболее известные, революционные акции периода Российской империи, через призму механизма гибридных войск. Чигиринское восстание не получило надлежащего освещения в истории. Предлагается посмотреть на «чигиринской заговор» как на спецоперацию гибридной войны Запада против России.*

Редакция журнала не во всем согласна с мнением авторов.

Ключевые слова: *Чигиринское восстание; гибридная война; нетрадиционная война; украинофильское движение; революционно-террористические организации; агентурная сеть.*

LITVINOV N.D.
ZHURAVEL V.P.

CHIGIRINSKOE UPRISING AS A FORM OF EUROPEAN HYBRID WAR IN RUSSIA. 1876-1877

The summary. *An attempt was made to revise the most famous, revolutionary actions of the period of the Russian Empire, through the prism of the mechanism of hybrid troops. The Chigirin uprising has not received proper coverage in history. It is proposed to look at the "Chigirin conspiracy" as a special operation of the hybrid war of the West against Russia.*

The editorial board does not fully agree with the authors.

Key words: *Chigirinskoe uprising; hybrid warfare; unconventional warfare; Ukrainophile movement; revolutionary terrorist organizations; spy network.*

В последние годы на Западе и в США зародилось учение о нетрадиционных, гибридных войнах. Современные теоретики войны начинают исследовать и разрабатывать теорию и механизм нетрадиционных, или гибридных войн. Так, чтобы и войну организовать, нанести ущерб государству – объекту, и самому не пострадать от ответных мер.

«Наука не исследовала даже наиболее общие проблемы нетрадиционных войн: их сущность,

природу, характер возникновения, способы ведения, технологию, организацию и т.д. Не сложилась как самостоятельная область знаний и общая теория нетрадиционных войн, не отлажен ее категорийный аппарат, не определено место в общей системе знаний о войне» [11].

Основные способы ведения гибридной войны – это диверсии внутри и на территории государства-объекта. Диверсии информационные, идеологические, экономические, политические. И силовые: террор, партизанские отряды, выборочная ликвидация должностных лиц и инженерных сооружений, и т.п. Все это требует теоретического обоснования.

Современные исследователи: политологи, философы, теоретики военного искусства, только ставят задачу исследования нетрадиционных, гибридных войн будущего [3]. Между тем, Россия на протяжении веков является объектом таких, нетрадиционных, или гибридных войн. Россия накопила громаднейший, и, совершенно не изученный опыт, противодействия нетрадиционным, гибридным войнам, которые ведутся Западом против России минимум 400 лет. Достаточно сказать, что Великая Смута, введение в России внешнего управления в лице Правящего Дома Романовых, в 1613 году, были результатом гибридной войны. А «Дом Романовых» возводился на русский престол в результате усилий Ордена Иезуитов [30].

Активные фазы гибридной, нетрадиционной войны начались на территории России и против России, после отмены крепостного права [1].

В истории России 1861 год рассматривается только как год отмены крепостного права. Между тем в 1861 году произошло еще одно знаменательное событие: Россия отпраздновала свое тысячелетие. К тысячелетию Руси император обнародовал «Программу реорганизации внутреннего устройства России во втором тысячелетии». Она была доведена до широких масс населения в первом выпуске журнала «Северная Почта», являвшегося официальным органом МВД.

Министром внутренних дел Российской империи в этот период были Сергей Степанович Ланской (с 26 августа 1855 г. по 23 апредя 1861 г.) [24, стр. 115-124] и Петр Александрович Балуев (с 23 апреля 1861 г. по 9 марта 1868 г.) [24, стр. 125-141].

Для того, чтобы понять содержание и объем намечавшихся реформ, надо обратиться к содержанию программы реформ. Царь обнародовал программы следующих направлений реформирования Российской государственности.

1). «О главных началах преобразования всей вообще судебной части». Здесь намечалась следующая работа: судоустройство; судопроизводство гражданское и по преступлениям и проступкам.

2). «О полном преобразовании всей городской и земской полиции».

3). «О порядке составления, рассмотрения, утверждения и исполнения государственного бюджета, а также частных смет доходов и расходов всех министерств и главных управлений».

4). «О преобразовании всего вообще управления государственных имуществ и о применении к государственным крестьянам тех положений 19-го февраля 1861 года, кои касаются сельского общественного управления».

5) «Об устройстве народных школ и вообще о системе народного образования» [35, стр. 398],

и другие.

Таким образом, в начале второго тысячелетия Россия стояла на пути реформирования практически во всех основных областях внутренней жизни. Для проведения столь разнообразных и масштабных реформ требовались государственная стабильность, и, объединение усилий всех социальных, социально-профессиональных, интеллектуальных, иных слоев населения. В первую очередь, требовались большие организационные и интеллектуальные усилия государственной и функциональной элиты империи, научных кругов. Значимая роль в реализации российских великих реформ отводилась Министерству внутренних дел [23, стр. 121-187].

Аналитики Запада просчитали, что реализация этих программ будет сопровождаться резким усилением российской государственности, ростом ее экономической и военной мощи. Вот почему Европа приступила к развязыванию на территории России нового вида войны, нетрадиционной, гибридной, с использованием внутреннего оппозиционного резерва.

В СМИ была запущена мощнейшая акция информационного противодействия реформаторской политике императора, прежде всего со стороны различных революционных и реакционных сил. «Некоторая часть общества, та, что подчинялась влиянию так называемых передовых органов печати и даже воспринимала внушения

от заграничных листков, издаваемых русскими выходцами в Лондоне, не только не удовлетворялась обещанными реформами, но старалась все более и более волновать умы, возбуждая, обсуждая и разрешая общественные вопросы в самом радикальном смысле. ... Такая чисто революционная пропаганда наибольшие опустошения производила в среде учащейся молодежи и даже начала проникать в войска» [35, стр. 398].

Стратегию и тактику нетрадиционной, гибридной войны 1 марта 1861 года изложил международный террорист Людвиг Мерославский. «Неизлечимым демагогам польским, – писал Мерославский, имея ввиду революционеров, – нужно открыть клетку для полета за Днепр. Пусть там распространяют казацкую гайдаматчину против попов, чиновников и бояр, уверяя мужиков, что они стараются удержать их в крепостной зависимости. Должно иметь в полной готовности запас смут и излить его на пожар, зажженный уже во внутренности Москвы. Вся агитация малороссианизма пусть перенесется за Днепр; там обширное пугачевское поле для нашей запоздавшей хмельничевщины. Вот в чем состоит вся наша пан славистическая и коммунистическая школа. Вот весь польский герценизм! Пусть он издали помогает польскому освобождению, терзая сокровенные внутренности царизма... Пусть себе заменяют вдоль и поперек анархией русский царизм, от которого, наконец, освободится и очистится соседняя нам московская народность»

В другом случае установка на проведение антироссийских действий звучала еще более конкретно. «Бросим огни и бомбы за Днепр и Дон, в самое сердце Руси; возбудим ссоры в самом русском народе, пусть он разрывает себя собственным ногтями. По мере того как он ослабляется, мы крепнем и растем» [39, стр. 316; 38, стр. 132].

Запад, как геополитический противник России, устами международного террориста Л. Мерославского сформулировал совершенно новый вид нетрадиционной, гибридной войны. Основными субъектами нетрадиционной войны должны были выступить подданные Российской империи, сторонники демократических идей: «неизлечимые польские демагоги», революционеры; украинофилы; сторонники хмельничевщины; мужики и другие. Будучи завербованными в агентурную сеть государства-агрессора, они должны были воевать против своего народа, правительства, государства, на стороне и в интересах Запада. В истории гибридной войны Запада и России, эта агентура Запада называлась по-разному: «землевольцами», «народниками», «народовольцами», «демократами», революционерами. Нам это напоминает ту политику, которую проводил, будучи начальником ЦРУ, Аллен Даллес в конце 40-х – начале 50-х годов, направленную на развал Советского Союза [8] и которую реализовали наши идеологические противники из США и Западной Европы уже в 90-х годах XX века [32].

Начиная с 60-х годов XIX века Запад приступил к созданию на территории России мощнейшей сети нетрадиционной войны. Это были:

а) законспирированная сеть польского националистического террора, которая подготовила польское вооруженное восстание 1863 г.;

б) первая организация «Земля и Воля», выполнявшая организационно-координационные, обеспечивающие функции, по поддержке польского вооруженного восстания, 1863 – 1864 гг.;

в) революционные кружки, как базовые центры ведения нетрадиционной войны; базовые центры подготовки профессиональных боевиков (террористов);

г) организационная сеть и базовые центры «хождения в народ»;

д) Одесский и Киевский организационно-террористические центры;

е) вторая организация «Земля и Воля»;

ж) специализированная диверсионно-террористическая организация «Народная Воля».

Затем, на стыке XIX и XX веков, на территории России, были созданы разветвленные, глубоко законспирированные, этнические революционные партии и организации: польские, еврейские, литовские, латышские, эстонские, финские, армянские, грузинские, украинофильские, и иные. В конечном счете, они и уничтожили Российскую империю, в ходе нетрадиционной, революционно-террористической войны.

Первая организационная структура Запада, созданная в 1861 году, для поддержки польского вооруженного восстания 1863 года, называлась обществом «Земля и Воля». Общество

представляло собой достаточно новую организационную структуру Запада на территории России. Как отмечают современные исследователи, «это была первая крупная революционно-демократическая организация. В нее входило несколько сотен членов из разных социальных слоев: чиновники, офицеры, литераторы, студенты. …Отделения общества были созданы в Петербурге, Москве, Твери, Казани, Нижнем Новгороде, Харькове и других городах. В конце 1862 г. к «Земле и воле» примкнула русская военно-революционная организация, созданная в Царстве Польском» [26].

Члены тайного общества «Земля и Воля», как структуры нетрадиционной войны, оказывали существенную поддержку международному терроризму, который готовил восстание на территории Царства Польского. Достаточно сказать, что Н.Г. Чернышевский, через офицера Генерального штаба, обеспечил польских террористов секретными военными картами Царства Польского, с указанием дислокации войсковых частей. Члены «Земли и Воли» распространяли информацию экстремистского содержания; обеспечивали информационно-идеологическое сопровождение польского террора; занимались шпионажем в пользу польских революционеров, и др.

Польское вооруженное восстание 1863-1864 гг. было быстро и успешно подавлено Россией.

В начале 70-х годов XIX века Запад приступил к созданию на территории России новой сети ведения нетрадиционной войны. В 1871 году, на Кушелевской даче, под С. Петербургом, были организованы курсы подготовки организаторов, «офицеров» гибридной войны. В истории этот центр известен, как «Кружок самообразования». С членами кружка проводилась серьезная подготовка. Их обучали навыкам сбора и обработки информации разведывательного характера, в основном, из открытых источников [27, стр. 94].

Члены кружка обучались навыкам ведения наружного наблюдения; ухода от наружного наблюдения. Отрабатывались навыки конспирации; шифрования; тайнописи; выживания в условиях большого города, без денег и документов.

У членов кружка вырабатывались психологические качества особой жестокости [19, стр. 102-103]. «Воспитанница» кружка «чайковцев», террористка С. Перовская, на завершающем этапе «охоты на императора» руководила последней акцией по ликвидации Александра II [39, стр. 72-74]. И так далее.

В последующем выпускники «Кружка самообразования» стали известными «офицерами гибридной войны». В их лице Запад получил высококвалифицированное организационное ядро для ведения гибридной войны.

Затем началась активная работа по созданию разветвленной организационной сети ведения нетрадиционной войны.

Историки совершенно не связывают развитие революционно-террористического движения в России, со второй половины 70-х годов XIX века, с внешнеполитической деятельностью России. Между тем, революционное движение этого периода уже являлось формой нетрадиционной, гибридной войны Запада против России.

В истории России много пишется о массовом «хождении в народ». В 1874 году около 4 тыс. человек молодежи отправились в глубинные районы России. Историки не говорят о том, что истинная цель «хождения в народ» заключалась в попытке провоцирования крестьянских восстаний. Россия в эти годы активно осваивала Среднюю Азию, что вызывало обеспокоенность и раздражение Англии. Вот Англия и организовала массовый десант в глубинные районы России, чтобы спровоцировать крестьянские восстания. И, заставить Россию вернуть русские войска из Средней Азии.

Практически, «хождение» было организовано по всем законам разведки. В глубинные районы России был направлен хорошо организованный десант подстрекателей, организаторов партизанской войны. Практически, все участники «хождения» имели документы прикрытия; «легенды». За ними были закреплены конкретные маршруты и селения. Им были вручены программы сбора разведывательной информации, представлявшей интерес для Западных спецслужб. Им были даны адреса для ведения конспиративной переписки. На территории России, во многих крупных городах, были созданы базовые центры различного предназначения [2].

Несмотря на затраченные усилия, «ходокам в народ» не удалось спровоцировать крестьянские восстания. Крестьяне не восприняли те экстремистские идеи, которые распространяли «ходоки». Значительная часть «ходоков» была

арестована полицией, привлечена к уголовной ответственности.

Запад изучил и обобщил опыт «хождения в народ». Этот опыт потребовался Западу уже через два года, в 1876 году. Причиной востребованности опыта нетрадиционной, гибридной войны, снова стали внешнеполитические события, и участие в них России.

В 1875 году население Боснии восстало против турецкой оккупации. В апреле 1876 года началось восстание в Болгарии. В июне 1876 года Сербия объявила войну Османской империи. По сути дела, в юго-восточной Европе возник очаг войны, между местным славянским населением и Турцией. Ведущие государства Запада, Франция, Англия, Германия, Австрия, отказались поддерживать освободительную борьбу ряда европейских народов против турецкой оккупации.

Несмотря на энтузиазм, восставшие не смогли создать профессиональную армию. Вооруженные формирования восставших народов были разбиты турецкой армией.

В поддержку славян выступила только Россия. Поддержка славян позволяла России укрепить свои геополитические позиции на Балканах. Чтобы спасти славянское население от турецкого геноцида, Александр II, осенью 1876 г., приказал начать мобилизацию войск для войны с Турцией на Балканах.

И сразу же Запад, не желавший усиления позиций России в Европе, начал подготовку нового витка нетрадиционной, гибридной войны. Военные аналитики стран Запада, изучив предстоящий театр военных действий, пришли к выводу, что особую роль в войне будут играть южные районы Киевской губернии. Именно здесь будут проходить пути материального обеспечения вооруженных сил России, которые будут воевать на Балканах. Вот почему, уже в 1876 году, на юге Киевской губернии началась подготовка к развязыванию партизанского движения.

Таким образом, внешнеполитические акции России, поддержка военных действий в регионах Западной Европы, привела к возникновению очага нетрадиционной войны на территории самой России. А именно, на территории Малороссии, Украины.

К этому времени на территории Украины уже действовала сеть структурных подразделений гибридной войны. Организационные базовые центры гибридной войны были созданы в Одессе, Киеве, Харькове. Одной из структур был Харьковский революционный «кружок Ковалика» [16].

В 1976 г. «революционный кружок», а точнее, организационный базовый центр гибридной войны, был создан в Ростове-на-Дону. Организатором этого базового центра выступил боевик Боголюбов-Емельянов, который затем станет источником конфликта с генералом Ф.Ф. Треповым, в С. Петербурге. Наличие в Ростове-на-Дону группы боевиков давало возможность держать под контролем передвижения войск на юг, по железной дороге, и пароходами, из речного порта; устраивать диверсии; собирать информацию шпионского характера.

Действия южан координировались Санкт-Петербургским революционным подпольем. В это время в Санкт-Петербурге создавалось общество «Земля и Воля», как центр управления структурными подразделениями гибридной войны на территории России. Даже, не создавалось, а воссоздавалось. Ибо первое общество «Земля и Воля» было создано в 1861 году, для обеспечения польского вооруженного восстания. Запад выстраивал на территории России структуру подразделений гибридной войны. Поэтому многочисленные «кружки» сводились в единую сеть, с централизованным руководством [41].

Активный член революционного подполья 70-х годов XIX века, В. Фигнер, так писала о создании общества «Земля и Воля»: «При организации осенью 1876 г. общества «Земля и Воля» главным деятелем и руководителем являлся несравненный агитатор, возвратившийся из административной ссылки, бывший чайковец, умный и энергичный Марк Андреевич Натансон. Название общества, как он сам тогда же мне объяснил, было принято в память общества «Земля и Воля», существовавшего в 60-х годах…». Перед новым обществом «Земля и Воля» были поставлены задачи: «проникать в войско, администрацию, земство, в среду лиц либеральных профессий для привлечения этих элементов к борьбе с правительством и возбуждения их ко всякого рода протестами и заявлениям неудовольствия на правительственные меры». Незадолго до «Казанской демонстрации», которая широко освещена в литературе, революционное подполье пыталось провести демонстрацию у Исаакиевского собора, которая закончилась неудачей [41, стр. 143].

Исследователи не обращают внимания на

особый «вклад» Малороссии – Украины в развитие гибридной войны на территории России. Вне поля зрения исследователей остается революционно-террористическая деятельность украинофилов – мощного прозападного националистического движения, развернувшегося на Украине и оказавшего значительное влияние на развитие антироссийского террора [16].

Украинофильское движение возникло на рубеже 70-х годов XIX века на территории Малороссии. Малороссия, бывшая Киевская Русь, в свое время была оккупирована речью Посполитой. Вот как пишет об этом Н.В. Гоголь в своем знаменитом «Тарасе Бульбе». «Вся южная первобытная Россия, оставленная своими князьями, была опустошена, выжжена дотла неукротимыми набегами монгольских хищников; … лишившись дома и кровли, стал здесь отважен человек; …на пожарищах, в виду грозных соседей и вечной опасности, селился он и привыкал глядеть им прямо в очи, разучившись знать, существует ли какая боязнь на свете» [7, стр. 219]. На протяжении веков коренное население подвергалось эксплуатации со стороны поляков. Польша пыталась ассимилировать восточных славян, заставить их отказаться от своего языка и православной религии. На этой почве нередко вспыхивали вооруженные конфликты.

О взаимоотношениях родственных славянских народов, поляков и южных руссов, можно судить по фрагментам из повести «Тарас Бульба». «Сто двадцать тысяч козацкого войска показалось на границах Украйны. Это уже не была какая-нибудь малая часть или отряд, выступивший на добычу или на угон за татарами. Нет, поднялась вся нация, ибо переполнилось терпение народа, – поднялась отмстить за попранье прав своих, за позорное унижение своих нравов, за оскорбление веры предков и святого обычая, за посрамление церквей, за бесчинства чужеземных панов, за угнетенье, за унию, за позорное владычество жидовства на христианской земле». «В летописных страницах изображено подробно, как бежали польские гарнизоны из освобождаемых городов; как были перевешаны бессовестные арендаторы – жиды; как слаб был коронный гетман Николай Потоцкий с многочисленною своею армиею против этой непреодолимой силы; как разбитый , преследуемый, перетопил он в небольшой речке лучшую часть своего войска…» « А Тарас гулял по всей Польше с своим полком, выжег восемнадцать местечек, близ сорока костелов и уже доходил до Кракова. Много избил он всякой шляхты, разграбил богатейшие и лучшие замки… Не уважили козаки чернобровых панянок, белогрудых, светлоликих девиц; у самых алтарей не могли спастись они; зажигал их Тарас вместе с алтарями… «Это вам, вражьи ляхи, поминки по Остапе!» – приговаривал только Тарас. И такие поминки по Остапе отправлял он в каждом селении» [7, стр. 311-315].

Коренное население сумело избавиться от польской оккупации. Освобожденная территория получила название Малороссии и вошла в состав Российской империи. Поляки потеряли свои политические позиции, сохранив, однако, административный и экономический потенциал. На территории Малороссии было много помещиков-поляков. Они же сохраняли позиции в органах власти.

Не желая укрепления позиций России на территории Малороссии, поляки принялись формировать уровень конфликтности славяно-русского, украинского населения, развивать украинский национализм. С помощью развития украинского национализма, украинофильства, поляки надеялись оторвать от России и Малороссию, и бывшие территории Речи Посполитой.

По сути дела, речь шла о восстановлении польской оккупации на землях южной Руси. Для этого надо было добиться отторжения территории Южной Руси, Малороссии, от Великой России, вывести ее из состава Российской империи. Сами поляки не имели для этого вооруженных сил. Запад не мог помочь им войсками. Но, Запад мог помочь, и помогал, организацией нетрадиционных, гибридных войн. Наилучшим средством для этого было развитие революционно-террористического движения.

Средина XIX века характеризовалась достаточно внимательным отношением Великой России к России Малой. Как отмечала известная украинская писательница А.Я. Ефименко, «начало 60-х годов обещало пышный расцвет украинской культуре» [12, стр. 157]. В административных кругах России, в русской печати «в эти годы выражалось трогательное сочувствие национальным нуждам украинского народа. Министерство народного просвещения готовилось издавать учебники и школьные пособия на украинском языке; киевский генерал-губернатор в районе Юго-Западного края в своих сношениях

с местным населением прибегал к украинскому языку… Духовенство произносило проповеди на народном языке; первые воскресные школы в России открылись в Киеве». То есть Русь северная, русские, относились очень внимательно и с большим уважением к Руси южной, к малороссам-украинцам. Развитие образования среди южнорусского населения способствовало зарождению интереса к собственной истории. Местные исследователи активно взялись за разработку проблем этнографии, фольклора, философии и истории. Все труды были направлены на то, что бы показать величие южных руссов – «украинцев» [29, стр. 72].

Однако изменение социально-культурных характеристик региона, развитие образования среди широких слоев населения, изучение и пропаганда исторических обычаев и традиций местного народа, количественный и интеллектуальный рост этнической интеллигенции – эти и другие факторы имели и отрицательные последствия. Они спровоцировали политический экстремизм, чувство национального величия среди местной интеллигенции.

Впервые «украинство», как экстремистское общественное движение, зародилось в Уманском кружке польской молодежи, в состав которого входили воспитанники Базилианского училища Северин Гощинский, Богдан Залеский, Михаил Грабовский и ряд других.

Для того, чтобы понять особенности региона, надо обратиться к истории и понять, что означает название «Украина». Слово «украина» – чисто русское. Оно означает территорию, находящуюся на окраине государства. Уже Московское княжество имело свою южную украйну, это были земли княжества на границе с рязанщиной. То есть, изначально слово «украйна», «украинный» в русских летописях встречалось только в значении пограничных, окраинных земель. «Слово «украйна» – лишь другая форма слова «окраина». Слово «Украйна» в значении имени собственного применительно к западным регионам Российской империи появилось к концу XVII века. До монголо-татарского нашествия существовала единая Русь, разделенная на княжества. Расчленение единой Руси произошло во времена татарского нашествия, когда Русь была разделена на Северную и Юго-Западную, Галицко-Волынскую. Учитывая, что обе части бывшей Руси продолжали поддерживать взаимоотношения с Византией, то византийские церковные и государственные деятели ввели в свой оборот новые понятия: Великая и Малая Русь. «Через русских книжных людей эта терминология проникла на Русь и стала естественной, как в Малой, так и в Великой Руси. Таким образом, исторические понятия малоросс, Малороссия, великоросс, Великороссия достались нам от Византийской империи как культурное достояние» [40, стр. 5].

Для того, чтобы изолировать Малороссию от России, а затем и от Российской империи, был предпринят ряд мер изоляционного характера. «В историографии наиболее распространено мнение о польском влиянии в деле отторжения Малороссии от России и формирования украинофильского движения... Можно повторить вместе за одним из исследователей этого вопроса, что поляки «взяли на себя роль акушерки при родах украинского национализма и няньки при его воспитании» [40, стр. 8].

Таким образом, поляки спровоцировали зарождение украинского сепаратизма среди южнорусского населения. Вот почему «украинство» зародилось в Уманском кружке польской молодежи. А инициаторами «украинства» стали воспитанники Базилианского католического училища, С. Гощинский, Б. Залеский, М. Грабовский, и другие. В данном случае под понятием «украинский» мы имеем не национальную принадлежность населения, а территорию проживания [16].

Украинофильское движение вначале зародилось и развивалось в форме южнорусского сепаратизма. Сепаратизм, по целеформирующим идеям, можно разделить на два направления: сепаратизм политический («мазепинство»), и культурно-этнографический, или, собственно украинофильский.

Основание политическому сепаратизму, как экстремистской идее, направленной на отрыв южнорусских территорий, Малороссии, от Великороссии, положил украинский гетман Иван Мазепа. По его имени оно и получило название «мазепинство». В биографии Мазепы была одна особенность, на которую не обращают достаточного внимания исследователи. В юном возрасте он воспитывался при дворе польского короля Яна – Казимира. А польский королевский двор не испытывал чувства уважения к восточному соседу. Равно как и к малороссам. Малороссов поляки считали

межнациональными «гибридами», «полуукраинцами, полурусскими». И.Мазепа воспитывался на польской культуре, польской националистической литературе, польских идеалах, исповедовавших ненависть к Московии. А потому он не испытывал уважения ни к России и к русским, ни к малороссам-украинцам

Во времена Петра I он стал гетманом Малороссии; снискал полное доверие Петра I, заслужив высшие награды Российской империи. Мазепа стал кавалером русского ордена «За веру и верность», получил крест Андрея Первозванного.

Однако, пользуясь покровительством Петра I, Мазепа оставался сторонником Речи Посполитой. Во времена русско – шведской войны Мазепа, воспользовавшись тяжелым положением России, заключил тайный договор с польским королем Станиславом Лещинским и со шведским королем Карлом XII. По договору, вся Малороссия должна была присоединиться к Польше. Мазепа, в этом случае, становился властителем воеводств Полоцкого и Витебского, с титулом князя.

Во исполнение договора о сотрудничестве со шведами, Мазепа передал Карлу XII 4 500 казаков и запорожцев. Тем самым Мазепа спровоцировал войну между представителями одного этноса – славяно-руссами.

Поражение шведского короля Карла XII в войне с русскими, привело к тому, что договор не был реализован. Мазепа бежал. Но заложенные им идеи, на полное отделение южнорусских территорий, со славянским населением, от Великой России, остались в веках. Они и были реанимированы во второй половине XIX века.

В начале XIX века в России появилась «Песня сторонников Мазепы»:

«С самопалом и булатом,
С пылкой храбростью в сердцах,
Смело други, брат за братом,
На лихих своих конях!
Смело грянет за свободу,
Оградив себя крестом, -
Возвратим права народу,
Иль со славою умрем…
Смело, други, в бой свирепый!
Жаждет битвы верный конь…
Смело, дружно за Мазепой -
На мечи и на огонь!» [31, стр. 7].

Другое направление сепаратизма, так называемое «культурное украинофильство», зародилось в средине XIX века. Начало ему было положено в 1846 году. Авторами культурного сепаратизма стала группа украинских интеллигентов, которые разработали идею об особой избранности «окраинного народа». Этому способствовали социально-политические, образовательные, иные процессы на территории Малой России.

В Киеве по инициативе преподавателя русской истории местного университета Н.И. Костомарова организовался кружок, в состав которого вошли известные представители киевской интеллигенции: П.А. Кулиш, Аф. Маркевич, Н.И. Гулак, В.М. Белозерский и Т.Г. Шевченко. Часть из членов кружка – Кулиш и Шевченко, воспитывались на польской революционной, а это значит – антирусской поэзии. Кружок, получивший название «Кирилло-Мефодиевского братства», разработал определенную политическую программу. Программа представляла смесь рационализма, наивности и экстремизма. «Общество имело целью распространение идей славянской взаимности и будущей федерации славянских народов, на основании полной свободы и автономии народностей… В религии (предполагалась) полная свобода. Все вероисповедания должны пользоваться одинаковыми правами. Запрещалась всякая пропаганда, как бесполезная при свободе… Относительно языка, который должен был сделаться общим (посредничающим) для всех славян, не решалось окончательно, но предполагался язык великорусский, как наиболее распространенный… Предполагалось в будущем, чтобы славянские народы примкнули к России и образовали с нею федерацию» [5, стр. 14].

Предполагалось разбить территорию Российской Империи на штаты: северный, северо-восточный, два волжских, два малороссийских. Киев должен был стать своеобразным вольным городом, с особым статусом – местом собрания общего сейма. «Верховная или центральная власть предоставлялась президенту» [33, стр. 201].

Авторы – южнорусы-«украинцы», ни много ни мало, замахивались на форму государственного устройства всей империи. Они предлагали изменить административно-территориальное построение империи. Они же решили, что новой России нужен и новый политический режим, и форма государственного правления. Поэтому самодержавие предлагали заменить президентской республикой. По сути дела, «Кирилло-Мефодиевское

братство» являлось экстремистской организацией [20, стр. 186-187].

Кружок был раскрыт полицией, члены его наказаны. Однако, под влиянием выработанных в кружке идей, националистических стихотворений Тараса Шевченко*, дух украинофильства стал развиваться среди населения по среднему и нижнему течениям Днепра [34, стр. 3]. Таким образом, экстремистская идея стала развиваться, теперь уже, независимо от авторов. Естественно, самым восприимчивым слоем населения стала молодежь, особенно студенты Киевского университета. «Идеи сепаратизма, идеи автономии Украйны... занимали тогда пылкие головы; с 1856 по 1862 год эти стремления обнаружились с особенной силой, когда правительство дозволило развитие украинской литературы, издание журналов на малорусском языке и т.д. Позднее идея сепаратизма послужила основой для распространения революционного движения, которое отличалось крайним упорством, тем более, что поле деятельности для анархистских украинских банд было обширно и плодоносно, среди зажиточного населения, в богатой стране и в центре значительной массы рабочего люда...» [42, стр. 15].

Таким образом, на территории Малороссии зародилось мощное украинофильское движение, которое стало идеологической и организационной основой для формирования структур гибридной войны.

К началу 70-х годов XIX века, на Украине возникла партия украинофилов. Основное организационное ядро партии составили крупные польские и украинские помещики, интеллигенция. Руководство партии отстаивало идеи об особенности развития Украины, ее и самостоятельности. Экстремизм идеи заключался в утверждении, что Украина «ни по характеру, ни по развитию ничего, будто бы, общего с русскою землею не имеет. Понятия эти распространялись руководителями партий в молодежи» [34, стр. 4].

Несмотря на то, что левобережная часть Малой России перешла к Российской империи, на ее территории проживало много поляков. Ведущий слой региона, помещики, составляли преимущественно поляки. Они очень настороженно отнеслись к росту национального самосознания местного населения. «Открытие воскресных школ испугало польских помещиков: они подозрительно относились к тому, что украинцы учились в них не только грамоте, а и начаткам родной истории; при одном упоминании об украинской истории перед ясновельможными панами вставали еще незабытые призраки Гайдамачины и Колиивщины» [29, стр. 72].

Поляки – чиновники и помещики – стали засыпать русскую администрацию заявлениями о том, сколь опасно учить грамоте украинцев. Занимаемое положение в экономике, в механизме государственной власти, облегчило деятельность поляков по снижению уровня социально-культурных процессов среди славянского, украинского населения. В результате многочисленных обращений поляков в русскую администрацию, последняя стала избавляться от восторженно-романтического отношения ко всему «украинскому». Тем самым поляки спровоцировали конфликт на управленческом уровне между двумя ветвями славяно-русского населения: северной – русской и южной – русско-украинской.

В пределах империи украинофилы подразделялись на две партии: польскую и русскую. Польская партия ориентировалась на создание республик южнорусских провинций под «гегемониею Речи Посполитой, на первое время, с ксендзами базилианами во главе учебных заведений». [25, стр. 135] Русская украинофильская партия стремилась к образованию Малороссии в виде республики, с гетманом во главе, и в союзе с Россией [20, стр. 188-189].

Поляки, готовя антироссийское восстание 1863 года, стремились установить тесное взаимодействие с украинофилами, «как врагами «Москвы». Одновременно, провоцируя малороссов на политическую активность, поляки отвлекали внимание русского правительства от своих собственных козней. Искреннего сочувствия между поляками и украинофилами не было и уже потому не могло быть, что последние были «хлопоманами», т.е. врагами панщины и барщины. Впрочем, и поляки и украинцы играли «втемную», желая использовать друг друга в качестве орудия своей ненависти к «Московскому правительству» [20, стр. 136]

Польское восстание 1863 года существенно отразилось на украинофильстве. Когда «в 1863 г. вспыхнуло польское восстание, … гонения на украинство выразились законом, воспрещавшим всякую популярную литературу и преподавание на украинском языке» [29, стр. 73].

Бывший начальник киевского губернского

жандармского управления генерал В.Д. Новицкий, перечисляя причины, способствовавшие развитию революционно-террористического движения на Украине, называл наиболее общие из них.

В первую очередь, наличие в Киеве организационного базового центра, украинофильской партии «с направлением, противоположным русскому характеру и развитию». Руководство партии украинофилов проповедовало украинские националистические идеи, направленные против Российской империи.

При наличии «генератора идеи», партии украинофилов, была и мощная среда, востребовавшая эти идеи. На территории Украины, особенно в Киеве, имелось значительное количество студентов. Студенческая среда, такая же этнически разнообразная, как и все население, была наиболее восприимчивой к экстремистским националистическим и антирусским идеям, «поддающейся влиянию, совращению и находящейся в периоде возраста, поддающегося наивысшей преступности вообще» [25, стр. 89].

«Партия украинофилов» представляла собой законспирированную, слабоструктурированную организацию, где члены партии не знали весь ее руководящий состав. «Во главе организации украинофилов-социалистов в Киеве стоял совет, носивший малороссийское название «Громада» [34, стр. 5].

Главными организаторами и руководителями «Громады» стали: приват-доценты Киевского университета М.П. Драгоманов (русский полтавец), В.Б. Антонович (поляк) и автор «Украинского» гимна «Ще не вмерла Україна» (по образцу польского), этнограф П.П. Чубинский (русский полтавец).

В состав организационного ядра, руководства партии, входили следующие лица: Драгоманов М.П., профессор, один из лидеров организации. В 1876 году эмигрировал за границу. Поселившись в Женеве, организовал там типографию, наладил издание первого украинского экстремистского журнала «Громада». Организовал печатание книг «революционного содержания, преимущественно на малороссийском языке, носивших название «метелики» (мотыльки) и предназначенных для распространения в народе». Волков Ф., секретарь партии, служил в Киевской контрольной палате. Начиная с 1873 года, входил в состав главных руководителей партии украинофилов, являлся членом «совета» («Громады») в качестве секретаря и докладчика; вел переписку по делам партии с представителями революционных сообществ, в других регионах Российской империи, с зарубежными эмигрантскими кругами. По вызову Драгоманова выезжал за рубеж, помогал там «ставить» типографию. Старицкий М., дворянин, проживал в Киеве, «занимался сухарным делом..., а жена его содержала воспитательное заведение, в роде пансиона для девиц». Занимался переводами революционной литературы с русского на украинский языки. Беренштам В., статский советник, учитель Киевской военной гимназии. Являлся казначеем «старой Громады». Был одним из инициаторов устройства женевской типографии. Принимал активное участие в выпуске революционного журнала «Громада». Оказывал финансовую поддержку «разным революционным деятелям». [34, стр. 6].

Кроме явных руководителей, партия имела и хорошо законспирированный организационный центр. Он состоял из лиц «с высоким общественным положением», члены которого и были основными идеологами движения. Они же оказывали помощь членам движения, «как денежными средствами, так равно своими умственными силами, связями и протекцией» [34, стр. 15].

Организационная работа по распространению украинофильских и социалистических идей, чаще всего, проводилась в форме молодежных вечеров. Члены партии «Громада» регулярно организовывал у себя на квартире молодежные вечера. Чаще всего, на такие встречи приглашались студенты местных вузов. Во время вечеров молодежь знакомилась с украинофильскими и социалистическими учениями. Проводилось тестирование участников вечеров, с последующей вербовкой наиболее восприимчивых к экстремистским идеям. К примеру, квартира члена партии «Громада» Волкова, в период с 1874 по 1876 год, по мнению полиции, была «питомником нигилизма и посещалась усердно молодежью обоего пола». В документах полиции Волков назывался еще и по-другому – «одним из главных развратителей киевской молодежи» [34, стр. 6].

О масштабах влияния партии «Громада» говорит территория ее деятельности. Представительства и кружки партии украинофилов находились в Киеве, Киевской, Черниговской, Полтавской, Харьковской и ряде других губерний, то есть на основной части левобережной Украины.

Таким образом, партия «Громада» самостоятельно сформировала достаточно разветвленную организационно-вербовочную сеть. На наш взгляд, партия «Громада» действовала под контролем западных спецслужб. Отсюда столь высокий уровень конспирации; вербовочная работа среди студентов и рабочих; контакты с Западом.

Практически, все основные деятели «раннего» антироссийского террора, периода второй «Земли и Воли» и значительная часть деятелей народовольческого террора – периода «Народной Воли» – это выходцы из украинофильской среды. Через нее прошли: В. Осинский (теоретик и организатор террора, организатор «Исполнительного Комитета»), Н. Колодкевич, А. Желябов, Лангас, Г. Плеханов и другие. Один из будущих руководителей организации «Народная Воля» и активный участник революционно-террористического движения, А.Д.Михайлов, начал свою революционную деятельность именно с участия в украинофильском движении.

Ярким подтверждением участия в российском революционно-террористическом движении украинофилов и поляков служат воспоминания террористов о праздновании нового 1880 года в Петербурге, когда звучали преимущественно малороссийские песни и «революционные молитвы польские» [28, стр. 95; 34, стр. 27].

Одной из наиболее активных (но, малоизвестных) операций гибридной войны этого периода стала подготовка Чигиринского восстания. «Этот заговор был первым опытом практической деятельности «киевских демагогов» («бунтарей»), но он... пользовался, сверх того, покровительством украинофильской партии, имевшей все время своим центром Киев и насчитывавшей среди своих членов людей с денежными средствами» [42, стр. 30].

В исторической литературе, на наш взгляд, попытка подготовки Чигиринского восстания рассматривается довольно поверхностно. Она показывается, как инициатива нескольких человек, которые сделали грамоты от имени царя, и попытались поднять восстание. Типа, молодежь баловалась, но ничего не получилось.

Между тем «Чигиринский заговор» был попыткой Запада развернуть партизанское движение на юге Киевской губернии, в тылу русской армии, воевавшей на Балканах. Это была тщательно спланированная операция Западных спецслужб, пытавшихся нанести удар в спину Вооруженным силам России, воевавшим на Балканах.

Как уже отмечалось, летом 1875 года в Боснии и Герцоговине начались выступления населения против турецкой оккупации. Из России, на помощь братьям-славянам, на войну отправились тысячи добровольцев. Но они не могли противостоять регулярной турецкой армии.

12 апреля 1877 года Александр II, находясь в непосредственной близости от театра военных действий, в Кишиневе, подписал манифест о вступлении русской армии в войну против Турции. Но политика последней поддерживалась Австрией, не желавшей укрепления России на Балканах. И пар-тизанская война в приграничной зоне, на юге Киевской губернии, была выгодна Австро-Венгрии. Ибо могла сорвать победу русской армии на Балканах.

Чигиринское восстание, партизанская война, оказалось бы ударом в спину русских войск. Не исключено, что для подавления вооруженного восстания пришлось бы снимать войсковые части с фронта. Это создавало предпосылки для поражения русских войск. А от поражения русских войск в русско-турецкой войне выиграла бы Австрия. Именно Австро-Венгрия стремилась расширить свое влияние на территории, ранее оккупированные турками и освобожденные в результате народного восстания.

Основным массовым субъектом гибридной войны является население государства-мишени. Чтобы спровоцировать население на борьбу со своим государством, необходимо выработать идеологические мотивы. Основным идеологическим мотивом вовлечения крестьян в партизанское движение стало стремление крестьян бесплатно получить помещичью землю.

В конце 60-х годов XIX века среди крестьян Черкасского и Чигиринского уездов Киевской губернии, периодически возникали слухи о не-справедливом распределении земли между мужским населением. Хозяева с малыми семьями хотели сохранить прежнее подворное владение, когда земельная площадь выделялась на семью, вне зависимости от количества «душ» в ней. Большие же семьи требовали введения великорусского принципа распределения земли – по душам. Возник достаточно острый конфликт среди местного населения.

Этим конфликтом и воспользовались

украинофилы. Они запустили в крестьянской среде подстрекательскую информацию: надо просто, отобрать всю землю у помещиков, и бесплатно передать ее крестьянам. Руководствуясь корыстными мотивами, группа Чигиринских крестьян, по решению схода отправилась к царю**. Естественно, к царю они не дошли. Ходоков задержали, в сопровождении сотрудников полиции возвратили назад. В знак протеста крестьяне в 1875 году отказались платить подати, за что ряд активистов протеста были подвергнуты экзекуции. Двух крестьян засекли до смерти.

В 1876 году для пресечения митинговых выступлений крестьян волости Шабельники, туда была введена войсковая часть. Солдаты ставились на постой в деревне, а крестьяне должны были полностью содержать солдат. Материальная нагрузка на крестьянские семьи была очень высокой; крестьяне нередко, просто разорялись. Тем самым конфликт между властью и народом расширялся, принимая неразрешимые формы. За протесты против содержания солдат за счет крестьянских дворов, около ста крестьян было арестовано и помещено в тюрьму.

В этих условиях среди крестьян была запущена информация о том, что чиновники проводят свою, а не царскую политику в отношении крестьян и что царь, как только узнает о невзгодах местных крестьян, сразу к ним приедет.

Судя по всему, по инициативе зарубежья «Киевская коммуна» приступила к подготовке крестьянского восстания. Члены коммуны провели тестирование крестьянских активистов, получив информацию о причинах крестьянских волнений: крестьяне мечтают получить помещичью землю безо всякого выкупа; относятся враждебно ко всем властям. Считают защитником своих интересов лично Государя Императора.

Эти крестьянские ожидания и решено было использовать для провоцирования восстания, для развития партизанского движения в Чигиринском уезде [37].

К этому времени структурные подразделения гибридной войны активно действовали и в Санкт-Петербурге.

В механизме развития гибридных войск специалисты выделяют ряд стадий:

а) «стадии зарождения и обострения конфликтных отношений», когда страна-агрессор приступает к планированию и ведению «гибридных действий»;

б) стадия «кризиса», когда на территории государства – мишени активизируются протестные выступления групп местного населения; в) стадия «разрешения кризиса», это уже военный конфликт (вооруженный конфликт, война) [36].

На второй стадии, стадии «кризиса», структурные подразделения гибридной войны, в нужный момент, по команде субъекта агрессии, демонстрируют государству объекту наличие у него «пятой колоны». Как правило, «пятая колонна» проявляет свою активность в периоды военно-политических и геополитических конфликтов.

В России, в 1876 году, в соответствии с законами гибридной войны, зарубежная агентура в столице империи получила указание: продемонстрировать свое присутствие. Как предупреждение правительству России, что оно, в ответ на вмешательство в Балканские дела, может получить очаг «внутренней войны» прямо в столице.

6 декабря 1876 года состоялась знаменитая «казанская демонстрация». Как пишут современные историки, «6 декабря 1876 года «Земля и воля» организовала демонстрацию перед Казанским собором в Петербурге. Она замышлялась как смотр революционных сил столицы. Надеялись собрать несколько тысяч человек, развернуть красное знамя, произнести речи и даже пройти по городу. Но собралось всего 300 – 400 человек» [4, стр. 418].

Организатором «казанской демонстрации» стал активный участник гибридной войны, Г.В. Плеханов, у которого в подпольной среде была кличка «Волк»***. В биографических источниках Плеханов называется лишь «участником» Казанской демонстрации. Между тем, он был ее организатором, руководителем. Плеханов был тесно связан с украинофилами, у него в Киеве находилась конспиративная квартира, где он часто проживал. Плеханову не удалось привлечь к «демонстрации» большое количество столичных рабочих: последние просто не явились. Из намечавшихся к участию 200 – 250 человек, пришли лишь несколько десятков. Всех остальных, 300 – 400 человек, добавили историки, взяв из числа прихожан, вышедших из собора. Несанкционированный митинг был быстро подавлен толпой, вышедшей из собора по окончании церковной службы. Часть организаторов

и участников митинга были задержаны народом и сотрудниками полиции. В том числе, и представитель южан Емельянов-Боголюбов. Который затем, находясь в Доме предварительного заключения, спровоцировал конфликт с генералом Ф.Ф. Треповым [13, стр. 26, 27].

Исследователи, не знакомые с теорией и механизмом гибридной войны, рассматривают «казанскую демонстрацию» только, как инициативу политически активной молодежи. Между тем, это была акция устрашения Правительству России.

15 июня 1877 года русские войска, переправившись через Дунай, развернули наступление на турок. Военные действия требовали управления войсками (линии проводной связи); подвоза боеприпасов, пополнения живой силой. Все это, материальное снабжение войск, пополнение живой силой, рассылка приказов от Верховного главнокомандующего и русского Генерального штаба, осуществлялось через южные районы Киевской губернии. Именно здесь и была сделана попытка развертывания партизанского движения.

Агентура западных спецслужб, российские революционеры, изучая труды исследователя французского террора Тэна, натолкнулись на информацию о конфликте французских крестьян и французских чиновников. Крестьяне считали, что чиновники действовали не от имени короля. А потому избиение королевских чиновников крестьяне осуществляли в лозунгами: «во славу короля», «да здравствует король».

Для российских крестьян, как уже показал опыт «хождения в народ», царское имя обладала особой притягательностью. Эту притягательность в свое время использовали Пугачев и Разин (последний распускал слух, что он возит с собой царевича).

На Украине временами вспыхивали слухи о существовании особого царского манифеста, по которому крестьянам даровались «козацкие права», полная свобода и независимость от помещиков. Манифест этот, по слухам, был прислан священникам для доведения до населению, но священники, под давлением помещиков, скрыли правду от народа. Время от времени слух возрождался в том или ином месте. Однажды, по пути из Херсонщины в Киев шли богомольцы, среди которых был дьяк, к святым пещерам. Вечером в корчме дьяк рассказывал собравшимся, что есть царский манифест про волю, про козачину, что этот манифест или грамота царская разослана по всем попам, всем селам, и что дьяк сам читал эту грамоту у своего попа. То есть налицо появление местного слуха, отражающего чаяния местного же населения [2].

После провала «хождения в народ» пятеро киевских революционеров отправились по Украине собирать информацию о том, население каких районов наиболее революционно, и какая притягательная идея лежит в основе этой революционности. «Медленно подвигаясь на восток, мы прислушивались к тому, что говорили крестьяне о бунтах, происходивших в шестидесятых годах. После целого ряда дней ходьбы, добрались мы до местечка Корсунь Киевской губернии» [9, стр. 140], – писал в воспоминаниях В. Дебагорий-Мокриевич. При проведении разведывательного опроса крестьяне рассказали, что наиболее революционными в шестидесятые годы были окрестные села местечек Корсуни, Таганчи, Межиричья. В последнем какой-то отставной солдат обучал людей даже военному строю.

С собранной информацией о готовности крестьян «среагировать на царский манифест», Дебагорий-Мокриевич выехал из Киева во Львов и, далее за границу. По маршруту Краков, Вена, Мюнхен, посланник Украины прибыл в Женеву, где доложил собранную информацию.

Возникает вопрос: кто «благословил» русского революционера на политическое мошенничество – поднять крестьян на революцию именем царя. По признанию самого В.Мокриевича, даже Бакунин эту идею не поддержал. «Ложь всегда шита белыми нитками», – сказал он лицу, которое попыталось прикрыться именем известного анархиста в организации крестьянского восстания. [9, стр. 206].

Затем он возвратился в Россию, уже с «австрийским паспортом на имя одного поляка». Русскую границу Дебагорий Мокриевич пересекал с паспортом на имя иностранного гражданина, что повышало уровень его конспирации и безопасности. Из Киева Дебагорий-Мокриевич, совместно со Стефановичем, выехал в Одессу. Здесь была проведена вербовка ряда лиц и создан базовый центр гибридной войны [21].

Следующее задание Запада – спровоцировать крестьянский мятеж на территории Киевской губернии. «Мы решили сосредоточить все наши силы в одной небольшой местности. Таким местом мы определили юго-восточную часть Киевской губернии или даже еще точнее

– местечко Корсунь с окрестностями, так как рассказы крестьян о корсуньском восстании, происходившем лет двадцать тому назад, давало основание предполагать... что там сохранилось больше, чем в других местах революционных традиций. ... Мы остановились на мысли провести организацию в народе во имя передела земли. Передел земли, по нашему мнению, должен был явиться тем знаменем, под которое могли собраться бунтовские силы народа. Во имя передела земли мы надеялись вызвать местное восстание, которое на наш взгляд, имело шансы распространиться и охватить весь народ...» [9, стр. 202-203]

План подготовки восстания был согласован с «Громадянами». Украинофилы, ознакомившись с замыслом операции, остались «очень довольны и тут же выдали посланным от Стефановича 1 500 рублей на продолжение его планов» [34, стр. 44]. О степени конспирации при подготовке восстания говорит и тот факт, что в литературе отмечается в основном деятельность Стефановича, которому и приписывается полностью авторство чигиринского дела.

Таким образом, местные украинофилы-националисты поддержали указание Запада развернуть партизанскую войну на юге Киевской губернии.

Как писал Кравчинский в интерпретации Б.Б. Глинского, характеризуя суть предлагавшегося Стефановичем, «он задумал план, поразительный по соединению смелости с бесстыдством, грандиозности и практичности – с полной беспринципностью. План этот состоял в том, чтобы поднять народ на весь существующий порядок и на самого царя – во имя царя же. Стефанович сочинил и сам себе вручил тайный царский манифест, призывающий народ к всеобщему восстанию... Это была старая «самозванщина», облеченная в новую канцелярскую форму. Такой бессовестной мистификации и вместе такого могущественного орудия для того, чтобы волновать умы русской крестьянской массы, не придумала ни одна забубенная воровская головушка из разинской или пугачевской ватаги» [6, стр. 123]. Как видно из изложенного, «инициатива» в организации Чигиринского восстания исходила не от Стефановича; он был лишь одним из организаторов.

Обратим внимание на некоторые аспекты в высказывании международного террориста Кравчинского. Авторство операции он полностью связывает со Стефановичем. Получается, что Стефанович сам разработал операцию, сам сочинил царский указ, сам его отпечатал. На самом деле все было не так.

В развитие плана операции осенью 1876 года Лев Дейч, дезертировавший перед этим из 130-го пехотного Херсонского полка, выехал в Женеву. В разных источниках по-разному освещается факт выезда. Так, газета «Киевские губернские ведомости», излагая ход судебного рассмотрения «Чигиринского дела», в разделе «Судебная хроника» отмечала, что осенью 1876 года в Женеву отправился один Л.Дейч, откуда и привез отпечатанный экземпляры «Тайных грамот». В обобщенном «Своде указаний, данных некоторыми из арестованных по делам о государственных преступлениях» говорится, что «Стефанович вместе с Дейчем, бежавшим в то время из военной службы, отправились в Швейцарию, сблизились там с русскими эмигрантами и, получив от них инструкции, возвратились на юг России» [34, стр. 43].

В различных источниках говорится, что Дейч в Женеве контактировал с «эмигрантскими кругами». Такая формулировка вызывает сомнение, и вот почему. Политическая оппозиционная эмиграция из России насчитывала единицы граждан. Наиболее известные из них – Лавров, Бакунин, Ткачев; все были обласканы Западом и имели каждый свое место. Для Лаврова и Ткачева заинтересованные круги в Англии поставили издательства и наладили выпуск подстрекательской литературы.

К тому же, дезертиру Дейчу надо было адресно обратиться за помощью, организационной и финансовой. Выскажем свою точку зрения: дезертир Л. Дейч выехал в зарубежный разведывательный центр, для согласования плана операции. Для поездки в Европу ему нужны были: деньги, документы прикрытия для пересечения границы; каналы связи за рубежом. Судя по результатам поездки, все это у него имелось. План был согласован. В Женеве, в соответствующем типографском исполнении, были отпечатаны «Высочайшая тайная грамота» и Устав «Тайной дружины».

«Высочайшая тайная грамота» являлась якобы обращением императора Александра II к крестьянам. «Верные крестьяне! – *говорилось в «Грамоте»,* – ... со всех концов государства

нашего слышим мы жалобы дорогого нам крестьянства на тяжкие угнетения искони враждебных ему дворян. Между тем мы с самого вступления нашего на престол империи Российской старались улучшить положение ваше. Вопреки желанию всего дворянства, высочайшим манифестом 19 февраля 1861 года мы освободили вас от крепостной зависимости и даровали вам всю землю без всякого за нее платежа, а также леса и сенокосы, несправедливо дотоле принадлежавшие одним дворянам» [6, стр. 124]. То есть, в тексте грамоты отражались самые фантастические желания крестьян по поводу земельной реформы. «Мы повелели оставить помещикам только усадьбы и такое же количество земли и леса, какое придется и всякому бывшему их крепостному по равному подушному наделу».

Естественно, дворяне, как втайне и предполагали сами крестьяне, воспротивились царской воле. «К величайшему огорчению нашему, дворяне воспрепятствовали исполнению повелений наших. Они хитростью и обманом удержали за собою большую и лучшую часть земли, все леса и сенокосы и только самую худшую и ничтожную часть отвели вам, притом еще наложили за оную чрезмерные выкупные и оброчные платежи... все промыслы обложили налогами, выдумали земские и другие повинности».

Учитывая, что самостоятельно император уже ничего не мог сделать против объединенных усилий «дворян и великих князей», он обращался за помощью к своему народу. В «Грамоте» звучал царский призыв к крестьянам: выступить вместе с царем за решение крестьянского вопроса [37].

В «Грамоте» же излагалась программа крестьянских действий. «Повелеваем: соединяйтесь в тайные общества, именуемые «Тайные дружины», с тем, чтобы подготовиться к восстанию против дворян, чиновников и всех высших сословий... Повелеваем «Тайным дружинам» исполнять наши утвержденные уставы; сохранять твердость и единодушие в своем деле и не верить ни попам, ни дворянам, которые лживыми обещаниями и всякими другими способами будут стараться нести между вами раздор... Когда же священная борьба ваша с дворянами... увенчается для вас победой, – тогда вся земля, с лесами и сенокосами, станет таким же бесплатным достоянием вашим, как воля, свет солнечный...» [6, стр. 124].

Таким образом, в «Грамоте» давалось модель действий крестьянам по достижению корыстных целей, обещалось материальное вознаграждение для участников восстания.

В организации крестьянского восстания совпали желания Запада и украинофилов. Последние считали, что восстание должно «подвинуть вперед и дело обособления Малороссии, составляющее конечную цель их собственных стремлений» [34, стр. 44-45]. То есть украинофилы надеялись на волне восстания решить вопросы Украинской автономии.

В механизме гибридной войны важное место занимает «снижение морального духа населения противоборствующей стороны»; проведение «информационных операций…в целях воздействия на органы государственного и военного управления противника для введения его в заблуждение, нарушения обмена данными и провоцирования на принятие невыгодных решений»; а также, психологических операций, «направленных на подавление морально-психологического состояния населения и боевого духа личного состава вооруженных сил противника, создание в обществе атмосферы недоверия и формирование мотивации к деструктивным действиям» [36].

В соответствии с механизмом гибридной войны, революционное подполье организовало активную информационную работу по дискредитации действий правительства на фронте. В Киеве была организована подпольная типография, в которой печатались «возмутительные воззвания», в негативном виде освещавшие роль вооруженных сил России в «турецкой компании» [34, стр. 44-45; 15, стр. 2933]. Воззвания распространялись в Киеве и в Одессе, что несло дезорганизацию в массы, подрывало авторитет Вооруженных Сил России.

Подготовка вооруженного крестьянского восстания также строилась в соответствии с принципами гибридной войны.

Прежде всего, была создана законспирированная сеть базовых центров подготовки восстания, в целом ряде районов и сел. В каждой резидентуре поселились представители революционного подполья: Мария Ковалевская, Вера Засулич, Чубаров, Анна Макаревич, Михаил Фроленко, Лев Дейч. Все – активные боевики.

В схеме размещения базовых центров необходимо обратить внимание на некоторые моменты. Резидентуры охватывали полукольцом Киевскую

губернию, перекрывая ту ее часть, по которой проходили дороги в юго-западном направлении, по которым проводился подвоз боеприпасов для русской армии на Балканах. Селения, выбранные для создания резидентур, находились друг от друга на расстоянии 10 – 15 верст. Каждая из резидентур действовала, практически, в автономном режиме, не привлекая к себе внимания общественности и полиции.

Из пятнадцати членов боевого отряда, разместившихся на юге Киевской губернии, лишь несколько человек занимались вербовкой будущих партизан. Основная часть боевиков вела замкнутый образ жизни, чтобы не привлечь к себе внимания полиции. И занималась разведкой.

Боевики создали несколько подвижных разведывательных групп с маршрутными возможностями. Действуя под видом коммерсантов, торгуя «красными товарами, жестяными изделиями: кружками, лейками», разведывательные группы осматривали значительные территории, от Одессы до Киева и западной границы. Тем самым, собиралась информация о районе предстоящих военных действий. Боевики разъезжали по территории, изучали географические особенности местности, качественные характеристики территории, расположение населенных пунктов, состояние шоссейных дорог, выявляли места прохождения линий телеграфной связи, намечали маршруты выдвижения партизанских отрядов, места проведения засад. Для облегчения ориентирования на местности были приобретены военные топографические карты Киевской, Подольской и Херсонской губерний. С учетом того, что военные топографические карты в свободную продажу не поступали, поляки в свое время просили членов организации «Земля и Воля» достать им топографические карты Западного региона империи. Чернышевский сделал это через завербованного офицера Генерального штаба, похитившего карты. Возникает вопрос: каким образом революционеры смогли приобрести секретные военные карты целого ряда губерний, находившихся в прифронтовой полосе?

Стефанович «закупал» товар в Одессе. Хотя эти же самые товары можно было закупить и непосредственно в Киеве. Перемещение по маршруту «Одесса – Киевская губерния» давало возможность держать под контролем шоссейные дороги, по которым перемещались войска. Аналогичные задачи Стефанович решал, разъезжая по южным местечкам Киевской губернии в базарные дни. Это давало возможность собирать информацию от стационарных разведывательных групп; поддерживать связи с нужными людьми, передавать собранную информацию. По такому же принципу работала группа из двух человек, которые были известны по именам «Иван» и «Настя». «Иван» закупал товары в Одессе и в Киеве, и развозил их «по местечкам Черкасского, Чигиринского и других соседних уездов» [9, стр. 211]. «Иван» и «Настя» не были членами киевской украинофильской боевки, но обладали правом контроля за деятельностью боевиков.

Для развития партизанского движения создавалась материальная база. С соблюдением мер безопасности закупалось огнестрельное и холодное оружие, боеприпасы, седла и лошади. Для участников будущего восстания, планировалось приобрести десять тысяч стволов огнестрельного оружия. «Предполагалось, что раз только мы выступим вооруженным отрядом и объявим крестьянам манифест, крестьяне тотчас станут волноваться. Этой минутой мы должны были воспользоваться и дать возможность вооружиться бунтовщикам. Для этого-то мы и должны были заблаговременно заготовить оружие» [9, стр. 227], – писал в воспоминаниях один из активных участников событий.

Проводилась усиленная стрелковая подготовка членов организационного ядра, самих боевиков. В последующем они должны были обучить крестьян стрелковому делу. «Мы выучились прекрасно стрелять, – писал в воспоминаниях член группы Дебагорий-Мокриевич. – Так, помню, я не выходил из игральной карты на расстоянии 20-25 шагов» [9, стр. 222].

Судя по всему, Вера Засулич именно здесь приобрела отменные навыки владения огнестрельным оружием, которое продемонстрировала во время покушения на генерала Трепова в С.Петербурге.

Проводилась активная вербовочная работа среди крестьянского населения. В первую очередь, в селах выявляли наиболее активных крестьян, которые боролись за землю, требовали передела земли. Завербованные крестьяне подвергались целенаправленной идеологической обработке. У них формировались мотивы готовности участвовать в партизанской войне. Для создания организационного крестьянского ядра

было задумано «непременно практическое дело, которое связало бы» крестьян [22].

Боевики предложили крестьянам организовать «кассу взаимопомощи». Касса преследовала две цели. Прежде всего, повысить уровень заинтересованности крестьян, когда они вложат собственные деньги. Второе, оказать материальную помощь завербованным крестьянам, которые могли уйти на заработки в соседнюю губернию. «Для примера и поощрения» боевики внесли в кассу 25 рублей. При этом сами боевики деньгами не рисковали. В нужный момент они могли забрать всю кассу [37].

Проводились «командно-штабные учения» и отрабатывалась тактика будущего восстания. Намечались маршруты выдвижения партизанских сил; определялись объекты покушения. Во главе «бунтовского отряда» ставился атаман-крестьянин, пользующийся безусловным доверием крестьян. Атаманы должны были действовать под контролем боевиков. Восставшие должны были вести партизанскую войну, избегая стычек с войсками, разрушать железные дороги, телеграфные линии связи, вносить дезорганизацию в деятельность органов власти; при нападении на города забирать оружие, поджигать правительственные здания, уничтожать ведомственную переписку и всевозможные архивы [20, стр. 203-205].

В результате таких партизанских действий, начнись они, были бы разрушены линии связи; шоссейные и железнодорожные мосты; уничтожены мобилизационные документы; нарушена система снабжения вооруженных сил.

Весной 1877 года, «после праздника пасхи», Стефанович провел первую встречу с наиболее «доверенными» крестьянами Чигиринского уезда. Для этого завербованный ранее Лазарь Тененика собрал крестьян на конспиративную встречу. Перед ними и выступил Стефанович, которого представили как «Государева комиссара». Стефанович зачитал и прокомментировал царскую «Тайную грамоту». Текст грамоты произвел на крестьян сильное впечатление, так как был ориентирован на самые тайные пожелания крестьян. Крестьяне полностью поддержали царское обращение. В соответствие с «царскими рекомендациями» крестьяне начали активно вступать в «Тайную дружину» [6, стр. 125]

Устав «Тайной дружины» также был разработан за рубежом и являлся, как бы, продолжением «Высочайшей тайной грамоты». Как говорилось в уставе, «тайные крестьянские общества, именуемые дружинами, имеют своим назначением подготовиться к восстанию против дворян и других высших сословий с тем, чтобы силою возвратить себе захваченную ими землю, уничтожить повинности и налоги, введенные дворянским начальством, и восстановить полную «волю», как даровал ее его императорское величество государь император Александр Николаевич» [6, стр. 125]. Дружина, якобы, находилась под покровительством самого государя, пользовалась его поддержкою и потому выводилась из подчинения всех нижестоящих государственных структур.

Устав закреплял и структурное построение дружины. Возглавлял ее комиссар, назначаемый лично императором. Это давало возможность представителю революционного подполья возглавить вооруженные крестьянские банды. В подтверждение своих особых полномочий и близости к Государю, Комиссар был наделен особой грамотой, «выданной из собственной его императорского величества канцелярии за печатью самого государя императора». Естественно, боевикам не представляло сложности изготовить названные печати.

Были созданы и низовые структуры управления, из числа завербованных крестьян. Староство, объединявшее 25 дружинников, возглавлялось выборным старостой. Совет старост (рада), состоял из нескольких старост; атаман и казначей выбирались старостами через каждые 3 месяца.

В уставе детально излагались обязанности членов дружины, от комиссара до рядового дружинника.

В качестве условий вступления в дружины предусматривались: принятие присяги «на верность делу всей дружины»; собственноручное изготовление холодного либо дробящего оружия; соблюдение мер конспирации; ежемесячная уплата членских взносов в размере 5 копеек; отчет перед старостой через каждые две недели о том, «что он сделал в пользу дружины»; контроль за поведением других членов дружины и своевременный доклад старосте о возникших подозрениях и т.д. [22].

Для тех дружинников, кто навлекал на себя подозрение в «неверности», предусматривалась

смертная казнь, решение о которой принимал «Комиссар».

Столь же детально был разработан и обряд «Святой присяги». Подстрекатели учли высокий уровень христианского самосознания крестьян. Обряд присяги совершался перед иконою Спасителя, святым крестом, святым Евангелием, перед двумя на крест воткнутыми пиками или ножами, при свете восковой свечки. Обряд присяги носил сходство с сатанинскими ритуалами посвящения.

Каждый дружинник принимал присягу, текст которой звучал так: «Я (имя, отчество, фамилия) перед ликом Спасителя, святым Евангелием, святым крестом, клянусь всю мою жизнь пожертвовать себя народному делу дружины. Клянусь по приказу государя Александра Николаевича бороться с оружием в руках с помещиками, чиновниками и всякими моих собратий и моего государя Александра Николаевича врагами, погубившими нашу волю и отнявшими от нас землю... Если нарушу сию мою клятву, то призываю гнев Господа Бога и всех святых его на меня и на все мое потомства, и да поразят меня всякие беды и несчастья, и да не щадит меня рука брата-дружинника» [6, стр. 127-128].

Тем самым террористы использовали имя Господа Бога, авторитет православной церкви и императора. Это значительно усиливало силу клятвы.

Встречи Комиссара и крестьянских партизанских активистов проводились в Киеве, на роскошно обставленной конспиративной квартире. Для поддержания малоимущих дружинников «Государев комиссар» выдал, якобы от имени государя императора, 150 рублей, а женам дружинников были приобретены подарки. Тем самым у крестьян и членов их семей вырабатывались корыстные мотивы участия в восстании.

В результате проделанной работы к середине 1877 года подготовительная работа была, практически, закончена. «Тайное общество», как сформированная структура гибридной войны, охватило своим влиянием села и деревни 12 волостей, и насчитывало около 3 000 человек.

В этот период произошло обострение обстановки на фронте. 7 июля 1877 года крупный отряд турецких войск под командованием Осман-Паши занял крепость Плевну, и четко обозначил угрозу нанесения флангового удара по русским войскам. В августе начались кровопролитные бои за Шипку. Противник имел пятикратное превосходство. Положение русских войск во многом зависело от своевременного подхода подкреплений и подвоза боеприпасов. Именно в это время и планировалось поднять крестьянское восстание.

Сигналом к восстанию должен был прозвучать пароль «Воздвиженье». Введение в действие пароля дает основание предполагать, что сигнал к восстанию мог дать и кто-то другой, кроме «Государева комиссара».

Как показывает анализ источниковой базы, восстание не ограничивалась действиями крестьян. Наряду с сельским террором, должен был начаться и городской террор, в самом Киеве. На конспиративной квартире, после раскрытия заговора, были изъяты: огнестрельное оружие, значительное количество патронов, порох, приспособления для литья пуль, адреса отдельных улиц и домов в самом Киеве. Это дает возможность предположить, что планировалось развернуть диверсионно-террористическую деятельность в Киеве.

Как показала проверка, по выявленным адресам проживали потенциальные объекты покушения, высокопоставленные должностные лица, подлежащие ликвидации. Расчет строился на том, что ликвидация высших должностных лиц привела бы к дезорганизации управления, деморализации государственных служащих.

30 августа 1877 г., во время проведения обыска, на одной из конспиративных квартир были изъяты сто двенадцать «подложных отпечатанных телеграмм «Правительственного Вестника» от 4 сентября 1877 года. В этом, якобы, «Правительственном» сообщении, речь шла о введении конституционного образа правления, о созвании, по повелению Государя Императора, сословных представителей» [18]. По сути дела, речь шла о замене самодержавной монархии конституционной монархией. Доведение фальшивых телеграмм «Правительственного Вестника», по замыслу организаторов восстания, должно было внести сумятицу в деятельность государственного аппарата и вызвать его дезорганизацию.

Значительный территориальный и количественный охват населения привел к росту социальной напряженности, к изменению поведения многих тысяч людей. Крестьяне резко изменили свое поведение и свой образ жизни. Дружинники,

боясь проболтаться «по пьянке», отказались от употребления водки, потребовали закрыть кабаки в местах дислокации староств и дружин. Это вызвало панику у евреев, содержателей корчевен и питейных заведений, которые первыми почувствовали рост социальной напряженности. Опасаясь, как бы протрезвевшие крестьяне не начали «бить жидов», евреи обратили внимание сотрудников полиции на столь резкое изменение в поведении крестьян.

Чтобы никто не проговорился попу на исповеди, крестьяне перестали ходить в церковь к причастию. Массовый отказ от посещения церкви вызвал недоумение у сельских священнослужителей.

В сельских кузницах активно ковались пики и топоры. Информация об этом естественно, распространялась по деревням. Однако все попытки сотрудников полиции собрать какие-то сведения о заказчиках и изготовителях холодного оружия заканчивались безрезультатно. Видя стремление крестьян к приобретению топоров, местный исправник сделал попытку выявить пути их распространения. Полиция организовала торговлю топорами, колюще-режущими предметами на ярмарке. Отсутствие надлежащей конспирации при подготовке «торговцев» привело к утечке информации. Весь рынок знал, что новые торговцы из полиции. Дружинники в этот день ничего не приобретали. «Полиция была в отчаянии и решительно не знала, что предпринять... Жандармы сновали по всем направлениям. Становые и исправники совсем сбились с ног и не имели покоя ни днем, ни ночью. Сам губернатор посетил уезд» [6, стр. 121, 122].

Восстание было намечено на 1 октября 1877 года. Судя по всему, организаторы восстания ждали, когда у крестьян закончатся сельскохозяйственные работы. Партизанская сеть рухнула за месяц до восстания. Провалу операции способствовало нарушение конспирации крестьянами.

В один из пустовавших кабаков в Чигиринском уезде зашел крестьянин Приходько. «От голода и усталости он еле держался на ногах и, сильно охмелевши от выпитого стакана водки, начал кричать, что скоро все будет «по иному», что он уже «присягал», что он сам видел «бумагу». Владелец кабака доложил об услышанном исправнику. Полиция получила начальную информацию о подготовке восстания. Было арестовано более тысячи человек дружинников, найден «Государев комиссар» [2].

В Каневском уезде боевую организацию Дебагория-Мокриевича также погубила пьянка. Бывший волостной писарь считал, что по своей должности может войти в состав руководства тайной организации. Писаря не ввели в состав руководства. С обиды писарь напился и в пьяном виде принялся рассказывать всем о тайной организации, о подготовке восстания, о руководителях тайной организации. Информация дошла до полиции.

Срыву восстания в значительной мере способствовали и розыскные мероприятия русской полиции. Полиция выявила конспиративную квартиру в Елисаветграде. На квартире были арестованы военный фельдшер Майданский и местный адвокат Краев, которые дали показания о членах украинофильской боевки. Краев выдал полиции конспиративную квартиру боевиков в Киеве. Начавшиеся аресты привели боевиков украинофильской организации в состояние паники; они бросили подготовку к восстанию и подались в бега. «Назначив Харьков общим сборным пунктом, – писал несостоявшийся начальник генерального штаба крестьянского партизанского отряда Дебагорий-Мокриевич, – мы бросились врассыпную, кто куда находил удобнее для себя» [9, стр. 270].

Среди тех, кто в экстренном порядке покинул Киевскую губернию, заметая следы, была и боевик Вера Засулич, участник подготовки Чигиринского восстания. Она принимала активное участие в подготовке Чигиринского восстания. «Засулич вошла в революционный кружок приверженцев идей М. Бакунина «Южные бунтари». Объединив усилия «бунтарей-бакунистов», она попыталась поднять крестьянское восстание в деревне Цебулевка. Восстание потерпело неудачу, Засулич бежала в Петербург, где было проще спрятаться от преследования полицией» [10].

Таким образом, тщательно подготовленная операция западных спецслужб была сорвана. Западу не удалось поднять крестьянское восстание в тылу русской армии, воевавшей на Балканах. Полиция арестовала ряд активных организаторов восстания [21].

Несмотря на срыв операции по развитию партизанского движения на юге Киевской губернии, несмотря на понесенный урон, арест части участников, сеть гибридной войны

продолжала действовать.

Начальник Киевского губернского жандармского управления капитан барон Гейкинг принялся активно проводить оперативно-розыскные мероприятия. Прокуратура начала следствие. Общее руководство ликвидацией заговора осуществлял Харьковский губернатор князь Кропоткин.

Агентурная сеть гибридной войны принялась проводить экстренные меры по минимизации последствий провала восстания. Были ликвидированы: губернатор князь Кропоткин**** и начальник Киевского жандармского управления барон Гейкинг; совершено покушение на товарища (заместителя) прокурора Котляревского; организован побег из тюрьмы арестованных организаторов Чигиринского восстания; ликвидирован начальник спецслужбы империи, III Отделения собственной его императорского величества канцелярии генерал Н.В. Мезенцев; организовано покушение на ликвидацию его преемника, генерала Дрентельна [39, стр. 81-89].

Как пишут современные исследователи, «в программу землевольцев были включены действия, направленные на «дезорганизацию» правительства, т. е. террор…. Кружок Осинского – Д.А. Лизогуба, действовавший в Киеве и Одессе, организует в 1878 – начале 1879 года убийства: агента полиции А. Г. Никонова, жандармского офицера Г. Э. Гейкинга, харьковского генерал-губернатора Д. Н. Кропоткина; с марта 1878 года на прокламациях по поводу покушений появляется печать с изображением револьвера, кинжала и топора и подписью «Исполнительный комитет социально-революционной партии»; террористическая борьба, начавшись на юге, перебрасывается в столицу; 4 августа 1878 года Степняк-Кравчинский убил шефа жандармов генерала Н.В. Мезенцева; 13 марта было совершено покушение на его преемника генерала А. Р. Дрентельна» [14].

Агентурная сеть гибридной войны продемонстрировала свою эффективность. Русско-турецкая война 1877-1878 гг. закончилась победой Русской армии. 16 марта 1878 года в городке под Константинополем, столице Турции, был подписан Сан-Стефанский мирный договор.

Территория Болгарии, от Дуная до Эгейского моря и от Черного моря до Охридского озера, была полностью освобождена от турецкой оккупации, и получала независимость. Договор закрепил независимость Сербии, Черногории и Румынии, увеличивал их территорию. Босния и Герцеговина образовывали автономную область. Турецкая империя обязалась выплатить России контрибуцию в 1,4 млрд. рублей. Турция передала под юрисдикцию России города и крепости: Карс, Ардаган, Баязет, Батум, Карс, Добруджа, часть дельты Дуная и остров Змеиный. Россия обязывала Османскую империю реформировать управление Армении и Албании, отказаться от ряда притязаний на территории Греции [43].

И здесь в очередной раз сработала сеть гибридной войны.

Боевик гибридной войны, Емельянов-Боголюбов, за участие в казанской демонстрации и за оказанное сопротивление сотрудникам полиции, был осужден к 15 годам лишения свободы. До отбытия на каторгу находился в Доме предварительного заключения, в Санкт-Петербурге. Во время посещения Дома генералом Ф.Ф. Треповым спровоцировал конфликтную ситуацию, за что был подвергнут телесному наказанию. В отместку, 24 января 1878 года, В. Засулич тяжело ранила генерала Трепова в приемной его кабинета. Одновременно революционное подполье террористической сети произвело ряд адресных покушений и ликвидаций высших должностных лиц России. 23 февраля 1878 года было произведено покушение на товарища прокурора Котляревского. 25 мая 1878 года тяжело ранен начальник Киевского губернского жандармского управления барон Гейкинг, который через несколько дней скончался [39, стр. 80-83].

Вызванный террористическими актами ажиотаж ослабил позиции России в Европе. Европа потребовала пересмотра условий заключенного Сан-Стефанского мирного договора. В период с 1 июня по 1 июля в Берлине проходил Международный конгресс. Англия, Франция, Германия и Австро-Венгрия заставили Россию отказаться от целого ряда завоеваний. А способствовала этому подпольная сеть гибридной войны, активно действовавшая на территории России [4; 17].

Таким образом, уже в 70-е годы XIX века Россия стала объектом гибридной войны, организованной Западом. Результатом этой войны стало ослабление позиций России на международной арене; ослабление ее геополитических позиций в Европе; последующее развитие революционно-террористического движения.

Примечания

* В литературе, на наш взгляд, совершенно не освещена роль украинского поэта Т. Шевченко в развитии революционно-террористического движения. Перу знаменитого поэта принадлежат сочинения, в которых он излагал «порядок производства вооруженной революции в Украине». По сути дела, работы Т. Шевченко носили подстрекательский и методический характер по развитию антигосударственного террора.

** «Обращение к царю» не было инициативой народных масс. Революционное подполье рассматриваемого периода приступило к дискредитации царя. «Разбить веру в царя возможно лишь путем фактических доказательств, что царь не стоит на страже его интересов и не приклоняет уха своего к народным жалобам и стонам». Для этого революционное подполье провоцировало систематические походы «ходоков от волостей, уездов и целых губерний к царю с изложением народных нужд и желаний». Как писала В. Фигнер, «судьба подобных челобитчиков известна: одни ссылаются в далекие губернии, другие подвергаются аресту, третьи возвращаются на родину по этапу». В конечном счете ,крестьяне должны были понять, что «ждать от царя нечего и что приходится надеяться лишь на свои силы в деле добывания лучшего будущего» [41, стр. 140].

*** В биографических источниках Г.В. Плеханова упоминаются его «псевдонимы» Н. Бельтов, А С. Максимов-Дружбинин и др. Между тем, в подпольной революционной среде у него были клички «Федор» и «Волк», под которыми его знали основные участники подполья.

**** Для ликвидации Харьковского губернатора князя Кропоткина из-за рубежа прибыл высококвалифицированный киллер, поляк Кобылянский, кличка «Володька Поля-чек». За убийство Кропоткина он получил 300 рублей. Благодаря своевременному задержанию Кобылянского было предупреждено покушение на убийство помощника начальника киевского жандармского управления капитана Судейкина.

Список литературы

1. 150-летие отмены крепостного права в России: Сборник материалов круглого стола / Под ред. С.Г. Кащенко. – СПб.: Президент. б-ка, 2012. – 226 с.; ил.
2. Балан В.П., Литвинов Н.Д. Влияние количественных и качественных характеристик территории Российской империи на развитие терроризма // Правовое поле современной экономики. – 2016. – № 7. – С. 134-146.
3. Бартош А. Гибридные войны будущего – прогнозирование и планирование// http://nvo.ng.ru/concepts/2014-12-19/1_war.html
4. Боханов А.Н., Горинов М.М. История России с начала XVIII до конца XIX века. – М.: АСТ, 2001. – 543 с.
5. Бурцев В. За сто лет (1800-1896). Сборник по истории политических и общественных движений в России. В 2 ч. Ч. 1-2 – London: Russian free press fund, 1897. – Ч. 1. – XII, 267 с. – Ч. 2. – [1], 164 с.
6. Глинский Б. Б. Революционный период русской истории (1861-1881 гг.): исторические очерки. В. 2 т. Т. 1 – СПб.: Т-во А. С. Суворина «Новое время», 1913. – [XII], 528 с.: портр., факс.
7. Гоголь Н.В. Избранная проза. – СПб.: МиМ-Экспресс, 1996. – 768 с.
8. Даллес А. Доктрина: Россию надо поставить на место! / Пер. с англ. – М.: Алгоритм; Эксмо, 2011. – 224 с. – (Русский отдел).
9. Дебогорий-Мокриевич В.К. Воспоминания. – Париж: Imprimerie J. Allemane, 1894. – 521 с.
10. Дмитриев И. Почему присяжные оправдали террористку Веру Засулич // https://pravo.ru/process/view/17103/
11. Дремков А.А. Нетрадиционные войны: сущность, проблемы, перспективы // Военная мысль. – 1998. – № 2(3-4) – С. 73-74.
12. Ефименко А.Я. История Украйны и ее народа. – СПб. 1907. – 174 с.
13. Записки по истории революционного движения: для курсов при штабе Отдельного корпуса жандармов. 1912-13 г. / Сост. С.Ф. Рожанов. - СПб., 1913. - [2], 79 с.
14. Земля и воля (народническая организация) // https://megabook.ru/article/
15. История России в XIX веке. Т. 6: Эпоха реакции (1866-1892). – СПб.: А. и И. Гранат, 1909. – [5], 327 с., 19 л. портр.
16. Калинчук С.В. Революционные народники и украинофилы 1870-1880-х гг.: сотрудничество или соперничество? // Народники в истории России: Межвузовский сборник научных трудов. – Воронеж: Воронежский государственный университет, 2016. – С. 82-106.
17. Керсновский А.А. История русской армии. В 4 томах. Том 2. Гл. 10 – М.: Голос, 1993. – 304 с.: ил.
18. Киевские губернские ведомости. – 1878. – 10 июля.
19. Литвинов Н.Д. Террористические организации: формирование и деятельность. М.: Голос, 1999. – 224 с.
20. Литвинова А.Н., Литвинов Н.Д. Первая кровь России. Зарождение революционно-террористического движения в Российской империи. 1861 – 1879 гг. – Воронеж: Межрегион. общенац. центр «Антитеррор»,

2006. – 286, [1] с.
21. Мауль В.Я. Вожаки «Чигиринского заговора» в кольце революционного окружения // История, философия, педагогика, психология, право: Сборник научных статей с международным участием, к 100-летию Российской революции 1917 г.. – Рязань: Созвездие, 2017. – С. 107-113. – в кн. 200 с.
22. Мауль В.Я. «Чигиринский заговор» и крестьянская психология // Quaestio Rossica. – 2017. – Т. 5. – № 1. – С. 221-240.
23. Министерство внутренних дел России. 1802 – 2002: Исторический очерк в 2-х томах. Том 1 / Под общ. ред. В.П. Сальникова; Грызлов Б.К., Сальников В.П., Стрельников А.А, Рыскин Л.Б., Глушаченко С.Б., Александров А.И., Нижник Н.С. – СПб.: Фонд «Университет», 2002. – 272 с. – (Серия: «МВД России 200 лет»).
24. Нижник Н.С., Сальников В.П., Мушкет И.И. Министры внутренних дел Российского государства (1802 – 2002): Биобиблиографический справочник. – СПб.: Фонд «Университет», 2002. – 584 с. – (Серия: «МВД России 200 лет»).
25. Новицкий В.Д. Из воспоминаний жандарма. – Л.: Прибой, 1929. – XII, 288 с.
26. Общественное движение в России второй половины 19 в. Народничество: «Земля и воля», «Черный передел», «Народная воля» // https://lektsii.org/9-61436.html
27. Петров М.Н. Механизмы государственных переворотов. Историко-теоретическое исследование. – М., Минск: АСТ Харвест,. 2005. – 397 с.
28. Прибылева-Корба А.П. и Фигнер В.Н. А.Д.Михайлов. – Л.; М.: Гос. изд-во, 1925. – 230, [1] с.
29. Русова С.Ф. Украинская литература 1862 – 1900 г.//. История России в XIX веке. Т. 7. -.М.: А. и И. Гранат., 1907. – С. 71-109. – в кн. 240 с.
30. Русская православная мысль об иезуитах и их отношении к России // http://www.odigitria.by/2016/02/27/russkaya-pravoslavnaya-mysl-ob-iezuitax-i-ix-otnoshenii-k-rossii/
31. Рылеев К.Ф. Песня сторонников Мазепы // http://biblioteka-poeta.ru/plan-i-nabroski-tragedii-mazepa/ryleev-k-f.
32. Сальников В.П., Ивашов Л.Г., Джегутанов Б.К. Философия глобализации (Методологические основы геополитической доктрины России): Монография / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2006. – 268 с.
33. Сватиков С.Г. Общественное движение в России (1700 – 1895). – Ростов-на-Дону: Донская Речь (издательство Н.Е. Парамонова), 1905. – 204, 198, VI с.
34. Свод указаний, данных некоторыми из арестованных по делам о государственных преступлениях. Май 1880 года. – Б.м..б.г. с. – 124 с.
35. Татищев С.С. Император Александр II. Его жизнь и царствование. Т.1. – СПб.: Тип. А.С. Суворина, 1903. – 1 л. портр., XVIII, 538 с.
36. Теоретические и практические аспекты «гибридных войн» в современном геополитическом противоборстве. Информационный обзор. – М.: ФСВНГ, 2017.
37. Терехова С.А. Революционеры-народники и идея «народного монархизма» (на примере «Чигиринского заговора»: Автореферат дис. ... канд. истор. наук. – Воронеж: Воронеж. гос. ун-т. 2016.
38. Террор и агентура в Российской империи 1861-1917 / Авт.-сост. Н.Д. Литвинов. – Воронеж: Альбом, 2007. – 482, [1] с.
39. Террор в Российской империи. Записки жандармов: Информационно-аналитический сборник / Сост.: Н.Д. Литвинов, О.Л. Лавров, В.С. Чернявский и А.Г. Хабибулин; Экспертный центр «Национальной безопасности»; Региональный общественный фонд помощи ветеранам специальных подразделений органов безопасности по борьбе с терроризмом «Защита Отечества»; Фонд «Университет». – Воронеж: Воронежская областная типография. 2018. – 928 с.
40. Украинский сепаратизм в России. Идеология национального раскола / Сост. М.Б. Смолин. – М.: Редакция журнала «Москва», 1998. – 432 с.
41. Фигнер Вера. Запечатленный труд. Воспоминания в двух томах. Том 1. – М.: Мысль 1964. – 440 с.
42. Хроника социалистического движения в России. 1878 – 1887. Официальный отчет. – М.: Изд. В.М. Саблина, 1906. – 364 с.
43. Юрченко Е. Сан-Стефанский мирный договор – недолгий триумф российской дипломатии // http://fb.ru/article/32722/san-stefanskiy-mirnyiy-dogovor---nedolgiy-triumf-rossiyskoy-diplomatii

КОНСТИТУЦИОННОЕ И МУНИЦИПАЛЬНОЕ ПРАВО. КОНСТИТУЦИОННЫЙ СУДЕБНЫЙ ПРОЦЕСС. АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО И АДМИНИСТРАТИВНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ.

КАЙНОВ Владимир Иванович,
заведующий кафедрой государственно-правовых дисциплин Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия, доктор юридических наук, профессор (г. Санкт-Петербург, Россия)
E-mail: kaynov_v@mail.ru

БОГДАНОВ Максим Николаевич,
начальник кафедры государственно-правовых дисциплин Псковского филиала академии ФСИН России, кандидат юридических наук (г. Псков, Россия)

ЕГОРОВ Андрей Михайлович,
доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Псковского филиала академии ФСИН России, кандидат исторических наук, доцент (г. Псков, Россия)

Специальность 12.00.01 – Теория и история права и государства; история учений о праве и государства

РАССМОТРЕНИЕ СУДАМИ ПСКОВСКОЙ ОБЛАСТИ ЖАЛОБ И ЗАЯВЛЕНИЙ ГРАЖДАН ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1980-Х – НАЧАЛЕ 1990-Х ГГ. (ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ)

Аннотация. *Рассматривается процесс развития и функционирования судебных учреждений Псковской области на одном из переломных этапов истории нашей страны накануне распада Советского Союза и становления суверенного Российского государства.*

Ключевые слова: *жалоба; вина; гражданские и уголовные дела; народный судья; кассация; сроки; динамика.*

KAINOV V.I.
BOGDANOV M.N.
EGOROV A.M.

CONSIDERATION BY COURTS OF THE PSKOV REGION OF COMPLAINTS AND STATEMENTS OF CITIZENS IN THE SECOND HALF OF THE 1980S – EARLY 1990S. (HISTORICAL AND LEGAL ASPECT)

The summary. *In the article development and functioning of legal agencies of the Pskov region at one of critical stages of history of our country on the eve of disintegration of the Soviet Union and formation of the sovereign Russian state is considered.*

Key words: *complaint; wine; civil and criminal cases; national judge; cassation; terms; dynamics.*

На апрельском Пленуме ЦК КПСС 1985 г. в Советском Союзе был провозглашен новый политический курс правящей партии – ускорение социально-экономического развития страны на основе научно-технического прогресса (хотя на практике продолжали активно использоваться методы приказного нажима, политических кампаний и штурмовщины).

Судебная система также не осталась в стороне от новых тенденций государственной политики. В ее рамках констатировалось, что ЦК КПСС, определяя новые социально-экономические задачи, ведет решительную борьбу за повышение организованности, дисциплины и ответственности кадров на всех уровнях государственного управления [13, стр. 83-84]. В осуществлении этих задач большое значение придавалось письмам, заявлениям, жалобам граждан и особенно жалобам, адресованным готовившемуся XXVII съезду КПСС.

Приказом Министра юстиции СССР от 29 апреля 1985 года № 5 обращалось внимание на всю важность и серьезность организации работы в учреждениях юстиции и судах по рассмотрению писем, заявлений и жалоб граждан, адресованных XXVII съезду КПСС. Этим приказом, а также приказом Министра юстиции РСФСР от 30 мая 1985 года № 05/16-01 предлагалось обеспечить особо ответственный подход к разрешению указанных жалоб. Рекомендовалось разработать и осуществить необходимые организационные мероприятия, направленные на строгое выполнение всех директивных указаний партии и правительства по разрешению писем, заявлений и жалоб.

В соответствии с этими указаниями в первой половине 1985 года пристальное внимание уделяется работе Псковского областного суда по рассмотрению жалоб в порядке надзора. За это время в адрес Псковского областного суда поступило 170 жалоб по уголовным делам (в первом полугодии 1984 года – 171 жалоба) и 48 повторных жалоб. Причем 30 первичных и 19 повторных жалоб поступили из Верховного Суда РСФСР. Жалоб, адресованных непосредственно XXVII съезду КПСС, в Псковской области не поступало.

Количество жалоб в основном поступало соответственно количеству рассмотренных дел. Наибольшее число жалоб в 1985 году поступило на приговоры и постановления Псковского городского народного суда – 21, Великолукского горнарсуда – 16, Невельского – 18, Печорского – 10, Порховского – 8, Дедовичского, Гдовского, Новоржевского – по 6, Островского, Пушкиногорского, Новосокольнического – по 5, других судов – от 2 до 4 жалоб. На приговоры Усвятского и Палкинского судов жалоб в указанный период не поступало.

Жалобы поступали от осужденных (в том числе их представителей и родственников) по следующим статья Уголовного Кодекса РСФСР: ст. 206 – 31 жалоба, ст. 211 – 23, ст. 89 – 21, ст. 108 – 13, ст. 103 – 11, ст. 144 – 12, ст. 145 – 8, ст. 146 – 7, ст. 117 – 7, ст.ст. 92, 93 – 9, по другим уголовным статьям по 1-й, 2-м, 3-м жалобам.

Большинство жалоб приносилось на суровость приговоров, по 60 жалобам ставился вопрос только о снижении наказания. Из общего числа обращений за этот период по уголовным делам 32 жалобы поступило по мотивам недостаточной исследованности материалов дела органами расследования и судом. В 17 жалобах оспаривалась юридическая квалификация совершенных действий. В 28 жалобах указывалось на отсутствие вины и необоснованное осуждение.

Из 159 разрешенных Псковским областным судом в первом полугодии 1985 года жалоб было рассмотрено с отказом в истребовании дел 104 (65,1%), с истребованием дел – 55. Также было отказано в принесении протестов по 42 делам, принесено протестов по 9 жалобам, всего поступило дел с протестами в порядке надзора 35, по которым 32 протеста были Псковским областным судом удовлетворены и 2 протеста отклонены.

В этот же период по гражданским делам в Псковский областной суд поступило 102 жалобы (в 1984 году – 112) и 37 – повторных. Из них 38 жалоб поступило из Верховного Суда РСФСР (в 1984 году – 112), 4 жалобы из

центральных органов печати. Жалоб, адресованных XXVII съезду КПСС, по гражданским делам из Псковской области также не поступало.

Наибольшее число жалоб поступило в 1985 году на решения и определения городских народных судов: Псковского – 31, Великолукского – 15, Островского – 8. Меньше было жалоб на решения районных судов: Псковского – 7, Опочецкого – 6, Бежаницкого – 4, на остальные суды поступило всего от 1-й до 3-х жалоб.

В жалобах в большинстве своем оспаривались решения, затрагивающие наиболее существенные права и интересы граждан и, в частности, по трудовым делам – 21, из них 6 о восстановлении на работе, по жилищным делам 29, в том числе 13 о выселении, 9 об обмене жилой площади, 12 о расторжении брака, по спорам о выполнении родительских обязанностей – 8, об установлении неправильности актовых записей – 7 и др.

Из 97 разрешенных Псковским областным судом в первом полугодии 1985 года жалоб по гражданским делам было рассмотрено с отказом в истребовании дел – 44 (45,3%), с истребованием дел – 53, принесены протесты по 11 делам, причем все удовлетворены, остальные жалобы, проверенные по материалам дела, оставлены без удовлетворения [6, л. 64].

Поступавшие в это время в Псковский областной суд жалобы в порядке надзора разрешались в духе требований Указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 марта 1980 года «О порядке рассмотрения предложений, заявлений и жалоб граждан», с соблюдением процессуального законодательства. Истребованные по жалобам дела изучались в полном объеме, на жалобы давались подробные мотивированные ответы, с приведением доказательств, ссылкой на закон и опровержением доводов жалобы. По обоснованным жалобам принимались меры к устранению допущенных нижестоящими судами ошибок и нарушений закона.

Все эти о кассационной и надзорной практике обобщались на областном совещании и семинаре народных судей Псковской области 16-17 июля 1985 года. На нем, в частности, было обращено внимание, что согласно приказу Министра юстиции СССР от 29 апреля 1985 года № 5 «О мерах по организации рассмотрения в органах, учреждениях юстиции и судах писем, заявлений и жалоб граждан, адресованных XXVII съезду КПСС» жалобы на судебные приговоры, решения, постановления и определения должны проверяться, как правило, с истребованием дел и материалов.

Но как видно из приведенных выше данных с истребованием дел в первом полугодии 1985 года было разрешено только 35% жалоб по уголовным и 55% – по гражданским делам. В отдельных случаях без истребования дел разрешались жалобы на приговоры народных судов, которые в кассационном порядке не рассматривались и, следовательно, требовали более тщательной проверки.

Несмотря на отмеченные совещанием народных судей Псковской области недостатки, в целом работе по разрешению жалоб уделялось серьезное внимание и в целом обеспечивалось правильное и своевременное их разрешение. Эта работа, как правило, систематизировалась, обобщалась и обсуждалась на оперативных совещаниях Псковского областного суда. Особо отмечалось, что в целях дальнейшего совершенствования работы по разрешению жалоб необходимо в ходе обсуждения этого вопроса выработать и наметить определенные организационные мероприятия, обеспечивающие выполнение требований и указаний партии и правительства по работе с письмами и особенно жалобами, адресованными XXVII съезду КПСС.

Однако термин «*ускорение*» быстро исчез из официальной лексики. Приходило понимание необходимости более глубокой реорганизации, смены экономической модели. В 1987 году концепция «*ускорения*» заменяется концепцией «*перестройки*». Последняя включала в себя как экономические, так и политические преобразования.

В январе 1987 г. Пленум ЦК КПСС выдвинул идею демократизации общественной жизни. Предлагалась программа перестройки внутрипартийной жизни, и намечались основные направления политических изменений в стране в целом.

Изменения в социально-экономической жизни страны нашли отражение и в деятельности судебных органов Псковской области [11; 19, стр. 292]. В соответствии со статистическими данными число гражданских дел, оконченных здесь в 1987 году, увеличилось по сравнению с предыдущим периодом на 355 и составило в общей сложности 9640 дел. С вынесением решения было постановлено 7921 дело.

Динамика рассмотрения гражданских дел по

важнейшим и наиболее распространенным категориям в середине 1980-х гг. выглядела следующим образом (Таблица 1)

Имело место увеличение дел о восстановлении на работе, о расторжение брака, о взыскании алиментов. Вынесено постановлений о взыскании алиментов (единолично судьей) – 1395. Удовлетворяемость исков по делам о восстановлении на работе составила 40%, что было примерно на уровне предыдущего 1986 года (40,4%). Удовлетворяемость исков о расторжении брака составляла в 1987 году 98,3% (в 1986 году – 91,2%).

В кассационном порядке в этом году было рассмотрено 627 дел, в том числе 73 по частным жалобам и протестам (6,5% от общего числа рассмотренных дел, в 1986 году – 5,6%), в том числе:

- о восстановлении на работе – 40 (отменено 5);
- о возмещении материального ущерба рабочим и служащим – 81 (отменено 5, изменено 1);
- другие трудовые дела – 37 (отменено 2);
- о выселении – 80 (отменено 7);
- другие жилищные дела – 74 (отменено 11);
- о расторжении брака – 35 (отменено 2);
- по искам колхозов и к колхозам – 25 (отменено 4) [6, л. 98].

Таким образом, по сравнению с 1986 годом число дел рассмотренных в кассационном порядке, увеличилось на 106 или на 20,8%. В целом динамика, рассмотренных в кассационном порядке дел, в период так называемой «перестройки» имела тенденцию к увеличению (Таблица 2)

Судя по данным о пересмотре решений в кассационном порядке, качество работы Псковской области по рассмотрению гражданских дел в середине 1980-х гг. было достаточно стабильным (Таблица 3)

Из общего числа решений по гражданским делам, вынесенных псковскими судами в 1987 году, было отменено в кассационном порядке только 0,006%, изменено – 0,0004%, отменено и изменено в порядке надзора – 0,004% решений. В целом за 1987 год в кассационном и надзорном порядке было отменено и изменено 102 решения, или на 25 решений больше, чем в 1986 году [8, л. 102].

В течение 1987 года было также отменено 26 определений и постановлений судов (8 в кассационном и 18 в надзорном порядке). Наибольшее количество ошибок суды допускали по жилищным и трудовым делам (отменено 22 и 16 решений соответственно).

Таблица 1

№ п/п	Категории дел	1983 г.	1984 г.	1985 г.	1986 г.	1987 г.
1.	О восстановлении на работе	131	119	118	134	155
2.	О возмещении ущерба рабочим и служащим	1080	938	1003	935	836
3.	О расторжении брака	4089	4005	3785	3155	3451
4.	О взыскании элементов	1847	1969	479	317	242
5.	О выселении	476	443	454	316	242
6.	Другие жилищные дела	478	442	446	465	639
7.	Особого производства	749	684	919	782	679

Таблица 2

годы	1983	1984	1985	1986	1987
количество	454	404	422	519	627

Таблица 3

годы	оставлено без изменений	отменено	изменено
1983	85,2%	11,7%	3,1%
1984	88%	9%	3%
1985	88,2%	8,5%	3,3%
1986	89,7%	8,7%	1,6%
1987	88,6%	10,6%	0,8%

Без отмены и изменений решений по гражданским делам в кассационном порядке работали четыре суда Псковской области – Бежаницкий, Дедовичский, Новоржевский, Куньинский. Выше среднеобластных имели показатели Великолукский, Островский, Псковский городские, Великолукский, Печорский, Пыталовский, Себежский районные народные суды.

В течение 1987 года членами судебной коллегии по гражданским делам Псковского областного суда оказывалась помощь в правильном применении законодательства отдельным народным судьям. Дважды за год на заседаниях судебной коллегии заслушивались объяснения по поводу допущенных нарушений закона при рассмотрении конкретных дел. Члены судебной коллегии принимали участие в комплексных проверках работы народных судов области, а также в мероприятиях по правовой пропаганде среди населения. Ими было прочитано пятьдесят лекций в трудовых коллективах, опубликовано девять статей и заметок в периодических печатных изданиях, проведено четыре выступления на радио.

По оценке заместителя председателя Псковского областного суда В.Е. Павлова в целом судебная коллегия по гражданским делам обеспечивала верное рассмотрение дел по первой и второй инстанциям, своевременно исправляла ошибки народных судов, правильно направляла судебную практику и оказывала практическую помощь народным судьям.

В конце 1980-х гг. работа по рассмотрению жалоб в порядке надзора шла по нарастающей. В течение первого полугодия 1988 года в Псковском областном суде было разрешено 470 жалоб, в числе которых было 300 первичных и 110 повторных. Относительно первого полугодия 1987 года рассмотрение жалоб возросло на 20% (с 391 до 490). Из их общего числа 247 жалоб было по уголовным делам (187 первичных и 60 повторных) и 223 – по гражданским делам (173 первичных и 60 повторных).

По сравнению с таким же периодом 1987 года поступление жалоб по уголовным делам увеличилось на 8,3% (с 228 до 247), а по гражданским делам – на 36% (с 163 до 223). Отдельные жалобы были достаточно аргументированы и содержавшиеся в них соображения являлись поводом для истребования дел и принесения протестов на состоявшиеся судебные решения. Таких протестов было 16 по уголовным и 9 по гражданским делам.

В первом полугодии 1988 года по протестам председателя Псковского областного суда в порядке надзора были изменены приговоры со снижением наказания по 8 уголовным делам; отменены 2 приговора с возвращением одного из дел на доследование и другого – в части гражданского иска; отменены постановления о направлении в ЛТВ в отношении двух лиц; а также вынесены определение о замене исправительных работ лишением свободы, об освобождении от наказания по истечении срока отсрочки, о сокращении срока возвращения в места лишения свободы. Кроме того, по протестам председателя областного суда, внесенным в связи с жалобами, были отменены решения и определения по 9 гражданским делам.

Почти не уменьшилось количество повторных жалоб по сравнению с первым полугодием 1987 года, когда их было 116. В аналогичный период 1988 года было рассмотрено 110 таких жалоб. При этом по отдельным делам, согласно оценке старшего консультанта Псковского областного суда А.П. Андреева, обращения с повторными жалобами были вполне оправданным и необходимым.

В декабре 1988 года изменениями к Конституции СССР начинается реформирование судебной системы страны. Данный процесс нашел свое отражение и в работе судебных учреждений Псковской области.

Деятельность народных судов Псковской области в первом полугодии 1990 года все так же была направлена на отправление правосудия и профилактику преступлений и других правонарушений, и даже шла по нарастающей. Возможно, это было связано с осложнениями в области общественного порядка.

За эти полгода псковскими судами было окончено рассмотрение 2062 уголовных дел (в 1989 году – 1688), 4658 гражданских дел (в 1989 году – 5153), 4425 материалов об административных правонарушениях (в 1989 году – 3764), 1015 представлений (в 1989 году – 982).

В первом полугодии 1990 года по сравнению с таким же периодом предыдущего года нагрузка на одного судью в месяц возросла по уголовным делам с 5,3 до 6,2 дела, по административным материалам с 11,5 до 13,4, а по гражданским делам уменьшилась на 2 дела (с 16,1 дела в 1989 году до 14,1 в 1990 году) [7, л. 31].

В это же время в судебной практике наметилась тенденция сокращения применения дополнительных мер наказания за корыстные преступления (по статьям 89 ч.4, 92 ч.3, 93 ч.3, и 93.1 УК РСФСР) в виде обязательной конфискация имущества, которая применялась по данной категории дел лишь в 66,7% по сравнению с 69,7% в 1989 году. Не изменилось применение наказания в виде конфискации имущество лишь по статье 154 ч.2 и 154 ч.3 УК РСФСР – 66,7%, а по статьям 145 ч.2,3 и 4 УК – 21,7% и по статье 146 УК – 74,1% оно заметно уменьшилось (в 1989 году применялось соответственно в 55,1% и 83,3% дел).

Ослаблено было применение дополнительного наказания в виде запрещения занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью. В первой половине 1990 года это дополнительное наказание было применено лишь к 40% осужденных по статье 92 ч.2 УК РСФСР (в 1989 году – к 64,3%), и к 66,7% осужденных по статье 92 ч.3 УК (в 1989 году – к 100%).

Более чем в два раза уменьшился в этот период процент реального возмещения ущерба государству от хищений (с 51,3% до 21,5%). Только судебные исполнители Себежского районного народного суда полностью возместили ущерб, взыскав с должников 1523 рубля. В то же время судебные исполнители Великолукского городского народного суда взыскали всего 96 руб. из 6250 руб., или 1,5% ущерба, Великолукского районного суда – 413 руб. из 4649 руб., или 8,9%, Псковского районного суда – 540 руб. из 8194 руб., или 6,6%, Пыталовского суда – 31 руб. из 1463 руб., или 2,7%.

В то же время улучшились показатели по возмещению ущерба от других преступлений (с 24,4% в 1989 году до 54,2% в 1990 году). При этом полностью был возмещен ущерб государству судебными исполнителями семи народных судов – Дедовического, Локнянского, Невельского, Новоржевского, Пыталовского районных, Великолукского и Псковского городских. Хороших результатов добились судебные исполнители Опочецкого районного суда, возместившие ущерб на 80,3% (12084 руб. из 15050 руб.), а также Пустошкинского суда – на 76,5% (780 руб. из 1020 руб.).

Следует учитывать, что данная работа проводилась в условиях увеличения нагрузки на одного судебного исполнителя в месяц (с 66,1 до 75,5 производств). Выше среднеобластного показателя по нагрузке имели судебные исполнители городских народных судов: Псковского – 120,6, Островского – 94, Великолукского – 93 и Бежаницкого районного суда – 76,7 исполнительных производств соответственно. Это приводило к ухудшению сроков реализации исполнительных документов. С нарушением сроков в первой половине 1990 года было исполнено 14,2% судебных производств (в 1989 году – 10,8%).

Несмотря на происходившее осложнение в стране и области социальной обстановки, в начале 1990 года Великолукский городской, Бежаницкий, Печорский, Себежский, Гдовский, Великолукский, Псковский, Пустошкинский районные суды улучшили сроки рассмотрения уголовных дел. Но одновременно одиннадцать судов Псковской области, наоборот, снизили показатели своей работы. По сравнению с 1989 годом сроки рассмотрения уголовных дел в среднем по Псковской области ухудшились на 3,7%. В срок свыше месяца было рассмотрено 11,4% уголовных дел (в 1989 году – 7,7%).

Плюсский районный суд в этот период с нарушением сроков рассмотрел 30,6% дел данной

категории (в 1989 году – 11,1%), Островский городской суд – 22,3% (в 1989 году – 11,4%), Псковский городской суд – 21,2% (в 1989 году – 6,9%), Дедовичский – 18,2% (в 1989 году – 10,3%), Дновский – 18% (в 1989 году – 3,6%), Невельский районный суд – 14,7% уголовных дел (в 1989 году – 9,6%) [5, л. 86].

При этом несколько улучшились сокращенные сроки рассмотрения дел, перечисленных в статье 414 УПК РСФСР (с 25,5% до 20,6%), но они оставались плохими в Невельском, Опочецком, Плюсском, Стругокрасненском районных, Островском и Псковском городских народных судах.

Немалое значение имело повышение качества уголовных дел в этот период. В первой половине 1990 года стабильность приговоров по сравнению с тем же периодом 1989 года повысилась на 4,8%. В кассационном порядке приговоры были оставлены без изменений в отношении 481 человека, или 93,6%, отменены в отношении 15 человек, или 2,9%, и изменены в отношении 18 человек, или 3,5% (за такой же период 1989 года приговоры оставлялись без изменения в отношении 88,8%, отменялись в отношении 6,8% и изменялись в отношении 4,4% дел).

В это же время были оставлены без изменений приговоры 10 райнарсудов (в 1989 году – 9): Гдовского, Дедовичского, Красногородского, Куньинского, Опочецкого, Палкинского, Печорского, Порховского, Пыталовского и Усвятского. Увеличивалось число практически всех мер уголовных наказаний, назначенных псковскими судами, за исключением исправительных работ и штрафов. В первой половине 1990 года по сравнению с 1989 годом было приговорено:

- к лишению свободы – 36,1% (в 1989 году – 32,9%);
- к исправительным работам – 30,4% (в предыдущем году – 36%);
- к штрафу – 11,4% (в предыдущем году – 12,5%);
- условно – 5,9% (в предыдущем году 5%);
- условно с привлечением к труду – 6,5% (в предыдущем году 5,7%);
- с отсрочкой исполнения приговора – 9,5% (в предыдущем году 7,7%),
  в т.ч. несовершеннолетнему – 43,5% (в предыдущем году 43,3%);
- к прочим мерам – 0,2% (в предыдущем году 0,2%) [8, л. 43].

В связи с новеллами экономического законодательства совершенствовалась практика в сфере гражданского судопроизводства. На 2,1% улучшилось в первой половине 1990 года рассмотрение судами Псковской области гражданских дел. Всего было обжаловано 254 судебных решения, оставлено без изменений 216, или 85%, отменены 36 решений, или 14,6%, изменено одно, или 0,4% (в первом полугодии 1989 года обжаловалось 278 решений, оставлено без изменений 231, или 83,1%, отменено 47, или 16,9%, изменено одно дело, или 0,4%).

Одновременно снижалось количество народных судов с низкими показателями по качеству решения гражданских дел: в 1989 году такие показатели в Псковской области имели 13 народных судов, а в 1990 году – только 9. Среди последних число оставленных в силе решений варьировалось от 40% до 83%. Так, в Себежском и Порховском судах в силе было оставлено 40% решений (из 5 решений отменены 3), в Локнянском – 57%, (из 7 решений отменены 3), в Псковском районном – 60% (из 10 решений отменены 4), в Плюсском – 67% (из 3 отменено 1), в Псковском городском – 81% (из 74 решений отменены 13, изменено 1), в Стругокрасненском – 80% (из 5 отменено 1), в Великолукском районном – 83% (из 6 отменено 1).

Сроки рассмотрения гражданских дел в 1990 году оставались на уровне 1989 года. С нарушением сроков было рассмотрено 11,4% гражданских дел (в 1989 году – 11,3%). Полностью в установленный законом срок гражданские дела в этот период рассматривались Красногородским и Псковским районными народными судами. Но в то же время некоторые народные суды по области допускали нарушение сроков при рассмотрении определенной доли гражданских дел: Плюсский – 34,8%, Невельский – 26,5%, Псковский городской – 15,3%, Усвятский – 15,4%, Дновский – 15%, Новосокольнический – 14,5% и Гдовский – 13,5%.

Отправление правосудия в определенной степени сочеталось псковскими судами с профилактической работой [10, стр. 428; 12]. В 1989 году, например, в режиме выездного судебного заседания по области было рассмотрено 12,6% уголовных дел, 0,7% гражданских дел и 30 материалов по административным правонарушениям. В первой половине 1990 года в таком режиме

судами рассматривалось 7,5% уголовных дел, 1,2% гражданских дел и 22 материала об административных правонарушениях.

В первом полугодии 1990 года по каждому седьмому уголовному делу псковскими судами выносились частные определения. По гражданским делам таких определений было меньше, что расценивалось как недостаток в работе по предупреждению гражданских правонарушений.

Одновременно на рубеже 1980-1990-х гг. народными судьями Псковской области проводились встречи с населением, имеющие цель популяризации и пропаганды правовых знаний. В 1989 году ими было прочитано 342 лекции, из них для населения 293, для товарищеских судов 49, для несовершеннолетних – 70 и по борьбе с пьянством – 180. В 1990 году было подготовлено 93 отчетных доклада о судебной работе, прочитано 286 лекций на правовые темы, из них 35 для товарищеских судов и 251 для населения, в том числе для несовершеннолетних – 67 лекций, а на темы, связанные с борьбой против пьянства и алкоголизма – 140 лекций. В Псковской области, как и в Советском Союзе в целом, проводилась серьезная работа по повышению правосознания и формированию правовой культуры населения [1; 2; 3; 4; 9; 14; 15; 16; 17; 18; 20; 21; 22; 23; 24; 25; 26; 27; 28; 29].

Определенное внимание уделялось судьями Псковской области и обобщению судебной практики. Так, обобщением судебной практики по уголовным делам занимались в это время Бежаницкий, Великолукский городской, Локнянский, Невельский, Островский городской и Пустошкинский районный народные суды. В 1990 году, например, ими было сделано десять обобщений судебной практики и внесено три представления (Бежаницким, Невельским и Островским нарсудами). В том же году было сделано одиннадцать обобщений судебной практики по гражданским делам, в том числе: Плюсским – 5, Локнянским – 4, Великолукскими городским и районным народными судами по одному. Однако представлений по данной категории дел было внесено всего два.

В завершение следует отметить, что значительное обновление государственного устройства Советского Союза и общественно-политической ситуации в стране в конце 1980-х – начале 1990-х годов обусловило принятие ряда законов, способствовавших дальнейшему утверждению судебной системы как самостоятельной ветви власти, что отразилось и на дальнейшей деятельности судебных учреждений Псковской области.

Список литературы

1. Баймурзаев А.Б. Формирование социалистического правосознания народов Дагестана. – Махачкала, 1984.
2. Баскин Ю.Я., Чудинов И.А. Вопросы теории правового сознания // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 1972. – № 2. – С. 18-24.
3. Бельский К.Т. Социалистическое правосознание: Диалектика формирования и развития. – Ярославль: Верх.-Волж. кн. изд-во, 1979. – 382 с.
4. Бельский К.Т. Формирование и развитие социалистического правосознания. – М.: Высшая школа, 1982. – 183 с.
5. Государственный архив Псковской области.. – Ф. Р-2844. – Оп. 1. – Д. 175.
6. Государственный архив Псковской области. – Ф. Р-2844. – Оп. 1. – Д. 189.
7. Государственный архив Псковской области.. – Ф. Р-2844. – Оп.1. – Д. 754.
8. Государственный архив Псковской области.. – Ф. Р-711. – Оп. 4. – Д. 754.
9. Иванов В.И., Сальников В.П. Правовая пропаганда и формирование личности // Вопросы идеологической, массово-политической работы в органах внутренних дел. – Л.: ВПУ МВД СССР, 1985. – С. 22-28.
10. История органов власти и управления в Псковском крае (с древнейших времен до наших дней). – Псков: Псковский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, 2016. – 640 с.
11. Кайнов В.И., Прохорова О.В. Историко-правовой анализ становления и развития института государственной службы в России (конец 17 века – начало 20 века). // История государства и права. – 2007. – № 1. – С. 29-31.
12. Кайнов В.И., Садыгова М.М. Роль прокуратуры Российской Федерации в системе разделения властей: теоретико-правовой аспект. // История государства и права. – 2007. – № 9 – С.4-5.

13. Коммерческое судопроизводство на Псковской земле: история и современность. – Псков: Арбитражный суд Псковской области, Торгово-промышленная палата Псковской области. Псковский государственный университет, 2017. – 152 с.
14. Кузнецова Н.Г. Правосознание и его роль в регулировании поведения человека в социалистическом обществе: Автореф. дис. ... канд. филос. наук. – Львов: Львовский гос. ун-т им. Ив. Франко, 1969. - 20 с.
15. Лукашева Е.А. Социалистическое правосознание и законность. – М.: Наука, 1973. – 344 с.
16. Методологические проблемы правосознания сотрудников органов внутренних дел / Э.В. Кузнецов, В.П. Сальников, В.А. Сапун, В.П. Федоров, Н.Г. Янгол. – Л,, ВПУ МВД СССР, 1986. - 96 с.
17. Назаренко Е.В. Социалистическое правосознание и советское правотворчество. – Киев: б.и., 1968. – 190 с.
18. Олейников В.С., Пономаренко А.В., Снетков В.Н. Акмеология правосознания и нравственно-правового воспитания. – СПб.: СПбГТУ, 1998. – 137 с.
19. Органы государственной власти и местного самоуправления в Псковском крае (конец XVIII-XX вв.): очерки истории. – Псков: Филиал Российской Академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, 2014. – 344 с.
20. Покровский И.Ф. Формирование правосознания личности (Вопросы теории и практики). – Л.: ЛГУ, 1972. – 152 с.: табл.
21. Сальников В.П. Вопросы правового воспитания. – Л.: ВПУ МВД СССР, 1983. – 36 с.
22. Сальников В.П. Правовая культура сотрудников милиции. – Л.: ВПУ МВД СССР, 1983. - 72 с.
23. Сальников В.П. Правовая культура сотрудников органов внутренних дел. – Л.: ВПУ МВД СССР, 1988. – 48 с.
24. Сальников В.П. Правовая культура: теоретико-методологический аспект: Автореф. дис. … докт. юрид. наук. – Л.: ЛГУ, 1990. - 35 с.
25. Сальников В.П., Казаченко В.Ф. Правовое воспитание и правовая культура в системе органов МВД СССР // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 1980. – № 1. – С. 54-58.
26. Сальников В.П., Гуцериев Х.С., Федоров В.П., Худяк А.И. Правовая и духовная культура сотрудников правоохранительных органов. – СПб.: Санкт-Петербургский юридический ин-т МВД России, 1996. – 156 с.
27. Чефранов В.А. Взаимодействие правового сознания с иными видами социального отражения. – Харьков: б.и., 1975. – 30 с.
28. Чефранов В.А. Правовое сознание как разновидность социального отражения. Философско-методологический очерк. – Киев: Вища школа, 1976. – 210 с.
29. Щегорцов В.А. Социология правосознания. – М.: Мысль, 1981. – 174 с.

ГРАЖДАНСКОЕ И СЕМЕЙНОЕ ПРАВО. ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ И МЕЖДУНАРОДНОЕ ЧАСТНОЕ ПРАВО. ГРАЖДАНСКИЙ И АРБИТРАЖНЫЙ ПРОЦЕСС

АРТАМОНОВА Галия Калимуловна,
профессор кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского университета Государственной противопожарной службы МЧС России, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации (г. Санкт-Петербург, Россия)
E-mail: artamonova@mail.ru

ЛЫСОВА Галина Константиновна,
магистр юридического факультета Санкт-Петербургского Государственного университета аэрокосмического приборостроения (г. Санкт-Петербург, Россия)
E-mail: galinalysova@bk.ru

Специальность 12.00.03 – Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право

ФОРМАЛЬНЫЕ УСЛОВИЯ ЗАКЛЮЧЕНИЯ БРАКА: МЕСТО И ПРОЦЕДУРА ПОДАЧИ ЗАЯВЛЕНИЯ

Аннотация. *Анализируется процедура подачи заявления о заключении брака, установленная законодательством Российской Федерации, а также сведения, указываемые в данном заявлении, и предоставляемые документы. Рассматриваются примеры из судебной практики.*

Ключевые слова: *брак; заявление о заключении брака; процедура подачи заявления; место подачи заявления; предоставляемые документы.*

ARTAMONOVA G.K.
LYSOVA G.K.

FORMAL CONDITIONS OF MARRIAGE: PLACE AND APPLICATION PROCEDURE

The summary. *The procedure for filing a marriage application, established by the legislation of the Russian Federation, as well as the information specified in this application, and the documents provided are analyzed. Examples from judicial practice are considered.*

Key words*: marriage; marriage application; application procedure; place of application; provided documents.*

Органы, осуществляющие регистрацию актов гражданского состояния, порядок регистрации этих актов, порядок изменения, восстановления и аннулирования записей актов гражданского состояния, формы актовых книг и свидетельств, а также порядок и сроки хранения актовых книг, определяются законом об актах гражданского состояния [31, стр. 25].

Наряду с материальными условиями для заключения брака (наличие взаимного добровольного согласия мужчины и женщины, вступающих в брак и достижение ими брачного возраста на момент государственной регистрации заключения брака) законом определено соблюдение формальных условий заключения брака, к которым относятся требования к его форме и процедуре.

Действующий Семейный кодекс Российской Федерации (далее – СК РФ), как и прежний Кодекс о браке и семье 1969 года, юридическое значение придает только зарегистрированному браку, соответственно, юридическую силу имеет только гражданская (светская) форма брака. Таким образом, в Российской Федерации, подлежит признанию:

- брак между лицами, независимо от их гражданства, если он заключен на территории РФ только в органах ЗАГС;
- брак иностранных граждан, заключенный на территории РФ в дипломатических представительствах и консульских учреждениях иностранных государств с соблюдением принципа взаимности, т.е. в данном иностранном государстве должны признаваться действительными браки, заключенные в российских консульских учреждениях;
- брак граждан РФ, проживающих за пределами территории РФ, если он заключен консульскими учреждениями РФ за пределами территории РФ;
- брак граждан РФ, заключенный на территории иностранного государства с соблюдением его законодательства и ст. 14 СК РФ;
- брак гражданина РФ и иностранного гражданина или лица без гражданства, заключенный на территории иностранного государства с соблюдением его законодательства и ст. 14 СК РФ (государства, в которых религиозная форма брака обладает юридической силой: Великобритания, Дания, Италия, Испания, Канада, Иран и др.);
- брак иностранных граждан, заключенный на территории иностранного государства с соблюдением его законодательства.

Следует обратить внимание, что установить содержание правила, предусмотренного принципом, позволяет известная в международном частном праве оговорка об основах правопорядка (п. 1 ст. 1192 ГК РФ). Например, будет противоречить публичному порядку заключение в России брака с иностранным гражданином, достигшим брачного возраста по «своему», но не российскому законодательству.

Незарегистрированный брак в органах ЗАГС в соответствии с законодательством РФ не порождает никаких правовых последствий за исключением браков, заключенных [15; 17]:

- до 20 декабря 1917 г согласно Декрету ВЦИК и СНК РСФСР от 18 декабря 1917 г.;
- в период Великой Отечественной войны согласно п. 7 ст. 169 СК РФ.

Также юридическая сила признается за фактическими брачными отношениями, которые возникли в период с 1 января 1927 г. по 8 июля 1944 г.

Рассмотрим пример из судебной практики, в соответствии с которым производство по делу по заявлению об установлении факта нахождения в фактических брачных отношениях прекращено, поскольку заявленные требования не подлежат рассмотрению и разрешению в порядке гражданского судопроизводства, так как после 08.07.1944 только зарегистрированный в органах ЗАГС брак порождает права и обязанности супругов.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации рассмотрела и установила: Ч. обратилась в суд с заявлением об установлении факта проживания в браке с А., сославшись на то, что в период с 5 января 1965 г. по 11 октября 1997 г. проживала совместно с А. в фактических брачных отношениях, они вели общее хозяйство, имели совместных детей А.А. и А.Т., в органах загса их отношения зарегистрированы не были, они проживали на стоянке, работали чабанами в колхозе, в 1997 году А. умер.

Решением Дульдургинского районного суда Агинского Бурятского автономного округа от 20 ноября 2001 г. установлен факт проживания в фактических брачных отношениях А. и Ч. с 5 января 1965 г. по 11 октября 1997 г.

В кассационном порядке решение не обжаловалось.

В протесте заместителя Председателя Верховного Суда Российской Федерации, внесенном в Судебную коллегию по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации, поставлен вопрос об отмене указанного решения.

Проверив материалы дела, обсудив доводы протеста, Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации находит протест обоснованным и подлежащим удовлетворению по следующим основаниям.

Согласно п. 4 ст. 247 ГПК РСФСР суд рассматривает дела об установлении факта состояния в фактических брачных отношениях в установленных законом случаях, если регистрация брака в органах записи актов гражданского состояния не может быть произведена вследствие смерти одного из супругов.

Как разъяснил Пленум Верховного Суда СССР в п. 6 Постановления № 9 от 21 июня 1985 г. «О судебной практике по делам об установлении фактов, имеющих юридическое значение», в соответствии с действующим законодательством суд не вправе рассматривать заявление об установлении факта нахождения в фактических брачных отношениях, возникших после 8 июля 1944 г.

В Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О применении судами Российской Федерации постановлений Пленума Верховного Суда Союза ССР» от 22 апреля 1992 г. указано, что до принятия соответствующих законодательных актов Российской Федерации нормы бывшего Союза ССР и разъяснения по их применению, содержащиеся в постановлениях Пленума Верховного Суда Союза ССР, могут применяться судами в части, не противоречащей Конституции Российской Федерации, законодательству Российской Федерации и Соглашению о создании Содружества Независимых Государств.

Разрешая данное дело, суд первой инстанции не учел изложенных разъяснений и вопреки действующему законодательству рассмотрел заявление Ч. и установил факт нахождения в фактических брачных отношениях, возникших после 8 июля 1944 г., который не порождает юридических последствий, поскольку после 8 июля 1944 г. только зарегистрированный в органах ЗАГС брак порождает права и обязанности супругов, т.е. рассмотрел дело, не подлежащее рассмотрению и разрешению в порядке гражданского судопроизводства.

Поскольку допущенное судом первой инстанции нарушение норм процессуального права является существенным и повлекло вынесение незаконного решения, указанное решение в силу п. 2 ст. 330 ГПК РСФСР подлежит отмене с прекращением производства по делу.

На основании изложенного и руководствуясь ст. ст. 329, 330 ГПК РСФСР, Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации определила: решение Дульдургинского районного суда Агинского Бурятского автономного округа от 20 ноября 2001 г. отменить и дело производством прекратить [8].

Согласно действующему законодательству Российской Федерации в соответствии с п. 2 ст. 1 СК РФ на территории РФ признается только брак, зарегистрированный в органах ЗАГС (за исключением вышеуказанных случаев признания юридической силы за незарегистрированными браками), деятельность которых регламентирована, как уже указывалось ранее, ФЗ от 15.11.1997 «Об актах гражданского состояния».

Что касается Российской Федерации, в целом, то имеет место тенденция роста количества разводов по отношению к числу заключенных браков. Вместе с тем, само количество расторгаемых браков в 2016 году составило 608,3 тыс., что фактически соответствует уровню 2015 года и даже немного ниже (в 2015 году зафиксировано 611,6 тыс. разводов).

В январе – июне 2016 г. снижение числа зарегистрированных браков продолжилось – оно сократилось на 51,3 тыс., или на 11,8% по сравнению с тем же периодом 2015 г. На фоне снижения числа заключенных браков, число зарегистрированных разводов оставалось сравнительно стабильным, колеблясь в основном в пределах от 650 тыс. до 700 тыс. в год.

В соответствии со ст. 25 ФЗ от 15.11.1997 «Об актах гражданского состояния» местом государственной регистрации заключения брака является любой орган ЗАГС на территории РФ по выбору лиц, вступающих в брак. Установленная законодателем процедура справедливо определяется как «возможность регистрации заключения брака в любом органе ЗАГС направлена на популяризацию института брака как формы официального создания семьи, призвана ориентировать

общество на защиту и повышение значения семейных ценностей» [1].

Реализация исполнения функции по государственной регистрации любых актов гражданского состояния, в том числе и брака, не представляется возможной без возникновения предусмотренных действующим законодательством оснований.

Единственным допустимым основанием для государственной регистрации заключения брака в соответствии со ст. 24 ФЗ от 15.11.1997 «Об актах гражданского состояния» является совместное заявление лиц, вступающих в брак. К подаче заявления о заключении брака в ст. 26 вышеназванного закона установлены определенные требования по форме и содержанию заявления, исходя из которых, заявление о заключения брака подается в письменной форме, т.е. устное заявление о заключении брака законом не предполагается.

С 1 января 2018 г. вступил в юридическую силу Приказ Минюста России от 10.08.2017 г. № 144 «Об утверждении форм заявлений о государственной регистрации актов гражданского состояния и Правил заполнения форм заявлений о государственной регистрации актов гражданского состояния», которым и регламентируется порядок подачи заявления и правила его заполнения [9].

В современных условиях существует возможность направления заявления в виде электронного документа через единый портал государственных и муниципальных услуг через многофункциональные центры, что является нововведением, установленным положениями ст. 10 Федерального закона от 28.07.2012 № 133-ФЗ [3].

Требование подачи заявления в письменной (электронной) форме имеет обоснованный характер, т.к. наличие данного заявления для регистрации брака является единственным необходимым основанием и подтверждает совместное волеизъявление лиц, которое может быть выражено в одном совместном заявлении, подписанном обоими лицами, или в отдельных самостоятельных заявлениях будущих супругов.

Предусмотренная возможность оформления заявления о заключении брака отдельными заявлениями, в ситуации, при которой одно из лиц не может лично явиться орган ЗАГС, предполагает обязательное нотариальное удостоверение подписи лица, не явившегося в орган ЗАГС. Удостоверение подлинности подписи лица в данном случае осуществляется согласно ст. 80 Основ законодательства Российской Федерации о нотариате от 11.02.1993 № 4462-1 [7], при этом нотариусом удостоверяется принадлежность подписи на заявлении о заключении брака соответствующему лицу.

Чтобы стать мужем и женой, сотрудники ЗАГС должны их ознакомить с условиями и порядком регистрации брака, разъяснить их права и обязанности как будущих супругов и родителей, предупредить об ответственности за сокрытие препятствий к заключению брака, а также должностному лицу органа ЗАГС необходимо убедиться в осведомленности обоих потенциальных супругов о семейном положении каждого и о состоянии здоровья друг друга, т.к. в соответствии с п. 8 ст. 27 Закона об актах гражданского состояния наличие обстоятельств, препятствующих заключению брака, дает основание в отказе в государственной регистрации заключения брака [22]. Мы на данное обстоятельство обращали внимание в своих публикациях.

Подтверждение в совместном заявлении взаимного добровольного согласия лиц на заключение брака является обязательным и основывается на базовых принципах института брака: взаимности согласия на вступление в брак и добровольного волеизъявления на заключение брака, т.е. необходимых условий для вступления в брак. Отсутствие установленных в ст.14 СК РФ обстоятельств, препятствующих заключению брака, в заявлении лицами также должно быть подтверждено.

Таким образом, правовую природу совместного заявления о заключении брака считаем целесообразным рассматривать как взаимное и добровольное волеизъявление на вступление в брак, подтверждающее отсутствие установленных законом обстоятельств, препятствующих заключению брака [24].

Сведения, необходимые для указания в заявлении о заключении брака, определены законом и вносятся в соответствующую актовую запись согласно форме данного заявления, установленной постановлением Правительства РФ от 31.10.1998 № 1274 [6] можно условно разделить на общие сведения, указание которых необходимо при государственной регистрации иных видов актов гражданского состояния, и особенные, указание которых свойственно для определенного вида акта гражданского состояния,

характеризующие правовую природу данного акта гражданского состояния.

Как уже упоминалось, с 1 января 2018 г. вступил в юридическую силу Приказ Минюста России от 10.08.2017 № 144 «Об утверждении форм заявлений о государственной регистрации актов гражданского состояния и Правил заполнения форм заявлений о государственной регистрации актов гражданского состояния», которым утверждена новая форма заявления.

В заявлении о заключении брака к числу общих сведений относятся: указание фамилии, имени, отчества, даты и места рождения заявителей, гражданство, национальность (указывается по желанию лиц, вступающих в брак), место жительства каждого из лиц, вступающих в брак.

Определение сведений о гражданстве заявителей осуществляется на основании документа, удостоверяющего личность, реквизиты которого подлежат указанию в данном заявлении. Сведения о месте жительства каждого из лиц, вступающих в брак, как правило, основываются на паспортных данных гражданина РФ [5].

Диспозитивная норма, регламентирующая указание сведений о национальности (по желанию заявителей) основана на конституционном праве самоопределения лица принадлежности к своей национальности (п. 1 ст. 26 Конституции Российской Федерации).

Особенными сведениями заявления о заключении брака являются данные о возрасте заявителей на момент государственной регистрации заключения брака, а также фамилии, которые избирают лица, вступающие в брак [23].

Указание сведений о возрасте лица в заявлении реализует конституционный принцип, ориентированный на защиту личности и семьи, подтверждает соблюдение основополагающих принципов российского семейного права, поскольку достижение лицом установленного п. 1 ст.13 СК РФ брачного возраста (18 лет) является обязательным условием заключения брака.

Обозначение фамилий, избираемых лицами после вступления в брак, относится к числу особенных сведений, выявляемых в принципе только при заключении брака. Избранные при заключении брака фамилии супругов в дальнейшем могут быть изменены при государственной регистрации расторжения брака, а также при государственной регистрации перемены имени.

В соответствии с п.1 ст. 32 СК РФ лицам, желающим вступить в брак, предоставлено право выбора фамилии при его заключении в пределах, установленных законом, и у будущих супругов возникает возможность: взять фамилию одного из них в качестве общей (фамилию мужа или фамилию жены); сохранить каждому из них свою добрачную фамилию; присоединить к своей фамилии фамилию другого супруга, если иное не предусмотрено законами субъектов РФ (не допускается соединение фамилий, если добрачная фамилия хотя бы одного из супругов является двойной).

Совместное заявление о заключении брака должно быть обязательно подписано и датировано, что обеспечивает его правовое значение: подтверждение верности указанных сведений; обеспечение гарантии отсутствия обстоятельств, препятствующих заключению брака; закрепление и констатация момента совместного взаимного, добровольного согласия на заключение брака.

Одновременно с заявлением о заключении брака обязательным требованием является предоставление перечня документов, вызванное необходимостью указывания некоторых сведений, содержащиеся в данных документах, либо их реквизитов, в форме заявления о заключении брака, а в последствии – в графах составленной на основании данного заявления актовой записи о заключении брака.

Такими документами являются: документы, удостоверяющие личности вступающих в брак; документ, подтверждающий прекращение предыдущего брака, в случае, если лицо (лица) состояло раннее в браке; разрешение на вступление в брак до достижения брачного возраста (п. 2 ст. 13 СК РФ) в случае, если лицо (лица), вступающее в брак, является несовершеннолетним.

Перечень документов, помимо паспорта гражданина РФ, подтверждающих наличие гражданства РФ, установлен п. 45 Положения о порядке рассмотрения вопросов гражданства Российской Федерации, утвержденного Указом Президента РФ от 14.11.2002 № 1325 [4].

К числу удостоверяющих личность документов относятся: дипломатический паспорт, удостоверение личности военнослужащего с вкладышем, свидетельствующим о наличии гражданства РФ, заграничный паспорт и другие. Паспорт гражданина РФ является основным

документом, удостоверяющим личность гражданина Российской Федерации на территории России.

Документами, подтверждающими прекращение предыдущего брака, в случае, если лицо (лица) состояло в браке ранее, являются: свидетельство о расторжении брака; свидетельство о смерти на имя умершего супруга; решение суда иностранного государства о расторжении брака, представленное в соответствии с требованиями п. 1 ст. 7 ФЗ от 15.11.1997 «Об актах гражданского состояния». Представление данных документов основывается на принципе моногамности брака.

Требуемое разрешение на вступление в брак до достижения брачного возраста (п. 2 ст. 13 СК РФ) в случае, если лицо (лица), вступающее в брак, не достигло 18 лет, т.е. является несовершеннолетним, реализует один из основополагающих принципов института заключения брака о брачном возрасте.

Рассмотренный перечень документов, необходимых для предъявления при представлении заявления о заключении брака в орган ЗАГС, является закрытым. При подаче заявления о заключении брака представляется квитанция об оплате государственной пошлины за государственную регистрацию заключения брака, предусмотренную ФЗ от 27 июля 2010 года № 210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» [2].

Лица, подавшие совместное заявление о заключении брака, вправе до момента государственной регистрации заключения брака по своему усмотрению отказаться от решения регистрировать брак, но после регистрации брака, в связи с тем, что уже возникли правовые последствия и установились супружеские правоотношения, его расторжение или признание недействительным возможно только с соблюдением установленного законом порядка и процедуры.

Сформулируем выводы по итогам статьи.

1. Определено, что брачно-семейные отношения являют собой средоточение национальной специфики правовой системы, облеченное в правовую форму. Именно в особенностях порядка и формы заключения брака, а также материальных условий вступления в брак, воплощаются культурные, исторические, национальные, религиозные и другие черты того или иного государства (правовой системы, группы государств) [10; 11; 12; 13; 14; 16; 18; 19; 20; 21; 25; 26; 27; 28; 29; 30].

2. Несмотря на то, что факт подачи заявления о заключении брака характеризует первоначальное намерение лиц, подписавших его, вступить в брачно-семейные отношения и не порождает для них правовых последствий супружества в виде взаимных обязательств, само заявление о регистрации брака все-таки имеет определенное юридико-правовое значение:

- выражает поступок (юридический факт), влекущий возникновение административного правоотношения, поскольку орган ЗАГС обязан рассмотреть заявление и принять по нему решение: зарегистрировать брак или отказать в его регистрации при наличии достаточных законных оснований;
- является элементом сложного юридического состава, влекущего возникновение брачно-семейного правоотношения, т. к. без волеизъявления обоих лиц в момент вступления в брак, заявление не влечет правовых последствий для подавших его лиц. Установленный законом порядок подачи заявления целесообразно считать первоначальным этапом юридической процедуры заключения брака.

Список литературы

1. Федеральный закон от 15 ноября 1997 г. № 143-ФЗ «Об актах гражданского состояния» // Собрание законодательства Российской Федерации . -1997. – № 47. – Ст. 5340.
2. Федеральный закон от 27 июля 2010 г. № 210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» (в ред. от 28.12.2016 № 471-ФЗ) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2010. – № 31. – Ст. 4179.
3. Федеральный закон от 28 июля 2012 г. № 133-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях устранения ограничений для предоставления государственных и

муниципальных услуг по принципу «одного окна»» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2012. – № 31. – Ст. 4322.
4. Указ Президента РФ от 14.11.2002 № 1325 (ред. от 04.08.2016) «Об утверждении Положения о порядке рассмотрения вопросов гражданства Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2002. – № 46. – Ст. 4571.
5. Постановление Правительства РФ от 08.07.1997 № 828 (ред. от 18.11.2016) «Об утверждении Положения о паспорте гражданина Российской Федерации, образца бланка и описания паспорта гражданина Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1997. – № 28. – Ст. 3444.
6. Постановление Правительства РФ от 31 октября.1998 г. № 1274 «Об утверждении форм бланков заявлений о государственной регистрации актов гражданского состояния, справок и иных документов, подтверждающих государственную регистрацию актов гражданского состояния»» // Собрание законодательства Российской Федерации – 1998. – № 45. – Ст. 5522.
7. Основы законодательства Российской Федерации о нотариате от 11 февраля 1993 г. № 4462-1 (ред. от 03.07.2016 № 361-ФЗ) // Ведомости съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. – 1993. – № 10. – Ст. 357.
8. Определение Верховного Суда РФ от 19.04.2002 № 68-Вп02-1 // http://sudbiblioteka.ru/vs/text_big1/verhsud_big_17158.htm
9. Приказ Министерства юстиции Российской Федерации от 10.08.2017 г. № 144 «Об утверждении форм заявлений о государственной регистрации актов гражданского состояния и Правил заполнения форм заявлений о государственной регистрации актов гражданского состояния» // Российская газета. – 2017. – 23 августа.
10. Алборова А.Г. Крестьянская семья в имперской России (общая историко-правовая характеристика) // Правовое поле современной экономики. – 2014. – № 10. – С. 106-109.
11. Алборова А.Г., Сальников М.В., Семенова М.В. Отношение к институту брака в российской крестьянской среде XIX века // Мир политики и социологии. – 2013. – № 12. – С. 130-134.
12. Анапских И.А., Полугрудова Т.А., Семенова М.В. К вопросу об изменении и прекращении брачного договора по российскому законодательству // Ученые записки юридического факультета. – 2015. – № 38(48) – С. 86-92.
13. Анапских И.А., Алборова А.Г., Кавшбая Л.Л., Романовская В.Б. Заключение брака по русским и абхазским обычаям XIX века (сравнительно-правовое исследование) // Правовое поле современной экономики. – 2015. – № 9. – С. 81-95.
14. Антонов А.И., Сорокин С.А. Судьба семьи в России XXI века. – М.: Грааль, 2000. – 416 с.
15. Баженова И.А. Действительность брака в РФ. – М.: ЮрИнфоР, 2006. – 191 с.
16. Бондаренко О.Г. Правовая природа и применение института брачного договора в России и за рубежом // Актуальные проблемы реализации прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации: Сб. матер. межрегиональной науч-практ. конф. , 20 мая 2015 г., г. Орел. / Под ред. Е.Н. Щендригина, Д.П. Майоровой. – Орел: ОрлГУ им. И.С. Тургенева, 2015. – С. 75-78. – в сб. 292 с.
17. Бранденбургский Я.Н. Брак и его правовые последствия. -. М.: Юридическое изд-во НКЮ РСФСР, 1926. – 37 с.
18. Епископ Филипп (М. Филипченко). Православная семья: духовность, быт, здоровье. – Ростов-на-Дону: Феникс, 2007. – 283[2] с. – (Золотой фонд).
19. Каймакова Е.В. Понятие и сущность принципов правового регулирования семейных отношений // Российское правосудие. – 2009. – № 5. – С. 42-50.
20. Кириллова Т.К., Биктасов О.В., Сальников С.П. Юридический статус русских граждан в области семейно-брачных отношений (XVI-XVIII вв.) // Вестник Санкт-Петербургского ун-та МВД России. – 2005. – № 4. – С. 32-37.
21. Краснова Т.В. Значение категорий «семья» и «родство» в правоотношениях родителей и детей // Семейное и жилищное право. – 2017. – № 4. – С. 8-11.
22. Лысова Г.К. Брачный союз: медицинское обследование лиц при его заключении // Правовое поле современной экономики. – 2016. – № 10.
23. Лысова Г.К. Достижение брачного возраста как условие заключения брака // Юридическая наука: история и современность. – 2017. – № 11. – С. 49-57.
24. Лысова Г.К. Препятствия к заключению брака: некоторые размышления // Юридическая наука: история и современность. – 2017. – № 12. – С. 77-83.
25. Нарутто С.В. Семья как конституционная ценность // Актуальные проблемы российского права. – 2017. – № 5. – С. 21-30.
26. Наумов Я.В. Препятствия заключения брака в Российской Федерации: пути реформирования семейно-правового регулирования // Байкальский юридический форум. VI Международная научно-практическая конференция «Защита частных прав: проблемы теории и практики», 21-22 сентября 2017 г. – Иркутск: Байкальский

государственный университет, 2017.
27. Нечаева А.М. К вопросу о совершенствовании Семейного кодекса РФ // Российская юстиция. – 2017. – № 4. – С. 16-18.
28. Павлов Г.Н. Актуальные вопросы брачного договора в Российской Федерации // Вестник Омского ун-та. – 2013. – № 1. – С. 124-127.
29. Петрова Д.В., Синцов Г.В., Банников И.Г. К вопросу о брачном договоре // Пробелы в российском законодательстве. Юридический журнал. – 2011. – № 3. – С. 111-113.
30. Сэруа В.С., Семенова М.В. Юридические научные общества и их роль в становлении буржуазного семейного права в дореволюционной России // Юридическая наука: история и современность. – 2013. – № 12. – С. 111-116.
31. Устинова А.В. Гражданское право: Учебник. – М.: Проспект, 2016. – 496 с.

ТРУДОВОЕ ПРАВО И ПРАВО СОЦИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ. ЗЕМЕЛЬНОЕ, ПРИРОДОРЕСУРСНОЕ И АГРАРНОЕ ПРАВО. ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ ПРАВО И ОХРАНА ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ. КОРПОРАТИВНОЕ И ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЕ ПРАВО. ИНФОРМАЦИОННОЕ ПРАВО. ЗАКОНОДАТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНЫЙ ПРОЦЕСС

ТАЙМАСХАНОВА Алина Бекхановна,
магистрант кафедры экономических и финансовых расследований Высшей школы государственного аудита (факультета) МГУ им. М.В. Ломоносова (г. Москва, Россия)
E-mail: 21alik@mail.ru

Специальность 12.00.08 – Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право

СУБЪЕКТИВНОЕ ВМЕНЕНИЕ ПО ДЕЛАМ О НЕЗАКОННОМ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВЕ: ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНАЯ ПРАКТИКА И НЕОБХОДИМОСТЬ ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ

Аннотация. *Рассмотрено действие принципа субъективного вменения по делам о незаконном предпринимательстве, его соотношение с принципом вины. Формулируется положение о том, что в науке принцип субъективного вменения рассматривается шире, чем принцип вины. Предлагается дополнить Уголовный кодекс РФ самостоятельной статьей о субъективном вменении.Формулируется вывод, что предпринимательская детальность в жилищно-коммунальной сфере или деятельность, связанная с выполнением социально значимых задач, не может подпадать под действие ст. 171 УК РФ о незаконном предпринимательстве. Предлагается декриминализовать незаконное предпринимательство в сфере жилищно-коммунального хозяйства. Указывается, что методика расчета дохода противоречит принципу субъективного вменения, при котором включаются и законно произведенные расходы.*

Ключевые слова: *незаконное предпринимательство; субъективная сторона преступления; вина; субъективное вменение; объективное вменение.*

TAYMASKHANOVA A.B.

SUBJECTIVE IMPUTATION IN CASES OF ILLEGAL BUSINESS: LAW ENFORCEMENT PRACTICE AND THE NEED FOR LEGISLATIVE CHANGES

The summary. *The effect of the principle of subjective imputation in cases of illegal business, its correlation with the principle of guilt is considered. It states that in science the principle of subjective imputation is considered more widely than the principle of guilt. The addition of the Criminal Code of the Russian Federation to an article on subjective imputation is proposed. The conclusion is formulated that entrepreneurial detail in the housing and utilities sphere or activities related to the performance of socially significant tasks cannot be covered by art. 171 of the Criminal Code of the*

Russian Federation on illegal business. It is proposed to decriminalize illegal entrepreneurship in the field of housing and communal services. Contradicts the principle of subjective imputation of the method of calculating income, which includes the legally incurred expenses.

Key words: *illegal entrepreneurship; the subjective side of the crime; wine; subjective imputation; objective imputation.*

В науке уголовного права субъективная сторона преступления является одной из центральных. Этому элементу состава преступления посвятили свои труды десятки ученых, среди которых Н.С. Таганцев [22], Б.В. Волженкин [9], В.А. Нерсесян [18], В.В. Колосовский [13] и др. К субъективной стороне преступления, кроме вины относят «мотив, цель, эмоциональное состояние субъекта» [20, стр. 60-61]. Отражение в уголовно-процессуальных документах субъективной стороны преступления, в основе которой лежит вина, представляет для правоприменителей наибольшую сложность. Р.В. Макаров связывает с субъективной стороной преступления значительное число квалификационных ошибок [16, стр. 38].

Уголовное законодательство РФ в статье 5 УК запрещает объективное вменение, т.е. уголовную ответственность за невиновное причинение вреда [10, стр. 133]. Изучением и разработкой принципа субъективного вменения активно занимались Н.Г. Иванов [12], Р.И. Михеев [17], В.Д. Филимонов [24], В.А. Якушин [26], М.В. Бавсун [7; 8], Ю.А. Язовских [25], В.Е. Новичков [19] и др.

В.В. Лунеев писал, что в ст. 5 УК РФ, раскрывающей принцип вины (принцип субъективного вменения), говорится о необходимости установления внутреннего отношения субъекта и к действиям (бездействию), и к последствиям. Такое же отношение следует «устанавливать и к отягчающим и квалифицирующим обстоятельствам, и другим юридически значимым признакам состава преступления» [15]. О том, что эти принципы не совпадают и принцип субъективного вменения намного шире по своему содержанию принципа вины, отметили В.Е. Новичков [19, стр. 5], Т. Сабитов [20, стр. 60-61], В.А. Якушин [26, стр. 16] и др.

В.Е Новичков называет субъективное вменение в качестве одного из ведущих отраслевых положений, признаваемый отечественной доктриной и правоприменительной практикой, и призывает руководствоваться тем, что привлечение лица к уголовной ответственности возможно лишь за такое его поведение, в котором была выражена его воля, и за такое деяние, которое в своих существенных чертах отразилось в сознании лица. …Принцип виновной ответственности действуют только в отношении той трактовки вины, ее форм, разновидностей, а обстоятельств, исключающих вину, которая содержится в уголовном законе» [19, стр. 6].

Т. Сабитов поддержал точку зрения Р.И. Михеева в том, что «вина – это лишь один из элементов субъективного вменения» [20; 17, стр. 76-77]. А.Ф. Залов, проанализировав практику применения п. «в» ч. 2 ст. 158 УК РФ, сделал вывод, что принцип субъективного вменения исключает «возможность привлечения к уголовной ответственности за наступление последствий, которые индивид предвидеть не мог» [11, стр. 58].

Таким образом, значение принципа субъективного вменения в правоприменительной деятельности требует дополнения Уголовного кодекса РФ самостоятельной статьей или частью статьи 5 УК РФ о субъективном вменении.

На основе обобщения различных взглядов ученых мы предлагаем под принципом субъективного вменения понимать психическое отношение виновного к объективным, субъективным и иным юридически значимым признакам состава преступления.

К числу обстоятельств, подлежащих доказыванию, статья 73 УПК РФ отнесла виновность лица в совершении преступления, форма его вины и мотивы и др.

Отменяя приговор, апелляционная инстанция указала, что в обвинительном заключении и в приговоре, как обстоятельства, признанные судом

доказанными, не приводятся условия, имеющие существенное значение для дела, а именно, наличия у Г. умысла на получение незаконного дохода, соединенного с незаконной предпринимательской деятельностью и связанных с этим преступлением общественно опасных последствий [23].

Т. Сабитов полагает, что «при определении содержания субъективного вменения следует оперировать более широкой категорией, чем вина [20].

Особый взгляд на проблему виновности у В.Е. Новичкова. Он пишет, что «уголовный закон не принимает в расчет того, что, даже уважая законы России, граждане зачастую не осознают противоправности своих действий» [20, стр. 6]. Это утверждение вполне применимо к незаконному предпринимательству, имеющему бланкетный характер. Даже опытному юристу порой трудно разобраться и сопоставить положения многочисленных законов. По его мнению, принцип виновной ответственности действуют только в отношении той трактовки вины, ее форм, разновидностей, а обстоятельств, исключающих вину, которая содержится в уголовном законе» [26, стр. 5-6].

Субъективная сторона незаконного предпринимательства характеризуется умышленной формой вины, мотив – корыстный [21]. Суд указал, что незаконное предпринимательство, сопряженное с извлечением дохода в крупном размере, совершается только с прямым умыслом. Однако, выводы суда об этом являются недостаточно мотивированными, а потому недостаточно убедительными. При таких обстоятельствах, решение суда судебная коллегия посчитала преждевременным, а приговор – подлежащим отмене с направлением дела на новое судебное разбирательство [5].

Большинство исследователей (А.В. Силаев [21], Е.С. Тонкий [23] и др.), авторов комментированных источников (например, комментарий под ред. В.М. Лебедева) [14] придерживаются точки зрения, что субъективная сторона характеризуется умышленной формой вины, прямым или косвенным умыслом, корыстным мотивом. Установление корыстного мотива подразумевается, исходя из того, что предпринимательская деятельность, и незаконная в том числе, обязательно направлена на систематическое получение прибыли.

Но практика часто не конкретизируется вид умысла. Так, Б. умышленно, из корыстных побуждений, с целью получения дохода в крупном размере, посредством осуществления незаконной предпринимательской деятельности, осознавая общественную опасность своих действий, совершил действия, направленные на сбыт части полученной алкогольной продукции [3].

Отменяя приговор и возвращая дело прокурору, суд апелляционной инстанции указал, что в обвинительном заключении и в приговоре, «… не приводятся условия, имеющие существенное значение для дела, а именно, наличия у Г. умысла на получение незаконного дохода, соединенного с незаконной предпринимательской деятельностью и связанных с этим преступлением общественно опасных последствий» [1].

В другом приговоре указано, что субъективная сторона незаконного предпринимательства характеризуется умышленной формой вины [6]. Субъективная сторона характеризуется как прямым, так и косвенным умыслом. Установление умысла подразумевается исходя из того, что предпринимательская деятельность, и незаконная в том числе, обязательно направлена на систематическое получение прибыли от пользования имуществом, продажи товаров, выполнения работ или оказания услуг [2].

Автор поддерживает судебную практику по вынесению оправдательных приговоров в тех случаях, когда не установлена вина в извлечении дохода. Так, отменяя обвинительный приговор суда по сбору отходов и направляя дело на новое рассмотрение, коллегия указала, что денежные средства от деятельности поступают в Федеральное казначейство на внебюджетный счет предприятия, после оплаты налогов остаток поступает в бюджет мэрии города. Тарифы устанавливаются экономическим отделом мэрии г. Магадана. …при этом прибыль в данный тариф не закладывается. Суду надлежало дать оценку указанным показаниям. Если деятельность МУ г. Магадана <...> по сбору, вывозу и утилизации отходов не преследовала извлечение прибыли, то утверждение стороны обвинения о том, что получение МУ <...> дохода от такой деятельности достаточно для признания состава преступления представляется спорным [4].

Вывод. Мы полагаем, что большое число оправдательных приговоров по делам о незаконном предпринимательстве (в 2017 году оправдан каждый третий) связано

превалированием объективного вменения дохода или ущерба, не выяснением психического отношения виновных к объективным и субъективным признакам преступления, иным юридически значимым обстоятельствам и т.п. Это касается размера излеченного дохода, когда деятельность является заведомо убыточной или дотируемой. У виновных, как правило, нет осознания общественной опасности своих действий (бездействия), предвидения общественно опасных последствий. Корыстный мотив часто отсутствует, а осуществление деятельности, например, в сфере жилищно-коммунального хозяйства, связано не с излечением прибыли, а с выполнением общественно значимых задач (например, отоплением, водоснабжением, сбором отходов и т.п.).

Пленум ВС РФ в п. 12 постановления от 18.11.2004 указал, что под доходом в ст. 171 УК РФ следует понимать выручку от реализации товаров (работ, услуг) за период осуществления незаконной предпринимательской деятельности без вычета произведенных лицом расходов, связанных с осуществлением незаконной предпринимательской деятельности. Мы полагаем, что буквальное толкование этого пункта постановления Пленума свидетельствует в пользу субъективного вменения, т.е. необходимости такого расчета дохода, при котором законно произведенные расходы не должны вменяться в вину. Поэтому подлежит изменению методика расчета преступного ущерба или дохода.

Мы предлагаем декриминализовать незаконное предпринимательство в сфере жилищно-коммунального хозяйства.

Список литературы

1. Апелляционное постановление Белгородского областного суда от 19 февраля 2018 года по делу № 22-203/2018 // URL: https://bsr.sudrf.ru/bigs/portal.html#id=e5aecb6772e61a6 ebead6f31fb0e1a17&shard=
2. Апелляционное постановление Приморского краевого суда от 16 января 2018 г. по делу № 22-24/2018 // ГАС «Правосудие» (дата обращения:20.10.2018).
3. Апелляционное постановление Ставропольского краевого суда от 17 ноября 2016 года по делу 22-5995/2016 // URL: https://bsr.sudrf.ru/bigs/portal.html#id= d3edbb82fc04cd9c986df196f4a1157d&shard
4. Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Магаданского областного суда от 27 октября 2010 года по делу № 22-1025/2010 // URL: https://bsr.sudrf.ru/bigs/portal.html#id= d78a7a70c4f52633 773186c76eca384b&shard
5. Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Ростовского областного суда от 21 декабря 2010 года по делу № 22-8792 // ГАС Правосудие URL: https://bsr.sudrf.ru/bigs/portal.html.
6. Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Томского областного суда от 16 августа 2012 года по делу № 22-3182/2012 // ГАС «Правосудие».
7. Бавсун М.В., Векленко С.В. Проблемы виновного вменения за преступления, совершаемые по неосторожности // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 2004. – № 5. – С. 133–141.
8. Бавсун М.В., Векленко С.В., Фаткуллина М.Б. Объективность и целесообразность некоторых форм виновного вменения в уголовном праве // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 2006. – № 4. – С. 125–135
9. Волженкин Б.В. Служебные преступления. – М.: Юристъ, 2000. – 368 с.
10. Глушков В.С., Габдрахманов Ф.В. Право и суд в контексте истории и современности / Под общ. ред. О.В. Глушковой. – Йошкар-Ола: Стринг, 2008. – 719 с., [8] л. ил., портр. : ил., табл..
11. Залов А.Ф. Кража с причинением значительного ущерба гражданину // Законность. – 2011. – № 10. – С. 56-60.
12. Иванов Н.Г. Принцип субъективного вменения и его реализация в УК // Государство и право. – 1999. – № 10. – С. 52-58
13. Колосовский В.В. Точное определение признаков субъективной стороны преступления как одна из основных гарантий правильной квалификации // Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата. – 2009. – № 2. – С. 114–125.
14. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / Отв. ред. В.М. Лебедев. – 12-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрайт, 2012. – 1359 с.
15. Лунеев В.В. Субъективное вменение. – М.: Спарк, 2000. – 70 с.
16. Макаров Р.В., Габдрахманов Ф.В. Квалификационные ошибки при определении субъективной стороны

преступления и их классификация // Евразийская адвокатура. – 2018. – № 2 (33). – С. 37-42.
17. Михеев Р.И. Уголовная политика и проблемы субъективного вменения // Проблемы советской уголовной политики. – Владивосток: Дальневосточный ун-т, 1985. – С. 74-82. – в кн. 194 с.
18. Нерсесян В.А. Ответственность за неосторожные преступления: Дис. ... докт. юрид. наук. – М., 2006.
19. Новичков В.Е. Субъективное вменение в современном уголовном праве России и заблуждение лица, совершившего общественно опасное деяние // Таврический научный обозреватель. – 2017. – № 3 (20). – С. 5-6.
20. Сабитов Т.Р. К вопросу о содержании принципа субъективного вменения // Уголовное право. – 2009. – № 4. – С. 60-65.
21. Силаев А.В. Проблемы уголовной ответственности за незаконное предпринимательство: по материалам УрФО: Дис. ... канд. юрид. наук..- Челябинск: Челябинский гос. ун-т, 2011.- 232 с.
22. Таганцев Н.С. Русское уголовное право. Лекции. Часть общая: В 2-х т. Т. 1 / Сост. и отв. ред.: Н.И. Загородников – М.: Наука, 1994. – 380 с.
23. Тонкий Е.С. Организация и алгоритмизация расследования незаконного предпринимательства: Дис ... канд. юрид. наук. - М, 2016. - 198 с.
24. Филимонов В.Д. Принципы уголовного права. – М.: Центр ЮрИнфоР, 2002. – 139 с.
25. Язовских Ю.А. Проблемы вменения в российском уголовном праве: Автореф. дис. … канд. юрид. наук. – Екатеринбург, 1998. – 23 с.
26. Якушин В.А. Субъективное вменение и его значение в уголовном праве. – Тольятти: ТолПи, 1998. – 296 с.

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ. УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО. УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС. КРИМИНАЛИСТИКА, СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ И ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

БЕЗРЯДИН Виктор Иванович,
профессор кафедры уголовного процесса Санкт-Петербургского университета МВД России, доцент кафедры уголовного процесса Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена, кандидат юридических наук, доцент (г. Санкт-Петербург, Россия)
E-mail: B.V.I.@inbox.ru

Специальность 12.00.09 – Уголовный процесс

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИНСТИТУТА УГОЛОВНОГО ПРЕСЛЕДОВАНИЯ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ДОСУДЕБНОМ УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ (НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ)

Аннотация. *Исследуются вопросы института уголовного преследования в современном российском уголовном судопроизводстве. Рассматриваются проблемы уголовного преследования в стадии возбуждения уголовного дела и предварительного расследования.*

Ключевые слова: *уголовный процесс; уголовное преследование; следователь; дознаватель; руководитель следственного органа; прокурор; виды уголовного преследования.*

BEZRYADIN V.I.

ACTUAL PROBLEMS OF THE INSTITUTE OF CRIMINAL PROSECUTION IN MODERN RUSSIAN PRE-TRIAL CRIMINAL PROCEEDINGS (SOME PROBLEMATIC ISSUES)

The summary, *The article examines the issue of the problems of the institute of criminal prosecution in modern Russian criminal proceedings. The problems of criminal prosecution at the stage of initiating a criminal case and preliminary investigation are considered.*

Key words: *criminal procedure; criminal prosecution; investigator; inquirer; head of the investigative body; prosecutor; types of criminal prosecution.*

Анализ положений УПК РФ позволяет выявить ряд проблем, связанны с признанием уголовного преследования в качестве самостоятельного правового института. Уголовное преследование, являясь процессуальной деятельностью стороны обвинения, включает в себя возбуждение уголовного дела в отношении конкретного лица, применение мер процессуального принуждения, проведение следственных действий и другие процессуальные действия, которые, составляя

содержание института уголовного преследования, сами по себе всегда рассматривались как самостоятельные институты уголовно- процессуального права. В связи с этим, институт уголовного преследования следовало бы признать дублирующим по отношению к уже существующим (институту возбуждения уголовного дела, институту мер пресечения, институту обвинения и др.), что порождает проблему юридико-технического оформления института уголовного преследования в действующем уголовно-процессуальном законе.

Специалисты в области теории государства и права рассматривают институт права как основной элемент системы права [5; 13; 18; 19], включающий «совокупность правовых норм, регулирующих однородную группу общественных отношений».

В частности именно такой подход можно наблюдать у авторов трехтомного учебника по Теории государства и права, изданного Фондом «Университет» под редакцией профессоров Р.А. Ромашова и В.П. Сальникова. Здесь читаем: «Нормы, включаемые в правовые институты, регламентируют лишь отдельные участки, фрагменты стороны общественной жизни. Они не охватывают все стороны регулируемого вида общественных отношений, поэтому возможность самостоятельного регулятивно-охранительного воздействия на общественные отношения не обладают».

Кроме того, авторы учебника считают необходимым уточнить, что при этом правовой институт – не произвольное сочетание правовых норм, а упорядоченная совокупность правил, связанных между собой своим юридическим содержанием и непосредственным отношением с регулируемым ими взаимоотношением внутри социума.

В учебнике определяются признаки института права, выступающие основанием для обособления совокупности правовых норм в конкретный правовой институт. К ним относятся:

1. Юридическое единство правовых норм (нормы, входящие в правовой институт», образуют целостный комплекс, единство содержания которого выражается в общих положениях, правовых принципах, совокупности используемых правовых понятий, единстве правового режима регулирования).

2. Однородность фактического содержания (каждый институт предназначен для регулирования самостоятельной, относительно обособленной группы отношений либо отдельных поступков, действия людей).

3. Нормативная обособленность (закрепление норм, образующих правовой институт, в отдельных главах, разделах, частях и иных структурных компонентах нормативно-правовых актов).

4. Полнота регулируемых отношений (институт права включает в себя правовые нормы различных видов – дефинитивные, управомочивающие, обязывающие, запрещающие и др., которые в комплексе имеют возможность регулировать все стороны соответствующие группы общественных отношений и призваны обеспечивать полноту правового регулирования).

Исходя из вышеизложенного, исследователи приходят к выводу: «В силу этих свойств каждый институт права выполняет присущую только ему регулятивную задачу и не входит в коллизии с иными структурными элементами системы права» [20, стр. 88-89, 89].

Кроме того, в литературе по теории государства и права указывается, что «все институты права подразделяются на простые и сложные (включающие в свой состав другие институты)» [21, стр. 257]. Правоведами выделяются так называемые «общие правовые институты», которые регулируют не какой-то самостоятельный вид общественных отношений, а «отдельные стороны» отношений в рамках существующих правовых институтов, в которых «нет какого-то особого предмета правового воздействия», но имеются «общие моменты» [25, стр. 63].

Учитывая позиции теоретиков права, мы приходим к выводу о том, что специфика правового института уголовного преследования заключается в нестандартной форме его юридико-технического закрепления в УПК РФ. Институт уголовного преследования является сложным, комплексным, общим институтом российского уголовного судопроизводства, который включает в свою структуру иные процессуальные институты, регулирующие отдельные аспекты процессуальной деятельности стороны обвинения в процессе изобличения подозреваемого, обвиняемого в совершении преступления.

Правовые институты, входящие в структуру общего института уголовного преследования, составляют его содержание. Рассмотрение непосредственно содержания уголовного

преследования как института права первым предпринял З.Д. Еникеев. В содержание уголовного преследования он включил: «институт разъяснения понятий уголовного преследования и его элементов, институты принципов и субъектов уголовного преследования, институт возбуждения уголовного преследования, институт подозрения и обвинения, институты подследственности и общих условий уголовного преследования, институт отказа в уголовном преследовании, институты приостановления, окончания уголовного преследования и возмещения ущерба, причиненного преступлением, институты мер процессуального принуждения, доказывания, предупреждения и пресечения преступлений. Этих институтов столько, что их совокупность может быть признана подотраслью уголовно-процессуального права» [6, стр. 28].

Трудно согласиться с последним утверждением З.Д. Еникеева. Вновь обращаясь к теории государства и права, следует отметит , что подотрасли той или иной отрасли права «регулируют отдельные массивы общественны отношений, характеризующихся своей спецификой и известной родовой обособленностью», при этом подотрасль права «постепенно развивается в направлении к обособлению в качестве новой самостоятельной отрасли права». Так, примером подотрасли в рамках гражданского права является авторское, жилищное, наследственное право (которые в настоящее время уже практически оформились в самостоятельные отрасли права).

В уже упомянутом ранее учебнике под редакцией Р.А. Ромашова и В.П. Сальникова обращается внимание на то, что крупные и сложные по своему составу отрасли могут включать в себя наряду с институтами и подотрасли права. «Подотрасли права, – отмечается здесь, – представляют собой объединение нескольких институтов одной и той же отрасли права. Так, например, в составе конституционного права выделяют такие подотрасли, как муниципальное, избирательное, парламентское, конституционно-процессуальное право; в гражданском праве в качестве подотраслей выступают авторское, обязательственное, наследственное, жилищное право; в финансовом праве – бюджетное, налоговое, банковское право и т.д.» [20, стр. 93, 94].

Уголовное преследование трудно рассматривать как явление «обособленное» в системе уголовного процесса, стремящееся к образованию какой-то новой отрасли. Уголовное преследование, напротив, является движущей силой уголовного процесса. Вероятно, учитывая вышизложенные аргументы, представители теории права вообще полагают невозможным вести речь о подотраслях права в нематериальных, т.е. процессуальных отраслях.

В частности, в цитируемом трехтомном учебнике на это прямо указано: «В отличие от правового института, – считают здесь, – подотрасль права обязательным компонентом каждой отрасли права не является. В небольших и тесно консолидированных отраслях права, в частности, в процессуальных отраслях, в земельном и семейном праве подотраслей нет вообще» [20, стр. 94].

Кроме того, представляется спорным и мнение З.Д. Еникеева о том, что все перечисленные процессуальные институты «обслуживают только сферу уголовного преследования» [6, стр. 29]. Так, возникает вопрос, какие именно из процессуальных понятий следует считать «понятиями уголовного преследования», которые не имели бы общепроцессуального значения? Что касается «института принципов уголовного преследования », то они выработаны автором самостоятельно и не предусмотрены УПК РФ, поэтому не могут образовывать «совокупность правовых норм», а должны рассматриваться только как теоретические рекомендации (вплоть до их законодательного закрепления). «Институт подследственности» не может рассматриваться как элемент уголовного преследования, так как подследственность обычно определяется еще до возбуждения уголовного дела (а, значит, до начала уголовного преследования). «Институт мер процессуального принуждения» также выходит за рамки исключительно уголовного преследования как процессуальных отношений между стороной обвинения и подозреваемым, обвиняемым, так как данные меры могут применяться и в отношении иных участников уголовного судопроизводства. Наконец, «институт доказательств» имеет связь с уголовным преследованием только в той части, в какой собранные по делу доказательства устанавливают виновность лица в совершении преступления, форму его вины и мотивы (п. 2 ч . 1 ст. 73 УПК РФ). В остальной части доказательства по уголовному делу носят не изобличающий (устанавливающий виновность) характер, а исследовательский (то есть

устанавливают событие преступления и обстоятельства, связанные с ним), а также влияют на назначение судом вида и размера наказания в случае признания лица виновным.

Некоторые авторы пишут о содержании уголовного преследования как процессуальной деятельности. Однако, учитывая, что такая деятельность сама по себе регулируется отдельными, как правило, одноименными, правовыми институтами, представляется возможным рассматривать ее именно как содержание института уголовного преследования.

Так, З.З. Зинатуллин указывает, что «по своем содержанию уголовным преследованием охватывается весь возможный комплекс действий и отношений, связанных с задержанием лица по подозрению совершении преступления, применением мер уголовно-процессуального пресечения, производством комплекса действий, связанных с собиранием, исследованием и оценкой средств доказывания (доказательств, их источников и способов получения и использования доказательств), направленных на его изобличение, обоснование уголовной ответственности и осуждения, а также обеспечение правового режима отбывания назначенного по приговору суда наказания» [9]. Соглашаясь с таким подходом в целом, трудно согласиться с включением в содержание института уголовного преследования правовых норм, обеспечивающих правовой режим отбывания наказания. Цель уголовного преследования на данном этапе, совершенно очевидно, уже достигнута – лицо изобличено в совершении преступления. Дальнейшее правовое воздействие на такое лицо осуществляется в целях исправления осужденного и предупреждения совершения им новых преступлений (ч. 1 ст. 1 Уголовно-исполнительного кодекса РФ). Во всяком случае, именно на такой подход нас ориентирует уголовно-исполнительная политика России и других государств [14; 15; 16; 17]. Как справедливо указывает О.Д. Жук, «режим фактического отбывания наказания... не может входить в содержание уголовного преследования, а представляет собой его результат» [7].

Е.И. Тишковец, в свою очередь, предлагает классифицировать содержание уголовного преследования по предметному признаку [22]:

1. Процессуальные решения и процессуальные действия, которые базируются на результатах действий, осуществляемых работниками следствия и дознания в ходе доследственной проверки и на результатах следственных действий, направленных на изобличение подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления (например, принятие решения о возбуждении уголовного дела в отношении конкретного лица (ст. 140-145 УПК РФ) и процессуальное действие – возбуждение уголовного дела (ст. 146-147, 149 УПК РФ);

1. Следственные действия, которые осуществляются в отношении подозреваемого и направлены на получение доказательств виновности указанных лиц в совершении преступления;

2. Процессуальные решения о принятии мер процессуального принуждения в отношении подозреваемых или обвиняемых и сами меры процессуального принуждения.

А.Г. Халиулин в содержание уголовного преследования включает следующие действия и решения [23]:

1) возбуждение уголовного дела в отношении конкретного лица;
2) производство следственных действий, направленных на собирание в отношении конкретного лица обвинительных доказательств;
3) выдвижение в отношении конкретного лица подозрения в совершении преступления;
4) формулирование и предъявление обвинения в преступлении;
5) производство следственных действий, направленных на доказывание выдвинутого обвинения;
6) направление дела в суд с обвинительным заключением;
7) поддержание обвинения перед судом.

О.Д. Жук, поддерживая мнение А.Г. Халиулина, отмечает, что «функция уголовного преследования не реализуется на так называемых проверочных стадиях, а также в рамках стадии исполнения приговора и стадии возобновления производства ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств», и включает в содержание уголовного преследования:

1) принятие решений, которыми лицу предоставляется статус подозреваемого и обвиняемого;
2) производство следственны действий, в результате которых были получены обвинительные доказательства;
3) избрание в отношении лица мер

пресечения;
4) санкционирование прокурором решений следователя (дознавателя) о производстве следственных действий, в результате которых были получены обвинительные доказательства;
5) санкционирование прокурором ходатайств следователя (дознавателя) об избрании меры пресечения, если это возможно не иначе как по судебному решению;
6) утверждение прокурором обвинительного заключения (обвинительного акта);
7) участие представителей стороны обвинения (уголовного преследования) в производстве в суде первой и апелляционной инстанции [7].

В содержание уголовного преследования О.Д. Жук включает также деятельность прокурора при кассационном рассмотрении дела [8] при рассмотрении дела в порядке надзора. Как считает автор, «во всех этих ситуациях прокурор представляет доводы, подтверждающие виновность (или большую виновность) лица». Г.Н. Королев полагает, что уголовное преследование «продолжается в судах апелляционной и кассационной инстанций» и «завершается после вступления приговора в законную силу» [11, стр. 255].

Продолжение уголовного преследования при апелляционном и кассационном рассмотрении дела, как представляется, возможно только в случае неполного, по мнению стороны обвинения, изобличения лица в совершении преступления в суде первой инстанции. Как уже отмечалось, цель уголовного преследования – изобличение лица в совершении преступления тождественно понятию «установление виновности»; для стороны обвинения свидетельством достижения цели своей деятельности является обвинительный приговор, в котором суд признает лицо виновным по всем пунктам обвинения, предъявленного органами уголовного преследования.

Если по какому-либо эпизоду или квалифицирующему признаку совершенного преступления суд не соглашается со стороной обвинения, цель уголовного преследования нельзя считать достигнутой. Поэтому о продолжении уголовного преследования на дальнейших стадиях уголовного судопроизводства можно говорить в том случае, если сторона обвинения не удовлетворена решением суда первой инстанции относительно квалификации преступления, указанной судьей в резолютивной части приговора, и обжалует приговор в связи с необходимостью увеличения объема обвинения либо применения уголовного закона о более тяжком преступлении. Анализ оснований отмены или изменения судебных решений в кассационном (апелляционном) порядке позволяет заключить, что дальнейшее установление виновности осужденного лица может происходить только при обжаловании приговора в связи с несоответствием выводов суда, изложенных в приговоре, фактическим обстоятельствам уголовного дела, установленным судом первой или апелляционной инстанции (ст. 380 УПК РФ) [1].

Выводы суда, изложенные в приговоре, на наш взгляд, представляют собой результат оценки исследованных по делу доказательств, то есть результат последнего этапа процесса доказывания. Думается, что несоответствие выводов суда первой инстанции фактическим обстоятельствам дела означает порок процесса доказывания, выражающийся применительно к установлению виновности лица в следующем:
1) выводы суда о полной или частичной невиновности осужденного, не подтверждаются доказательствами, рассмотренными в судебном заседании (п. 1 ст. 380 УПК РФ);
2) суд не учел обстоятельства, которые обосновывали виновность осужденного в совершении отдельных эпизодов преступления либо преступления с квалифицирующими признаками (п. 2 ст. 380 УПК РФ);
3) при наличии противоречивых доказательств, имеющих существенное значение для выводов суда относительно виновности осужденного, в приговоре не указано, по каким основаниям суд принял одни из этих доказательств и отверг другие (п. 3 ст. 380 УПК РФ);
4) выводы суда, изложенные в приговоре, содержат существенные противоречия, которые повлияли или могли повлиять на решение вопроса о виновности осужденного (п. 4 ст. 380 УПК РФ).

Что касается других оснований отмены или изменения судебного решения в кассационном (апелляционном) порядке, то они не связаны с дальнейшим изобличением лица в совершении преступления.

В частности, нарушение уголовно-процессу-

ального закона (ст. 381 УПК РФ) и неправильное применение уголовного закона (ст. 382 УПК РФ) означает нарушение законодательства и влечет принятие мер прокурором как должностным лицом, осуществляющим надзор за его надлежащим исполнением. Обстоятельства, касающиеся назначения судом вида и размера наказания осужденному, как уже отмечалось, к изобличительной деятельности стороны обвинения не относятся, а потому апелляционное (кассационное) обжалование приговора суда первой инстанции по основанию несправедливости приговора (ст. 383 УПК РФ), осуществляется прокурором также в рамках прокурорского надзора.

Об осуществлении уголовного преследования при пересмотре вступившего в законную силу решения суда в порядке надзора до недавнего времени утверждать было нельзя в связи с требованием ст. 405 УПК РФ о недопустимости в данной стадии уголовного судопроизводства «поворота к худшему». Однако с принятием Конституционным Судом РФ постановления от 11 мая 2005 г. № 5-П [2] положение изменилось. Согласно данному постановлению, ст. 405 УПК РФ признана несоответствующей Конституции РФ «в той мере, в какой она в системе действующего уголовно-процессуального регулирования пересмотра вступивших в законную силу приговоров, определений и постановлений суда, не допуская поворот к худшему при пересмотре судебного решения в порядке надзора по жалобе потерпевшего (его представителя) или по представлению прокурора, не позволяет тем самым устранить допущенные в предшествующем разбирательстве существенные (фундаментальные) нарушения, повлиявшие на исход дела».

Таким образом, процессуальная деятельность государственного обвинения на стадии надзорного производства в настоящее время не связана действием ст. 405 УПК РФ, что позволяет утверждать о возможности продолжения уголовного преследования и при пересмотре вступивших в законную силу решений суда в порядке надзора.

Институт мер процессуального принуждения полностью не входит в содержание института уголовного преследования. В частности, иные меры процессуального принуждения могут применяться не только должностными лицами уголовного преследования, но и судом, что свидетельствует об их не функциональной (не являющейся прерогативой исключительно функции обвинения) правовой природе. Согласно ч. 1 ст. 111 УПК РФ целью применения таких мер является обеспечение установленного Кодексом порядка уголовного судопроизводства. Вместе с тем, применение данных мер дознавателем или следователем в досудебном производстве означает установленного порядка уголовного преследования. Более того, применение иных мер процессуального принуждения, в соответствии с п. 5 ч. 3 ст. 49 УПК РФ влечет возникновения у лица права на защиту и свидетельствует о начале уголовного преследования [1].

Представляется, что мера процессуального принуждения, как наложение ареста на имущество (ст. 115 УПК РФ) не охватывается целью уголовного преследования, поскольку применяется не для обеспечения самой процессуальной деятельности по изобличению лица в совершении преступления, а для обеспечения исполнения приговора, которое осуществляется в результате такого изобличения. Данные меры также направлены на обеспечение поддержания обвинения в судебном производстве (например, привод подсудимого, не содержащегося под стражей). Кроме того, по крайней мере, одна мера процессуального принуждения не может применяться к подозреваемому, обвиняемому ни в досудебном, ни в судебном производстве . Речь идет о денежном взыскании, предусмотренном п. 3 ч. 2 ст. 111 УПК РФ и регламентированной ст. 117 УПК РФ.

Нельзя не согласиться с утверждением Е. А. Белоусовой о том, что «на первый взгляд, как не направленные на изобличение подозреваемого, обвиняемого меры процессуального принуждения, применяемые стороной обвинения, не могут рассматриваться в качестве составной части института уголовного преследования. Вместе с тем, осуществление функции уголовного преследования невозможно без применения мер уголовно-процессуального принуждения» [4].

Конечно, применение мер процессуального принуждения является не обязанностью, а правом субъектов уголовного преследовании (ч. 1 ст. 91; ч. 1 ст. 97; ч. 1 и 2 ст. 111 УПК РФ). Однако по большинству дел те или иные меры процессуального принуждения, как правило, применяются (например, задержание само по себе означает начало осуществления уголовного преследования). Вместе с тем, нельзя исключать такие

следственные ситуации, при которых применение мер процессуального принуждения ничем не вызвано; например, при производстве по делу о преступлениях небольшой или средней тяжести, возбужденному в отношении конкретного лица, которое соглашается с предъявленным обвинением способствует расследованию. Очевидно, что применение процессуального принуждения в рассмотренной ситуации не является необходимостью. Поэтому следует признать, что уголовное преследование может осуществляться без применения каких-либо мер процессуального принуждения.

О.А. Картохина не включает меры процессуального принуждения в содержание уголовного преследования, считая, что «их основное назначение состоит не в изобличении виновного и доказывании его вины, а в обеспечении оптимальны условий для доказывания и достижения по уголовному делу истины [10]. Аргументом в подтверждение такого мнения могут служить положения УПК РФ о том, что судья (не являющийся органом уголовного преследования) при поступлении к нему уголовного дела должен выяснить в отношении каждого обвиняемого подлежит ли отмене или изменению избранная мера пресечения (ст. 228 УПК РФ). Если же меры пресечения отнести составной частью уголовного преследования, то судья автоматически становится на сторону обвинения, что недопустимо». Действительно, суд не только имеет право отменить или изменить меру пресечения по поступившему уголовному делу, но и является субъектом ее избрания (ч. 1 ст. 97 УПК РФ). Однако, как представляется, целью суда при избрании или изменении меры пресечения является обеспечение эффективности собственной процессуальной деятельности по осуществлению правосудия, а не процессуальной деятельности по уголовному преследованию лица. Следует согласиться с мнением В.Е. Шманатовой, которая полагает, что меры пресечения «имеют правообеспечительный, а не обвинительный характер» [24]. В этой связи представляется справедливым утверждение А.М. Баксаловой о том, что меры пресечения «не имеют прямой направленности на изобличение лица в совершении преступления, но они являются гарантией его успешного осуществления» [3, стр. 14].

Таким образом, меры процессуального принуждения являются факультативным элементом уголовного преследования, зависящим от оказания противодействия органам уголовного преследования со стороны подозреваемого, обвиняемого. Применение мер процессуального принуждения само по себе не способствует установлению виновности лица, однако обеспечивает процессуальную деятельность стороны обвинения, направленную на изобличение подозреваемого, обвиняемого в совершении преступления.

В уголовно-процессуальной литературе в содержание уголовного преследования отдельные авторы также включают:

1) формулирование в отношении определенного лица подозрения, составление обвинительного заключения, утверждение обвинительного заключения прокурором;
2) проведение иных процессуальных действий, допускаемых в уголовном процессе без регламентации их производства уголовно- процессуальным законом (истребование документов, получение объяснений, производство ревизий, инвентаризаций и иные);
3) анализ собранных доказательств о совершении преступления обвиняемым и составление обвинительного заключения (обвинительного акта) [12, стр. 175];
4) установление отягчающих и смягчающих вину обстоятельств;
5) обвинительную деятельность в отношении любого иного лица при производстве следственных действий, направленных на изобличение его в совершении преступления;
6) принятие мер по обеспечению возмещения вреда, причиненного преступлением; реализация мер по ликвидации причин и условий, способствовавших совершению преступления;
7) участие государственного обвинителя в предварительном слушании;
8) обращение в суд и поддержание обвинения частными лицами, пострадавшими от преступления, по делам частного обвинения.

Резюмируя вышеизложенное, на наш взгляд, в содержание института уголовного преследования следует также включать правовые нормы, регулирующие производство следующих процессуальных действия и принятие следующих процессуальных решений:

1. Возбуждение уголовного преследования (посредством возбуждения уголовного дела в отношении конкретного лица либо при привлечения лица к уголовному преследованию в результате наделения его процессуальным статусом подозреваемого, обвиняемого);
2. Доказывание причастности подозреваемого к совершению преступления и установление основания для обвинения лица в совершении преступления путем производства следственных и иных процессуальных действий;
3. Привлечение лица в качестве обвиняемого на предварительном следствии (вынесение обвинительного акта (постановления) на дознании), предъявление обвинения (обвинительного акта (постановления));
4. Доказывание виновности обвиняемого в совершении преступления, форм его вины и мотивов путем производства следственных и иных процессуальных действий;
5. Применение к подозреваемому (обвиняемому) мер пресечения, обеспечивающих изобличение их в совершении преступления;
6. Обобщение всего объема предъявленного по уголовному делу обвинения в обвинительном заключении, утверждение обвинительного заключения (обвинительного акта (постановления)) прокурором и направление им дела в суд;
7. Поддержание обвинения в суде (путем участия государственного обвинителя в предварительном слушании, судебном следствии и прениях сторон);
8. Обращение в мировой суд и поддержание обвинения частными лицами, пострадавшими от преступления, по уголовным делам частного обвинения;
9. Обжалование участниками со стороны обвинения приговора апелляционном (кассационном) порядке по основанию несоответствия выводов суда фактически обстоятельствам уголовного дела;
10. Обжалование участниками со стороны обвинения вступившего в законную силу приговора суда в порядке надзора;
11. Прекращение уголовного преследования (в досудебном и судебном производствах).

На основании вышеизложенного можно сделать следующие выводы:

1. Институт уголовного преследования необходимо рассматривать как сложный, комплексный, общий институт уголовно-процессуального права, регулирующий производство следственных и иных процессуальных действий, а также принятие процессуальных решений прокурором, руководителем следственного органа, следователем, начальником органа дознания, начальником подразделения органа дознания, дознавателем и частным обвинителем по установлению причастности подозреваемого к совершенном преступлению, виновности обвиняемого в его совершении, обеспечению данной деятельности мерами процессуального принуждения, поддержанию обвинения в суде, обжалованию вынесенного приговора в апелляционном (кассационном) и надзорном порядках.

2. Правовые институты, входящие в структуру общего института уголовного преследования, составляют его содержание. К ним, в частности, относятся:

1) институт возбуждения уголовного дела в отношении конкретного лица;
2) институт следственных действий;
3) институт подозрения;
4) институт обвинения;
5) институт обжалования судебных решений и др.

Что касается института мер процессуального принуждения, то данные меры являются факультативным элементом уголовного преследования, зависящим от оказания противодействия органам уголовного преследования со стороны подозреваемого, обвиняемого. Применение мер процессуального принуждения само по себе не способствует установлению виновности лица, однако обеспечивает процессуальную деятельность стороны обвинения, направленную на изобличение подозреваемого, обвиняемого в совершении преступления.

3. Институт уголовного преследования не является исключительно теоретической конструкцией науки уголовно-процессуального права. Включив данную категорию в содержание УПК РФ, законодатель наделил ее огромным потенциалом в правовом регулировании отдельных аспектов процессуальной деятельности стороны обвинения.

Список литературы

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации. – М., 2017.
2. Постановление Конституционного Суда РФ от 11 мая 2005 г. № 5-П // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2005. – № 22. – Ст. 2194.
3. Баксалова А.М. Уголовно-процессуальная функция обвинения, осуществляемая прокурором, и ее реализация на судебном следствии: Автореф. дис. … канд. юрид. наук. – Томск: Томский гос. ун-т, 2002.
4. Белоусова Е.А. Прекращение уголовного преследования в стадии предварительного расследования: Дис. … канд. юрид. наук.. – СПб.: Санкт-Петербурский юридический ин-т Генеральной прокуратуры РФ, 2004. – 177 с.
5. Бельсон Я.М., Сальников В.П., Тиунова Л.Б., Экимов А.И. Правовая система социализма: в 2 кн. / Под ред. А.М. Васильева: Кн. 1. Понятие, структура, социальные связи. М., Юридическая литература. 1986. 386 с.; Кн. 2. Функционирование и развитие. М., Юридическая литература. 1987. 328 с. // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 1988. – № 3. – С. 89-92.
6. Еникеев З.Д. Механизм уголовного преследования: Учебное пособие. – Уфа: Башкирский ун-т, 2002. – 116 с.
7. Жук О. Д. К вопросу о формах и видах уголовного преследования // «Черные дыры» в российском законодательстве. – 2004. – № 2. – С. 334-339.
8. Жук О.Д. Осуществление прокурором уголовного преследования в суде кассационной инстанции по уголовным делам о преступлениях, предусмотренных ст. 210 УК РФ // «Черные дыры» в российском законодательстве. – 2004. – № 2. – С. 340-348.
9. Зинатуллин З. З. Общие проблемы обвинения и защиты по уголовным делам: Учебное пособие. – Ижевск: Удмуртский ун-т, 1989. – 80 с.
10. Картохина О.А. Начало и прекращение уголовного преследования следователями органов внутренних дел: Дис. … канд. юрид. наук.– СПб.: Санкт-Петербургский.ун-т МВД, 2003. – 244 с.
11. Королев Г.Н. Прокурорское уголовное преследование в российском уголовном процессе. – М.: Юрлитинформ, 2006. – 360 с.
12. Меженина Л. А. Уголовная ответственность и уголовное преследование // Проблемы юридической ответственности: история и современность: Статьи по итогам Всерос. науч.-практ. конф. / Под ред. Г.Н. Чеботарева. Ч. 1. – Тюмень. – Тюменский гос. ун-т, 2004. – 232 с.
13. Правовая система социализма: в 2 кн. / Под ред. А.М. Васильева: Кн. 1. Понятие, структура, социальные связи. – М., Юридическая литература. 1986. – 386 с.; Кн. 2. Функционирование и развитие. – М., Юридическая литература. 1987. – 328 с.
14. Сальников В.П., Стеценко С.Г. Государственная уголовно-исполнительная политика Украины: история и современное состояние // Мир политики и социологии. – 2014. – № 10. – С. 165-173.
15. Сальников В.П., Захарцев С.И., Сальников М.В. О современной уголовно-исполнительной политике России // Библиотека уголовного права и криминологии. – 2017. – № 3(21). – С. 7-24.
16. Сальников В.П., Захарцев С.И., Сальников М.В. Уголовно-исполнительная политика как элемент уголовной политики современной России // Юридическая наука: история и современность. – 2016. – № 7. – С. 71-85.
17. Сальников В.П., Захарцев С.И., Сальников М.В. Уголовно-исполнительная политика // Вестник Самарского юридического института. Научно-практический журнал. – 2016. – № 4(22). – С. 46-58.
18. Синюков В.Н. Российская правовая система. Введение в общую теорию: Монография / 2-е изд., доп. – М.: Норма, 2014. – 672 с.
19. Синюков В.Н., Григорьев Ф.А. Правовая система: Вопросы правореализации: Учебное пособие. – Саратов: Саратовская высшая школа МВД России, 1995. – 156 с.
20. Теория государства и права: Учебник / Под ред. Р.А. Ромашова, В.П. Сальникова. Изд. 2-е, дополненное, переработанное. В 3-х томах. Т. 2. – СПб.: Фонд «Университет», 2010. – 344 с.
21. Теория государства и права: Учебник для вузов / Под ред. М.М. Рассолова, В.О. Лучина, Б.С. Эбзеева. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, Закон и право, 2014.– 640 с.
22. Тишковец Е.И. Следователь как субъект уголовного преследования: Дис. … канд. юрид. наук. – Воронеж: Воронежский. гос. ун-т, 2003. – 209 с.
23. Халиулин А.Г. Уголовное преследование как функция прокуратуры Российской Федерации (проблемы осуществления в условиях правовой реформы): Дис. … докт. юрид. наук. – М.: НИИ проблем укрепления законности и правопорядка при Генеральной прокуратуре РФ, 1997. – 261 с.
24. Шманатова В.Е. Публичное начало как основа уголовного преследования в уголовном процессе РФ: Дис. … канд. юрид. наук. – Самара: Самарский гос. ун-т, 2004. – 237 с.
25. Якушев В.С. О понятии правового института // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 1970. – № 6. – С. 61-67.

ВНУКОВ Алексей Викторович,
доцент кафедры уголовного права Санкт-Петербургского университета МВД России, кандидат юридических наук (г. Санкт-Петербург, Россия)

ВНУКОВА Диана Рафиковна,
доцент кафедры уголовного процесса Санкт-Петербургского университета МВД России, кандидат юридических наук (г. Санкт-Петербург, Россия)

Специальность 12.00.09 – Уголовный процесс

СЛЕДСТВЕННЫЕ ДЕЙСТВИЯ В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ. Лекция

В результате изучения данной темы обучающийся должен:

Знать: *понятие, сущность и систему следственных действий; основания, условия и общие правила производства следственных действий; особенности производства отдельных следственных действий.*

Уметь*: анализировать положения уголовно-процессуального закона и иных нормативных правовых актов в части, касающейся общих правил и процессуального порядка производства следственных действий.*

Владеть знаниями: *о процессуальном порядке производства следственных и иных процессуальных действий; составления протоколов, постановлений и иных процессуальных документов.*

Ключевые термины: *следственные действия; система следственных действий; общие правила производства следственных действий; допрос; осмотр; обыск; выемка; очная ставка; проверка показаний на месте; судебная экспертиза; наложение ареста на почтово-телеграфные отправления; контроль и запись переговоров; получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами.*

VNUKOV A.V.
VNUKOVA D.R.

INVESTIGATIVE ACTIONS IN THE RUSSIAN CRIMINAL PROCESS. Lecture

As a result of studying this topic, the student should:

To know*: the concept, essence and system of investigative actions; the grounds, conditions and general rules for investigative actions; features of the production of individual investigative actions.*

To be able to: *analyze the provisions of the criminal procedure law and other regulatory legal acts in terms of general rules and procedural order of investigative actions.*

Possess knowledge: *on the procedural order of investigative and other procedural actions; drawing up protocols, decisions and other procedural documents.*

Key terms: *investigative actions; system of investigative actions; general rules of investigation; interrogation; inspection; search; notch; confrontation; verification of evidence on the spot; forensic examination; the imposition of arrest on postal and telegraph dispatches; control and recording of negotiations; obtaining information about connections between subscribers and (or) subscriber devices.*

1. Понятие, сущность, значение и система следственных действий. Основания, условия и общие правила их производства

Следственные действия *– это предусмотренные и строго регламентированные уголовно-процессуальным законом, обеспеченные государственным принуждением действия органов дознания и предварительного следствия, направленные на собирание, проверку и оценку доказательств по уголовному делу.* Собирание доказательств, исходя из положения ч. 1 ст. 86 УПК РФ, осуществляется в ходе уголовного судопроизводства дознавателем, следователем, прокурором и судом путем производства следственных и иных процессуальных действий, предусмотренных УПК РФ. В п. 32 ст. 5 УПК РФ законодатель раскрывает понятие процессуального действия как следственного, судебного или иного действия, предусмотренного УПК РФ.

Однако, к следственным действиям относятся только те действия, которые непосредственно направлены на собирание доказательств. Поэтому процессуальные действия считаются следственными не потому, что они осуществляются следователем, а потому, что они направлены на выявление «следов» преступления. Следственные действия имеют строгую процессуальную форму и обеспечены принуждением.

Таким образом, следственными действиями считаются такие способы собирания (формирования) доказательств, которые детально регламентированы законом и обеспечены принуждением. Значение следственных действий состоит в том, что они являются основным способом собирания доказательств, следовательно, и основным средством установления истины по уголовному делу [8; 9; 10; 11; 12; 13; 14].

К следственным действиям относятся:

- осмотр, освидетельствование, следственный эксперимент (гл. 24 УПК РФ);
- обыск, выемка, наложение ареста на почтово-телеграфные отправления, контроль и запись переговоров, получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами (гл. 25 УПК РФ);
- допрос, очная ставка, опознание, проверка показаний (гл. 26 УПК РФ);
- производство судебной экспертизы (гл. 27 УПК РФ).

Следственные действия могут быть классифицированы на виды по субъектам и времени их производства, по составу участников, по степени принудительности и другим основаниям. Так, в законе выделяется понятие неотложных следственных действий (п. 19 ст. 5, ст. 157 УПК), предусматриваются обязательные последовательности действий (задержание – допрос подозреваемого, допросы – очная ставка, допрос – предъявление для опознания).

Так, Б.Т. Безлепкин дифференцирует все следственные действия в зависимости от степени ущемления прав и свобод личности [4].

Первую группу составляют следственные действия, которые связаны с применением принуждения. Они требуют вынесения лицом, производящим расследование, постановления, которое является обязательным (осмотр трупа, освидетельствование, обыск и выемка).

Вторая группа связана с применением наиболее жестких мер принуждения, связанных с вторжением в сферу гарантированных Конституцией РФ прав и свобод личности, для своего производства требуют судебного решения.

Должностными лицами, правомочными производить следственные действия являются:

- орган дознания (ч. 2 ст. 40 УПК РФ);
- начальник подразделения дознания (ч. 2 ст. 40.1 УПК РФ);
- дознаватель (п. 1 ч. 3 ст. 41 УПК РФ);
- руководитель следственного органа (ч. 2 ст. 39 УПК РФ);
- следователь (п. 3 ч. 2 ст. 38 УПК РФ);
- следователь-криминалист (п. 40.1 УПК РФ).

Общие правила производства следственных действий.

В ст. 164 УПК РФ раскрыты общие правила производства следственных действий, что позволило избежать многократного повторения одних и тех же положений применительно к каждому следственному действию. Ряд правил представляют собой самостоятельную правовую норму, некоторые нуждаются в конкретизации в иных взаимосвязанных с ними положениях.

К общим правилам производства следственных действий [5; 6; 7; 15] относятся группы норм, регламентирующие:

1) принятие решения о производстве следственного действия;
2) основания и условия производства следственного действия;

3) порядок производства следственного действия;
4) меры, обеспечивающие производство следственных действий.

Эти группы есть не что иное, как обобщенные гипотезы, диспозиции и санкции для института следственных действий.

1. Принятие решения о производстве следственного действия закреплены в ч. 1, 2 ст. 164 УПК РФ.

Следственные действия, предусмотренные ч. 3 ст. 178, 179, 182, 183 УПК РФ производятся на основании постановления следователя.

В случаях, предусмотренных п.п. 4-9, 11, 12 ч. 2 ст. 29 УПК РФ следственные действия производятся на основании судебного решения.

В соответствии со ст. 29 УПК РФ судебное решение требуется для производства следующих следственных действий:

1) о производстве осмотра жилища при отсутствии согласия проживающих в нем лиц;
2) о производстве обыска и (или) выемки в жилище;
3) о производстве выемки заложенной или сданной на хранение в ломбард вещи;
4) о производстве личного обыска, за исключением случаев, когда личный обыск проводится при задержании лица или заключении его под стражу, а также при наличии достаточных оснований полагать, что лицо, находящееся в помещении или ином месте, в котором производится обыск, скрывает при себе предметы или документы, имеющие значение для уголовного дела;
5) о производстве выемки предметов и документов, содержащих государственную или иную охраняемую федеральным законом тайну, а также предметов и документов, содержащих информацию о вкладах и счетах граждан в банках и иных кредитных организациях;
6) о контроле и записи телефонных и иных переговоров;
7) о получении информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами.

Судебный порядок получения разрешения на производство следственного действия регламентирован ст. 165 УПК РФ.

Часть 2 ст. 164 закрепляет перечень следственных действий, которые производятся на основании судебного решения. Эта норма отсылает к ч.2 ст. 29 УПК РФ, посвященным правомочиям суда в рамках досудебного контроля. Однако перечень следственных действий, закрепленных в данной статье не являются исчерпывающим. В соответствии с п. 3 ст. 8 ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» проведение следственных действий в отношении адвоката также допускается только на основании судебного решения.

Определением Конституционного Суда РФ признано, что положения ст. 7, 29 и 182 УПК РФ «в их конституционно-правовом истолковании и в системном единстве с положениями п. 3 ст. 8 ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» не предполагают возможность производства обыска в служебном помещении адвоката или адвокатского образования без принятия об этом специального судебного решения» [2].

В общем порядке следователь с согласия руководителя следственного органа, дознаватель с согласия прокурора возбуждает перед судом ходатайство о производстве следственного действия, о чем выносит постановление.

Ходатайство о производстве следственного действия подлежит рассмотрению единолично судьей районного или военного суда по месту производства предварительного следствия или производства следственного действия не позднее 24 часов с момента поступления ходатайства. В судебном заседании вправе участвовать прокурор, следователь и дознаватель. По результатам рассмотрения ходатайства судья выносит постановление о разрешении производства следственного действия или об отказе в его производстве с указанием мотивов отказа. В случаях, не терпящих отлагательства, осмотр жилища, обыск и выемка в жилище, личный обыск, выемка заложенной или сданной на хранение в ломбард вещи, наложение ареста на имущество, указанное в ч. 1 ст. 104.1 УК РФ могут быть произведены на основании постановления следователя, дознавателя без получения судебного решения, но в течение 24 часов с момента начала производства следственного действия уведомляет судью и прокурора о его производстве. Конституционный Суд РФ в своем Определении от 25 марта 2004 года подтвердил приоритет тайны следствия, указав

следующее: «в противном случае следственные и иные процессуальные действия, достижение позитивных результатов которых в значительной степени обусловлено их внезапным и конфиденциальным характером, при уведомлении о предстоящем их проведении заинтересованных лиц могли бы утратить всякий смысл» [3]. В течении 24 часов с момента получения данного уведомления судья проверяет законность произведенного следственного действия и выносит постановление о его законности или незаконности. В случае, если судья признает произведенное следственное действие незаконным, все доказательства, которые были получены в ходе производства следственного действия, признаются недопустимыми в соответствии со ст. 75 УПК РФ.

2. Общие основания и условия для производства следственных действий регламентируют те обстоятельства, которые влекут производство следственных действий. Общее основание для производства следственных действий – это наличие сведений о том, что необходимо получить доказательства определенного вида с помощью именно этих действий. В качестве основания выступают конкретные данные, а во многих случаях – судебные доказательства (например, для тех следственных действий, которые производятся по судебному решению).

Общие условия производства следственных действий складываются из следующих обстоятельств:

а) наличие возбужденного уголовного дела (за исключением осмотра места происшествия, при производстве которого принуждение минимально (ч. 2 ст. 176 УПК);

б) надлежащий субъект, не подлежащий отводу и принявший дело к своему производству;

в) отсутствие служебного иммунитета у участников следственного действия (ст. ст. 3, 450 УПК РФ).

3. Порядок проведения следственного действия – это обобщенная диспозиция для института следственных действий. Порядок проведения следственного действия включает в себя правила, регламентирующие:

а) место и время производства следственного действия. Место проведения следственного действия определяется местом производства предварительного расследования, то есть территориальной подследственностью дела (ст. 152 УПК РФ). В необходимых случаях следственные действия проводятся в ином месте, куда следователь выезжает лично либо поручает их производство следователю или органу дознания на основании отдельного поручения. Производство следственного действия в ночное время не допускается, за исключением случаев, не терпящих отлагательства. Согласно п. 21 ст. 5 УПК РФ ночным временем признается промежуток времени с 22 до 6 часов по местному времени. В необходимых случаях уголовно-процессуальный закон требует немедленного проведения следственных действий после производства других действий или наступления события (например, немедленный допрос обвиняемого после предъявления обвинения – ч. 1 ст. 173 УПК РФ) либо незамедлительного проведения действий при возникновении оснований для их проведения;

б) участников следственного действия, которые могут быть обязательными и факультативными. Случаи обязательного участия защитника предусмотрены ст. 51 УПК РФ, участие понятых регламентировано ст. 170 УПК РФ, переводчика – ст. 169 УПК РФ. Другие лица привлекаются следователем (дознавателем) факультативно, по его усмотрению. Однако следователь обязан обеспечить право сторон на участие в следственных действиях, проводимых по их ходатайству (п. 9 ч. 2 ст. 42; п. 10 ч. 4 ст. 44; п. 9 ч. 4 ст. 46; п. 10 ч. 4 ст. 47; п. 5 ч. 1 ст. 53 УПК РФ). Следователь вправе привлечь к участию в следственном действии должностное лицо органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность (ч. 7 ст. 164 УПК РФ). При производстве следственных действий недопустимо применение насилия, угроз и иных незаконных мер, а равно создание опасности для жизни и здоровья участвующих в нем лиц.

в) последовательность и приемы проведения следственного действия. Последовательность проведения следственного действия складывается из нескольких этапов. Первый этап – подготовительный. На нем принимается и оформляется решение о проведении следственного действия, принимаются меры по обеспечению его производства (задерживается корреспонденция, направляется повестка, осуществляется привод, эксгумация и др.). Второй этап связан с удостоверением в личности участников процесса, разъяснением им прав и обязанностей, задач и порядка проведения следственного действия.

Удостоверение в личности возможно не только по документам. Оно может быть осуществлено путем опознания, со слов или даже визуально (если следователь уже знаком с данным участником процесса). Свидетель, потерпевший и специалист (если он дает показания) предупреждаются об уголовной ответственности за отказ от дачи показаний и за дачу заведомо ложных показаний по ст.ст. 307-308 УК РФ, а эксперт и переводчик – за дачу заведомо ложного заключения и заведомо неправильный перевод по ст. 307 УК РФ. Третий этап составляет осуществление познавательных приемов и операций, а на четвертом – фиксируются ход и результаты следственного действия.

4. Меры, обеспечивающие производство следственных действий. Нарушения процессуальных норм об основаниях, условиях и правилах производства следственных действий влекут негативные последствия. Для участников процесса это могут быть меры принуждения или даже уголовная ответственность. Для субъектов процесса в качестве основной санкции выступает утрата доказательственного значения результатов следственного действия – санкция ничтожности (ч. 2 ст. 50 Конституции РФ; ч. 3 ст. 7, ст. 75 УПК РФ).

2. Особенности производства отдельных видов следственных действий

Нормативная основа – главы 24, 25, 26, 27 УПК РФ.

Осмотр *– это личное восприятие и процессуальная фиксация внешних признаков объектов, к которым имеется свободный доступ.*

Целью производства осмотра является обнаружение следов преступления, выяснение обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела, процессуальная фиксация признаков осматриваемых объектов.

Также к целям осмотра относят: выявление обстановки происшествия или обстановки иного объекта, в том числе условий жизни и воспитания несовершеннолетнего, получение образцов для сравнительного исследования (почвы, оттисков печатей), обнаружение орудий преступления.

Основанием производства осмотра являются сведения о том, что в результате обозрения доступного для следователя объекта можно получить сведения, имеющие значение для уголовного дела (ст. 176 УПК РФ).

Осмотр состоит в непосредственном обследовании с помощью зрительных органов, а также других органов чувств соответствующих объектов в целях выяснения обстоятельств, имеющих значение для дела.

При производстве следственного осмотра должны соблюдаться следующие правила:

- обязательными участниками осмотра являются понятые (ч. 1 ст. 170 УПК РФ), представитель администрации соответствующей организации, в которой производится осмотр помещения (ч. 6 ст. 177 УПК РФ);
- все обнаруженное и изъятое при осмотре должно быть предъявлено участникам осмотра (ч. 4 ст. 177 УПК РФ);
- изъятию подлежат только те предметы, которые могут иметь отношение к уголовному делу;
- особенности фиксации результатов осмотра состоят в том, что в протоколе описываются все действия следователя, а также все обнаруженное при осмотре в той последовательности, в какой производился осмотр, и в том виде, в каком обнаруженное наблюдалось в момент осмотра. Также должно быть указано время, при какой погоде и каком освещении производился осмотр, какие технические средства были применены и какие получены результаты, куда направлены после осмотра труп или предметы, имеющие значение для уголовного дела;
- при изъятии предметов в ходе осмотра целесообразно копию протокола вручить их владельцам, для обеспечения их права на обжалование.

Выделяются следующие **виды осмотра**: осмотр места происшествия, местности, осмотр жилища, осмотр иного помещения, трупа, предметов и документов и т.д.

Основанием для производства осмотра местности, жилища или иного помещения является наличие сведений (фактических данных) о совершенном преступлении или связанном с ним изменении обстановки, а также о значении обстановки на местности или в помещении для установления обстоятельств, имеющих значение для дела.

Основание для осмотра предметов и документов – наличие у них признаков вещественных

доказательств.

При наличии оснований для производства осмотра следователь непосредственно производит данное действие, а при необходимости осмотра жилища помимо воли проживающих в нем лиц – обращается за соответствующим разрешением в суд (ч. 1 ст. 12 УПК РФ).

В соответствии ч. 2 ст. 176 УПК РФ в случаях, не терпящих отлагательства, осмотр места происшествия может быть произведен до возбуждения уголовного дела. Случаи, не терпящие отлагательства, предопределяются степенью опасности утраты следов преступления под воздействием определенных лиц или природных явлений (например, атмосферных осадков) и отсутствием возможности обеспечить их сохранность в неизменном виде путем ограничения доступа к месту происшествия граждан, животных, технических средств.

При соблюдении требований ч. 3 ст. 177 УПК РФ осмотр документов, предметов, трупа как самостоятельное действие до возбуждения уголовного дела возможен только в том случае, если эти предметы, документы, объекты были обнаружены при осмотре места происшествия. Если для производства осмотра требуется продолжительное время или осмотр на месте затруднен, то предметы должны быть изъяты, упакованы, опечатаны, заверены подписью следователя на месте осмотра, при этом в протоколе осмотра по возможности указываются индивидуальные признаки и особенности изымаемых предметов.

Местом происшествия можно признать место сокрытия похищенного, обнаружения трупа, орудий преступления и т.п.

При производстве осмотра участвуют понятые, что определяется общим назначением института понятых в уголовном судопроизводстве, а именно потребностью удостоверения факта производства следственного действия, его хода и результатов. Исключение из правила об участии понятых при осмотре составляют случаи вынужденного отказа от их приглашения, вызванного следующими обстоятельствами: 1) труднодоступностью местности, при отсутствии надлежащих средств сообщения и 2) опасность для жизни и здоровья людей. В таких случаях при производстве следственного действия применяются технические средства фиксации его хода и результатов.

Осмотр как следственное действие предполагает изъятие как следов преступления (следы рук, обуви), так и любых иных вещественных (материальных) объектов.

Осмотр должен быть организован таким образом, чтобы понятые присутствовали при обнаружении следов преступления и иных, значимых для дела объектов, непосредственно наблюдали обследуемую обстановку. Все обнаруженное и изъятое при осмотре должно быть обязательно предъявлено понятым и другим участникам следственного действия.

Согласие проживающих в жилище лиц на производство в нем осмотра испрашивается во всех случаях независимо от целей следственного действия, в том числе при наличии явных признаков совершенного в нем преступления. Под проживающими в жилище лицами следует понимать его владельцев, основных квартиросъемщиков, зарегистрированных в нем (постоянно или временно) совершеннолетних лиц.

Порядок получения судебного решения на осмотр жилища при отсутствии согласия проживающих в нем лиц, а также вхождение в него в исключительных случаях по постановлению следователя предусмотрен ч. 2 ст. 164, ст. 165 УПК РФ.

При вхождении в жилище следователь обязан объявить присутствующим какое следственное действие будет производиться и его цель. Если осмотр проводится на основании судебного решения или по постановлению следователя они объявляются владельцу или иному проживающему в жилище лицу под роспись.

Наличие оснований для производства осмотра места происшествия в жилище позволяет осуществить вхождение в него принудительно, в том числе с применением физической силы и вскрытием запертых дверей. В таких случаях целесообразно приглашение представителей жилищно-эксплуатационной организации. Вскрытие иных хранилищ в осматриваемом жилище в рамках процедуры осмотра не допускается.

Решение следователя об осмотре помещения организации обязательно для администрации или ее представителя. Осмотр производится, как правило, в их присутствии, в противном случае делается отметка в протоколе

Осмотр трупа производит следователь с участием судебно-медицинского эксперта, а в

случае невозможности его участия – врача (ст. 178 УПК РФ).

При необходимости извлечения трупа из мест захоронения следователем выносится постановление об эксгумации, о чем уведомляются близкие родственники или родственники покойного. При возражении близких родственников или родственников покойного об эксгумации, она проводится на основании судебного решения. Основанием для производства эксгумации являются сведения (фактические данные) о том, что: 1) на трупе имеются следы преступления, ранее не исследованные или не зафиксированные; 2) условия захоронения могут содержать сведения об обстоятельствах, имеющих значение для дела.

Неопознанные трупы подлежат обязательному фотографированию или дактилоскопированию, а также обязательной государственной геномной регистрации, в соответствии с законодательством РФ, в порядке, предусмотренном Правительством РФ.

Статья 185 УПК РФ регламентирует осмотр почтово-телеграфной корреспонденции (который является частью такого следственного действия как наложение ареста на почтово-телеграфные отправления, их осмотр и выемка), ч. 7 ст. 186 УПК РФ – осмотр и прослушивание фонограммы, полученной в результате контроля и записи переговоров (осмотр здесь – составная часть контроля и записи переговоров), осмотр документов, содержащих информацию о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами входит составной частью в такое следственное действие как получение информации о соединениях между абонентами и абонентскими устройствами (ч. 5 ст. 186.1 УПК РФ).

Освидетельствование *– это следственное действие, состоящее в осмотре живого человека* (ст. 179 УПК РФ). Освидетельствование – это разновидность осмотра, объектом которого является человеческое тело.

Основанием для проведения освидетельствования выступают сведения (фактические данные) о том, что на теле человека, вероятно, имеются:

а) особые приметы (физиологические дефекты, родимые пятна, татуировки, рубцы, следы операции др.);
б) следы преступления (пятна крови, частицы волос, микрочастицы и др.);
в) телесные повреждения (царапины, раны, гематомы);

Внешние признаки освидетельствуемого лица, которые не являются особыми приметами, например, рост, вес, цвет волос, а также, состояние организма и другие присущие лицу признаки, например, состояние опьянения, следы от инъекций имеют значение для дела. В совокупность сведений, образующих основания для освидетельствования, может войти оперативно-розыскная информация, не противоречащая уголовно-процессуальным доказательствам.

Освидетельствование проводится в том случае, если не требуется производство судебно-медицинской экспертизы и может предшествовать производству судебной экспертизы. В случаях, не терпящих отлагательства, освидетельствование может быть произведено до возбуждения уголовного дела.

Освидетельствованию могут быть подвергнуты: подозреваемый, обвиняемый, потерпевший, а также свидетель с его согласия, за исключением случаев, когда освидетельствование необходимо для оценки достоверности его показаний. Постановление следователя также обязательно для обвиняемого, подозреваемого, потерпевшего. Лица, не имеющие процессуального статуса при производстве по уголовному делу, не освидетельствуются.

Уголовно-процессуальный закон выделяет следующие особенности производства освидетельствования:

- для производства освидетельствования следователь выносит постановление, которое является обязательным для освидетельствуемого лица;
- освидетельствование, т.е. осмотр тела или проверка состояния организма производятся лично следователем, в чем ему могут оказать содействие врач или другой специалист;

При освидетельствовании лица другого пола следователь не присутствует, если освидетельствование сопровождается обнажением данного лица. В этом случае освидетельствование производится врачом. Специалист-врач может быть любого пола.

- при освидетельствовании, связанном с обнажением, фотографирование, видеозапись и киносъемка проводится с согласия освидетельствуемого лица;
- производится без участия понятых, если

следователь по ходатайству лиц, участвующих в данном деле, или по собственной инициативе не примет иное решение (ч. ч. 1, 2 ст. 170 УПК РФ).

Изъятие в ходе освидетельствования объектов (например, смыва крови, подногтевого вещества) и фиксация хода и результатов данного следственного действия производятся по общим правилам осмотра.

Следственный эксперимент *– это самостоятельное следственное действие, состоящее в проведении специальных опытов.*

Целью производства следственного эксперимента является проверка и уточнение данных, имеющих значение для уголовного дела.

Основанием для производства следственного эксперимента являются сведения (фактические данные) о событии преступления или иных обстоятельствах, имеющих значение для дела, существование которых без проверки опытом или посредством реконструирования неочевидно.

Степень точности восстановления обстановки зависит от следственно-судебной ситуации, от того, какие сведения проверяются опытным путем. Обстановка должна быть воспроизведена таким образом, чтобы не возникало сомнений в достоверности полученных результатов.

Если эксперимент направлен на проверку субъективной возможности производства определенных действий, то в его производстве участвуют лица, которые производили эти действия в реальной обстановке и на момент эксперимента занимают процессуальное положение подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего или свидетеля. В случаях проверки объективной возможности производства таких действий в эксперименте участвует любое постороннее лицо.

Следственный эксперимент, состоящий в реконструировании и обследовании обстановки (обстоятельств) не содержит опытных действий, как повторения (возможно неоднократного) ранее имевшего место события. Сущность следственного действия в данном случае состоит в осмотре восстановленной обстановки в целях выявления последовательности происшедшего события и механизма образования следов.

Уголовного-процессуальный закон не предусматривает письменного оформления решения о производстве эксперимента.

Следственный эксперимент в жилище должен производиться с согласия проживающих в нем лиц, при отсутствии такового, на основании судебного решения.

В следственном эксперименте может участвовать специалист любого профиля. Участие понятых обязательно. Количество понятых в следственном эксперименте, производимом в нескольких удаленных точках, должно быть больше двух. Например, двое понятых находятся в месте производства выстрела и столько же там, где определяется возможность его слышать.

Производство следственного эксперимента допускается, если не создается опасность для здоровья участвующих в нем лиц.

Обыск *– следственное действие, состоящее в отыскании и изъятии в каком-либо месте или у какого-либо лица предметов и документов, которые могут иметь значение для дела.* Обыск может производиться и в целях обнаружения разыскиваемых лиц и трупов.

Законность и обоснованность обыска оценивается исходя из наличия оснований на момент принятия решения и не должна зависеть от его результатов.

Основанием производства обыска является наличие достаточных данных полагать, что в каком-либо месте или у какого-либо лица могут находиться орудия, оборудования или иного средства совершения преступления, предметы, документы, ценности, которые могут иметь значение для уголовного дела.

Особенности производства обыска:

1) обыск производится на основании постановления следователя. Обыск в жилище производится на основании судебного решения, принимаемого в порядке ст. 165 УПК РФ. В постановлении следователя или судьи приводятся сведения, из которых вытекает необходимость производства следственного действия.

2) при производстве обыска участвует лицо, в помещении которого производится обыск, либо совершеннолетние члены его семьи. Также вправе присутствовать защитник, а также адвокат того лица, в помещении которого производится обыск. В ч. 2 ст. 182 УПК РФ установлено правило о том, что защитник или адвокат того лица, в помещении которого производится обыск, могут присутствовать при обыске только с разрешения следователя. Данная норма находится в известном противоречии с процессуальным статусом защитника, имеющего право (п.

5 ч. 1 ст. 53 УПК РФ) участвовать во всех следственных действиях, производимых с участием подозреваемого, обвиняемого либо по его ходатайству или ходатайству самого защитника. Конституционный Суд Российской Федерации признал право любого лица, участвующего в уголовном судопроизводстве, на квалифицированную юридическую помощь при осуществлении в отношении него действий, сопряженных с уголовным преследованием, или мер уголовно-процессуального принуждения. [1]

3) до начала обыска следователь предлагает добровольно выдать подлежащие изъятию предметы, документы и ценности, которые могут иметь значение для уголовного дела. Если они выданы добровольно и нет оснований опасаться их сокрытия, то следователь вправе не производить обыск (ч. 5 ст. 182 УПК РФ).

4) при производстве обыска могут принудительно вскрываться как в целом помещение, так и любые хранилища или объекты, находящиеся внутри обыскиваемых помещений, если владелец отказывается открыть их добровольно. При этом не должно допускаться не вызываемое необходимостью повреждение имущества.

5) во время обыска на присутствующих лиц могут быть возложены дополнительные ограничения: запрет покидать место обыска, общаться друг с другом или иными лицами до окончания обыска.

6) производится изъятие предметов, предположительно относящихся к делу. Также изымаются предметы, изъятые из гражданского оборота. Изъятые при обыске предметы, документы и ценности предъявляются понятым и другим лицам, присутствующим при обыске, и в случае необходимости упаковываются и опечатываются на месте обыска, что удостоверяется подписями указанных лиц.

При производстве обыска электронные носители информации изымаются с участием специалиста. По ходатайству законного владельца изымаемых электронных носителей информации или обладателя содержащейся на них информации специалистом, участвующим в обыске, в присутствии понятых с изымаемых электронных носителей информации осуществляется копирование информации. Копирование информации осуществляется на другие электронные носители информации, предоставленные законным владельцем изымаемых электронных носителей информации или обладателем содержащейся на них информации. При производстве обыска не допускается копирование информации, если это может воспрепятствовать расследованию преступления либо, по заявлению специалиста, повлечь за собой утрату или изменение информации. Электронные носители информации, содержащие скопированную информацию, передаются законному владельцу изымаемых электронных носителей информации или обладателю содержащейся на них информации. Об осуществлении копирования информации и о передаче электронных носителей информации, содержащих скопированную информацию, законному владельцу изымаемых электронных носителей информации или обладателю содержащейся на них информации в протоколе делается запись.

7) при обыске следователем должны приниматься специальные меры по сохранению тайны частной жизни: от присутствующих лиц берется подписка о неразглашении данных предварительного расследования (ч. 2 ст. 161 УПК РФ).

8) фиксация хода и результатов обыска производится по общим правилам ст. ст. 166, 167 УПК РФ. В протоколе должно быть указано, в каком месте и при каких, обстоятельствах были, обнаружены предметы, документы и ценности, выданы оно добровольно или изъяты принудительно. Все изымаемые объекты должны быть перечислены с точным указанием их количества, меры, веса, индивидуальных признаков и по возможности стоимости. Если в ходе обыска были предприняты попытки уничтожить или спрятать подлежащие изъятию предметы, документы или ценности, то об этом в протоколе делается соответствующая запись, и указываются принятые меры. Копия протокола вручается лицу, в помещении которого был произведен обыск, либо совершеннолетнему члену его семьи. Если обыск производился в помещении организации, то копия протокола вручается под расписку представителю администрации соответствующей организации.

9) особой гарантией соблюдения при обыске прав и законных интересов граждан является возможность обжалования постановления о производстве обыска и его результатов непосредственно в суд.

Личный обыск *– это самостоятельное следственное действие, состоящее в обследовании тела человека, и находящейся на нем одежды.*

Целью производства личного обыска является обнаружение и изъятие предметов и документов, которые могут иметь значение для уголовного дела.

Личному обыску по общему правилу подлежит лицо, занимающее процессуальное положение подозреваемого или обвиняемого. При обыске в помещении личному обыску могут быть подвергнуты иные лица, в том числе не имеющие процессуального статуса.

Особенности производства личного обыска:

1) личный обыск осуществляется по возбужденному уголовному делу, производится на основании судебного решения. В исключительных случаях он может быть произведен по постановлению следователя без получения судебного решения (ч. 5 ст. 165 УПК РФ). Личный обыск может быть произведен и без соответствующего постановления при задержании лица или заключении его под стражу, а также при наличии достаточных оснований, что лицо, находящееся в помещении или ином месте, в котором производится обыск, скрывает при себе предметы или документы, имеющие значение для уголовного дела.

2) личный обыск производится только лицом одного с ним пола и в присутствии понятых и специалистов того же пола, если они участвуют в данном следственном действии.

3) ход и результаты личного обыска отражаются в протоколе в соответствии со ст. ст. 166 и 167 УПК РФ. На производство личного обыска распространяются правила ст. 182 УПК РФ.

***Выемка** – следственное действие, состоящее в процессуальном принудительном изъятии (фиксации) имеющих значение для дела определенных предметов и документов, когда точно известно где и у кого они находятся* (ст. 183 УПК РФ).

Основанием производства выемки являются фактические данные, полученные уголовно-процессуальными средствами, а также в результате оперативно-розыскных мероприятий и позволяющие при оценке их в совокупности сделать достоверный вывод о местонахождении искомого объекта.

Особенности производства выемки:

1) выемка производится на основании постановления следователя.

Выемка предметов и документов, содержащих государственную или иную охраняемую федеральным законом тайну, предметов и документов, содержащих информацию о вкладах и счетах граждан в банках и иных кредитных организациях, а также вещей, заложенных и сданных на хранении в ломбард, производится на основании судебного решения, принимаемого в порядке ст. 165 УПК РФ.

2) в постановлении о производстве выемки указываются объекты, подлежащие изъятию, и определенное место их нахождения.

3) при производстве выемки изъятие электронных носителей информации производится с участием специалиста. По ходатайству законного владельца изымаемых электронных носителей информации или обладателя содержащейся на них информации специалистом, участвующим в выемке, в присутствии понятых с изымаемых электронных носителей информации осуществляется копирование информации на другие электронные носители информации, предоставленные законным владельцем изымаемых электронных носителей информации или обладателем содержащейся на них информации. При производстве выемки не допускается копирование информации, если это может воспрепятствовать расследованию преступления либо, по заявлению специалиста, повлечь за собой утрату или изменение информации. Электронные носители информации, содержащие скопированную информацию, передаются законному владельцу изымаемых электронных носителей информации или обладателю содержащейся на них информации. Об осуществлении копирования информации и о передаче электронных носителей информации, содержащих скопированную информацию, законному владельцу изымаемых электронных носителей информации или обладателю содержащейся на них информации в протоколе делается запись.

4) до начала выемки следователь предлагает выдать предметы и документы, подлежащие изъятию, а в случае отказа производит выемку принудительно.

5) В случае выемки заложенной или сданной на хранение в ломбард вещи в 3-дневный срок производится уведомление об этом заемщика или поклажедателя.

В случаях, когда в ходе выемки объект, подлежащий изъятию, в точно указанном месте не обнаружен, но имеются веские основания полагать, что он хранится в этом же помещении,

следователю необходимо составить протокол выемки, в котором указать, что предмет не обнаружен и не изъят. После этого можно вынести постановление о производстве обыска, предъявить его присутствующим лицам и в соответствии с установленной процедурой произвести поисковые действия, о чем составить протокол.

Наложение ареста на почтово-телеграфные отправления *– это комплексное следственное действие, состоящее в задержании почтово-телеграфных отправлений, осмотре содержащихся в посылках, бандеролях, письмах предметов и документов, а также телеграмм и радиограмм, и при необходимости в их изъятии или снятии с документов копий.*

Основанием наложения ареста на почтово-телеграфные отправления являются сведения (фактические данные), содержащиеся в материалах уголовного дела, в том числе в приобщенных к делу результатах оперативно-розыскных мероприятий, о том, что в исходящих или поступающих бандеролях, посылках или других почтово-телеграфных отправлениях либо в телеграммах или радиограммах могут содержаться сведения, имеющие значение для дела.

Круг лиц, на почтово-телеграфные отправления которых может быть наложен арест, законом не предусмотрен.

Предусмотренный статьей 185 УПК РФ порядок доступа следователя к информации, содержащейся в почтово-телеграфных сообщениях, распространяется на случаи, когда эта информация находится в пределах государственных сетей связи (от почтового ящика до почтового ящика). Если же предметы, документы и иные сведения, предназначенные для передачи почтой или телеграфом, а также уже полученные адресатом, находятся в жилище, при физическом лице или ином месте, не связанном с каналами связи, они осматриваются и изымаются в общем порядке.

Особенности производства данного следственного действия:

1) наложение ареста на почтово-телеграфные отправления, их осмотр и выемка в учреждениях связи производится на основании судебного решения, в порядке ст. 165 УПК РФ.

Следователем выносится постановление о возбуждении перед судом ходатайства о наложении ареста на почтово-телеграфные отправления и производстве их осмотра и выемки. В ходатайстве следователя указываются:

- фамилия, имя, отчество и адрес лица, почтово-телеграфные отправления которого должны задерживаться;
- основания наложения ареста, производства осмотра и выемки;
- виды почтово-телеграфных отправлений, подлежащих аресту;
- наименование учреждения связи, на которое возлагается обязанность задерживать соответствующие почтово-телеграфные отправления.

2) копия судебного решения направляется в соответствующее учреждение связи, которому поручается задерживать почтово-телеграфные отправления и незамедлительно уведомлять об этом следователя.

3) осмотр, выемка и снятие копий с задержанных почтово-телеграфных отправлений производятся следователем в соответствующем учреждении связи с участием понятых из числа работников данного учреждения, а также при необходимости специалиста и переводчика.

В силу специфики наложения ареста на почтово-телеграфные отправления данное следственное действие всегда должно производиться с участием понятых из числа работников учреждения связи. Вместе с тем, при наличии оснований полагать, что в посылках или бандеролях находятся взрывчатые или ядовитые вещества, их осмотр может быть начат без участия понятых (ч. 3 ст. 170 УПК РФ). При не подтверждении таких сведений осмотр и выемка производятся в общем порядке.

4) ход и результаты следственного действия оформляются протоколом, в котором указывается, кем и какие почтово-телеграфные отправления были подвергнуты осмотру, скопированы, отправлены адресату или задержаны.

5) арест отменяется постановлением следователя с обязательным уведомлением суда, принявшего решение о наложении ареста, и прокурора, когда отпадает необходимость в этой мере, но не позднее окончания предварительного расследования по данному уголовному делу.

Сущность ***контроля и записи переговоров*** *как следственного действия состоит в принятии следователем мотивированного решения об обращении в суд с целью получения судебного решения о проведении контроля и записи телефонных и иных переговоров, а также в его*

последующих действиях, направленных на истребование и использование полученных сведений в доказывании.

Под телефонными переговорами имеются в виду переговоры абонентов по городской, междугородной, международной телефонной связи, а также с использованием радиотелефонной и радиорелейной, высокочастотной и космической связи. Под иными переговорами может пониматься, в частности, связь по телефаксу. Тайна переговоров с использованием радиостанций законом не охраняется, поэтому доступ к ним возможен без судебного разрешения.

Закон позволяет различать две разновидности контроля и записи переговоров, предопределяемые целями этого действия:

- контроль и запись переговоров в целях осуществления уголовного преследования;
- контроль и запись переговоров в целях защиты участников судопроизводства от преступных посягательств.

Основанием контроля и записи переговоров в целях уголовного преследования являются сведения о том, что в переговорах подозреваемого, обвиняемого и иных лиц могут содержаться фактические данные, имеющие значение для дела. Основанием контроля и записи переговоров в целях защиты участников судопроизводства выступают сведения, устанавливающие факты преступного (содержащего признаки преступления) воздействия определенных лиц на потерпевшего, свидетеля, их родственников и близких лиц. Процессуальные сведения могут дополняться гласными и негласными оперативно-розыскными мероприятиями.

Проведение контроля и записи переговоров в целях осуществления уголовного преследования ограничивается только делами о тяжких и особо тяжких преступлениях. Круг субъектов, чьи переговоры могут быть подвергнуты контролю, строго не определен. Закон относит к ним подозреваемого, обвиняемого и других лиц, чьи переговоры могут содержать сведения о преступлении либо иные сведения, имеющие значение для уголовного дела.

Особенности производства данного следственного действия:

1) контроль и запись телефонных и иных переговоров осуществляются только на основании судебного решения, в порядке ст. 165 УПК РФ.

Следователем выносится постановление о возбуждении перед судом ходатайства о контроле и записи телефонных и иных переговоров, в котором указываются:

- уголовное дело, при производстве которого необходимо применение данной меры;
- основания, по которым производится данное следственное действие;
- фамилия, имя, отчество лица, чьи телефонные и иные переговоры подлежат контролю и записи;
- срок осуществления записи;
- наименование органа, которому поручается техническое осуществление контроля и записи.

2) при наличии угрозы совершения насилия, вымогательства и других преступных действий в отношении потерпевшего, свидетеля или их близких родственников, родственников, близких лиц контроль и запись переговоров допускается по письменному заявлению указанных лиц, а при его отсутствии на основании судебного решения;

3) постановление о производстве контроле и записи телефонных и иных переговоров направляется следователем для исполнения в соответствующий орган;

4) срок производства контроля и записи телефонных и иных переговоров – до 6 месяцев.

Если необходимость в данной мере отпадает, производство контроля и записи телефонных и иных переговоров прекращается, но не позднее окончания предварительного расследования по данному уголовному делу.

5) следователь в течение всего срока производства контроля и записи телефонных и иных переговоров вправе в любое время истребовать от органа, их осуществляющего, фонограмму для осмотра и прослушивания. Она передается следователю в опечатанном виде с сопроводительным письмом, в котором должны быть указаны даты и время начала и окончания записи указанных переговоров, и краткие характеристики использованных при этом технических средств.

Закон не предусматривает предварительного прослушивания следователем произведенных записей для целей отбора относящейся к делу информации.

6) о результатах осмотра и прослушивания фонограммы следователь с участием специалиста (при необходимости), а также лица, чьи телефонные и иные переговоры записаны, составляет

протокол, в котором должна быть дословно изложена та часть фонограммы, которая, по мнению следователя, имеет отношение к данному уголовному делу.

7) фонограмма в полном объеме приобщается к материалам уголовного дела на основании постановления следователя как вещественное доказательство и хранится в опечатанном виде в условиях, исключающих возможность прослушивания и тиражирования фонограммы посторонними лицами и обеспечивающих ее сохранность и техническую пригодность для повторного прослушивания, в том числе в судебном заседании (ч.8 ст. 186 УПК РФ).

Получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами *– следственное действие, содержание которого состоит в получении следователем (дознавателем) от оператора связи сведений о дате, времени, продолжительности соединений между абонентами и (или) абонентскими устройствами (пользовательским оборудованием), номерах абонентов, других данных, позволяющих идентифицировать абонентов, а также сведений о номерах и месте расположения приемо-передающих базовых станций* (п. 24.1 ст. 5 УПК РФ).

При наличии достаточных оснований полагать, что информация о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами имеет значение для уголовного дела, получение следователем указанной информации допускается на основании судебного решения, принимаемого в порядке, установленном ст. 165 УПК РФ.

В ходатайстве следователя о производстве следственного действия, касающегося получения информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами, указываются:

1) уголовное дело, при производстве которого необходимо выполнить данное следственное действие;
2) основания, по которым производится данное следственное действие;
3) период, за который необходимо получить соответствующую информацию, и (или) срок производства данного следственного действия;
4) наименование организации, от которой необходимо получить указанную информацию.

В случае принятия судом решения о получении информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами его копия направляется следователем в соответствующую осуществляющую услуги связи организацию, руководитель которой обязан предоставить указанную информацию, зафиксированную на любом материальном носителе информации. Указанная информация предоставляется в опечатанном виде с сопроводительным письмом, в котором указываются период, за который она предоставлена, и номера абонентов и (или) абонентских устройств.

Получение следователем информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами может быть установлено на срок до шести месяцев. Соответствующая осуществляющая услуги связи организация в течение всего срока производства данного следственного действия обязана предоставлять следователю указанную информацию по мере ее поступления, но не реже одного раза в неделю.

Следователь осматривает представленные документы, содержащие информацию о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами, с участием понятых и (при необходимости) специалиста, о чем составляет протокол, в котором должна быть указана та часть информации, которая, по мнению следователя, имеет отношение к уголовному делу (дата, время, продолжительность соединений между абонентами и (или) абонентскими устройствами, номера абонентов и другие данные). Лица, присутствовавшие при составлении протокола, вправе в том же протоколе или отдельно от него изложить свои замечания.

Представленные документы, содержащие информацию о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами, приобщаются к материалам уголовного дела в полном объеме на основании постановления следователя как вещественное доказательство и хранятся в опечатанном виде в условиях, исключающих возможность ознакомления с ними посторонних лиц и обеспечивающих их сохранность.

Если необходимость в производстве данного следственного действия отпадает, его производство прекращается по постановлению следователя, но не позднее окончания предварительного расследования по уголовному делу.

Допрос *– это следственное действие,*

состоящее в получении показаний подозреваемого, обвиняемого, свидетеля, потерпевшего, эксперта и специалиста.

Основанием для вызова и допроса любого лица в качестве свидетеля является наличие сведений (фактических данных), позволяющих полагать, что ему могут быть известны какие-либо обстоятельства, имеющие значение для расследования и разрешения уголовного дела.

Основанием для допроса лица в качестве потерпевшего – физического лица является наличие фактических данных о причинении ему преступлением физического, имущественного или морального вреда. Сведения, которыми располагает потерпевший, во всех случаях имеют непосредственное значение для дела.

Основанием для допроса эксперта или специалиста является наличие в ранее данном ими заключениях таких неясностей, устранение которых возможно без проведения дополнительного исследования.

Основанием для первичного допроса подозреваемого или обвиняемого является сам факт постановки их в соответствующее процессуальное положение. Основанием для повторного допроса подозреваемого или обвиняемого являются сведения о том, что им известны фактические данные об обстоятельствах, имеющих значение для дела, либо их ходатайство. Повторный допрос по тому же самому обвинению обвиняемого, отказавшегося от дачи показаний, возможен только по его ходатайству.

Решение о производстве допроса не требует оформления.

Общие правила проведения допроса включают в себя нормы, регламентирующие:

1) основания, условия и цели допроса;
2) место, время и продолжительность допроса;
3) общие права допрашиваемого, порядок его вызова;
4) предмет допроса;
5) порядок и приемы допроса;
6) фиксация хода и результатов допроса.

1. Основания, условия и цели допроса. Общим основанием для допроса являются сведения о том, что лицо располагает интересующими расследование данными.

2. Место, время и продолжительность допроса (ст. 187 УПК РФ). Местом производства допроса является место производства предварительного следствия. Следователь вправе провести допрос в месте нахождения допрашиваемого лица.

Допрос не может длиться непрерывно более 4 часов. Продолжение допроса допускается после перерыва не менее чем на один час для отдыха и принятия пищи, причем общая продолжительность допроса в течение дня не должна превышать 8 часов. При наличии медицинских показаний продолжительность допроса устанавливается на основании заключения врача.

3. Общие права допрашиваемого, порядок его вызова. К общим правам допрашиваемого лица относятся:

- право на уважительное отношение (ст. 21 Конституции РФ; ст. 9, ч. 4 ст. 164 УПК РФ);
- право не свидетельствовать против себя, своих близких родственников и супруга (ст. 51 Конституции РФ);
- право давать показания на родном языке или на языке, которым лицо свободно владеет, а также право пользоваться услугами переводчика бесплатно (ч. 2 ст. 18; ч. 1 ст. 189 УПК РФ);
- право пользования при даче показаний документами и записями (ч. 3 ст. 189 УПК РФ);
- право на юридическую помощь (ст. 48 Конституции РФ);
- право на ознакомление с протоколом допроса, на внесение замечаний, дополнений и уточнений (ч. 6 ст. 190 УПК РФ);
- право на изготовление в ходе допроса схем, чертежей, рисунков (ч. 5 ст. 190 УПК РФ).

Свидетель, потерпевший вызывается на допрос повесткой, в которой указываются, кто и в каком качестве вызывается, к кому и по какому адресу, дата и время явки на допрос, а также последствия неявки без уважительных причин. Повестка вручается лицу, вызываемому на допрос, под расписку либо передается с помощью средств связи. В случае временного отсутствия лица, вызываемого на допрос, повестка вручается совершеннолетнему члену его семьи либо передается администрации по месту его работы или по поручению следователя иным лицам и организациям, которые обязаны передать повестку лицу, вызываемому на допрос.

Лицо, не достигшее возраста шестнадцати лет, вызывается на допрос через его законных представителей либо через администрацию по

месту его работы или учебы. Вызов таких лиц напрямую осуществляется в случаях, когда посредники прямо заинтересованы в исходе дела или могут оказать на несовершеннолетнее неблагоприятное воздействие, а также когда они не в состоянии передать информацию о вызове и обеспечить явку.

Военнослужащий вызывается на допрос через командование воинской части.

В случае неявки без уважительных причин лицо, вызываемое на допрос, может быть подвергнуто приводу либо к нему могут быть применены иные меры процессуального принуждения.

4. Общий предмет допроса определен предметом доказывания по уголовному делу (ст. 73 УПК РФ).

5. Порядок и приемы допроса. В начале допроса устанавливается личность допрашиваемого, ему разъясняются права и обязанности, и порядок проведения следственного действия. Если у следователя возникают сомнения, владеет ли допрашиваемое лицо языком, на котором ведется производство по уголовному делу, то он выясняет, на каком языке допрашиваемое лицо желает давать показания. При проведении допроса запрещается задавать наводящие вопросы (ч. 2 ст. 189 УПК РФ). Наводящими принято считать вопросы, в которых содержится ответ или информация для его формулирования. В остальном следователь свободен при выборе тактики допроса.

Допрашиваемое лицо вправе пользоваться документами и записями.

По инициативе следователя или по ходатайству допрашиваемого лица в ходе допроса могут быть проведены фотографирование, аудио- и (или) видеозапись, киносъемка, материалы которых хранятся при уголовном деле и по окончании предварительного следствия опечатываются.

Если свидетель явился на допрос с адвокатом, приглашенным им для оказания юридической помощи, то адвокат присутствует при допросе, но при этом не вправе задавать вопросы свидетелю и комментировать его ответы. Адвокат допускается к участию в допросе свидетеля после предъявления удостоверения и ордера. Свидетель и адвокат не имеют права ходатайствовать об объявлении перерыва в допросе для проведения свидания наедине и конфиденциально. Ходатайство свидетеля об отложении допроса по причине неявки избранного им адвоката не обязательно для следователя.

6. Фиксация хода и результатов допроса производится в протоколе в соответствии со ст. ст. 166 и 167 УПК РФ. Показания допрашиваемого лица записываются от первого лица и по возможности дословно. Вопросы и ответы на них записываются в той последовательности, которая имела место в ходе допроса. В протокол записываются все вопросы, в том числе и те, которые были отведены следователем или на которые отказалось отвечать допрашиваемое лицо, с указанием мотивов отвода или отказа.

Если в ходе допроса допрашиваемому лицу предъявлялись вещественные доказательства и документы, оглашались протоколы следственных действий и воспроизводились материалы аудио- и (или) видеозаписи, киносъемки следственных действий, то об этом в протоколе делается соответствующая отметка. По окончании допроса протокол предъявляется допрашиваемому лицу для прочтения. Факт ознакомления с показаниями и правильность их записи допрашиваемое лицо удостоверяет своей подписью в конце протокола. Каждый из лиц, участвовавших в допросе, должны подписать протокол.

Очная ставка *– это поочередный (одновременный) допрос двух ранее допрошенных лиц, в показаниях которых имеются существенные противоречия.*

Цель очной ставки – выяснение и по возможности устранение причин противоречий в показаниях ранее допрошенных лиц, равно как и устранение самих противоречий.

Основанием для проведения очной ставки является наличие в показаниях существенных противоречий. Существенное противоречие – это расхождение в показаниях, порождающее разумное сомнение в тех обстоятельствах, установление которых нужно для принятия процессуальных решений. Специальным условием очной ставки является обязательный предварительный допрос участников.

Очная ставка может быть проведена между любыми лицами, которые были подвергнуты допросу. Закон не запрещает произвести очную ставку между экспертами. Согласно ч. 4 ст. 283 УПК РФ целью допросов экспертов может служить преодоление противоречий между их заключениями, что предполагает возможность очной ставки между ними (например, при

противоречивых показаниях, поясняющих результаты комиссионной экспертизы).

Субъектами очной ставки являются свидетель, потерпевший, подозреваемый, обвиняемый. Очная ставка может быть проведена с этими субъектами в любом сочетании. В этом следственном действии могут участвовать также все те субъекты процесса, которые допускаются к допросу.

Особенности производства очной ставки:

1. Приступая к допросу на очной ставке, следователь опрашивает лиц, между которыми производится очная ставка, знают ли они друг друга и в каких отношениях находятся между собой.

2. Допрашиваемым лицам поочередно предлагается дать показания по тем обстоятельствам, для выяснения которых проводится очная ставка. После дачи показаний следователь может задавать вопросы каждому из допрашиваемых лиц. Лица, между которыми проводится очная ставка, могут с разрешения следователя задавать вопросы друг другу.

3. В ходе очной ставки следователь вправе предъявить вещественные доказательства и документы. Оглашение показаний допрашиваемых лиц, содержащихся в протоколах предыдущих допросов, а также воспроизведение аудио- и (или) видеозаписи, киносъемки этих показаний допускаются лишь после дачи показаний указанными лицами или их отказа от дачи показаний на очной ставке.

4. В протоколе очной ставки показания допрашиваемых лиц записываются в той очередности, в какой они давались. Каждое из допрашиваемых лиц подписывает свои показания, каждую страницу протокола и протокол в целом.

Предъявление для опознания *– это процессуальное отождествление лицом объекта, который оно ранее воспринимало* (ст. 193 УПК РФ).

Цель этого действия – установление тождества или различия между указанными лицами или объектами.

Основанием предъявления для опознания являются сведения о том, что:

1) участник процесса наблюдал определенные лицо или объект;
2) установление тождества или различия этого лица или объекта с другим лицом или объектом имеет значение для дела.

Следователь может предъявить для опознания лицо или предмет. Для опознания может быть предъявлен и труп. Опознающими являются свидетели, потерпевшие, подозреваемые, обвиняемые.

Особенности производства данного следственного действия:

1. Решение о производстве предъявления для опознания не требует оформления в виде специального постановления;

2. Опознающие предварительно допрашиваются об обстоятельствах, при которых они видели предъявленные для опознания лицо или предмет, а также о приметах и особенностях, по которым они могут его опознать;

3. Не может проводиться повторное опознание лица или предмета тем же опознающим и по тем же признакам;

4. Предъявляемые для опознания лица должны иметь внешнюю схожесть. Для этого подбираются люди одного возраста, расы, национальности. Схожесть приоритетна над возрастом, расой, национальностью и даже полом. Все опознаваемые должны быть одеты по возможности одинаково (без резких различий). Однородность предметов также предполагает их схожесть. В протоколе подробно описываются внешность и одежда предъявляемых лиц, предметы. Общее число лиц, предъявляемых для опознания, должно быть не менее трех. Это правило не распространяется на опознание трупа. Перед началом опознания опознаваемому предлагается занять любое место среди предъявляемых лиц, о чем в протоколе опознания делается соответствующая запись. Предмет предъявляется для опознания в группе однородных предметов в количестве не менее трех;

5. При невозможности предъявления лица или предмета опознание может быть проведено по фотографии, предъявляемой одновременно с фотографиями других лиц или предметов, внешне сходных с опознаваемым лицом или предметом. Также количество фотографий должно быть не менее трех.

Предъявление для опознания производится с участием не менее двух понятых. Понятые наблюдают насколько реализовано право опознаваемого занять любое место среди иных лиц. Они вправе сделать заявление по поводу правильности подбора лиц и предметов, среди которых предъявляется опознаваемый объект.

В присутствии понятых приглашается опознающий. Следует избирать такой порядок приглашения, чтобы участники следственного действия не усомнились в том, что в этот момент опознающему сообщена информация о месте нахождения объекта среди других.

Если опознающий указал на одно из предъявленных ему лиц или один из предметов, то опознающему предлагается объяснить, по каким приметам или особенностям он опознал данные лицо или предмет. Наводящие вопросы недопустимы.

В целях обеспечения безопасности опознающего предъявление лица для опознания по решению следователя может быть проведено в условиях, исключающих визуальное наблюдение опознающего опознаваемым. В этом случае понятые находятся в месте нахождения опознающего.

По окончании опознания составляется протокол в соответствии со ст. ст. 166, 167 УПК РФ.

Проверка показаний на месте *– комплексное следственное действие, сочетающее в себе признаки допроса на месте происшествия и связанных с ним событий, осмотра, следственного эксперимента и предъявления для опознания.*

Цель следственного действия – это установление новых обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела, осуществляемое путем проверки и уточнения ранее данных показаний на месте, связанном и исследуемым событием (ст. 194 УПК РФ).

Основанием производства следственного действия являются сведения (фактические данные), полученные в ходе допроса, о том, что допрашиваемое лицо действительно участвовало в определенных событиях или наблюдало их, но не располагает информацией, способной детально осветить эти события или указать на определенные объекты, либо если эти события нельзя полно описать без демонстрации имевших место действии и без совершения простейших поисковых операций. Решение о производстве проверки показаний на месте не требует специального оформления.

Проверка показаний на месте заключается в том, что ранее допрошенное лицо воспроизводит на месте обстановку и обстоятельства исследуемого события, указывает на предметы, документы, следы, имеющее значение для уголовного дела, демонстрирует определенные действия. Какое-либо постороннее вмешательство в ход проверки и наводящие вопросы недопустимы.

Доказательственное значение имеют сведения о том, что лицо, чьи показания проверяются, действительно осведомлено о происходивших событиях, знает те частности и детали, которые невозможно предугадать. Особенно ценны сведения о тех обстоятельствах преступления, которые на момент проверки показаний на месте не были известны органам расследования. Проверка показаний начинается с предложения лицу указать место, где его показания будут проверяться. Лицу, показания которого проверяются, после свободного рассказа и демонстрации действий могут быть заданы вопросы. Не допускается одновременная проверка на месте показаний нескольких лиц.

Участие понятых по общему правилу обязательно.

Особенности проведения допроса, очной ставки, опознания и проверки показаний с участием несовершеннолетних:

1. При проведении допроса, очной ставки, опознания и проверки показаний с участием несовершеннолетнего потерпевшего или свидетеля, не достигшего возраста шестнадцати лет либо достигшего этого возраста, но страдающего психическим расстройством или отстающего в психическом развитии, участие педагога или психолога обязательно. При производстве указанных следственных действий с участием несовершеннолетнего, достигшего возраста шестнадцати лет, педагог или психолог приглашается по усмотрению следователя.

2. Указанные следственные действия с участием несовершеннолетнего потерпевшего или свидетеля в возрасте до семи лет не могут продолжаться без перерыва более 30 минут, а в общей сложности – более одного часа, в возрасте от семи до четырнадцати лет – более одного часа, а в общей сложности – более двух часов, в возрасте старше четырнадцати лет – более двух часов, а в общей сложности – более четырех часов в день. При производстве указанных следственных действий вправе присутствовать законный представитель несовершеннолетнего потерпевшего или свидетеля.

3. Потерпевшие и свидетели в возрасте до шестнадцати лет не предупреждаются об ответственности за отказ от дачи показаний и за

дачу заведомо ложных показаний. При разъяснении указанным потерпевшим и свидетелям их процессуальных прав, предусмотренных соответственно ст. ст. 42 и 56 УПК РФ, им указывается на необходимость говорить правду.

4. Следователь вправе не допустить к участию в допросе несовершеннолетнего потерпевшего или свидетеля его законного представителя и (или) представителя, если это противоречит интересам несовершеннолетнего потерпевшего или свидетеля. В этом случае следователь обеспечивает участие в допросе другого законного представителя несовершеннолетнего потерпевшего или свидетеля.

5. При проведении допроса, очной ставки, опознания и проверки показаний с участием несовершеннолетнего потерпевшего или свидетеля, не достигшего возраста шестнадцати лет либо достигшего этого возраста, но страдающего психическим расстройством или отстающего в психическом развитии, по уголовным делам о преступлениях против половой неприкосновенности несовершеннолетнего участие психолога обязательно.

6. Применение видеозаписи или киносъемки обязательно в ходе следственных действий, предусмотренных гл. 26 УПК РФ, с участием несовершеннолетнего потерпевшего или свидетеля, за исключением случаев, если несовершеннолетний потерпевший или свидетель либо его законный представитель против этого возражает. Материалы видеозаписи или киносъемки хранятся при уголовном деле.

Назначение и производство экспертизы *– это следственное действие, состоящее в принятии решения о привлечении к уголовному судопроизводству лица, обладающего специальными знаниями, для производства исследования и формулирования выводов по поставленным вопросам, а также в проведении самого исследования, завершаемого составлением заключения эксперта.*

Эксперт – это лицо, обладающее специальными знаниями и назначенное в порядке, установленном УПК РФ, для производства судебной экспертизы и дачи заключения (ч. 1 ст. 57 УПК РФ).

Цель производства экспертизы состоит в установлении обстоятельств, подлежащих доказыванию по конкретному уголовному делу, посредством разрешения вопросов, требующих специальных знаний в области науки, техники, искусства или ремесла.

Основанием для назначения экспертизы является необходимость установления фактов с помощью заключения эксперта – особого источника доказательств (ст. 80 УПК РФ). Вопрос об этой необходимости решается субъектом, ведущим производство по делу. Если по делу достаточно получить справку (разъяснение) специалиста без проведения исследований, то основания для экспертизы отсутствуют. Однако в некоторых случаях назначение экспертизы является обязательным, даже при достаточности других доказательств (ст. 196 УПК РФ).

Назначение и производство судебной экспертизы обязательно, если необходимо установить:

1) причины смерти;

2) характер и степень вреда, причиненного здоровью;

3) психическое или физическое состояние подозреваемого, обвиняемого, когда возникает сомнение в его вменяемости или способности самостоятельно защищать свои права и законные интересы в уголовном судопроизводстве;

3.1) психическое состояние подозреваемого, обвиняемого в совершении в возрасте старше восемнадцати лет преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетнего, не достигшего возраста четырнадцати лет, для решения вопроса о наличии или об отсутствии у него расстройства сексуального предпочтения (педофилии);

3.2) психическое или физическое состояние подозреваемого, обвиняемого, когда имеются основания полагать, что он является больным наркоманией;

4) психическое или физическое состояние потерпевшего, когда возникает сомнение в его способности правильно воспринимать обстоятельства, имеющие значение для уголовного дела, и давать показания;

5) возраст подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего, когда это имеет значение для уголовного дела, а документы, подтверждающие его возраст, отсутствуют или вызывают сомнение.

Судебная экспертиза производится государственными судебными экспертами и иными экспертами из числа лиц, обладающих специальными знаниями.

Порядок назначения и производства

экспертизы. Признав необходимым производство экспертизы, следователь выносит об этом постановление, а в случаях помещения подозреваемого, обвиняемого, не находящегося под стражей, в медицинский или психиатрический стационар, возбуждает перед судом соответствующее ходатайство. Судебная экспертиза может быть назначена и произведена до возбуждения уголовного дела.

Содержание постановление следователя определено в ч. 1 ст. 195 УПК РФ. В нем указываются: основания назначения экспертизы; фамилия, имя и отчество эксперта или наименование экспертного учреждения, в котором должна быть произведена судебная экспертиза; вопросы, поставленные перед экспертом; материалы, предоставляемые в распоряжение эксперта.

В соответствии с ч. 3 ст. 195 УПК РФ следователь обязан ознакомить с постановлением о назначении судебной экспертизы подозреваемого, обвиняемого, его защитника, потерпевшего и разъяснить им права, предусмотренные ст. 198 УПК РФ, о чем составляет протокол. Судебная экспертиза в отношении потерпевшего, за исключением случаев, предусмотренных п. п. 2, 4 и 5 УПК РФ, а также в отношении свидетеля производится с их согласия или согласия их законных представителей.

После вынесения следователем постановления о назначении судебной экспертизы порядок его дальнейших действий зависит от того, где производится экспертиза: в экспертном учреждении или вне его.

Постановление следователя о назначении экспертизы обязательно для исполнения учреждениями, которым оно адресовано. Однако руководитель экспертного учреждения вправе возвратить постановление следователю без исполнения, если в данном учреждении нет эксперта конкретной специальности либо специальных условий для проведения исследований, указав мотивы, по которым производится возврат.

Производство экспертизы может быть поручено нескольким экспертам одной или различных специальностей (ст. ст. 200, 201 УПК РФ).

В распоряжение эксперта представляются необходимые материалы, в ряде случаев передается уголовное дело. Самостоятельно получать материалы для исследования эксперт не вправе.

Эксперт имеет комплекс прав, цель которых обеспечить ему доступ к материалам расследования и тем самым создать предпосылки дли дачи полного заключения (ч. 3 ст. 57 УПК РФ). Эксперт имеет право на, так называемую, «экспертную инициативу». Если при производстве экспертизы эксперт установит обстоятельства, имеющие значение для дела, по поводу которых ему не были поставлены вопросы, он вправе указать на них в своем заключении.

Результатом работы эксперта является его письменное заключение. Заключение эксперта одно из доказательств (ч. 1 ст. 80 УПК РФ), подлежащее оценке.

Выделяют следующие виды экспертиз:

- по субъекту исследования (числу экспертов) экспертизы могут быть единоличными и комиссионными. Комиссионная экспертиза официально определяется как исследование двух и более экспертов одной специальности (ст. 200 УПК РФ). Однако для исследования нескольких экспертов разных специальностей также применяются правила комиссионной экспертизы. Специальным основанием для назначения комиссионной экспертизы может быть высокая субъективность суждений по характеру исследования (психиатрического, психологического, наркологического), сложность, объем и трудоемкость самих исследований;
- по предмету исследования экспертиза может быть однородной (проводимой по одной специальности) или комплексной (проводимой по разным специальностям);
- по объему исследования экспертизы делятся на основные и дополнительные. Дополнительная экспертиза дополняет заключение эксперта и проводится, когда основная (первичная экспертиза) не ставится под сомнение, просто появляется необходимость получения ответов на новые вопросы;
- по последовательности проведения исследования экспертизы подразделяются на первоначальные и повторные. Повторная экспертиза производится вместо вызывающей сомнение первоначальной экспертизы по тем же вопросам и с теми же объектами. Недоверие к первоначальной экспертизе обязывает всегда поручать повторную экспертизу другому эксперту или комиссии экспертов.

Вопросы и задания для самоконтроля

1. Дайте понятие следственных действий.
2. Соотнесите понятие «следственные действия» и «процессуальные действия».
3. Обозначьте систему следственных действий.
4. Кто уполномочен проводить следственные действия?
5. Общие правила производства следственных действий.
6. Раскройте судебный порядок получения разрешения на производство следственного действия.
7. Виды следственных действий?
8. Осмотр: понятие и виды.
9. Назовите особенности осмотра трупа. Эксгумация.
10. Освидетельствование: понятие, основания и порядок производства.
11. Следственный эксперимент: понятие, основания и порядок производства.
12. Обыск: понятие и виды.
13. Назовите особенности производства обыска в жилище и личного обыска.
14. Выемка: понятие и виды.
15. Наложение ареста на почтово-телеграфные отправления, их осмотр и выемка: понятие, основания и порядок производства.
16. Контроль и запись переговоров: понятие, основания и порядок производства.
17. Получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами: понятие, основания и порядок производства.
18. Допрос: понятие и виды. Место и время допроса. Порядок вызова на допрос. Общие правила проведения допроса. Протокол допроса. Особенности допроса несовершеннолетнего потерпевшего или свидетеля.
19. Очная ставка: понятие, основания и порядок проведения.
20. Предъявление для опознания: понятие и виды. Основания и порядок предъявления для опознания. Особенности опознания трупа.
21. Проверка показаний на месте: понятие, основания и порядок производства. Отличие проверки показаний на месте от следственного эксперимента.
22. Назовите особенности производства судебной экспертизы.

Список литературы

1. Постановление Конституционного Суд Российской Федерации от 27.06.2000 г. № 11-П «По делу о проверке конституционности ч. 1 ст. 47 и ч. 2 ст. 51 УПК РФ по жалобе гражданина В.И. Маслова» // http://legalacts.ru/doc/postanovlenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-27062000-n/
2. Определение Конституционного Суда РФ от 08.11.2005 № 439-0 «По жалобе граждан СВ. Бородина, В.Н. Буробина, А.В. Быковского и других на нарушение их конституционных прав статьями 7, 29, 182 и 183 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2006. – № 5. – Ст. 633.
3. Определение Конституционного Суда РФ от 25 марта 2004 г. № 124-0 «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Власова Валерия Александровича на нарушение его конституционных прав положениями статей 115 и 165 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // https://www.referent.ru/7/6438
4. Безлепкин Б.Т. Возмещение вреда, причиненного гражданину судебно-следственными органами: Учебное пособие. – М.: Академия МВД СССР, 1979. – 204 с.
5. Белозеров Ю.Н., Рябоконь В.В. Производство следственных действий. – М.: МСШШМ МВД СССР, 1990. – 530 с.
6. Данилова Н.А., Кушниренко С.П., Николаева Т.Г., Пристанков В.Д. Использование специальных познаний в уголовном судопроизводстве (уголовно-процессуальный и криминалистический аспекты). – СПб., 2005. - 315 с.
7. Даньшина Л.И. Возбуждение уголовного дела и предварительное расследование в уголовном процессе России. – М.: Экзамен, 2003. – 192 с.
8. Захарцев С.И. Право и истина // Мир политики и социологии. – 2012. – № 9. – С. 146-152.
9. Захарцев С.И., Сальников В.П. Истина как проблема философии: классика или постмодернизм // Российский журнал правовых исследований. – 2016. – № 2(7). – С. 96-100.
10. Захарцев С.И., Сальников В.П. Продолжая дискуссию об истине // Мир политики и социологии. – 2016.

– № 1. – С. 35-43.
11. Захарцев С.И., Сальников В.П., Сальников М.В. Проблема истины в праве и юридических науках // Юридическая наука: история и современность. – 2016. – № 3. – С. 191-196.
12. Шейфер С.А. Следственные действия. Основания, процессуальный порядок и доказательственное значение. – М.: Юрлитинформ, 2004. – 184 с.
13. Шейфер С.А. Следственные действия. Система и процессуальная форма. – М.: Юрлитинформ, 2001. – 208 с.
14. Шумилин С.Ф. Следственные действия: процессуальный порядок и тактика производства. – Белгород: Кооперативное образование,, 2002. – 356 с.
15. Якимович Ю.К., Пан Т.Д. Досудебное производство по УПК Российской Федерации (участники досудебного производства, доказательства и доказывание, возбуждение уголовного дела, дознавание и предварительное следствие) : Вопросы юридической оценки и ответственности. – 2-е изд. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2004. – 314 с. – (Сер. «Учебники и учебные пособия») .

ЕПИФАНОВ Борис Васильевич,
профессор кафедры уголовного права Санкт-Петербургского университета МВД России, кандидат юридических наук, профессор (г. Санкт-Петербург, Россия)

Специальность 12.00.08 – Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право

СУБЪЕКТИВНАЯ СТОРОНА ПРЕСТУПЛЕНИЯ. Лекция

В результате изучения данной темы обучающийся должен:

Знать: *понятие, сущность и содержание субъективной стороны преступления, её роль в процессе правильной квалификации содеянного, что в конечном итоге позволит назначить лицу справедливое наказание;*

Уметь: *правильно понимать волю законодателя, поскольку диспозиции некоторых статей Особенной части УК не содержат чёткой юридической характеристики субъективной стороны, что не способствует единообразному и точному пониманию интеллектуально-волевого содержания конкретного преступления;*

Владеть: *навыками научного анализа психологического содержания данного вида преступления работниками правоохранительных органов.*

Ключевые термины: *преступление; субъективная сторона; вина; умысел; прямой умысел; косвенный умысел; невиновное причинение вреда.*

EPIFANOV B.V.

THE SUBJECTIVE SIDE OF THE CRIME. LECTURE

As a result of studying this topic, the student should:

To know: *the concept, nature and content of the subjective side of a crime, its role in the process of properly qualifying the offense, which ultimately will allow the person to appoint a fair punishment;*

To be able to*: correctly understand the will of the legislator, since the dispositions of some articles of the Special Part of the Criminal Code do not contain a clear legal description of the subjective side, which does not contribute to a uniform and accurate understanding of the intellectual will of a particular crime;*

Possess: *the skills of scientific analysis of the psychological content of this type of crime by law enforcement officers.*

Key terms: *crime; subjective side; wine; intent; direct intent; indirect intent; innocent injury.*

1. Понятие субъективной стороны и ее признаки в составе преступления

Субъективная сторона преступления имеет большое значение для усвоения курса уголовного права и использования знаний в дальнейшей судебно-следственной практике, поэтому студентам и слушателям необходимо твердо усвоить основные положения. Основным признаком субъективной стороны является вина. Вина – это психическое отношение лица к совершаемому им общественно-опасному деянию и его последствиям. В структуре субъективной стороны необходимо также хорошо усвоить учение о мотиве, цели и эмоциях личности при совершении преступлений.

По мнению А.И. Рарога, под субъективной стороной преступления понимается психическая деятельность лица, непосредственно связанная

с совершением преступления [28, стр. 41]. Подобное определение этой категории, на наш взгляд, верно лишь с психологической точки зрения. Субъективная сторона преступления – это один из элементов состава преступления, которая характеризует поведение виновного с внутренней его стороны.

С учетом теории познания и учения о составе преступления, понятие субъективной стороны можно определить в следующей редакции: «*это отражение в сознании виновного объективных признаков содеянного и отношение к ним субъекта, [22, стр. 48; 32, стр. 51-58] которая характеризуется конкретной формой вины, мотивом, целью, а в отдельных случаях и эмоциями, что она есть своеобразная «модель» объективной стороны состава в психике субъекта*».

Такая зависимость и последовательность объективного и субъективного в уголовном праве не всеми сразу понимается, поскольку противоречит генезису (возникновению, происхождению) объективного в социальной практике: сначала у субъекта возникает желание, намерение, цель, план и т.п., а потом уже эти субъективные побуждения объективируются в социальной действительности.

Поскольку субъективная сторона представляет собой отражение в сознании лица объективных признаков преступления, постольку речь о субъективной стороне как в учебном процессе при ее изучении, так и в уголовном процессе при расследовании уголовного дела может идти лишь в связи и на основе знания всей системы объективных признаков. Было бы нелогично и бесполезно при расследовании дела сначала выяснить, действовал ли виновный умышленно и с каким мотивом, а затем уже устанавливать, что он совершил или стремился совершить.

Поэтому изучение субъективной стороны в учебном процессе и установление ее признаков на практике производится на базе уже установленных объективных признаков. Предметом отражения в сознании является совокупность объективных признаков.

Уголовное право, по сути, ретроспективно (обращено назад, к прошлому). Оно всегда реагирует на уже состоявшийся акт человеческого поведения и интересуется его субъективной стороной лишь тогда, когда сознание и воля человека объективировались в определенном поступке [13, стр. 229]. Поэтому при расследовании уголовного дела процесс установления признаков (как объективных, так и субъективных) идет в обратной последовательности, ибо «вход в здание разума открывают два ключа: слово и дело». [34, стр. 10]

Субъективная сторона может быть познана через формы своего внешнего объективного воплощения, внутреннее обнаруживается во внешнем. Объективированными формами субъективной стороны являются поступки лица, в том числе речь, слова (угроза, оскорбление и т.п.).

Уголовное право придает одинаково важное значение установлению признаков как объективной, так и субъективной стороны преступления. Переоценка объективной стороны преступления в ущерб субъективным признакам приводит к так называемому объективному вменению. Объективное вменение, отвергая субъективную сторону, то есть волю и сознание действующего субъекта, ставит преступление в один ряд с общественно опасными естественными процессами, стихийными силами природы, опасными действиями животных. Отрекаясь от учета субъективной стороны, пришлось бы либо, как во времена феодализма, расценивать поступки животных как преступления, либо вообще отказаться от самого понятия преступления. О каком характере преступления могла бы идти речь, если бы субъективное отношение виновного не учитывалось при оценке содеянного? Тогда нельзя было бы различить преступление и объективно общественно опасное поведение невменяемого. Бессмысленно было бы и уголовное наказание, которое предназначено воздействовать на сознание людей (как самого виновного, так и других лиц) с целью частного и общего предупреждения преступлений.

Наоборот, переоценка субъективной стороны связана с возложением ответственности не за общественно опасные действия, а за «опасные мысли», «голый умысел», «опасное состояние личности». И то и другое извращают задачи борьбы с преступностью и ведут к нарушениям законности.

Словом, субъективная сторона преступления вытекает из объективной стороны, ею обусловливается, и они должны соответствовать друг другу.

Как уже было сказано, субъективную сторону преступления образуют вина, мотив и цель лица, совершающего преступление, а также, в отдельных случаях и эмоции.

Вина – это психическое отношение лица к совершаемому им преступлению, выраженное в форме умысла или неосторожности.

Мотив – это обусловленное потребностями человека осознанное побуждение, которым руководствовалось лицо, совершающее преступление.

Цель – это представление лица о тех желаемых изменениях во внешнем мире, которые должны произойти в результате совершения преступления.

Эмоции – это психические переживания, которые испытывает лицо до, во время или после совершения преступления. В большинстве случаев они не имеют юридического значения, однако являются конститутивным признаком в отдельных составах преступлений (ст.107 УК РФ. Убийство в состоянии аффекта, ст.113 УК РФ. Причинение тяжкого или средней тяжести вреда здоровью) и подлежат установлению.

Не все эти признаки субъективной стороны имеют одинаковое значение. Вина является обязательным признаком субъективной стороны любого преступления. Она – основной признак субъективной стороны преступления.

Мотив и цель характерны лишь для субъективной стороны составов умышленных преступлений и то не для всех: то есть они могут быть в составе преступления, а могут и не быть, что определяется законодательной конструкцией соответствующего состава преступления.

Субъективная сторона преступления двояко определяется в законе, в конкретных составах преступлений. Во-первых, она вытекает из самого текста закона, является абсолютно-определенной самим законодателем. Так, в ст. ст. 105, 111 УК прямо указана умышленная форма вины, которую надо установить, чтобы квалифицировать содеянное по данным статьям УК; в ст. ст. 109, 118 УК – указана неосторожная форма вины.

Во-вторых, она определяется при помощи различных приемов толкования (грамматического или системного) диспозиций статей УК.

В ст. 283 УК форма вины законодателем не указана, однако характер этого преступления таков, что, по мнению многих юристов, оно может быть совершено как умышлено, так и по неосторожности. В ст. ст. 158, 161 УК также не указывается форма вины, однако эти преступления могут быть совершены только умышлено. К такому выводу мы приходим путем логического толкования закона.

На умышленный характер преступления законодатель, зачастую, указывает завуалировано, путем употребления в диспозициях статей таких слов, как: «заведомо», «явно», «с целью» и др.

Многообразие признаков субъективной стороны преступления, способных точно передавать совокупность признаков объективной стороны различных преступлений, имеет важное значение при разграничении преступлений и обеспечивает большую степень точности квалификации деяний, не говоря уже о «грубом» разграничении преступлений на основании исключительно признаков субъективной стороны в тех случаях, когда по своим объективным признакам деяния идентичны. Так, например, во многом содержание умысла [8, стр. 25] виновного, его отношение к последствиям своего деяния позволяет разграничить:

- покушение на убийство и причинение тяжкого вреда здоровью, поскольку объективно могут быть и в том, и в другом случае причинены одинаковые последствия;
- хищение и неправомерное завладение автомобилем или иным транспортным средством.

Мотив отличает убийство из мести (ч. 1 ст. 105 УК) от убийства из хулиганских побуждений (ч. 2 ст. 105 УК).

Субъективная сторона преступления – это внутренний, психический мир человека, непосредственно не воспринимаемый другим лицом. Чтобы глубоко и полно познать и вскрыть в преступлении его субъективную сторону (вину, мотив, цель), надо быть хорошим психологом, умело владеть методикой расследования преступлений, допроса обвиняемого, свидетелей, потерпевшего. Поверхностное исследование дела, без стремлений понять внутренний мир виновного лица и других участников уголовного процесса, мотивировку их поступков ведет иногда к неправильным выводам.

Точное установление признаков субъективной стороны преступления способствует правильной квалификации, отграничению преступлений друг от друга, индивидуализации наказания. Так, например, Пленум Верховного Суда РФ в своем постановлении от 27 января 1999 г. «О судебной практике по делам об убийстве» указывает судам, что «необходимо отграничивать убийство от умышленного причинения тяжкого вреда здоровью повлекшего смерть потерпевшего,

имея ввиду, что при убийстве умысел виновного направлен на лишение потерпевшего жизни, а при совершении преступления предусмотренного ч.4 ст. 111 УК РФ, отношение виновного к наступлению смерти потерпевшего выражается в неосторожности» [1].

2. Вина в совершении преступления

Вина – это психическое отношение лица к совершаемому им преступлению, выражающееся в форме умысла или неосторожности.

Вина человека в совершенном деянии является необходимым условием уголовной ответственности.

Статья 5 УК РФ предусматривает ответственность лица только за те общественно опасные деяния и последствия этих деяний, в отношении которых установлена вина этого лица. В статье 8 УПК РФ предусмотрено, что никто не может быть признан виновным иначе как по приговору суда. Признание лица виновным в совершении преступления есть одновременно и признание его ответственным перед государством за общественно опасное деяние.

Проблема вины выходит за рамки уголовного права, и даже права вообще. Вина является не только правовой, но и философской, и морально-этической категорией, используемой для обоснования всех видов ответственности, существующих в обществе (правовой, моральной, общественной). Условием каждого вида ответственности является соответствующий вид вины.

Порицание и осуждение, входящие составной частью в любой вид ответственности, могут иметь место только тогда, когда поступок зависел от того, кто его совершил, когда между субъектом и совершенным им деянием существует определенная психическая связь – вина [11, стр. 6].

В теории уголовного права ранее анализировалась «оценочная» теория вины, согласно которой вина существует лишь постольку, поскольку судья по своему усмотрению сочтет заслуживающим упрека поведение обвиняемого. То есть «оценочная» теория, отрицая за виной лица качество определенного факта, принадлежащего к области «сущего», тем самым открывает неограниченный простор в решении вопроса о вине судейскому усмотрению. Все это ведет к ликвидации элементарных требований законности и позволяет суду признавать людей без вины виноватыми, когда этого требуют интересы отдельных слоев населения. «Оценочная» теория вины фактически лишает всякого юридического значения факт установления в действиях лица конкретного состава преступления, как основания уголовной ответственности, и любое усмотрение суда может быть объявлено решением вопроса о виновности подсудимого.

Вопрос о правильном понимании вины являлся предметом широкой дискуссии среди ученых – юристов в 50-е годы. В то время существовали две теории вины: «оценочная» и «психологическая». Некоторые ученые, в частности проф. Б.С. Утевский, Т.А.Сергеева, придерживались оценочной теории вины, хотя подходили, естественно, к оценке обвиняемого и его действий с точки зрения интересов государства.

В те 50-е годы в само понятие вины некоторые юристы вкладывали иное, более широкое содержание: вина по сути дела отождествлялась с понятием состава преступления, как основания уголовной ответственности. В понятие вины включались помимо умысла или неосторожности, также мотив совершения преступления, личность виновного, обстановка совершения преступления и другие обстоятельства, необходимые для установления вины лица. В частности, такой взгляд на понятие вины высказал А.Я. Вышинский в своем выступлении на заседании Ученого совета Института права академии Наук СССР 5 февраля 1953 года и в опубликованной им после этого статье «Некоторые вопросы науки советского права» [6]. Б.С. Никифоров и Т.Л. Сергеева также вкладывали в то время в понятие вины довольно широкое содержание, относя к ней весь комплекс объективных и субъективных обстоятельств [3, стр. 69-70, 83-84]

По сути дела терминология, употребляемая в уголовном процессе и в настоящее время отражает подобный взгляд на вину, поскольку такие выражения как: «признать виновным», «обвиняется», «обвинительное заключение», «обвинительный приговор», «отягчающие вину обстоятельства» и т.д. в какой-то степени отождествляют понятие вины с основанием уголовной ответственности.

«Психологическая» теория вины – это та, которая сейчас закреплена в уголовном праве. Согласно данной теории, вина – это психическое отношение субъекта к совершенному им преступлению, выраженное в форме умысла или неосторожности. Для преступника вина – это его личное, субъективное, психическое отношение к

тому, что он совершил. Для всех прочих лиц вина преступника (в том числе, конечно, и для суда) – это факт объективной действительности, который надо установить и доказать.

Это объясняется тем, что содержанием вины, во-первых, является отражение в сознании лица объективных признаков ситуации и совершаемого деяния; во-вторых, вина характеризуется не только как отражение, но и психическое отношение субъекта к совершаемому деянию и его общественно опасным последствиям, то есть характеризует саму личность виновного, его социальную позицию.

Исследуя социальную сущность вины, иногда говорят о степени вины. Это категория не юридическая. В подобных случаях речь идет о характеристике глубины деформированности личности субъекта в процессе совершения им преступления.

Следовательно, *социальную сущность вины составляет отрицательное (что характерно для умысла), либо пренебрежительное, или недостаточно внимательное (что характерно для неосторожности) психическое отношение к основным социальным ценностям, проявившееся в конкретном преступном деянии* [27, стр. 57].

Психические процессы отражения объективной действительности и отношение к ней, происходящие в сознании человека, неразрывны. Проф. В.Н. Мясищев писал по этому поводу: «В психике и в сознании осуществляется и отражение действительности и отношение к ней. Оба эти понятия представляют единство, потому что в них дано отражение единым субъектом объективной действительности и отношение этого же субъекта к объективной действительности» [23, стр. 109].

Задача органов следствия и суда состоит в том, чтобы установить объективно существующий для них факт виновности лица в совершении определенного преступления, то есть его психическое отношение к содеянному. Обвинение должно быть основано не на субъективном мнении следователя и судьи, а на фактах, подтверждающих умышленное или неосторожное совершение лицом определенного преступления.

Другое дело, что объективно для окружающих существующее отношение субъекта к преступному деянию и его последствиям, называемое виной, не одобряется, а осуждается (порицается) как государством, так и обществом.

Существенная черта вины, с точки зрения этики, заключается в ее моральной предосудительности, то есть в противоречии психического отношения субъекта преступления моральным, этическим, ценностным взглядам людей. В понятие «вина» вкладывается осуждение, порицание, а не одобрение поступка человека. В общественно-полезной деятельности человека вины нет. Умысел и неосторожность проявляются у человека по отношению к любым действиям и поступкам. Но когда речь идет о вине, как психическом отношении человека к совершению не вообще поступка, а преступления, то речь идет о порицаемом психическом отношении.

В Российском уголовном праве и уголовном законе выделяют две формы вины. Согласно закону, вина проявляется в форме умысла (ст. 25 УК) и в форме неосторожности (ст. 26 УК).

Каждая из этих форм вины, в свою очередь, подразделяется на виды.

Умысел подразделяется на прямой и косвенный. Неосторожность подразделяется на легкомыслие и небрежность.

Вина может существовать только как определенное психическое отношение к совершению конкретного преступления, то есть вина есть всегда в конкретном деянии, а не во вредном образе мыслей вообще. Следовательно, вина неотделима от этих двух психических форм. Причем, не существует просто умысел или просто неосторожность. Можно говорить лишь о конкретном умысле на кражу или конкретной неосторожности в причинении вреда здоровью определенного лица. Если в конкретном случае нельзя установить ни признаков умысла, ни признаков неосторожности, либо, если закон предусматривает вину только в форме умысла, например, при причинении легкого вреда здоровью, а субъект допустил это деяние по неосторожности, то в таких случаях вина вообще отсутствует, ибо для того, чтобы быть виной, психическое отношение субъекта к деянию должно отвечать установленным в законе признакам вины. Всю гамму переходов в отношении лица к совершенному им общественно опасному деянию и его последствиям законодатель уложил в четыре ступени: прямой и косвенный умысел, преступное легкомыслие и преступная небрежность.

Непрерывное законодатель изложил в виде прерывного, сознательно упрощая, игнорируя переходы от прямого к косвенному умыслу, от

косвенного умысла к легкомыслию.

Конечно, в конкретных случаях эти переходы обнаруживаются, и тогда возникает спор, что имелось в данном случае – прямой или косвенный умысел, например при осознании виновным возможности наступления ненужного ему результата. Однако законодатель не мог пойти по другому пути. Если бы он пошел по пути более дробной градации форм и видов вины и установил бы не четыре, а, например, восемь ступеней вины, то на практике пришлось бы спорить о переходах от одной формы и одного вида вины уже не в трех случаях как сейчас (от прямого к косвенному умыслу, от косвенного умысла к легкомыслию, от легкомыслия – к небрежности), а в восьми случаях. Практическое решение уголовных дел от этого лишь проиграло бы [15, стр. 56].

При выборе понятий для определения субъективной стороны преступления законодателю приходится руководствоваться не только полнотой описания в законе психических процессов и состояний, но и реальной возможностью для следствия и суда в подавляющем большинстве случаев выполнить требования закона по доказыванию субъективной стороны преступного деяния.

Поэтому за пределами субъективной стороны остаются эмоции (чувства), сопровождающие совершение преступление. Эмоции и оценки, несомненно, по существу характеризуют субъективную сторону преступления с точки зрения общественной опасности субъекта, мотивов и побуждений совершения преступления, однако, трудность их установления и доказывания такова, что включение их в число юридически значимых элементов субъективной стороны оказалось бы бесполезным или даже вредным, так как влекло бы значительное число ошибок.

Лишь в отдельных случаях эмоции учитываются законодателем в качестве признака состава преступления (ст.ст. 107, 113 УК), а также в качестве смягчающих наказание обстоятельств (ст. 61 УК).

Практическое значение деления вины на формы и виды, и раскрытие содержания каждого из них состоит в том, что при их помощи дифференцируются преступные деяния, уточняются психическое отношение лица к содеянному, умышленные деяния ограничиваются от неосторожных, а виновные – от невиновных.

3. Прямой умысел

Ст. 25 УК РФ дает следующее определение прямого умысла: «Преступление признается совершенным с прямым умыслом, если лицо, осознавало общественную опасность своих действий (бездействия), предвидело возможность или неизбежность наступления общественно опасных последствий и желало их наступления».

Прямой умысел является наиболее опасной формой вины. Большинство убийств совершается с прямым умыслом.

В целях лучшего уяснения этого понятия необходимо проанализировать признаки, характеризующие прямой умысел. Известно, что интеллект человека предполагает его способность понимать происходящее, рассуждать, осознавать, осмысливать условия, в которых действует лицо, и тех путей, которые могут привести к наступлению поставленной цели.

Деятельность человека всегда связана с определенным эмоциональным, чувственным отношением к своим поступкам, к объекту, на который она направлена, к окружению. Эмоциональный момент при совершении преступления выражается в форме удовольствия, страха, радости, гнева и т.п.

Однако эмоции не являются составными элементами той или иной формы вины, но иногда законодатель учитывает их, характеризуя, например, такое преступление, как убийство, совершенное в состоянии аффекта (ст.107 УК).

Человек всегда действует волевым образом. Воля – это целенаправленная деятельность человека, она является «определенным образом организованной совокупностью желаний, выражающихся в поведении» [24, стр. 357].

Волю нельзя рассматривать как психическую способность, оторванную от мышления. Всякое волевое действие предполагает в той или иной мере осмысливание условий, в которых действует человек. Поэтому по своему психологическому содержанию вина включает в себя не только интеллектуальные, но и волевой моменты (признаки).

Прямой умысел характеризуется следующими признаками (Рис. 1)

Для наличия прямого умысла необходима совокупность всех трех признаков: двух интеллектуальных и одного волевого. Рассмотрим каждый из этих признаков.

1. Осознание общественной опасности своего

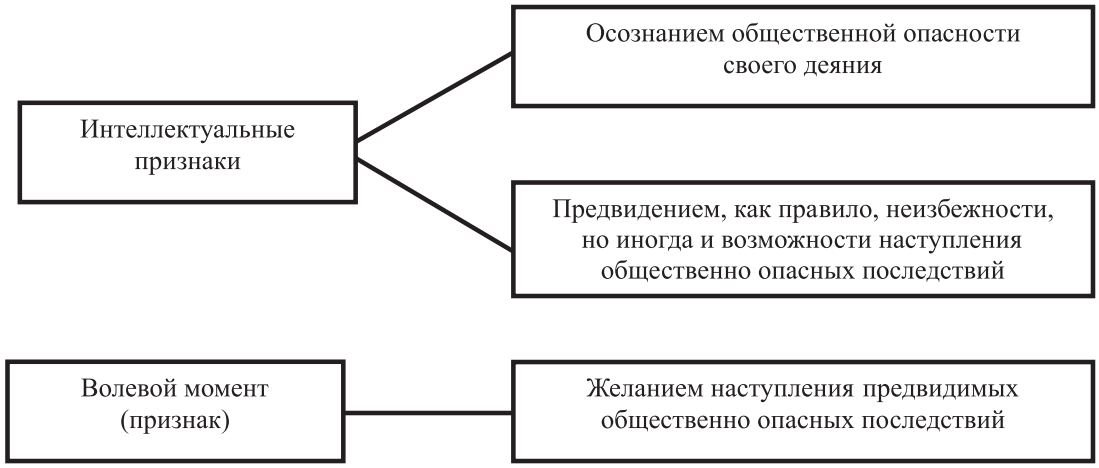


Рис. 1. Признаки прямого умысла

деяния означает, что лицо вполне понимает не только фактическую сторону происходящего, но и вредность своего поведения для общественных отношений.

Весь уклад повседневной жизни (воспитание, образование, социальный опыт) вырабатывает у граждан такое представление к 14 (16) годам и даже раньше.

Осознания противоправности и наказуемости своего деяния у лица может и не быть (незнание закона не освобождает от ответственности именно в силу этого обстоятельства), но осознание общественной опасности своего деяния должно присутствовать.

Лишь в очень редких случаях лицо может не осознавать общественной опасности деяния, понимая его фактические обстоятельства. Так, военнослужащий, из только что призванных в армию, не изучавший еще ни уставов, ни приказов, пререкается со старшими по званию, не повинуется младшим командирам, считая их ничуть не опытнее себя. Осознавая фактическую сторону своего поведения, этот солдат еще не понимает его общественной опасности, того факта, что на дисциплине, на повиновении зиждется армия, что неисполнение приказа среди воинских преступлений считается одним из самых тяжких, оно первым стоит в главе «Преступления против военной службы».

Дача взятки также не всеми воспринимается как общественно опасное деяние. Желание «отблагодарить» не связано у этих лиц с осознанием общественной опасности преступления, так как исторически люди полагали, что если не отблагодарить чиновника, то он не будет выполнять добросовестно свои обязанности. Люди достаточно глубоко не анализируют подобное поведение.

Осознание общественной опасности своего деяния присуще любому умышленному преступлению. Осознание это относится к настоящему, к тому, что делает субъект в момент совершения преступления.

2. Предвидение возможности или неизбежности наступления общественно опасных последствий своих действий.

Этот признак прямого умысла необходимо устанавливать, как правило, для «материальных» составов преступлений. Это признак означает, что лицо не только осознает общественную опасность своего деяния, но и предвидит, к каким последствиям приведет его действие или бездействие, хотя бы в самых общих чертах. Вопрос о предвидении общественно опасных последствий должен решаться не абстрактно, а конкретно, применительно к тому преступлению, которое вменяется в вину данному лицу. Если здоровый парень сбивает с ног пожилого человека и ногами, обутыми в сапоги, со всей силой бьет лежащего по голове, груди, животу, то очевидно, что он предвидит реальную возможность или неизбежность наступления смерти своей жертвы.

И, наоборот, лицо, хотевшее ограбить прохожего (но у того ничего не оказалось), с досады перочинным ножом ударяет потерпевшего в ягодицу, а тот умирает от потери крови, вряд ли предвидело такой исход. Он может быть осужден за разбой, за причинение вреда здоровью, но

только не за убийство. Убийство может быть признано лишь тогда, когда установлено, что лицо предвидело возможность или неизбежность наступления смерти потерпевшего, как последствия своих действий. Точно также должен решаться вопрос и в отношении причинения вреда здоровью и других общественно опасных последствий.

Что касается формальных составов преступлений, то в них отсутствует в субъективной стороне предвидение наступления вредных последствий, а желание направляется на совершение общественно опасного деяния. То есть субъект осознает общественно опасный характер своего деяния и желает совершения тех действий, что описаны в диспозиции статьи Особенной части УК, например, ст. 291. Дача взятки.

В преступлениях с двумя последствиями (ст. 111 ч. 4 УК), одно из которых влечет за собой другое, лицо к первому последствию относится умышленно, а ко второму – неосторожно.

3. Волевой признак умысла характеризуется желанием наступления общественно опасных последствий, то есть приложением своих усилий к тому, чтобы эти последствия наступили. Об этом свидетельствует характер действий, совершаемых виновным, для достижения своей цели. Только с прямым умыслом совершается: захват заложника (ст.206 УК), изнасилование (ст.131 УК), бандитизм (ст.209 УК) и многие другие преступления.

«При решении вопроса о направленности умысла виновного следует исходить из совокупности всех обстоятельств содеянного и учитывать, в частности, способ и орудие преступления, количество, характер и локализацию телесных повреждений (например, ранения жизненно важных органов человека), предшествующее преступлению и последующее поведение виновного и потерпевшего, их взаимоотношения», – разъяснил Пленум Верховного Суда РФ [1].

Под направленностью умысла понимается мобилизация интеллектуально-волевых усилий виновного на совершение деяния, посягающего на определенный объект, совершающего это деяния определенным способом, причиняющего конкретные последствия, с учетом личности виновного, а также смягчающих и отягчающих обстоятельств [27, стр. 68].

4. Косвенный умысел

Ст. 25 УК РФ дает следующее определение косвенного умысла: «Преступление признается совершенным с косвенным умыслом, если лицо осознавало общественную опасность своих действий (бездействия), предвидело возможность наступления общественно опасных последствий, не желало, но сознательно допускало эти последствия, либо относилось к ним безразлично».

Признаки косвенного умыслаотображены на рис. 2.

Рассмотрим этот умысел на следующем примере: Кешоков в состоянии алкогольного опьянения в фойе гостиницы «Домбай» поссорился с Хадиковым В. и избил его. Подбежавший Хадиков Т. пытался увести своего брата, но Кешоков нанес ему удар ногой, обутой в туристический ботинок, в нижнюю часть живота, причинив тяжкий вред здоровью – разрыв мочевого пузыря. Кешоков был осужден по ч. 1 ст. 111 УК РФ.

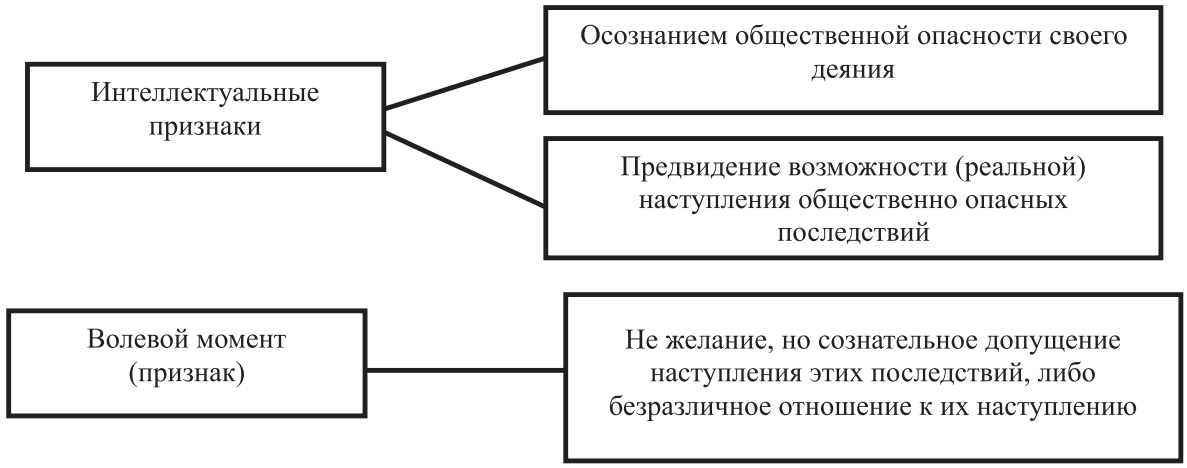


Рис. 2. Признаки косвенного умысла

Постановлением президиума областного суда приговор изменен, действия Кешокова переквалифицированы с ч. 1 ст. 111 УК на ч. 1 ст. 118 УК – причинение тяжкого вреда здоровью по неосторожности.

Заместитель Прокурора РФ внес в Судебную коллегию по уголовным делам Верховного Суда РФ протест об отмене постановления президиума областного суда.

Судебная коллегия протест удовлетворила, указав следующее: вывод о том, что Кешоков причинил Хадикову Т. тяжкий вред здоровью по неосторожности, президиум мотивировал тем, что Кешоков при нанесении удара не предвидел возможности наступления тяжких последствий, что Хадиков Т. в ссоре не участвовал и повреждения получил, когда проходил мимо. Доводы президиума ошибочны. Показаниями потерпевших Хадикова Т., Хадикова В., свидетелей Хетагурова и Хадикова Ф. Установлено, что Хадиков Т. подбежал к Кешокову и пытался увести брата, однако Кешоков в связи с этим ударил его ногой в нижнюю часть живота. Нанося удар обутой в туристический ботинок ногой в живот потерпевшему, Кешоков предвидел и сознательно допускал возможность причинения потерпевшему тяжкого вреда здоровью. Его действия судом правильно были квалифицированы по ч. 1 ст. 111 УК РФ. Оснований для квалификации содеянного Кешоковым по ч. 1 ст. 118 УК РФ у президиума областного суда не было.

В литературе косвенный умысел называют еще эвентуальным (eventus), то есть возможным при соответствующих обстоятельствах.

Интеллектуальные признаки косвенного умысла сходны с интеллектуальными признаками прямого умысла. Различаются эти виды умысла, в основном, по волевому признаку:

- при прямом умысле лицо желает наступления определенных последствий;
- при косвенном умысле субъект сознательно допускает их наступление, ничего не предпринимает для предотвращения этих последствий или относится к их наступлению безразлично.

При косвенном умысле результат не нужен виновному ни в качестве конечной цели, ни в качестве средства достижения какой-либо другой цели. В этом случае лицо не заинтересовано в наступлении общественно опасных последствий своих действий.

Специфика косвенного умысла (не желание, а сознательное допущение результата) в том именно и состоит, что виновный, предвидя, что его действие причинит ненужный ему результат, тем не менее, совершает это действие, не рассчитывая при этом на какие-либо конкретные обстоятельства (на авось), которые, по мысли виновного, должны были бы предотвратить наступление результата. Если такой расчет имеется, но оказывается легкомысленным, виновный действует неосторожно (легкомысленно).

Ответственность за преступление, совершенное с косвенным умыслом, наступает только при фактическом наступлении общественно опасных последствий, которые произошли при сознательном их допущении, то есть в преступлениях с материальным составом.

Эвентуальный умысел, – и в этом его особенность, – предполагает, что результат, который, не желая, сознательно допускает виновный, именно, эвентуален, то есть может наступить, но может и не наступить.

5. Иные разновидности умысла

Судебная практика и теория российского уголовного права подразделяют умысел еще на несколько видов.

По направленности различают:

1.Определенный умысел – когда лицо стремится к достижению определенного результата – например, незаконному пересечению Государственного границы Российской Федерации (ст. 322 УК). Субъект точно знает, чего он хочет и направляет свои усилия на достижение именно этого результата, другой ему не нужен. В этих случаях ответственность наступает согласно достигнутому результату.

2.Альтернативный умысел – это разновидность определенного умысла, когда преступник предвидит два или несколько возможных последствий и любого из них желает. Из мести преступник наносит потерпевшему удар ножом в живот, предвидит возможность наступления вследствие этого либо смерти потерпевшего, либо причинения тяжкого вреда здоровью и желает любого из этих последствий. В этих случаях ответственность должна наступать по направленности умысла на самое тяжкое последствие.

3. Неопределенный (неконкретизированный) умысел – имеется в том случае, когда лицо осознает общественно опасный характер своего деяния, предвидит наступление общественно

опасных последствий в общем виде, без их конкретизации, и желает любого из них, лишь бы был результат. Например, при избиении жертвы в драке виновный осознает, что причиняет вред здоровью, но не знает, какой он будет по степени тяжести. В этих случаях ответственность наступает по фактически наступившим последствиям.

Неопределенный умысел может быть как прямым, так и косвенным.

При прямом неопределенном умысле виновный не имеет конкретного представления, какой он причинит вред, но желает наступления любого вреда. Например, лицо вскрывает сейф с целью кражи денег, не имея точного представления об их количестве. В этих случаях содеянное квалифицируется по сумме похищенного. Косвенный умысел всегда неопределенен.

По *времени формирования* различают умысел:

Внезапный, (внезапно возникший) который возникает непосредственно перед совершением преступления и тотчас реализуется. Например, убийство либо причинение тяжкого или средней тяжести вреда здоровью в состоянии внезапно возникшего сильного душевного волнения (ст. 107, 113 УК РФ).

В данных случаях внезапный аффектированный умысел влияет на квалификацию содеянного.

В других случаях (кража, изнасилование и т.д.) он не влияет на квалификацию, но учитывается судом при назначении наказания (трудно сказать, кто более опасен: тот, кто готовится к преступлению, например, разбою, или тот, кто не раздумывая, нападает на человека с целью хищения).

Аффектированный умысел вызывается сильным душевным волнением, возникающим в результате насилия, тяжкого оскорбления либо иных противоправных или аморальных действий, совершенных потерпевшим.

Внезапность возникновения аффекта – это немедленная реакция на событие, вызвавшее сильное душевное волнение, которое является необходимым признаком аффектированного умысла.

Состояние аффекта неизбежно снижает контроль субъектом своих действий, а тем самым и степень ответственности за неправомерные действия.

Заранее обдуманный умысел всегда возникает до начала совершения преступления. Преступник вынашивает план, обдумывает способ, средства совершения преступления, подыскивает соучастников и т.п. действия так называемых предумышленных преступлений.

В судебной практике чаще совершаются преступления заранее не готовящиеся, так называемые ситуативные преступления.

6. Неосторожность и ее виды

В современных условиях технического прогресса повышаются требования к поведению людей при эксплуатации технических систем, их ответственности, ибо тяжесть последствий неосторожного поведения людей существенно повышается. Вот только один пример из следственной практики, свидетельствующий о том, к чему приводят безответственные поступки людей.

31 августа 1986 года близ Новороссийска потерпел аварию пароход «Адмирал Нахимов», столкнувшись с теплоходом «Петр Васев». Катастрофа принесла большие человеческие жертвы. Причиной столкновения судов были многочисленные нарушения правил безопасности движения морского транспорта, допущенные судоводителями обоих судов [33].

Неосторожные преступления совершаются в различных сферах деятельности человека – на производстве, в сфере управления, на транспорте, в медицинской практике, в быту и т.д. К примеру, на дорогах Франции за послевоенные годы (с 1946 по 1987 г.г.) погибло 350 тыс. человек и 8 млн. ранено. Во всем мире за это же время ушло из жизни около 3-х млн. человек и 100 млн. ранено [12, стр. 9].

Лиц, совершивших неосторожные преступления, характеризует следующая особенность: если субъекты умышленных преступлений прямо или косвенно противопоставляют свою волю интересам личности, общества, государства, то социально-психологической причиной неосторожных преступлений является безответственность, неаккуратность, невнимательное отношение к существующим в обществе правилам поведения, правилам эксплуатации техники [10, стр. 8].

Расшатанность дисциплины и принижение ответственности ушли своими корнями слишком глубоко и все еще больно дают о себе знать. Именно преступная безответственность и расхлябанность – главные причины таких трагических событий, как авария на Чернобыльской атомной электростанции, авария на Саяно-Шушенской ГЭС (погибло 75 человек), гибель 156 человек в

результате возгорания в кафе «Хромая лошадь», ряда авиационных и железнодорожных катастроф, повлекших человеческие жертвы.

Ст. 26 УК РФ определяет неосторожную вину следующим образом:

1. Преступлением, совершенным по неосторожности, признается деяние, совершенное по легкомыслию или небрежности.

2. Преступление признается совершенным по легкомыслию, если лицо, предвидело возможность наступления общественно опасных последствий своих действий (бездействия), но без достаточных к тому оснований самонадеянно рассчитывало на предотвращение этих последствий.

3. Преступление признается совершенным по небрежности, если лицо не предвидело возможности наступления общественно опасных последствий своих действий (бездействия), хотя при необходимой внимательности и предусмотрительности должно было и могло предвидеть эти последствия.

Таким образом, закон различает два вида неосторожной вины: преступное легкомыслие и преступную небрежность.

По неосторожности совершаются, как правило, преступления с материальными составами, т.е. уголовная ответственность за неосторожные деликты наступает при реальном наступлении общественно-опасного последствия.

В законе даже не говорится о том, что лицо должно осознавать общественно опасный характер своего действия или бездействия. Это обусловлено тем, что при совершении неосторожных преступлений, действие или бездействие виновного, взятое без последствий, может и не быть общественно опасным, поскольку лицо совершая действие (бездействие) нарушает какие либо правила, которые не регулируются нормами УК РФ. Например, ст.143. Нарушение требований охраны труда. Но если указанное деяние повлекло за собой общественно опасный результат, то оно, в целом, уже образует объективную сторону неосторожного преступления.

Преступное легкомыслие проявляет лицо в том случае, когда оно предвидит возможность наступления общественно опасных последствий своего действия или бездействия, но без достаточных к тому оснований самонадеянно рассчитывает на их предотвращение.

Наиболее распространенными, типичными случаями совершения преступлений в виде легкомыслия являются нарушения правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств – ст.ст. 264 , 350 УК РФ.

Водитель, солдат срочной службы вел автомашину, в кузове которой находились военнослужащие, возвращавшиеся с работы в часть. Шел дождь, дорога была скользкая, а водитель, несмотря на неоднократные напоминания старшины, ехавшего в кабине, снизить скорость, вел машину с большой скоростью, отвечая старшине, что не волнуйся, мол, все будет в порядке. Но на одном из поворотов, при резком торможении, автомашину занесло, развернуло, она свалилась в кювет и перевернулась. Из числа военнослужащих, находившихся в кузове, один солдат получил тяжкий вред здоровью, а другим был причинен легкий вред здоровью и ушибы.

Легкомыслие этого шофера выражалось в том, что он предвидел возможность наступления общественно опасных последствий своего поведения, но самонадеянно рассчитывал на их предотвращение.

В законе (ст. 26 УК РФ) преступное легкомыслие характеризуется двумя признаками:

1. Интеллектуальным – предвидением возможности наступления общественно опасных последствий;

2. Волевым – без достаточных к тому оснований самонадеянно рассчитывало на предотвращение этих последствий.

Ученые-юристы юридического факультета СПбГУ считают, что хотя в законе и не говорится о том, что лицо осознает общественно опасный характер своих действий при легкомыслии, однако, рассуждая логически, можно прийти к выводу, что если субъект предвидит возможность наступления общественно опасных последствий своих действий, он обязательно осознает общественно опасный характер и самих действий, ибо предвидение опасности последствий возможно лишь при понимании опасности действий [21, стр. 423-426]. Иная конструкция интеллектуальных признаков представляется логически невозможной.

Другие авторы или умалчивают об этом, или говорят о возможности или обязанности осознания общественной опасности совершенного деяния [10, стр. 123; 35, стр. 87].

Вряд ли следует согласиться с мнением ученых-юристов СПбГУ потому, что какой бы мы пример ни взяли с легкомысленной виной,

субъект всегда нарушает какое-то правило поведения. Но нарушение этих правил не регламентировано нормами УК РФ. Это поведение само по себе не преступно. Например, водитель, превышая разрешенную правилами дорожного движения скорость, осознает этот факт и полностью понимает происходящее. Эти правила установлены для того, чтобы избежать возможного наступления вредных последствий. Если субъект предвидит возможность наступления общественно опасных последствий своих действий, очевидно, он осознает и то, что он нарушает правила, то есть совершает общественно опасные действия, не являющиеся преступлением.

Указанные действия, не будучи преступными без последствий, не являются общественно опасными в уголовно-правовом смысле слова и субъект это осознает.

Предвидение возможности наступления общественно опасных последствий заключается в том, что лицо предвидит абстрактную возможность (не неизбежность, как при прямом умысле или конкретную, реальную возможность при косвенном умысле) наступления общественно опасных последствий, понимает, что при таком поведении в подобных ситуациях могут наступить эти последствия, но самонадеянно рассчитывает, что в данном конкретном случае у него они не наступят (с кем-то происходили, кто-то попадал в аварию в подобных случаях, командир проводил инструктаж и предупреждал, – все эти обстоятельства обязывают человека прислушаться к голосу рассудка и поступать таким образом, чтобы исключить возможность наступления общественно опасных последствий).

Волевой признак характеризуется тем, что лицо самонадеянно рассчитывает на предотвращение вредных последствий, но этот расчет оказывается недостаточным для предотвращения опасных последствий. Расчет субъекта основывается на реальных факторах (профессиональная подготовка, большой опыт, хорошая реакция, благоприятные погодные условия, надежные тормоза и др.), однако расчет на эти обстоятельства оказывается не глубоким, легкомысленным. Следовательно, лицо не только не желает наступления вредных последствий, но и рассчитывает на какие-то конкретные обстоятельства, которые дают возможность избежать опасных последствий. Но этот расчет оказывается поверхностным, не серьезным, не основательным. Что-то не учитывается, и – наступают вредные последствия.

При расследовании уголовного дела необходимо установить, а насколько реальными были те обстоятельства, на которые рассчитывал виновный. Если это была надежда на случай, на «авось», на свою «счастливую судьбу», то деяние относится к категории умышленного преступления. При решении этого вопроса учитывается также и личные качества виновного: возраст, стаж работы, квалификация и т.п. данные.

По своим интеллектуальным признакам преступное легкомыслие стоит очень близко к косвенному умыслу и отличается, главным образом, по волевому моменту. Поэтому от легкомысленной надежды на предотвращение вредных последствий своего деяния, базирующейся на реальных факторах, надо отличать так называемую надежду на «авось», то есть такую, которая не имеет достаточно реальной основы, на счастливое стечение обстоятельств, везение. Так, например, сталкивая в штормовую погоду человека, не умеющего плавать с крутого берега или пирса, виновный не имеет никаких реальных оснований на то, что тот не утонет. В случае его гибели подобное деяние следует рассматривать как преступление, совершенное с косвенным умыслом. Разница между косвенным умыслом и преступным легкомыслием заключается в том, что в первом случае лицо сознательно допускает наступление предвидимых последствий, или безразлично относится к их наступлению, а во втором, самонадеянно рассчитывает их предотвратить [5, стр. 38].

А.И.Рарог отмечает, что осознание лицом общественной опасности совершенного деяния не является обязательным признаком легкомыслия, поскольку оно прямо не вытекает из закона, тем не менее, оно типично для преступлений совершенных по легкомыслию. Здесь речь идет не просто о неосторожных преступлениях, а о преступлениях, совершенных с использованием источника повышенной опасности [28, стр. 94-96].

Граница между легкомыслием и косвенным умыслом в конкретной жизненной ситуации при использовании источника повышенной опасности весьма тонка. По своим интеллектуальным признакам преступное легкомыслие стоит очень близко к косвенному умыслу и отличается, главным образом, по волевому моменту. Поэтому,

от легкомысленной надежды на предотвращение вредных последствий своего деяния, базирующихся на реальных факторах, надо отличать так называемую надежду на «авось», то есть на счастливое стечение обстоятельств, везение.

Современные автомобили в случае «перепрошивки» компьютера способны развивать огромную скорость до 300 км/час и даже более. Возникает вопрос, как квалифицировать действия таких водителей, которые умышленно, демонстративно нарушают скоростной режим.

В отмененном ныне постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 6 октября 1970 года № 11 «О судебной практике по делам об автотранспортных преступлениях» в п.5 отмечалось, что субъективную сторону этих деяний определяет неосторожное отношение лица к возможности наступления общественно опасных последствий при нарушении им правил (дорожного движения), а в п. 10 этого же постановления уже имелась оговорка: если водитель не был виновен в **преступном** нарушении указанных правил [31, стр. 222].

Хочется отметить, что уже в те времена поднималась проблема установления формы вины в случае преступного нарушения указанных правил. Так называемые представители «золотой молодежи», «мажоры», «стритрейсеры», устраивающие гонки на дорогах, рассчитывают, как представляется, не столько на предотвращение вредных последствий, сколько на их ненаступление, то есть, в большей степени на «авось». В процессе управления автомобилем в подобной ситуации меняется не только характер и степень общественной опасности содеянного, но и форма вины, то есть совершается преступление с косвенным умыслом. Это уже, скорее, преступление против личности, но не против безопасности дорожного движения.

При одной и той же правовой семье уголовно-правовая оценка поведения виновных в России и в ФРГ кардинально меняется. Так, например, Земельный суд Берлина приговорил двух «стритрейсеров» к пожизненному лишению свободы. Эти водители 25 и 28 лет в ночь на 1 февраля 2016 г. устроили нелегальные гонки в Берлине. Один из гонщиков врезался в «Джип». От удара внедорожник перевернулся, а сидевший за рулем 69-летний водитель в результате ДТП погиб. Чтобы дать правовую оценку этого преступления, суду потребовался целый год. Изучая дело, прокуратура квалифицировала его как убийство. Она аргументировала это следующим образом: устроители уличной гонки, хотя и не намеревались кого-либо убивать, все же не исключали возможности смертельных последствий.

Совсем иная правовая оценка подобному деянию будет дана в России. 25-летний Вартан Саркисов в центре Москвы на скорости 145 км/час на «Порш Кайен» сбил человека на пешеходном переходе. Он протащил потерпевшего еще 500 метров и врезался в припаркованные автомобили. В результате этого человека разорвало буквально на части. Водитель с места происшествия сбежал. Сам он тоже получил повреждения. В больнице выяснилось, что водитель бы не только пьян, но и употреблял наркотики [30].

По ч. 4 ст. 264 УК РФ предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок от двух до семи лет. Думается, что именно это и грозит В.Саркисову. Вряд ли в подобной ситуации ему будет вменено убийство по ст. 105 УК РФ, совершенное с косвенным умыслом. Решение проблемы относительно квалификации содеянного упирается в судебную практику.

Преступную небрежность проявляет лицо, если оно: не предвидело возможности наступления общественно опасных последствий своих действий (бездействия), хотя при необходимой внимательности и предусмотрительности должно было и могло предвидеть эти последствия («случайные» выстрелы при чистке оружия).

Небрежность существенно отличается от прямого и косвенного умысла и легкомыслия. При преступной небрежности сознание лица не охватывает возможных общественно опасных последствий совершенных действий. Однако для него существует возможность их предвидеть и благодаря этому избежать или предупредить их наступление. То есть в данной ситуации лицо не проявляет необходимой предусмотрительности, внимательности к интересам службы. Так, лесник Ефимов без уважительных причин не выходил на работу с 21 декабря 1995 г. по 9 января 1996 г., вследствие чего во вверенном ему под охрану обходе лесничества была произведена незаконная порубка леса на 496373 рубля. Эти два признака небрежной вины называются объективным и субъективным критериями, которые обязательно устанавливаются при расследовании преступлений, совершенных по небрежности.

Объективный критерий (должно было)

отвечает на вопрос, а обязано ли было лицо предвидеть соответствующие общественно опасные последствия? Эта обязанность может возникнуть в силу различных оснований.

Объективный критерий имеет нормативный характер, он закреплен в тех или иных правилах, которых должны придерживаться люди в своей деятельности. Как им пользоваться практически? Здесь многое зависит от того, при каких обстоятельствах и в какой сфере деятельности был причинен вред. В тех случаях, когда он причиняется в производственной сфере, при выполнении должностных либо профессиональных обязанностей, установление объективного критерия обычно не вызывает трудностей. Деятельность работников в этих сферах, как правило, регламентирована специальными инструкциями, правилами производства тех или иных работ, памятками по технике безопасности, различными наставлениями, уставами и т.д. Большинство из них и издается специально для того, чтобы предотвратить наступление вредных последствий. К их числу относятся, например, правила обращения с огнеопасными, взрывчатыми, ядовитыми веществами, оружием, электрическим током и т.д. Их нарушение, находящееся в причинной связи с наступившим вредом, свидетельствует о том, что лицо должно было предвидеть возможность его наступления.

Например, Г. был осужден по ст. 109 УК РФ за такие действия. В нарушение инструкции он вывел из питомника на поводке трех сторожевых собак без намордников. По дороге Г. проходил с собаками мимо свалки металлолома, где находились четверо малолетних детей, однако Г. их не заметил. Он спустил собак с поводков и те побежали к свалке. Увидев собак, дети стали убегать. Самый маленький замешкался, на него напали собаки и причинили телесные повреждения, от которых он в больнице умер. В данном случае тяжкие последствия наступили в результате прямого нарушения Г. специальной инструкции, поэтому обязанность с его стороны предвидеть возможность наступления последствий была очевидна.

Вместе с тем следует иметь в виду, что правила предосторожности, определяющие границы должной предусмотрительности, обычно рассчитаны на более или менее типичные ситуации, поэтому они не могут предусмотреть всех случайностей.

Некоторые особенности имеет установление объективного критерия небрежности при совершении неосторожных преступлений в сфере быта. Здесь людям приходится иметь дело с различными предметами, веществами, приборами и т.п., представляющими в случаях неправильного их использования опасность для окружающих. Это вещества, обладающие ядовитыми, огнеопасными либо взрывчатыми свойствами, различные бытовые электроприборы и т.д. В большинстве случаев к этим приборам, предметам и т.п. прилагаются инструкции (памятки) по безопасному их использованию либо они оформляются предупредительными надписями типа: «Огнеопасно», «Ядовито», «Беречь от детей» и др. Такого рода предписания, не являясь по своей природе юридическими, тем не менее, обязательны для всех лиц, так как несут информацию об опасных свойствах предметов (веществ), а, следовательно, и о должной предусмотрительности при обращении с ними. Поэтому, если вред наступил в результате их несоблюдения, то объективный критерий налицо.

В отличие от объективного критерия, который как бы уравнивает людей одной профессии, должности и т.д., при анализе субъективного критерия преступной небрежности должны учитываться индивидуальные особенности лица, причинившего вред.

Субъективный критерий небрежности раскрывает собственно вину лица в наступлении последствий, поэтому имеет решающее значение. Известно, что способность предвидеть результаты своих деяний у разных людей различна. Она обусловлена, в частности, такими факторами, как уровень образования, профессиональные навыки, специальная подготовка, жизненный опыт и другими. Способность предвидеть может быть также обусловлена факторами, относящимися к психофизиологическим особенностям людей (особенности ощущений, восприятий, двигательных реакций, воздействия утомления, стресса и т.д.). Выбор того или иного фактора или их совокупности при установлении возможности предвидения последствий зависит от сферы деятельности субъекта, от особенности совершенного им преступления. Так, при совершении лицом халатности, обычно учитывается уровень образования и профессиональной подготовленности лица; при совершении преступлений в сфере быта принимается

во внимание житейский опыт субъекта, а при расследовании автотранспортных преступлений наряду с уровнем профессиональной подготовленности большое значение могут иметь такие факторы, как особенности восприятия, время двигательных реакций, воздействие утомления на организм и др. Эти факторы должны устанавливаться и учитываться не вообще применительно к данному лицу, а путем «привязки» их к тем условиям места и времени, в которых было совершено конкретное неосторожное преступление.

Законодательное определение преступной небрежности предполагает наличие в каждом конкретном случае и объективного и субъективного критериев. Отсутствие хотя бы одного из них исключает вину и ответственность лица даже при существовании причинной связи между его деянием и наступившим последствием и свидетельствует о наличии случая (казуса) [25].

7. Невиновное причинение вреда

Согласно ст.28 УК РФ «деяние признается совершенным невиновно, если лицо, его совершившее, не осознавало и по обстоятельствам дела не могло осознавать общественной опасности своих действий (бездействия) либо не предвидело возможности наступления общественно опасных последствий и по обстоятельствам дела не должно было или не могло их предвидеть».

«Деяние признается также совершенным невиновно, если лицо, его совершившее, хотя и предвидело возможность наступления общественно опасных последствий своих действий (бездействия), но не могло предотвратить эти последствия в силу несоответствия своих психофизиологических качеств требованиям экстремальных условий или нервно-психическим перегрузкам». В уголовном праве эти обстоятельства называются случаем (казусом). На практике невиновное причинение вреда (казус) встречается при отсутствии как обоих критериев небрежности, так и невозможности предвидеть последствия. Последнее имеет место обычно, когда лицо не нарушает никаких правил предосторожности. Вред в таких случаях наступает либо по вине третьих лиц, либо по вине самого потерпевшего, либо в результате действий сил природы или технических прогрессов.

Так, при выезде из г. Воронежа, в 800 метрах от Чернавского моста, работниками ГАИ были зафиксированы дорожные происшествия. По поводу аварий водители рассказывали, что ехали они без нарушений правил движения в пределах 50-80 км/час. Странным было одно обстоятельство, все аварии произошли в дождливую погоду. У всех водителей автомашины были технически исправными.

Выходило, что водители автомашин не были виноваты. В те дни шли не сильные дожди, без гроз, и сами по себе они не могли стать причиной аварий. И все же стало ясно, что дожди были причастны к случившемуся – ведь «заколдованное» место «срабатывало» только в сырую погоду.

Незадолго до аварий, именно этот участок дороги осматривали дорожно-строительные специалисты, и по их заключению ремонтники залили образовавшиеся на асфальте щели битумом. Именно битум, которым были залиты трещины и щели, «заговорил», «признав себя сопричастным» к дорожно-транспортным происшествиям. Его гладкая поверхность, к тому же смоченная водой, создавала разницу в коэффициентах сцепления правых и левых колес автомобиля. При движении, даже с небольшой скоростью, создавалась сила, которая выбрасывала машину с линии движения влево.

Чтобы окончательно подтвердить свои выводы, эксперты сели в автомашину и провели эксперимент на злополучном участке. Когда было сухо – машину не заносило. Но стоило смочить битум, как он тотчас проявлял свой злой нрав.

Если внимательно провести анализ субъективной стороны этого случая можно сделать вывод, что происшедшее с водителями является казусом. Чаще всего казус имеет место в ситуации, когда лицо обязано было предвидеть возможность наступления последствий, однако не предвидело и не смогло их предотвратить в силу своих индивидуальных особенностей. Такие случаи характерны для ситуаций, когда лицо нарушает какие-либо правила предосторожности, и в силу этого должно было предвидеть и предотвратить последствия, но не смогло этого сделать из-за слабой профессиональной подготовки, недостаточного жизненного опыта или в связи с индивидуальными психофизиологическими особенностями.

Например, выпускница текстильного института была назначена начальником цеха на трикотажную фабрику. В этом цехе на 2-ом месяце ее работы была выявлена преступная группа, выпускавшая неучтенную продукцию в крупных

размерах. На этом основании начальник цеха была привлечена к уголовной ответственности за халатность, поскольку допустила у себя в цехе такое тяжкое преступление. Однако суд не согласился с такой оценкой, указав: «должна была предвидеть выпуск неучтенной продукции, но не могла в силу недостаточного опыта работы».

Могут быть ситуации, когда лицо не нарушает каких-либо правил предосторожности, однако вредные последствия наступают.

Здесь обязанность предвидения (объективный критерий), а следовательно, и вина отсутствуют, поскольку от лица, выполняющего должностные или профессиональные функции, нельзя требовать предвидения случайностей, на которые правила предосторожности не были рассчитаны. Это может быть, например, когда обязанность по предотвращению последствий лежала на другом лице либо имеется грубая неосторожность со стороны самого потерпевшего. Такие ситуации встречаются обычно по делам об автотранспортных преступлениях. Характерно в этом отношении дело шофера Б., осужденного по ч. 2 ст. 264 УК. Приехав в город, он остановил автомашину у тротуара, чтобы высадить людей. Пассажир Р. вышел из кабины, захлопнул дверцу и сказал шоферу: «Езжай». Б. Начал движение на машине, но, услышав крики, остановился. Оказалось, что Р. был задавлен правым задним колесом машины. Следствием было установлено, что после того как Р. вышел из машины и захлопнул дверцу кабины, из сумки, которая была у него в руке, высыпалась картошка. Р. полез под машину, чтобы ее собрать. В это время машина тронулась, и он попал под колесо. Уголовное дело в отношении Б. было прекращено, поскольку он не нарушил правил движения, не предвидел и не мог предвидеть, что Р. полезет под машину и попадает под колесо.

Привлечение к уголовной ответственности за случайное причинение вреда означает объективное вменение, что недопустимо согласно ч.2 ст.5 УК РФ.

8. «Двойная» и «смешанная» формы вины

В соответствии со ст. 24 УК РФ каждое конкретное преступление может быть совершено или умышленно или по неосторожности.

Однако в ст.27 УК РФ установлена ответственность за преступление, совершенное с двумя формами вины. Согласно этой статьи «если в результате совершения умышленного преступления причиняются тяжкие последствия, которые по закону влекут более строгое наказание и которые не охватывались умыслом лица, уголовная ответственность за такие последствия наступает только в случае, если лицо предвидело возможность наступления, но без достаточных к тому оснований самонадеянно рассчитывало на их предотвращение, или в случае, если лицо не предвидело, но должно и могло предвидеть возможность наступления этих последствий. В целом такое преступление признается совершенным умышленно».

Многие криминалисты, например, М.Д. Шаргородский, П.С. Дагель, Н.И. Загородников и другие признавали существование «двойной» формы вины [40, стр. 81-93].

Некоторые авторы – ее отрицатели – Н.Ф. Кузнецова, Г.А. Кригер и другие.

Причем многие авторы, не затрудняя себя аргументацией, именовали ее в одних случаях «сложной», в других «смешанной»», «составной», а иногда и «двойной» формой вины. [19; 20]

Строго говоря, ни «двойной», ни «смешанной» форм вины не существует. В ст. 27 УК РФ правильно дается её название: «две формы вины». Содержание этой статьи ранее уже было отмечено. Понятие этой сложной законодательной конструкции «двух форм вины» необходимо раскрывать применительно к конкретному составу преступления. Для преступления с формальным составом, упрощенно, в учебных целях, две формы вины следует понимать как умысел по отношению к деянию основного состава и как неосторожность по отношению к последствиям квалифицированного состава. Так, например, ст.123. Незаконное проведение искусственного прерывания беременности. Это преступление характеризуется умыслом по отношению к деянию и неосторожностью по отношению к последствиям, указанным в ч.3 этой же статьи, а именно, по отношению к смерти потерпевшей либо причинению тяжкого вреда её здоровью.

Применительно к преступлению с материальным составом «две формы вины» характеризуется умыслом и последствиям основного состава и неосторожностью по отношению к последствиям квалифицированного состава.

Обратимся к примеру. И. признан виновным в том, что он, будучи в нетрезвом состоянии, в гостях у Б. затеял ссору со своей женой Ш., во время которой нанес ей удар вилкой в живот,

причинив тяжкий вред здоровью, от которого Ш. на следующий день вечером скончалась в больнице. Смерть Ш. наступила в результате ранения аорты. Материалами дела не доказано, что И. имел намерение убить жену, поэтому он был осужден по ч.4 ст. 111 УК РФ.

Анализируя содержание умысла содеянного, можно сделать вывод, что тяжкий вред здоровью, повлекший за собой смерть потерпевшей, представляет собой как бы два самостоятельных преступления (умышленное преступление против здоровья и неосторожное преступление против жизни), однако, в силу их взаимосвязи объединены законодателем в одном составе преступления, предусмотренном ч.4 ст.111 УК РФ.

Таким образом, субъективная сторона содеянного характеризуется умышленной формой вины в отношении причинения тяжкого вреда здоровью потерпевшего и неосторожной формой вины в отношении наступившей смерти. Составы преступлений с двойной формой вины по существу представляют собой технический прием объединения в одном «сложном» составе двух самостоятельных преступлений, одно из которых совершается умышленно, а другое, выступающее в качестве квалифицирующего признака, – по неосторожности [18, стр. 16-17].

В ст.27 УК РФ говорится: в целом такое преступление признается совершенным умышленно.

На наш взгляд, указание законодателя о том, что оно в целом признается совершенным умышленно, не совсем корректно. Думается, что это преступление остается совершенным с двумя формами вины, а вот правовые последствия совершения таких преступлений совпадают с последствиями, которые наступают в результате совершения умышленных преступлений. То есть, влияет на назначение наказания, условия его отбывания, на признание рецидива.

В теории уголовного права появилась идея понятия «смешанной» формы вины. По мнению ранее упомянутых ученых им представлялось, что встречаются преступления, когда в одном основном составе психическое отношение лица состоит из умышленной вины к действию и неосторожной вины к последствию [9, стр. 29].

Такая «смешанная» форма вины встречается, например, в неосторожных преступлениях, связанных с нарушением специальных правил.

Так, водитель автомашины «Жигули» Ш., имея стаж вождения менее двух лет, пытался на скорости 90 км/час обогнать впереди идущую автомашину, выехал на полосу встречного движения и, завершая обгон, сбил идущего по краю проезжей части дороги пешехода, причинив ему тяжкий вред здоровью. Правила дорожного движения разрешают такой категории водителей двигаться со скоростью, не превышающей 70 км/час.

Если мы проанализируем субъективную сторону (вину) в содеянном, то увидим, что он умышленно (лучше сказать – осознанно) совершил деяние – превысил скорость, неправильно совершал обгон, и по неосторожности причинил последствия – сбил человека (ч.1 ст.264 УК РФ). Таким образом, в действиях водителя «наблюдается» одно психическое отношение (в форме умысла) к нарушению Правил дорожного движения и другое психическое отношение (в форме неосторожности) к наступившим последствиям, то есть имеется сочетание в одном основном составе преступления признаков умысла и признаков неосторожности.

Концепция смешанной формы вины противоречит действующему законодательству и не основана на реальных фактах [9, стр. 28-30].

В основе уголовной ответственности неосторожных преступлений лежат, прежде всего, последствия, находящиеся в причинной связи с деянием виновного. Субъективная сторона этих преступлений должна быть обусловлена лишь психическим отношением к возможным преступным последствиям. В так называемой «смешанной» форме вины не должно учитываться отношение виновного к деянию, поскольку оно (деяние) не находится в сфере уголовно-правовых отношений. Само по себе нарушение правил дорожного движения не преступно, оно регламентировано нормами Ко АП.

Поводом для появления в теории уголовного права так называемой «смешанной» формы вины послужила, на наш взгляд, некорректное и довольно противоречивое высказывание отмененного ныне и ранее уже упомянутого постановления Пленума Верховного Суда СССР от 6 октября 1970 г. «О судебной практике по делам об автотранспортных преступлениях» (с последующими изменениями и дополнениями). В п. 5 этого постановления верно сказано: «… субъективную сторону этих деяний определяет неосторожное отношение лица к возможности наступления

общественно опасных последствий при нарушении им правил…», а в п. 10 уже указано: «Если водитель не был виновен в преступном нарушении указанных правил …». Представляется здесь допущены две ошибки. Во-первых виновный не «водитель», а лицо, управляющее транспортным средством; во-вторых, как уже ранее отмечалось, нарушение правил дорожного движения, взятое без указанных в УК РФ последствий – непреступно. Потому и существование «смешанной» формы вины в теории уголовного права весьма дискуссионно.

В учебных целях, и исходя из изложенного, можно определить, что «смешанная» форма вины – это сочетание в основном составе преступления признаков умысла по отношению к деянию и неосторожности по отношению к общественно опасным последствиям основного состава преступления. Но вряд ли такая форма вины займет достойное место в уголовном законодательстве РФ.

9. Мотив и цель преступления

Для установления истины по любому уголовному делу необходимо выяснить причины деяния, мотивы человеческого поведения. С мотивом многое связано. Прежде всего, он выполняет побудительную роль в совершении преступления. Мотив как бы «высвечивает» личность, ее морально-этические свойства, помогает ответить на вопрос «кто есть кто». Проанализируем зарождение мотива. Вначале это стремления, влечения, порой смутные и нечетко выраженные, сопровождающиеся известными эмоциональными переживаниями. Этот комплекс представлений, чувств и влечений отражает всегда определенные склонности конкретного человека, круг его наиболее важных интересов и убеждений. Иначе говоря, мотив всегда отражает известную сферу жизни, лежит в плоскости тех или иных интересов и означает готовность человека действовать, проявить себя определенным образом в этой сфере при наличии подходящих для этого условий или провоцирующих к действию обстоятельств. Великий знаток человеческих душ М. Горький писал: «Ничего нет в жизни более важного и любопытного, чем мотивы человеческих действий» [7, стр. 194].

Мотив преступления – это, обусловленное потребностями человека, осознанное внутреннее побуждение, которым руководствовалось лицо при совершении общественно опасного деяния. Данное понятие не исчерпывает всего содержания мотива, но оно показывает ту основную функцию, которую выполняет мотив в механизме человеческого поведения при совершении преступления.

Мотив определяет поведение не сам по себе, а только во взаимосвязи с целью. Мотив – стимулятор поведения, он находится «впереди» общественно опасного деяния.

Цель преступления – это тот желаемый результат, который стремится достичь лицо, совершая общественно опасное деяние [4, стр. 7]. Мотив и цель хотя понятия взаимосвязанные и взаимообусловленные, однако, характеризуют различные стороны психического процесса личности. Мотив отвечает на вопрос, почему человек совершает деяние. Цель дает возможность определить направление его деятельности. Мотив – это не просто желание, возникшее в результате восприятия внешних обстоятельств и явлений или ощущения физиологических потребностей, которые при осознанной оценке могут быть отброшены, подавлены, признаны нелепыми, вредными. Мотив – это осознанное побуждение человека, направленное на удовлетворение его определенной потребности. Он может выступать как источник активности личности, как фактор, побуждающий к совершению деяния.

В отечественном уголовном праве предпринималась попытка классификаций мотивов. В основе этих классификаций авторы ставили различные основания [11, стр. 196; 14, стр. 92; 29, стр. 21]. Так, Б.С.Волков в качестве основания классификации мотивов брал социально-психологическое содержание и нравственно-этическую оценку содеянного [4, стр. 38].

С учетом этого он разделял мотивы на 3 группы:

1. Мотивы классового, идейно-политического характера;
2. Низменные мотивы, являющиеся различными формами проявления эгоизма;
3. Мотивы, лишенные низменного содержания.

Мотивы первой группы выражают классовую направленность побуждений, они характеризуются местью, ненавистью к общественному строю, идеологии, общественно-политическим институтам. Они могут быть вызваны политически незрелыми взглядами, идейными, националистическими, религиозными и другими предубеждениями.

Наибольшее практическое значение для следственных органов и судов имеют мотивы второй группы. Их, вероятно, лучше было бы назвать антиобщественными. К их числу можно отнести:

1) Корысть. Этот мотив означает, что в основе побудительного стимула деяния лежит стремление лица получить какую-либо выгоду материального характера. Этот мотив присущ таким преступлениям как хищение (ст. 158-162, 164 УК РФ). В постановлении Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам об убийстве (ст.105 УК РФ)» разъясняется, что по п. «з» ч.2 ст. 105 УК РФ следует квалифицировать убийство, совершенное из корыстных побуждений, направленных на получение всякого рода материальной выгоды для виновного или других лиц (денег, имущества и т.п.), или избавления от материальных затрат (возврата имущества, оплаты услуг, уплаты алиментов и др.) [1, стр. 6].

Корысть как мотив совершения преступления, один из самых распространенных побуждений в структуре преступности. Он также является одним из самых сильных воздействующих на человека побуждений.

2) Хулиганские мотивы характеризуются стремлением виновного проявить себя в вызывающей форме, выразить подчеркнуто-показное пренебрежение к нормам, сложившимся в обществе, желанием противопоставить себя другим людям, нарушить правила общежития. В основе хулиганских побуждений обычно лежит эгоизм, который у духовно бедных людей проявляется в озлобленности, неудовлетворенности, жестокости, грубом озорстве, цинизме и т.п.

3) Месть, как мотив преступления, выражается в стремлении получить удовлетворение за причиненное в прошлом зло, за действия, существенно затрагивающие, интересы виновного и его близких (ч.1 ст. 105 УК РФ и др.). Месть, в отличие от хулиганских побуждений, носит личный неприязненный характер, порождается причиненной обидой и сама творит зло. Несмотря на сходство внешнего проявления этих мотивов, месть отличается от хулиганства. Отличительная особенность состоит в непосредственном источнике возникновения мотива. Месть возникает из-за личной обиды, хулиганский мотив – под влиянием незначительного повода. Обиженный ищет удовлетворения, хулиган повода как начала своих действий.

К числу антиобщественных мотивов относятся также ревность, зависть, страх, тщеславие, стремление избежать каких-либо неблагоприятных последствий, карьеризм, мотивы ложно понятых интересов службы и другие.

Установление подлинных мотивов преступлений имеет большое уголовно-правовое значение. Мотив и цель:

Влияют на квалификацию преступления. В некоторых составах мотив и цель указаны в законе как обязательные признаки субъективной стороны. Эта роль мотива и цели зависит от того, какое значение придает им законодатель при характеристике составов преступлений. Так, устанавливая ответственность за служебный подлог, законодатель определил, что это деяние наказуемо при условии, если оно совершается «из корыстной или иной личной заинтересованности». Большое значение, действующее уголовное законодательство придает мотиву и цели преступления при характеристике преступлений против государственной власти. В большинстве статей, предусматривающих ответственность за совершение этих преступлений, в качестве обязательного признака состава указывается специальная цель, например, цель свержения или насильственного изменения конституционного строя РФ (ст. 279 УК РФ).

Позволяют определить форму вины, ее социальную сущность и содержание. Основной вопрос вины – это вопрос о том, в каком соотношении находятся между собой сознание, воля лица и наступившие вследствие его действий общественно опасные последствия. Соотношение сознания и воли служит основанием деления вины на формы – умысел и неосторожность. Вина, выраженная в одной из этих форм, является необходимым условием уголовной ответственности. Субъективная сторона преступления – понятие социальное. Сознание при умысле не сводится только к предвидению фактических обстоятельств совершения преступления, но предполагает и сознание социального смысла деяния, его общественную оценку.

Отдельные мотивы признаются как обстоятельства, смягчающие или отягчающие наказание. Так, ст. 61 УК РФ предусматривает такие смягчающие обстоятельства, как совершение преступления под влиянием угрозы или принуждения (п. «е»); по мотиву сострадания (п. «д»); при защите от общественно опасного посягательства, хотя и с нарушением условий правомерности

необходимой обороны (п. «ж»).

Обстоятельства, исключающие преступность деяния, в уголовном праве рассматриваются как понятия, противоположные понятию преступления. Эти действия – общественно полезны. К ним относятся необходимая оборона, крайняя необходимость, задержание лица, совершившего преступление и др. Указанные обстоятельства тесно связаны с внутренними свойствами лица, нравственными требованиями общества, с субъективной стороной, мотивами и целями поведения.

Специфика института необходимой обороны заключается в его нравственном содержании и социальной направленности. Цель защиты правоохраняемых интересов – это конструктивный признак необходимой обороны, определяющий ее основной смысл и содержание.

В ст. 63 УК РФ называются обстоятельства, отягчающие наказание: совершение преступления по мотиву национальной, расовой, религиозной ненависти или вражды, из мести за правомерные действия других лиц, а также с целью скрыть другое преступление или облегчить его совершение.

Поэтому в соответствии с требованиями уголовного закона Верховный Суд РФ неоднократно указывал на необходимость в каждом конкретном случае установления мотива и цели совершения преступления. Так, в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 29 апреля 1996 г. «О судебном приговоре» отмечается, что при описании преступного деяния суды должны указывать характер вины и мотивы преступления [2, стр. 3]. В постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 27 января 1999 г. «О судебной практике по делам об убийстве (ст.105 УК РФ)» сказано, что по каждому такому делу должна быть установлена форма вины, выяснены мотивы и цель причинения смерти другому человеку, имеющие значение для правильной оценки содеянного и назначения справедливого наказания [1, стр. 2].

Иногда законодатель, наряду с мотивами и целями, учитывает и эмоциональное состояние виновного. Так, например, преступления, совершенные в состоянии внезапно возникшего сильного душевного волнения (аффекта) предусмотрены специальными статьями (107, 113 УК). Аффект ограничивает контроль человека за своим поведением, но не исключает ответственность.

10. Ошибка и её влияние на ответственность

При разрешении вопроса о вине существенное значение имеет уяснение вопроса о влиянии ошибки, то есть неправильности в действиях, мыслях на вину лица и его ответственность.

Ошибка – это неправильное представление лица о существенных юридических или фактических признаках совершаемого деяния и его последствиях.

Вследствие этого различают два вида ошибок: юридическую ошибку и фактическую ошибку.

Юридическая ошибка – это неправильная правовая оценка лица относительно совершенного им деяния и его последствий.

Виды юридических ошибок:

Лицо, совершая деяние, считает свои действия преступными, в то время как уголовный закон их таковыми не признает. В данном случае имеется так называемое мнимое преступление и уголовная ответственность не наступает. Например, А. Нашел в парке дамскую сумочку с деньгами и присвоил ее, считая, что совершил преступление. Но присвоение чужого имущества уголовным законом не наказуемо;

Лицо, совершая деяние, не считает его общественно опасным и преступным, в то время как на самом деле оно является преступлением. В этом случае уголовная ответственность наступает. Следует руководствоваться правилом, что незнание закона не исключает уголовной ответственности. Например, если виновный не знает, что за хранение без специального разрешения огнестрельного оружия установлена уголовная ответственность, и хранит пистолет, это не освобождает его от уголовной ответственности.

Ошибочное представление лица относительно квалификации деяния, размера наказания не влияет на вину, ее формы и ответственность. Например, если виновный полагал, что за совершение кражи он, может быть подвергнут лишь штрафу, а суд назначил ему 1 год лишения свободы, то подобное незнание закона значения для ответственности не имеет.

Фактическая ошибка – это ошибочное представление лица о фактических объективных признаках совершаемого им преступления. В большинстве случаев вменяемый человек правильно отражает в своем сознании объективную обстановку, которая его окружает, в которой он действует. Однако, иногда бывают случаи, когда у субъекта возникает неправильное представление об особенностях совершаемого им

деяния, т.е. он субъективно ошибается и неверно охватывает своим сознанием отдельные особенности совершаемого им деяния. Его психическое отношение к совершаемому предстает в искаженном виде, и не учитывать этого нельзя при квалификации, т.к. речь идет о вине преступника.

Виды фактических ошибок:

Ошибка в объекте состоит в том, что виновный ошибочно полагает, что он причиняет вред одному объекту, тогда как в действительности ущерб терпит другой объект.

В этом случае возможны следующие варианты:

а) лицо хотело посягнуть на более важный объект, а в действительности посягнуло на менее важный. В соответствии с направленностью умысла оно должно отвечать за покушение на более важный объект. От направленности умысла на определенный объект зависит и квалификация преступления [26].

Например, лицо, с целью хищения наркотических средств, проникло в квартиру гражданина А., но фактически совершило кражу двух пакетов с сахарной пудрой, стоимостью 15 рублей. Виновный должен отвечать за покушение на хищение наркотических средств (ч.3 ст.30 и ч.1 ст.229 УК РФ).

б) лицо хотело посягнуть на один объект, но фактически причинило ущерб двум или более объектам. Ответственность в этом случае наступает за умышленное посягательство на первый объект и за неосторожное причинение вреда другим объектам.

Например, виновный, посягая на жизнь сотрудника полиции, охраняющего общественный порядок, открыл стрельбу, в результате которой ранил случайного прохожего. Своими действиями преступник причинил вред двум объектам: нормальной деятельности правоохранительного органа по охране общественного порядка и здоровью личности.

В следственной практике могут встречаться и другие комбинации ошибок в объекте, однако они представляют собой частные случаи указанных выше ситуаций.

От ошибки в объекте следует отличать ошибку в предмете преступления. Например, преступник, с целью хищения предмета, имеющего особую историческую ценность, проник в музей, но фактически совершил кражу малоценной вещи. Виновный должен отвечать за покушение на хищение предметов, имеющих особую ценность (ч.3 ст.30 и ч.1 ст. 164 УК РФ).

Ошибка в потерпевшем – состоит в том, что виновный, решив, например, убить гражданина А., по ошибке стреляет в другое лицо и убивает его. В этом примере ошибка в потерпевшем влияние на квалификацию не оказывает, поскольку законом охраняется не конкретный человек, а жизнь любого гражданина.

Отклонение действия имеет место в тех случаях, когда лицо стреляет в гражданина А., а пуля рикошетом ранит еще и гражданина Б. На ответственность в отношении посягательства на жизнь гражданина А. не влияет, а за причинение вреда гражданину Б. виновный подлежит ответственности как за неосторожное деяние.

Ошибка в средствах выражается в использовании другого, чем было запланировано, средства для совершения преступления. При такой ошибке возможны различные ситуации:

а) если преступник при совершении убийства по ошибке использовал другое, но не менее пригодное для этой цели средство, такая ошибка в средствах значения для ответственности не имеет. Скажем, преступник считал, что убивает А. из пистолета «Парабеллум», а в действительности стреляет из «Маузера». Такая ошибка в орудиях не имеет значения для наступления ответственности;

б) если преступник использовал средство, по его мнению, вполне пригодное для совершения преступления, но в конкретном случае оно оказалось непригодным для достижения результата, то ответственность наступает за покушение на преступление. Например, при посягательстве на жизнь ружье дало осечку.

Ошибка в причинной связи означает неправильное понимание субъектом развития причинно-следственной зависимости между его деянием и общественно опасными последствиями в общем виде. Искаженное представление об этих закономерностях и образует рассматриваемый вид ошибки.

Здесь также возможны различные ситуации:

а) лицо знает, к каким конкретным последствиям приведет порожденная его действиями причинная связь. Например, водитель применил во время гололеда резкое торможение, автомобиль занесло на тротуар, где был сбит пешеход, который от полученных травм скончался на месте. Водитель будет отвечать за неосторожное преступление, если он мог и должен был

предвидеть истинное развитие причинной связи;

б) лицо предполагает, что в результате его действий наступят определенные преступные последствия, однако они не наступили, и вред был причинен менее значительный, чем планируемый.

Например, А., желая убить Б., наносит ему удар ножом в спину под лопатку, полагая, что в результате этих действий обязательно наступит смерть. Однако, потерпевшему вовремя оказали медицинскую помощь и он остался жив, но ему был причинен тяжкий вред здоровью. За что должен нести ответственность виновный? За фактически причиненный тяжкий вред здоровью или за посягательство на жизнь? Подобная ошибка в развитии причинной связи означает, что виновный будет отвечать за покушение на убийство.

Ошибка в обстоятельствах, отягчающих или смягчающих наказание, а также в месте и времени совершения преступления, выражается в том, что преступник заблуждается в наличии или отсутствии соответствующих обстоятельств или факторов. В этих случаях ответственность определяется содержанием умысла. Если преступник не знал и не мог знать о существовании этих факторов и обстоятельств то, они не влияют на его ответственность, если же знал – то будет привлечен к ответственности по закону, предусматривающему эти факторы и обстоятельства.

Например, А., не знавший о беременности потерпевшей Б., не может отвечать за убийство по п. «г» ч.2 ст. 105 УК РФ и будет привлечен к ответственности за простое убийство (ч.1 ст.105 УК РФ).

Приведенные примеры свидетельствуют о том, что изучение вопроса об ошибках имеют очень важное значение для правильной квалификации преступлений и строгого соблюдения законности. Это налагает на юристов обязанность тщательно исследовать субъективную сторону преступления. Направленность умысла имеет значение при анализе возникающих в практике фактических ошибок.

Твердое усвоение субъективной стороны преступления имеет важнейшее значение для правильной квалификации преступлений. В конечном итоге знание субъективной стороны позволяет правильно назначить наказание и достичь их целей.

Вопросы и задания для самоконтроля

1. Раскройте понятие субъективной стороны преступления.
2. Дайте характеристику интеллектуального и волевого признаков умысла.
3. Раскройте понятие неосторожности и её видов.
4. Каковы проблемы двух форм вины в уголовном праве России.
5. Дайте характеристику юридических и фактических ошибок.

Список литературы

1. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 января 1999 г. «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 1999. – № 3.
2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29 апреля 1996 г. «О судебном приговоре» // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 1996. – № 7.
3. Брайнин Я.М. Уголовная ответственность и ее основание в советском уголовном праве. – М.: Госюриздат, 1963. – 275 с.
4. Волков Б.С. Мотивы преступлений / Науч. ред. М.Д. Лысов. – Казань: Казанский ун-т, 1982. – 152 с.
5. Вопросы уголовного права и процесса в практике Верховных Судов СССР и РСФСР (1938 – 1978 г.г.) / Сост. С.В. Бородин, Г.А. Левицкий. – 3-е изд., доп. и перераб. – М.: Юрид. лит., 1980. – 472 с.
6. Вышинский А.Я. Некоторые вопросы науки советского права // Сов. государство и право. – 1953. – № 4. – С. 10-26.
7. Горький М. Собр. соч. в 30-ти томах. Т. 2. – М.: Художественная литература, 1949.
8. Дагель П.С. Динамика умысла и ее значение для квалификации преступлений // Советская юстиция. – 1971. – № 17. – С. 25-26.
9. Дагель П.С. Дискуссия не закончена // Советская юстиция. – 1980. – № 22. – С. 28-30.

10. Дагель П.С. Неосторожность. Уголовно-правовые и криминологические проблемы. – М.: Юрид. лит., 1977. – 144 с.
11. Дагель П.С., Котов Д.П. Субъективная сторона преступления и ее установление. / Науч. ред. Г.Ф. Горский. – Воронеж: Воронежский ун-т, 1974. – 243 с.
12. Жерондо К. Безопасность движения: прошлое, настоящее, будущее / Пер. с фр.; под общ. ред. В.И. Жулева. – М.: Юрид. лит., 1983. – 224 с.: ил.
13. Злобин Г.А., Никифоров Б.С.. Умысел и его формы. – М.: Юрид. лит., 1972. – 264 с.
14. Игошев К.Е. Типология личности преступника и мотивация преступного поведения. – Горький: Горьковская ВШ МВД СССР, 1974. – 168 с.
15. Карпушин М.П., Курляндский В.И. Уголовная ответственность и состав преступления. – М.: Юрид. лит., 1974. – 232 с.
16. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. В 3-х т. Т. 1. Общая часть (по состоянию на 4 июня 2014 года) / Под общ. ред. Л.В. Готчиной, А.В. Никуленко. – Тамбов-Санкт-Петербург-Липецк: Изд-во Першина Р. В., 2014. – 304 с.
17. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. В 3-х т. Т. 3. Особенная часть (по состоянию на 4 июня 2014 года) / Под общ. ред. Л.В. Готчиной, А.В. Никуленко. – Тамбов-Санкт-Петербург-Липецк: Изд-во Першина Р.В., 2014. – 456 с.
18. Кравцов С.Ф., Мазняк К.В. Уголовная ответственность лиц, совершивших преступления по неосторожности: Учебное пособие. – Л.: ВПУ МВД СССР, 1978. – 47 с.
19. Кригер Г.А. Определение формы вины // Советская юстиция. – 1979. – № 20. – С. 4-6.
20. Кузнецова Н.Ф. О квалификации вины // Советская юстиция. – 1980. – № 23. – С. 25-27.
21. Курс советского уголовного права. Часть общая. Т. 1 / /Отв. ред. Н.А. Беляев, М.Д. Шаргородский. – Л.: ЛГУ, 1968. – 648 с.
22. Лекшас И. Вина как субъективная сторона преступления / Перевод с немецкого; Под ред. А.А. Пионтковского; пер. С.Л. Либерман. – М.: Госюриздат, 1958. - 85 с.
23. Мясищев В.Н. Личность и неврозы. – Л.: ЛГУ, 1960. – 428 с.
24. Общая психология: Учебник / Под ред. А.В. Петровского. – М.: Просвещение, 1970.
25. Питецкий В. Критерий преступной небрежности // Советская юстиция. – 1986. – № 2. – С. 19-20.
26. Рарог А. Направленность умысла и квалификация преступлений // Сов. юстиция. – 1987. – № 13. – С. 14–15.
27. Рарог А.И. Настольная книга судьи по квалификации преступлений: Практическое пособие. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Проспект, 2009. – 181 с.
28. Рарог А.И. Проблемы квалификации преступлений по субъективным признакам: Монография. – М.; Проспект, 2018. – 232 с.
29. Рахимов Т.Г. Судакова Р.Н. Мотивация преступления и уголовная ответственность / Отв. ред. У.С. Джекебаев. – Алма-Ата: Наука, 1987. – 192 с.
30. Российская газета. – 2017. – № 41. – 27 февраля.
31. Сборник постановлений Пленумов Верховного Суда Российской Федерации по уголовным делам / Сост. С.Г.Ласточкина, Н.Н.Хохлова.-3-е изд.перераб. и доп.- М.: ТК Велби, Проспект, 2003. – 696 с.
32. Сергеева Т.Л. Вопросы виновности и вины в практике Верховного Суда СССР. – М., Л.: АН СССР, 1950. – 184 с.
33. Социалистическая законность. – 1987.- № 2. – С. 40-42.
34. Спиркин А.Г. Сознание и самосознание. М.: Политиздат, 1972. – 303 с.
35. Тихонов К.Ф. К вопросу о разграничении форм виновности в советском уголовном праве // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 1963. – № 3. – С. 82-89.
36. Уголовное право (Общая часть): Курс лекций: учебно-методическое пособие / под ред. Л.В. Готчиной, А.В. Никуленко, С.Л. Никоновича. – Тамбов – Липецк: Изд-во Першина Р.В., 2015. – 303 с.
37. Уголовное право (Особенная часть): Курс лекций: учебно-методическое пособие / под ред. Л. В. Готчиной, А. В. Никуленко, С. Л. Никоновича. – Тамбов – Липецк: Изд-во Першина Р. В., 2015. – 409 с.
38. Уголовное право России. Общая и Особенная части: Учебник / Под ред. И.М. Мацкевича, Н.Г. Кадникова. – М.: Союз криминалистов и криминологов, Криминологическая библиотека, Российский криминологический взгляд, 2015. – 990 с.
39. Уголовное право России. Части Общая и Особенная: Учебник для бакалавров / МГЮА; ред. А. И. Рарог. – М : Проспект, 2013 – 496 с.
40. Уголовный закон: опыт теоретического моделирования / Анашкин Г.З., Бородин С.В., Гальперин И.М., Загородников Н.И., и др.; Отв. ред.: Келина С.Г., Кудрявцев В.Н. – М.: Наука, 1987. – 276 с.
41. Энциклопедия уголовного права: Состав преступления / Коржанский Н.И. Кудрявцев В.Н., Малинин В.Б. Павлов В. и др.; отв. ред. Малинин В.Б. Т. 4 – СПб.: Изд-во проф. Малинина, 2015.– 796 с.

ФИНАНСОВОЕ И БЮДЖЕТНОЕ ПРАВО. БАНКОВСКОЕ И ВАЛЮТНОЕ ПРАВО. НАЛОГОВОЕ ПРАВО

ФЕДЧЕНКО Кристина Игоревна,
магистрант кафедры экономических и финансовых расследований Высшей школы государственного аудита (факультета) МГУ им. М.В. Ломоносова (г. Москва, Россия)
E-mail: Kristina_fedchenko_94@mail.ru

Специальность 12.00.07 – Хозяйственное право; корпоративное право; энергетическое право

ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ СПРАВЕДЛИВОЙ РЫНОЧНОЙ ЦЕНЫ В ГОСУДАРСТВЕННЫХ ЗАКУПКАХ

Аннотация. *Рассматриваются элементы системы государственных закупок РФ, правовые аспекты, влияющие на процессы ценообразования, рассмотрена ее проблематика. Проанализирована роль государственного заказа в экономической жизни страны. Определены причины, обуславливающие стагнацию в данной сфере, составлены краткие рекомендации по выходу из текущего положения.*

Ключевые слова: *государственные закупки; государственные инвестиции; государственно-частное партнерство; ценообразование.*

FEDCHENKO K.I.

PROBLEMS OF FAIR MARKET PRICING IN GOVERNMENT PROCUREMENT

The summary. *The article is about the elements of public procurement system of Russian Federation, the legal aspects affecting the implementation of a competent pricing policy, its problems. We have highlighted the importance of procurement in Russian economy. We have made a list of reasons causing stagnation in this area, short recommendations for solving current issue.*

Key words: *state procurements; state investment; state private partnership; pricing.*

Государственные закупки являются ключевым аспектом государственных инвестиций: они стимулирует экономическое развитие страны и представляет собой важный элемент для стимулирования рынка [11; 12; 13; 16; 17]. Вопросы государственных закупок крайне актуальны – они составляют около 7% ВВП РФ и являются частью нашей повседневной жизни. Государственные организации покупают товары и услуги для граждан: поэтому необходимо добиться того, чтобы это было сделано наиболее эффективным способом. Государственные закупки также предлагают возможности роста для предприятий, тем самым стимулируя частные инвестиции и способствуя увеличение производительности. Наконец, государственные закупки играют важную роль в распределении структурных и инвестиционных фондов. Существенный процент структурных и инвестиционных фондов тратится через государственные закупки. Проекты, софинансируемые

фондами, должны соответствовать применимым правилам государственных закупок, которые обеспечивают соотношение цены и качества и справедливую конкуренцию на рынке. Прозрачность и целостность в соответствующих процедурах также необходима для поддержания доверия граждан к правительству. По всем вышеперечисленным причинам правильная и последовательная реализация условий государственных закупок приводит к преимуществам и повышению эффективности для всех игроков, как на национальном, так и региональном уровне, для предприятий и для граждан. Грамотные государственные закупки, равно как и грамотное ценообразование помогает максимально эффективно использовать государственные инвестиции и гарантируют максимальные выгоды от фондов. Тем не менее, статистические данные показывают, что значительная часть средств тратится ненадлежащим образом [2], так, например, по данным анализа первого полугодия 2017 года доля закупок на неконкурентной основе составила более 94%.

Выявить справедливую рыночную цену представляется сложной, но необходимой задачей для улучшения текущей ситуации. Данная мера прописана в нормативно-правовых актах, тем не менее ей уделяется недостаточное внимание. Так, 5 апреля 2013 года был принят Федеральный закон № 44-ФЗ «О контрактной системе закупок товаров, работ и услуг для государственных и муниципальных нужд», большинство из которых вступило в силу с 1 января 2014 года. Закон заменил и модернизировал предыдущее регулирование государственных закупок на основании Федерального закона № 94-ФЗ «О размещении заказов на поставку товаров, выполнение работ и оказание услуг для государственных и муниципальных нужд» от 21 июля 2005 года.

В числе других новых положений были приняты следующие положения:

1. Система плановых закупок на основе годовых и трехлетних планов закупок;
2. Дополнительные методы выбора поставщика, включая правила, касающиеся заявок на предложения, тендеры с ограниченным участием и двухэтапные тендеры;
3. Мониторинг, аудит и общественный надзор за закупками;
4. Антидемпинговые меры, направленные на то, чтобы участники закупок соблюдали свои ценовые обязательства, а также выбирали поставщиков на основе других важных критериев, кроме цены [1].

Однако преобладающим типом процедуры закупок является электронный аукцион. Закупка у единственного источника означает закупку у конкретного поставщика без тендера, что может быть сделано в исключительных случаях, предусмотренных Законом № 44-ФЗ. Эти исключительные случаи включают в себя заключение следующих контрактов:

1. Поставка российского вооружения и военной техники, которые не имеют российских аналогов и изготовлены единственным производителем;
2. Оказание услуг по водоснабжению, водоотведению, теплоснабжению, газоснабжению (за исключением услуг, связанных с продажей сжиженного газа);
3. Услуги по подключению к инженерным сетям по ценам (тарифам), контролируемым в соответствии с законодательством Российской Федерации;
4. Хранение, импорт или экспорт фармацевтических средств и психотропных веществ;
5. Закупку товаров, работ или услуг на сумму, не превышающую 100 000 рублей, при условии, что общий годовой объем закупок, который может произвести организация-заказчик в соответствии с этим положением, не должен превышать 2 миллиона рублей или 5 процентов от совокупного годового объема закупок и не должен превышать 50 миллионов рублей;
6. Закупка предметов (включая музейные коллекции, редкие и ценные издания, рукописи, архивные документы), предназначенных для пополнения государственных музейных фондов, библиотек, архивных фондов, кино и фото фондов, а также аналогичных средств.

Ключевой момент – отсутствие внятных критериев для формирования цены, где в некоторых случаях ее формирует само государство, в иных – частные компании, участвующие в тендерах. Тип закупок также влияет на политику ценообразования. Например, в контрактах на строительство обычно прописывается график ставок, либо, более вероятно, счет-спецификация объемов работ. Лучшей вариантом становится принятие европейского

опыта, а именно «фиктивный» тендер, основанный на документе ценообразования и спецификации. Он позволяет незамедлительно идентифицировать цены, предлагаемые на тендере, где легко выявить ошибку в документах (и, следовательно, обозначить цену как «низкая»). Далее компания-участник тендера может капитализировать издержки (оценивать затраты), если станет победителями данного тендера. Приведенная мера также может помочь указать на наличие ошибок в тендерных документах, неправильная цена будет сигналом. Если получен аномально низкий тендер, то точно оцененный фиктивный тендер, действующий в качестве эталона, может иметь решающее значение для оправдания отказа от такого тендера.

На этапе планирования закупок принимается решение о том, какая система оценивания, и какой метод необходимо выбрать, что должно быть четко прописано в тендерной документации. Если выбрана самая низкая цена, то это самый прозрачный способ, однако в данном случае учитываются только минимальные требования к качеству, указанные в спецификациях, также наблюдается риск демпинга. Таким образом, минимальная цена будет выгодна при условии, что технические спецификации могут быть установлены непосредственно государством и, поэтому во всех предложениях должны быть одинаковыми.

Таким образом, можно сделать вывод о сложности системы государственных закупок, ее непрозрачности и обилию исключений, что делает крайне трудным формирование справедливой цены. Более того, процветающая коррупция в данной области отягчает положение и делает выход из него затруднительным. Государственные закупки – важный элемент ГЧП – государственно-частного партнерства, поэтому для развития данного вида отношений крайне важно формирование системы, выгодной как гражданам, так и частному капиталу [4; 6; 8; 9; 10; 14; 15].

В текущей статье были рассмотрены элементы системы государственных закупок РФ, ряд правовых аспектов, сделаны выводы о текущем состоянии механизмов реализации государственных заказов и даны краткие рекомендации по улучшению текущего состояния.

Список литературы

1. Федеральный закон от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2013. – № 14. – Ст. 1652.
2. Министерство финансов Российской Федерации. Доклад о результатах мониторинга применения Федерального закона от 18 июля 2011 г. № 223-ФЗ «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц» в первом полугодии 2017 года // https://www.minfin.ru/common/upload/library/2017/08/main/Monitoring_223FZ_Ipolugodie2017_itog.pdf
3. Абросимова О.В. Некоторые проблемы правового регулирования закупок для государственных и муниципальных нужд // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия: Право. – 2014. – № 2 (16). – С. 64-66.
4. Гер О.Е. Экономические и политические реформы в Российской Федерации: практика проведения и итоги // Правовое поле современной экономики. – 2012. – № 10. – С. 12-21.
5. Давыдова Е.Ю., Суязова Г.А. Государственные закупки и формирование инновационной экономики // Территория науки. – 2015. – № 4. – С. 169-172.
6. Егоршин В.М. Экономика и государство (настоящее и будущее). Статья первая // Правовое поле современной экономики. 2012. № 10. С. 77-99; Статья вторая // Правовое поле современной экономики. 2012. № 11. С. 24-33; Статья третья // Правовое поле современной экономики. 2013. № 11. С. 29-43.
7. Информация по закупкам: Официальный сайт Единой информационной системы в сфере закупок // URL: http://zakupki.gov.ru/epz/main/public/home.html.
8. Исмагилов Р.Ф. Деловой климат в России: сегодняшнее состояние и перспективы развития (политико-правовой и экономический анализ) // Правовое поле современной экономики. – 2013. – № 9. – С. 11-19.
9. Исмагилов Р.Ф., Сальников С.П., Гер О.Е., Кайзер А.Г. Свобода выбора пути развития экономики как непознанная государственная необходимость // Правовое поле современной экономики. – 2013. – № 10. – С. 11-26.

10. Исмагилов Р.Ф., Сальников С.П., Гер О.Е., Кайзер А.Г. Экономические проблемы – политические решения // Правовое поле современной экономики. – 2015. – № 1. – С. 112-126.
11. Кондрат Е.Н. Государство и рынок в финансовой сфере // Юридическая наука: история и современность. – 2015. – № 1. – С. 132-142.
12. Мотышина М.С. Культурные особенности инвестиционного развития России в условиях глобализации // Правовое поле современной экономики. – 2012. – № 9. – С. 26-29.
13. Потолокова М.О. Место сетевых предпринимательских структур в рыночной экономике // Правовое поле современной экономики. – 2011. – № 2. – С. 32-33.
14. Руденский И.Н. Экономическая политика современной России: проблемы реализации // Правовое поле современной экономики. – 2013. – № 9. – С. 34-37.
15. Русских А.Ю. Предпринимательский климат в России: современные проблемы малого и среднего бизнеса // Правовое поле современной экономики. – 2013. – № 9. – С. 92-98.
16. Садыкова Р.Р. Инвестиционная активность, как фактор повышения инновационного развития экономики страны // Правовое поле современной экономики. – 2012. – № 2. – С. 18-24.
17. Хамроев Ш.С. «Свобода договора» как правовой инструмент организации рыночного хозяйства // Юридическая наука: история и современность. – 2017. – № 9. – С. 84-89.

СУДЕБНАЯ И ПРОКУРОРСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ. ПРАВОЗАЩИТНАЯ И ПРАВООХРАНИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ. АДВОКАТУРА И НОТАРИАТ

БРЫЛЕВА Елена Александровна,
доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Пермского института ФСИН России, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Пермского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, кандидат юридических наук (г. Пермь, Россия)
E-mail: elenbrylev@yandex.ru

САЛЬНИКОВ Михаил Викторович,
Президент Фонда содействия науке и образованию в области правоохранительной деятельности «Университет», доктор юридических наук, профессор (г. Санкт-Петербург, Россия)
E-mail: salnikov-mihail66@yandex.ru

Специальность 12.00.11 – Судебная деятельность; прокурорская деятельность, правозащитная и правоохранительная деятельность

ОСОБЕННОСТИ МЕЖДУНАРОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА ГОСУДАРСТВ В СФЕРЕ ИСПОЛНЕНИЯ УГОЛОВНЫХ НАКАЗАНИЙ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКОВ

Аннотация. *Анализируются особенности международного сотрудничества государств в сфере исполнения уголовных наказаний в конце XIX – начале XX веков. В частности – это развитие пенитенциарной науки (тюрьмоведения); формирование системы исправления несовершеннолетних с провозглашением принципов индивидуализации; раздельного содержания; получения образования; специальности; нравственного и религиозного воспитания. Подчеркивается и изменение понимания целей тюремного ведомства, поднимаются вопросы подготовки кадров.*

Ключевые слова: *международные пенитенциарные конгрессы; Главное тюремное управление; исправительные учреждения для несовершеннолетних.*

BRYLEVA E.A.
SAL'NIKOV M.V.

FEATURES OF INTERNATIONAL COOPERATION OF STATES IN THE FIELD OF THE EXECUTION OF CRIMINAL SENTENCES IN THE LATE XIX – EARLY XX CENTURIES

The summary. *The features of the international cooperation of states in the field of the execution of criminal penalties in the late XIX – early XX centuries are analyzed. In particular, this is the*

development of penitentiary science (prison science); the formation of a system for the correction of minors with the proclamation of the principles of individualization; separate content; education; specialty; moral and religious education. The change in the understanding of the goals of the prison department is also emphasized, the issues of training are raised.

Key words: *international penitentiary congresses; Main prison administration; correctional facilities for minors.*

Глобализация, переход к информационному обществу, безусловно, требует и новых подходов к организации и содержанию мирового правопорядка [11; 28]. Очевидно, что уголовно-исполнительная политика каждого государства является частью его суверенитета, однако определение международных стандартов как ориентир для цивилизованных государств способствует гуманизации и прогрессу [24; 25; 26; 27].

Призыв к совместному решению проблем, берет свое начало еще с XVIII в., когда стали появляться первые, получившие общественное звучание, идеи о возможности и необходимости обмена информацией: по вопросам пенитенциарной политики и практики в межгосударственных масштабах [8, стр. 38].

Выделяется три этапа в развитии международного сотрудничества в сфере исполнения наказаний: 1846 – 1872 г.г; 1872 по 1950 г.г.; с 1950 по настоящее время.

Характерными особенностями международных конгрессов 1846 и 1857 г.г. во Франкфурте-на-Майне; 1847 г. в Брюсселе являлись: частная инициатива; немногочисленность; отсутствие у многих государств своих официальных представителей не имели. Ключевой идеей первых конгрессов явилась идея благотворительности, поскольку на них рассматривались в основном проблемы благотворительности по отношению к осужденным, теоретической основой обсуждения тюремных вопросов служили идеи либерализма. Большинство участников данных конгрессов являлись представители прогрессивной интеллигенции (экономисты, литераторы, медики и т.п.). Центральным вопросом всех тюремных конгрессов была защита одиночного тюремного заключения, которая считалась вершиной научной мысли, признавалась весьма актуальной и широко рекомендовалась для внедрения [7; 12].

Деятельность международных тюремных конгрессов второго этапа, связана с инициативами Американской тюремной ассоциации, созданной в 1879 году на 1 съезде в Цинцинати (12-18 октября 1870 года). Надо сказать, что первые организаторы конгрессов столкнулись с серьезными трудностями при проведении международных съездов.

Так, первый межгосударственный тюремный конгресс второго этапа состоялся в Лондоне в 1872 г., при этом проблемами стали отсутствие заранее подготовленных докладов; необходимость переводить многие выступления участников с английского языка на французский, что послужило причиной того, что ни один из поставленных вопросов не был рассмотрен всецело. Кроме этого, важно подчеркнуть, что по окончанию работы Лондонский конгресс избрал комиссию из делегатов различных государств с целью подготовить следующий международный пенитенциарный конгресс. Задачу следующего конгресса сформулировали так: «установление достоверной тюремной статистики, исследование и сравнение результатов применения на практике разных тюремных систем и действия различных систем уголовного законодательства, сравнение устрашающего действия разных видов наказания и других мероприятий, а также способов, употребляемых как для репрессии, так и для предупреждения преступлений» [7; 12, стр. 37].

Начиная со второго конгресса, который прошел в Стокгольме в 1878 г., стала формироваться проблематика конгрессов, при участии 297 человек, в том числе 137 иностранцев. К трем секциям, работавшим на Лондонском конгрессе, присоединилась четвертая, скандинавская, занимавшаяся положением тюремного дела в Швеции, Норвегии, Дании и Финляндии. На разрешение конгресса было поставлено 16 точно сформулированных подготовительной комиссией вопросов; по каждому вопросу были заготовлены доклады, а по некоторым, сверх

того, были присланы письменные мнения. Вопросы обсуждались сначала в заседаниях секций, затем в общем собрании конгресса, принимавшем резолюцию секции или постановлявшем новую. На втором конгрессе был предложен проект создания Международной пенитенциарной комиссии и установлены ее функции. Россия как участник конгресса выразила согласие принимать участие в работе данной комиссии и участвовала в ее финансировании. С 1878 г. под руководством Международной пенитенциарной комиссии, а затем под эгидой Международной уголовной и пенитенциарной комиссии, которая просуществовала до 1950 г., было проведено двенадцать конгрессов. В последующий период конгрессы созывались в: Стокгольме (1878 г.), Риме (1885 г.), Санкт-Петербурге (1890 г.), Париже (1895 г.), Брюсселе (1900 г.), Будапеште (1905 г.), Вашингтоне (1910 г.), Лондоне (1925 г.), Праге (1930 г.), Берлине (1936 г.), Гааге (1950 г.).

Во всех последующих конгрессах в повестку дня стали включаться вопросы развития пенитенциарной науки (тюрьмоведения), вопросы, связанные с совершенствованием уголовного законодательства, разработкой мер предупреждения преступлений, в том числе и со стороны несовершеннолетних. Так, на третьем международном пенитенциарном конгрессе в Риме (1885 г.) была устроена выставка произведений труда заключенных (преимущественно несовершеннолетних) и образцов одиночных келий (38 систем) в натуральную величину, со всеми деталями освещения, отопления, запоров, меблировки и костюмов» [7; 12].

На международных конгрессах второго этапа обсуждались и принимались резолюции и по другим важным вопросам исполнения уголовных наказаний: о применении прогрессивной системы отбывания наказания с учетом опыта Англии, Ирландии, США; об исполнении наказаний применительно к несовершеннолетним; неопределенных приговорах и долгосрочных наказаниях; о понятии рецидива преступлений и исполнении наказаний в отношении рецидивистов; о ссылке и особенностях ее исполнения; принципах исполнения наказаний в реформаториях; организации исполнения условного осуждения под надзором (пробация) и условном освобождении из мест лишения свободы и т.д. [8].

В рамках второго этапа в Российской империи начинает активно развиваться пенитенциарная наука (тюрьмоведение), основателями науки которой являлись С.В. Познышев, И.Я. Фойницкий, Н.С.Таганцев, С.П.Мокринский и др. В частности, благодаря работам С.В.Познышева и И.Я.Фойницкого, в научный юридический аппарат входят термины «тюрьмоведение» и «пенитенциарная наука», при этом термин «тюрьма» употребляется ими в широком значении, подразумевая все виды карательного заключения, начиная каторжными работами и заканчивая арестом». У С.В. Познышева встречаем, достаточно современное понимание организации исправительных учреждений «чтобы исправлять нравственно или, по крайней мере, юридически возможно больший процент содержащихся в ней арестантов» [18].

Резолюции пенитенциарных конгрессов нашли свою реализацию и в нормативно – правовых актах, регламентирующих систему исполнения наказаний Российской империи, в частности в Законе «Об учреждении приютов и колоний для нравственного исправления несовершеннолетних преступников» от 5 декабря 1866 года; в Уставе о содержащихся под стражею (1890 год с изменениями 1906, 1908 и 1909 гг.); в Положении о воспитательно-исправительных заведениях для несовершеннолетних издания 1909 года; в Своде учреждений и уставов о содержащихся под стражею (Закон 1890 г. по Продолжениям) и Общей тюремной инструкции 1915 года.

В конце XIX – начале XX вв. в России все чаще и чаще стали рассматривать уголовное наказание не только как кару, но и средство воспитания осужденных. На данное обстоятельство обращают внимание многие российские исследователи, в том числе и применительно к современной пенитенциарной политике [5; 14; 19; 20; 21; 23].

Особое влияние оказали резолюции международных тюремных конгрессов на формирование системы воспитания несовершеннолетних правонарушителей: провозглашенные принципы раздельного нахождения от взрослых; индивидуализации тюрем; система одиночного заключения только в случае краткого срока наказания (1 месяц для не достигших 16 лет, и 3 месяца для перешедших); переход в улучшенные условия для исправления; занятость; обязательные работы; обучение ремеслу; физические занятия; школьное обучение; уменьшение тюремного заключения в отношении лиц, состоящих под судом; поощрение

патронированных; специальные школы для порочных; врачебно-педагогические заведения для аномальных, порочных и детей – дегенератов; опека детей – сирот; предохранения беспризорных детей от пагубного влияния преступных [13] были реализованы в деятельности Рукавишниковского и иных исправительных учреждений для несовершеннолетних.

Резолюциями международных конгрессов неоднократно подчеркивалась необходимость сочетания исправительных учреждений для несовершеннолетних с последующим патронатом.

Так, в Российской империи наиболее широкой деятельностью отличалось Общество пособия несовершеннолетним, освобожденным из мест заключения, основанное в 1878 г. в Санкт-Петербурге по инициативе Грота и Вагановой. Оно имело убежище для выходящих на свободу подростков. Из малолетнего отделения тюрьмы Петербурга в контору управления общества заблаговременно поступали сведения об освобождающихся несовершеннолетних. Воспитатель, члены общества подыскивали подросткам место жительства, работу. Мальчики обязаны были приходить каждое воскресенье, если были устроены в городе, в убежище и, как правило, проводили там выходные дни. В убежище действовала воскресная школа. С работодателем-мастером заключался договор, мастер не наказывал мальчика за провинность сам, а сообщал в управление воспитателю, который принимал соответствующие меры. Заработная плата не выдавалась подопечному на руки, а поступала в контору, он сам вел своим деньгам счет, но получал лишь столько, сколько необходимо на конкретные нужды.

С 1886 г. общество с таким названием и целями стало действовать и в Москве, но помощь оказывало по преимуществу беспризорникам. Комитет общества принимал на попечение только тех мальчиков, которые обратились добровольно, желали трудиться и обучаться ремеслу. Подопечным предоставлялось право проживать в убежище и вменялось в обязанность работать в мастерских общества: сапожной и переплетной. При убежище проводились школьные занятия. Мальчики пристраивались либо на рабочие места, либо к родственникам [29].

В 90-х годах патронат получает дальнейшее развитие в столицах и постепенно переходит в провинцию: в 1895 г. учреждаются общества патроната в Ярославле, в 1896–в Перми, Киеве, Кронштадте, Гомеле и других городах.

К 1901 г. в России имелось 889 мест заключения со среднесуточным составом содержащихся в них 100 тыс. чел. Обществ патроната, могущих оказать какую-то поддержку освобожденным, было 6 (в Санкт-Петербурге, Кишиневе, Одессе, Москве, Ярославле, Перми). В 1906 г. их значилось уже 23. Для сравнения можно отметить, что в Англии, например, на 56 мест заключения и 5 каторжных тюрем имелось 112 обществ патроната, а во Франции 120 – при каждом исправительном заведении.

Близко к делу патроната в России стояло учрежденное в 1895 г. Особое попечительство о домах трудолюбия и работных. Освободившиеся из заключения могли допускаться к занятиям в них при условии положительного поведения в тюрьме, что подтверждалось соответствующим свидетельством от тюремной администрации.

Еще одним немаловажным аспектом, на наш взгляд, является требование особых качеств для сотрудника пенитенциарной системы о чем неоднократно отмечалось на международных пенитенциарных конгрессах.

Так, на тюремном конгрессе в г. Цинциннати в 1871 г. было установлено положение, не потерявшее своей актуальности до настоящего времени и ставшее принципом профессиональной подготовки служащих пенитенциарных систем: «Лица, служащие в тюрьмах, должны получать специальное воспитание, в соответствии с родом своего будущего служения. Для этого следует учредить образцовые школы для тюремного персонала, и будущие чины тюремной администрации должны быть подготовляемы в них с сознанием важного значения их профессий» [17, стр. 23].

Дело в том, что довольно долго в России не существовало специальных заведений для подготовки тюремного персонала. Тюремными работниками становились, в большинстве случаев, ушедшие в отставку военнослужащие различных рангов, а также переведенные по службе полицейские работники и разного рода чиновники, которые не имели отношения к пенитенциарной системе. Главным критерием при отборе на тюремные должности признавалась их политическая благонадежность. Для врачей, учителей, священнослужителей, экономов и других вспомогательных должностей таким критерием была

профессиональная компетентность [7, стр. 37].

В литературе отмечалось, в частности, что смотрители (начальники) тюрем назначались из мелких приказных, полицейских, канцеляристов, из отставных военных. Такие назначения были сплошь и рядом. Так, в 1868 г. Пермский замок, вмещающий от 1000 до 2000 арестантов, был отдан под команду отставного унтера, отличавшегося одной чисткою пуговиц и фельдфебельской выправкой. В уездных замках постоянно встречаются смотрители из выгнанных писцов, которые целые дни оглашают остроги раскатами голоса [6, стр. 80].

Во исполнение решений международных конгрессов еще в начале XX в. Главным тюремным управлением высказывалась мысль о создании образовательного заведения для тюремного персонала. В 1914 г. инспектор Главного тюремного управления Н.Ф. Лучинский выступил инициатором создания в Санкт-Петербурге двухлетнего тюремного лицея закрытого типа при образцовой одиночной тюрьме (на Выборгской стороне), куда принимались бы молодые люди, окончившие средние учебные заведения, преимущественно военные, а также состоящие на службе офицеры. [13, стр. 226]. Однако данная идея так и не была реализована.

Действовали тюремные курсы, рассчитанные на то, чтобы в короткие сроки (до 1,5 месяцев), осуществлять дополнительную профессиональную подготовку работников тюремного ведомства. Число слушателей определялось начальником Главного тюремного управления ежегодно. Из общего числа обучаемых можно выделить две группы: лица, уже занимающие штатные должности, и лица, желающие впервые поступить на службу в тюремное ведомство. Для первых курсы были возможностью повысить свою квалификацию, а вторые посредством курсов получали первоначальную пенитенциарную подготовку. Преимуществом зачисления на курсы пользовались лица, имевшие высшее юридическое образование или состоявшие на действительной военной службе в офицерском чине. За слушателями, состоящими на службе, сохранялось денежное довольствие по месту службы, а успешно закончившие обучение имели превенции при продвижении по служебной лестнице [15].

Данная инициатива была продолжена и после Февральской революции 1917 г. По постановлению Временного правительства от 11 апреля 1917 г. были открыты с 1 мая 1917 г. пенитенциарные курсы при Главном управлении мест заключения Минюста [9, л. 1].

Вместе с тем не стоит говорить о систематичности данных курсов. Более успешно функционировали специальные школы для подготовки кандидатов на должности старших тюремных надзирателей в Санкт-Петербурге и тюремных надзирательниц в Москве, учрежденные законом от 13 июля 1913 года. Основа их была заложена еще в 1898 году, когда при Московском дамском благотворительно – тюремном комитете была образована школа для подготовки тюремных надзирательниц, просуществовавшая до 1911 года. К преподаванию в школах привлекались ведущие ученые – преподаватели университетов и практические работники. Выбор кандидатов для обучения предписывалось осуществлять с особой тщательностью и осмотрительностью [30, стр. 882].

Таким образом, международное сотрудничество государств в сфере исполнения уголовных наказаний в конце XIX – начале XX века, безусловно, сыграло свою прогрессивную роль не только в развитии пенитенциарной политики Российской империи, но и сформировало ключевые идеи современного развития Российского государства [1; 2; 3; 4; 10; 16; 22; 31].

Список литературы

1. Брылева Е.А. Благотворительно-тюремные общества Российской империи: нужен ли исторический опыт при реорганизации современной пенитенциарной системы России // Правовое поле современной экономики. – 2016. – № 3. – С. 98-106.
2. Брылева Е.А. Зарождение, генезис и эволюция системы исправительных учреждений для несовершеннолетних в Российской империи (XVII-XIX вв.) // Мир политики и социологии. – 2016. – № 8. – С. 129-135.
3. Брылева Е.А. Система воспитания несовершеннолетних преступников в пенитенциарных учреждениях Российской империи в конце XIX – начале XX века // Мир политики и социологии. – 2016. – № 11.

– С. 136-145.
4. Брылева Е.А. Совершенствование пенитенциарной системы России как продолжение реформ 60-70-х годов XIX века // Мир политики и социологии. – 2015. – № 10. – С. 62-66.
5. Брылева Е.А., Реуф В.М., Сальников М.В. Пенитенциарная политика Российской империи во второй половине XIX – начале XX вв. и исправление заключенных // Юридическая наука: история и современность. – 2018. – № 1. – С. 137-156.
6. Ведров С.Ю., Углицких Д.В. Осуществление надзора за лицами, отбывающими пожизненное заключение в Российском государстве с XII и до начала XX вв. (историко-правовые аспекты) // Вестник Вологодского института права и экономики ФСИН. 2011. № 4. – С. 79-82.
7. Вольский М.В. Вопросы подготовки кадров для пенитенциарных учреждений в России в конце XIX – начале XX века // Вестник Воронежского института ФСИН России. – 2012. – № 4. – С. 194-196.
8. Галямова Д.С. История международного сотрудничества в области обращения с осужденными // Государство и право: теория и практика: материалы Междунар. науч. конф. (г. Челябинск, апрель 2011 г.). – Челябинск: Два комсомольца, 2011. – С. 38-41.
9. ГАРФ. – Ф. 122. – Оп. 13. – Д. 1.
10. Железная Ю.Ю. Историко-правовые основы становления общественного контроля пенитенциарных учреждений в дореволюционной России // Юридическая наука: история и современность. – 2015. – № 8. – С. 57-67.
11. Кондрат Е.Н. Глобализация: понятие, сущность и основные процессы // Мир политики и социологии. – 2013. – № 10. – С. 97-109.
12. Лыкошин А. Пенитенциарные конгрессы // Энциклопедический словарь Ф.А.Брокгауза и И.А. Ефрона. Т. XXIII. – С.-Пб.: Брокгауз-Ефрон, 1898. – С. 142-144.
13. Люблинский П.И. Международные съезды по вопросам уголовного права за девять лет (1905-1915). – М.: Инфра-М, 2012. – 350 с.
14. Милюков С.Ф. Российская система наказаний / Науч. ред. Б.В. Волженкин. – СПб.: С.-Петербургский юрид. ин-т Генеральной прокуратуры РФ, 1998. – 48 с.
15. Опыт систематических чтений по тюрьмоведению при Главном тюремном управлении // Тюремный вестник. – СПб., 1912. – № 6-7. – С. 1207-1208.
16. Пертли Л.Ф. Организационно-правовые основы условий содержания заключенных в дореволюционной России // Под научной редакцией доктора юрид. наук, профессора С.И. Кузьмина: Монография. – М., 2011. - 200 с.
17. Пирогов П.П. Тюремная система Российской империи и ее кадровое обеспечение в XIX – начале XX века: Автореф. дис.. … канд. юрид. наук. – СПб., 2000.
18. Познышев С.В. Учение о карательных мерах и мере наказания. Курс, составленный по лекциям. – М.: О-во взаимопомощи студентов-юристов Моск. ун-та, 1908. – 185 с.
19. Рагимов И.М. О нравственности наказания / Предисл. Х.Д. Алекперова. – СПб.: Юридический Центр, 2016. – 224 с.
20. Рагимов И.М. Преступность и наказание. – М.: ОЛМА Медиа Групп, 2012. – 304 с.: илл.
21. Рагимов И.М. Философия преступления и наказания. – СПб.: Юридический Центр Пресс, 2013. – 288 с.
22. Реуф В.М. Российская тюремная политика в конце XIX – начале XX века и ее реализация путем устрашения и насилия // Правовое поле современной экономики. – 2015. – № 9. – С. 163-176.
23. Ромашов Р.А., Пеньковский Е.В. Философия права и преступления. – СПб.: Алетейя, 2015. – 344 с. – (Либерализация права: от репрессий к милосердию).
24. Сальников В.П., Стеценко С.Г. Государственная уголовно-исполнительная политика Украины: история и современное состояние // Мир политики и социологии. – 2014. – № 10. – С. 165-173.
25. Сальников В.П., Захарцев С.И., Сальников М.В. О современной уголовно-исполнительной политике России // Библиотека уголовного права и криминологии. – 2017. – № 3(21). – С. 7-24.
26. Сальников В.П., Захарцев С.И., Сальников М.В. Уголовно-исполнительная политика как элемент уголовной политики современной России // Юридическая наука: история и современность. – 2016. – № 7. – С. 71-85.
27. Сальников В.П., Захарцев С.И., Сальников М.В. Уголовно-исполнительная политика // Вестник Самарского юридического института. Научно-практический журнал. – 2016. – № 4(22). – С. 46-58.
28. Сальников В.П., Ивашов Л.Г., Джегутанов Б.К. Философия глобализации (Методологические основы геополитической доктрины России): Монография / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2006. – 268 с.
29. Селянина В.В. Исторические аспекты становления социального патроната в России // Вопросы ювенальной юстиции. – 2001. – № 1 (1). – С. 63-74.
30. Тюремный вестник. – 1910. – № 6-7.
31. Упоров И.В. Пенитенциарная политика России в XVIII – XX в.: историко-правовой анализ тенденций развития: Монография. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2004. – 610 с.

ИСАКОВИЧ Анна Сергеевна,
Санкт-Петербургский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) (г. Санкт-Петербург. Россия)
E-mail: annaisa1999@gmail.com

КОРЯКОВЦЕВ Вячеслав Васильевич,
доцент кафедры уголовного права и процесса Санкт-Петербургского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), кандидат юридических наук, доцент (г. Санкт-Петербург. Россия)

Специальность 12.00.11 – Судебная деятельность; прокурорская деятельность, правозащитная и правоохранительная деятельность

ПЕРВАЯ ЖЕНЩИНА-АДВОКАТ В РОССИИ ЕКАТЕРИНА АБРАМОВНА ФЛЕЙШИЦ

Аннотация. *Анализируется движение женщин за полное равноправие между полами в России XIX века на примере дискуссии о предоставлении женщинам права поступать в адвокатуру. Рассматривается научная и педагогическая деятельность первой женщины-адвоката в Российской Империи – Екатерины Абрамовны Флейшиц.*

Ключевые слова: *равноправие между полами; адвокатура; женщина-адвокат; Екатерина Абрамовна Флейшиц; А.Ф. Кони.*

ISAKOVICH A.S.
KORYAKOVTSEV V.V.

FIRST FEMALE LAWYER IN RUSSIA EKATERINA ABRAMOVNA FLEISCHITS

The summary. *The movement of women for full equality between the sexes in Russia in the 19th century is analyzed on the example of the discussion about giving women the right to enter the bar. The scientific and pedagogical activity of the first woman attorney in the Russian Empire – Ekaterina Abramovna Fleischitz is considered.*

Key words: *equality between the sexes; advocacy; female attorney; Ekaterina Abramovna Fleischits; A.F. Koni.*

В России началом активного движения женщин и борьбы за равные права принято считать XIX век. Именно в это время поднимаются вопросы юридического и социального равноправия полов, а также развитие женщин в сферах, ранее доступных исключительно для мужчин. Впервые женская общественная организация появилась в России в 1812 году на волне патриотического настроения, охватившего общество в период Отечественной войны с Наполеоном. Данная организация была названа «Женское патриотическое общество». Основной ее движущей силой выступало дворянское сословие. Данная организация

подразделялась на несколько групп, где каждая участвующая в деятельности общества женщина занималась решением вопросов и проблем определенной части города. В 1859 аристократками и активистками в борьбе за женское образование М.В Трубниковой и Н.В. Стасовой основано “Общество дешевых квартир”, предоставлявшее удобные жилища по низкой цене для 400 взрослых и 140 детей. При данном обществе имелось швейное и ремесленное училище, детский сад и два приюта – для престарелых и учащихся женщин. Благодаря деятельности Трубниковой и Стасовой, клиентки «Общества дешевых квартир», смогли в дальнейшем посещать Высшие женские курсы. К 1878 году в России существовало уже пять подобных заведений, в их число входили и знаменитые Бестужевские курсы. Таким образом, первые женские организации выражали свою позицию и желание участвовать в общественной жизни страны в рамках благотворительной деятельности и вопросах образования. Об этом шла речь в том числе даже в институте благородных девиц [10].

Интересно, что впервые в борьбу за полное равноправие между полами вступили мужчины. Известный анархист М.А. Бакунин требовал свободного брака, который не был бы закреплен религиозными нормами, кардинальных изменений в основах семейного и наследственного права, агитировал за обеспечение социальными гарантиями женщин и детей, а также боролся за освобождение женщин от тяжелой работы по дому. Ярко выражена позиция одного из анархистов того времени – П.А Кропоткина. В своей книге он писал: «Женщина, со своей стороны, тоже начинает требовать наконец своей доли в освобождении человечества. Она больше не хочет быть вьючным животным своего дома; довольно с нее и того, что она столько лет своей жизни отдает на воспитание детей. Она не хочет быть в доме кухаркой, посудомойкой, горничной! Освободить женщину – значит избавить ее от отупляющего труда кухни и прачечной; это значит устроиться так, чтобы дать ей возможность, кормя и выращивая детей, вместе с тем, иметь достаточно свободного времени, чтобы принимать участие в общественной жизни» [7, стр. 87]. Таким образом, женское движение первого этапа повлияло на культуру общества и его ценности, положило начало для создания движения, имеющего четко сформулированные цели и определенные способы их достижения, так как ранее рамки и содержание женского движения определялись лишь немногими исследователями.

Одной из сложнейших в профессиональной реализации сфер являлась юриспруденция. Успех женского движения в этом отношении заключался в преодолении мужской монополии на адвокатскую профессию. Первая русская революция 1905-1907 года оказала значительное влияние на возможность получения высшего образования и осуществление юридической деятельности, так как женщины смогли посещать все курсы в качестве вольнослушательниц. Отныне женщинам был открыт путь к работе в качестве присяжного поверенного. Позднее в Москве и Петербурге открываются частные женские вузы, а на ранее указанных Бестужевских высших женских курсах открывается юридический факультет.

Уже в начале XX века женщины предпринимают попытки начать работу в присяжной адвокатуре. Важно отметить, что до учреждения института судебной защиты Судебной реформой 1864 года [1; 2; 3; 12], ходатаи и поверенные могли осуществлять исключительно функции судебного представительства. Данную должность могли занимать все группы граждан. Исключения составляли служащие в Сибири чиновники и их жены, потерявшие особенные права и преимущества после осуждения, а также поверенные монахи и монахини. Институт профессиональных адвокатов-присяжных поверенных был учрежден в ходе Судебной реформы 1864 года, а позже – институт частных поверенных по гражданским делам. Согласно ст. 354 Учреждения судебных установлений 1864 г. (далее – УСУ): «Присяжными поверенными могут быть лица, имеющие аттестаты университетов или других высших учебных заведений об окончании курса юридических наук или о выдержании экзамена в сих науках, если они сверх того прослужили не менее пяти лет по судебному ведомству в таких должностях, при исправлении которых могли приобрести практические сведения в производстве судебных дел, или также не менее пяти лет состояли кандидатами на должности по судебному ведомству (ст.407), или же занимались судебною практикою под руководством присяжных поверенных в качестве их помощников» [15].

Значимый вклад в судьбу допущения женщин в

качестве присяжных поверенных внес А.Ф. Кони, известный прогрессивный отечественный юрист [5; 11; 13; 14]. Хорошо знакомо его выступление при обсуждении проекта допущения женщин в адвокатуру, которое одобрила комиссия законодательных предположений Государственной Думы, но против законопроекта высказался министр юстиции. А.Ф. Кони видел в законопроекте возможность открыть для женщин новую сферу их деятельности и иной способ заработка. Он обращал внимание на противоречия между законом от 11 ноября 1911 года, позволившим женщинам получать высшее юридическое образование, и стремлением не допустить женщин в адвокатуру. А.Ф. Кони критикует возражения против допущения женщин в адвокатуру, не соглашаясь с аргументами об их особых физических и духовных качествах. «Как можно взваливать на женщину, говорят нам, – *отмечает А.Ф. Кони,* – адвокатские обязанности? Взваливая их на женщину, вы хотите заставить ее рыскать по делам, прибегать к уловкам, обходить закон, нанимать подставных свидетелей и вообще заниматься всякою скверностью. Но, господа, если бы адвокатура и представляла иногда некоторые нежелательные стороны, так как это слишком обширное собрание людей, с пестрым нравственным развитием, то нельзя же говорить, что вся адвокатура только этим занимается. Мы имеем в адвокатуре слишком громкие и почтенные имена, одно перечисление которых протестует против огульных обвинений, наконец, в нашей среде есть лица, которые были прежде адвокатами и затем, достигнув высоких степеней, стали законодателями. Потому нельзя так размашисто характеризовать адвокатуру. А потом, что значит этот довод? Если согласиться с ним, то нельзя женщин пускать и во врачебную деятельность, там ведь орудовал доктор Панченко и были разные истории с прививкой сифилиса и т.п.? Как же вы, господа, женщин пускаете в такую деятельность? Разве это деятельность? – спрошу я. Ведь это не деятельность, а злоупотребление деятельностью. Женщины ныне получают право быть архитекторами. Как же это можно? Когда в Петербурге есть дом Залемана, который два раза обрушился. Вот какие бывают строители! А вы допускаете их строить дома, которые будут обрушиваться? Но ведь это, господа, игра слов, а не серьезное возражение» [6, стр. 436].

Анатолий Федорович обращает внимание аудитории на то обстоятельство, что даже Библия подтверждает равноправие мужчин и женщин. В частности, в ней говорится: «И сотворил Бог человека по образу своему: мужчину и женщину сотворил», т.е. создал их равными.

Нам говорят, продолжал А.Ф. Кони, «женщины будут иметь опасное и незримое влияние на судей. Господа, предполагать это можно, только потеряв всякое уважение к судебному ведомству». Разве можно «огульно заподозрить судей в том, что достаточно для них соседства женщин, женских чар и нашептывания, чтобы решить дело неправильно». Нельзя думать, что женщины ничем не будут брезговать, чтобы повлиять на судью. А.Ф. Кони полагал, что женщина-адвокат наоборот, внесет некоторое повышение нравов в адвокатуру, своим присутствием поддержит и упрочит их, так как женщина очень часто укрепляет человека в хороших намерениях. «Женщина не будет сидеть в трактирах, не будет в закоулках писать полуграмотных прошений. Она явится с юридическим образованием, которого частные ходатаи не имеют, и эту ближайшую к народу адвокатуру подымет технически и морально». Исходя именно из этого выдающийся юрист поддержал проект Государственной Думы о предоставлении женщинам права поступать в адвокатуру [6, стр. 441-442].

Первой женщиной-адвокатом в Российской Империи стала Екатерина Абрамовна Флейшиц, она также была первой в СССР женщиной – доктором юридических наук. Е.А. Флейшиц родилась в Кременчуге 28 января 1888 года в семье юриста. Окончив гимназию с золотой медалью, продолжила обучение на юридическом факультете Парижского университета Сорбонна. Закончив обучение с отличием во Франции, в 1907 году Екатерина Абрамовна Флейшиц вернулась в Россию. На пути становления первой женщиной-адвокатом в России, Е.А. Флейшиц экстерном оканчивает юридический факультет Петербургского университета. В этом же году судебная палата Петербурга принимает ее помощником присяжного поверенного округа. Необходимо отметить, что ранее должность помощника присяжного поверенного крайне редко занимали женщины с юридическим образованием, в основном они были самоучками и не имели статуса присяжного поверенного или его помощника.

Первое выступление Е.А Флейшиц в качестве

защитника оставило заметный след в истории адвокатуры. Основной задачей поверенных присяжных, помимо предоставления консультационных услуг, была также и сама защита клиента. Так, обыденное дело Дубровского, Пантафилова и Кадильника, обвиняемых в краже шаров для бильярда, стало известным в истории русского судебного процесса. Как только Екатерина Флейшиц приступила к исполнению своих профессиональных обязанностей, прокурор выставил протест, отказался от выступления и покинул судебное заседание. Таким образом, данный случай определил положение женщины в системе судебного процесса и женщины в России вообще. Министр юстиции И.Г Щегловитов впоследствии обратился в Сенат с просьбой разъяснить возникшую ситуацию с точки зрения закона. Однако решение далось Сенату с трудом, поскольку в судебных уставах 1864 г. ничего не говорилось о распространении запрета выступать женщинам в качестве адвоката. В конце концов, в положении устава был найден абзац говоривший, что "присяжный поверенный, выступая перед судом, должен иметь на лацкане фрака значок университета, в котором он получил диплом". Разумеется, женщины носить фрак никак не могли, поэтому и выступать в качестве присяжного поверенного у них не было никакого формального права, в силу чего, Екатерину Флейшиц исключили из адвокатуры, вновь без законных к тому оснований. Впоследствии УСУ был дополнен ст. 406. 19, предусматривающей запрет женщинам получать звание частного поверенного по судебным делам.

Однако этот случай положил начало большой научной и талантливой педагогической деятельности. За годы работы Екатерина Абрамовна Флейшиц стала автором около ста печатных трудов, широко известных монографий: «Обязательства из причинения вреда и из неосновательного обогащения» [17], «Расчетные и кредитные правоотношения» [18]. Написанные с ее участием учебники и другие работы по гражданскому, римскому и торговому праву долгое время считались эталонными и сегодня пользуются успехом [4; 9; 16; 19]. Также Е.А. Флейшиц выступала как соавтор томов курса гражданского права.

Подготовку к научной деятельности Екатерина Флейшиц проводила под руководством известных в России ученых-правоведов и цивилистов М.Я. Пергамента и И.А. Покровского. После сдачи экзаменов в 1917 г. Е.А. Флейшиц получает степень магистра гражданского права. В этом же году становится приват-доцентом кафедры гражданского права и процесса в Петроградском университете. Долгое время Екатерина Флейшиц преподавала во многих высших юридических и экономических учебных заведениях: С 1930 по 1942 г. была доцентом, а затем и профессором Ленинградского финансово-экономического института, В период с 1942 по 1951 г. заведовала кафедрой и состояла профессором гражданского и торгового права. В течении нескольких лет одновременно была деканом института Внешней торговли и преподавала в Московском университете. В последующие годы она преподавала во многих вузах Москвы: в Университете Дружбы народов им. Патриса Лумумбы, Академии внешней торговли, Институте народного хозяйства им. Г. В. Плеханова. В 1937 г. без защиты диссертации была утверждена в ученой степени кандидата наук, а уже в 1939 г. стала первой из женщин-юристов доктором юридических наук и профессором по кафедре гражданского права.

Е.А. Флейшиц проявила себя как талантливый педагог и ученый с широким спектром научных интересов. Важно отметить, что написанные с ее участием учебники и учебные пособия долгое время считались эталонными в научной и методической деятельности.

Что касается женщин – адвокатов и их законного права трудиться в данной профессии, то полное право быть присяжными поверенными они получили после Февральской буржуазной революции 1917 г.

Доктор юридических наук, профессор и один из составителей гражданского кодекса РФ А.Л. Маковский был учеником Е. А. Флейщиц. В своей статье, «О моем учителе», опубликованной в журнале «Вестник гражданского права», он писал: «Главным в Екатерине Абрамовне были глубоко гуманные, демократические убеждения, которые она впитала от родителей и учителей и которым следовала всю жизнь. За свои убеждения Е.А. боролась с целеустремленностью и энергией, часто недоставшими ее товарищам-мужчинам. Слава пришла к Е.А. в одночасье 5 ноября (по старому стилю) 1909 г., когда от нее, двадцатидвухлетней девушки, только начинавшей карьеру помощника присяжного поверенного в Петербургском окружном суде, в буквальном

смысле слова сбежал прокурор, дабы хоть таким образом сорвать процесс, в котором впервые в русской истории выступала женщина-адвокат» [8, стр. 147]. Он отзывался о Екатерине Абрамовне Флейшиц как о необычно точном юристе, на редкость обязательном человеке с интеллигентной русской речью с четким петербургским произношением, изящно построенными фразами, выражая глубокую благодарность и восхищение ее личностью.

Список литературы

1. Ананских И.А., Тюленева М.А. Прокуратура и адвокатура в судебной реформе 1864 года: позиции В.Д. Спасовича // Мир политики и социологии. – 2015. – № 8. – С. 37-43.
2. Ананских И.А., Сальников С.П., Туков С.В. Д.В. Стасов и судебная реформа // Юридическая наука: история и современность. – 2017. – № 5. – С. 155-162.
3. Артамонова Г.К., Берова Д.М., Сальников С.П., Шхагапсоев З.Л. Полиция, другие государственные учреждения и принуждение: судебная реформа в России XIX века // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 7. – С. 118-123.
4. Гражданское и торговое право капиталистических стран / Агарков М.М., Братусь С.Н., Генкин Д.М., Лунц Л.А., Новицкий И.Б., Рабинович Н.В., Флейшиц Е.А.; Под ред.: Генкин Д.М. – М.: Госюриздат, 1949. – 544 с.
5. Иконникова И.С. Справедливость в правосудии – его ремесло. К 170-летию со дня рождения А.Ф. Кони // Мир политики и социологии. – 2013. – № 11. – С. 36-45.
6. Кони А.Ф. О допущении женщин в адвокатуру // А.Ф. Кони. Собр. соч. В 8 т. Т. 4. – М.: Юридическая литература, 1967. – 544 с.
7. Кропоткин П.А. Хлеб и воля. – Петроград: Издательство “Голос труда”, 1919. – 292 с.
8. Маковский А.Л. О моем учителе // Вестник гражданского права. – 2008. – № 2 – С. 147-150.
9. Римское частное право: Учебник / Краснокутский В.А., Новицкий И.Б., Перетерский И.С., Розенталь И.С., Флейшиц Е.А.; Науч. ред.: Новицкий И.Б., Перетерский И.С. – М.: Юрид. изд-во МЮ СССР, 1948. – 583 с.
10. Романовская В.Б., Романовская Л.Р., Сальников В.П. Нравственное воспитание благородных девиц (женское образование в Российской империи) – историко-правовой и идейно-нравственный аспект // Юридическая мысль. – 2015. – № 2(88). – С. 29-35.
11. Сальников В.П., Иванов В.А. «…И всегда служил не лицам, и не себе, а делу»: Вступительная статья // А.Ф. Кони. Избранные произведения. В 3-х томах. Том. 1. Воспоминания / Вступительная статья В.П. Сальников и В.А. Иванова. – СПб.: Лексикон; Фонд «Университет», 2001. – (Серия: «Сокровищница российской юриспруденции»). – С. 5-7. – в кн. 287 с.
12. Сальников С.П. Правовые идеалы судебной реформы в правосознании российского общества второй половины XIX – начала XX века (историко-правовое исследование): Дис. ... докт. юрид. наук. – СПб., 2006.
13. Смолярчук В.И. Анатолий Федорович Кони (1844-1927) / Отв. ред. Е.А. Скрипилев. – М.: Наука, 1982. – 215 с. – Серия «Научные биографии».
14. Смолярчук В.И. Кони и его окружение. – М.: Юрид. лит., 1990. – 400 с.
15. Учреждение судебных установлений от 20.11. 1864 // СПС “Гарант”: http://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/3450/
16. Флейшиц Е.А. Избранные труды по гражданскому праву. В 2 т. – М.: Статут, 2015. - Т. 1 - 512 с.; Т. 2 - 720 с.
17. Флейшиц Е.А. Обязательства из причинения вреда и из неосновательного обогащения. – М.: Госюриздат, 1951. – 239 с.
18. Флейшиц Е.А. Расчетные и кредитные правоотношения. – М.: Госюриздат, 1956. – 278 с.
19. Флейшиц Е.А. Торгово-промышленное предприятие. В праве западноевропейском и РСФСР. – Л.: Academia, 1924. – 84 с.

БОТЛУНГ Илья Ильич,
советник генерального директора по безопасности Российского Аукционного Дома, магистрант Университета при Межпарламентской ассамблее ЕВРАЗЭС (г. Санкт-Петербург, Россия)

Специальность 12.00.11 – Судебная деятельность, прокурорская деятельность, правозащитная и правоохранительная деятельность

ОСОБЕННОСТИ УЧАСТИЯ АДВОКАТА – ПРЕДСТАВИТЕЛЯ В АДМИНИСТРАТИВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Аннотация. *Рассмотрены и проанализированы дискуссионные вопросы института представительства в административном судопроизводстве. Раскрывается объем полномочий адвоката-представителя в административном судопроизводстве.*

Ключевые слова: *административное судопроизводство; адвокат; представитель.*

BOTLUNG I.I.

FEATURES OF THE PARTICIPATION OF A LAWYER-REPRESENTATIVE IN ADMINISTRATIVE PROCEEDINGS

The summary. *the article considers and analyzes the controversial issues of the Institute of representation in administrative proceedings. The author reveals the scope of powers of a representative lawyer in administrative proceedings.*

Key words: *administrative proceedings; lawyer; representative.*

Одно из основных направлений административно-правовой реформы, проводимой в Российской Федерации, выражается в создании наиболее эффективного механизма административно-юрисдикционного производства. Посредством такого механизма разрешаются такие задачи, как неотвратимость наказания правонарушителя, гарантии соблюдения прав участников процесса. Изначально первый шаг в таком направлении был сделан еще с принятием Кодекса об административных правонарушениях [2]. Данные вопросы являются актуальными и в настоящее время.

С принятием Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации [1] начались весьма интенсивные дискуссии относительно института представительства.

По мнению С.С. Казиханова, институт представительства в административном судопроизводстве представляет весьма серьезную опасностью для беспрепятственного доступа к правосудию [11].

Изначально редакция ст. 55 КАС РФ не обозначала адвокатов в качестве специальных субъектов представительства. Все это определяло различные позиции в юридической науке.

В действующей редакции с учетом положений ч.3 ст.55 КАС РФ, адвокаты должны представлять соответствующие документы, которые удостоверяют их статус адвоката и полномочия. ФЗ от 02.06.2016 № 169-ФЗ [5] внес существенные изменения в КАС РФ, которым был устранен казус о необходимости подтверждения статуса, дипломом о высшем образовании.

До сих пор остаются дискуссионные вопросы, которые связаны с оформлением, а

также подтверждением полномочий адвоката-представителя в административном процессе.

В соответствии со ст.6 ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» [3], полномочия адвоката, который участвует в качестве представителя в процессе, регламентируются положениями процессуального законодательства. В случаях, оговоренных федеральным законодательством, адвокату необходимо и обязательное наличие ордера [6; 8; 19].

Действующая редакция ч.4 ст.57 КАС РФ предусматривает, что полномочия адвоката на участие в процессе в качестве представителя должно быть подтверждено ордером, который выдается соответствующим адвокатским образованием.

Соответственно, с уверенностью можно сказать о том, что ордер адвокату для осуществления судебного представительства просто необходим.

Тем не менее, каких-либо четких критериев относительно участия адвоката в административном судопроизводстве, КАС РФ не содержит. Согласно ч.2 ст.58 КАС РФ, вопрос относительно признания полномочий лиц, участвующих в деле, и их представителей о допуске их к участию в судебном заседании разрешает именно суд. По данному вопросу в свое время велась интересная дискуссия [15].

Именно поэтому можно утверждать тот факт, что если адвокат назначается судом, то доверенности на его участие в административном процессе не требуется. Дополнительно Верховным судом в Обзоре судебной практики № 3 (2015) были даны разъяснения о том, что в случае назначения судом адвоката административному ответчику, его полномочия подтверждаются ордером, выданным соответствующим адвокатским образованием.

Так, адвокат может быть назначен судом в административном процессе в ряде случаев, к которым необходимо отнести:

- место жительство административного ответчика не известно;
- при психиатрическом освидетельствовании в недобровольном порядке;
- в случае отсутствия представителя, а также в иных случаях, предусмотренных федеральным законодательством.

Проводя аналогию с гражданским процессом, без доверенности адвокат может участвовать в административном судопроизводстве в том случае, когда доверитель делает устное заявление о допуске лица в качестве представителя в судебном заседании, а также при поступлении письменного такого заявления.

До сих пор остается открытым вопрос о том, что возможно ли адвокату с ордером, без доверенности реализовывать общие полномочия (заявлять ходатайства, знакомиться с материалами дела и т.д.), а также такое право как выступление в суде.

Формулировки, содержащиеся в КАС РФ, не содержат однозначных трактовок относительно роли, полномочий и оснований участия адвоката в административном судопроизводстве, что можно расценивать как весьма серьезную недоработку со стороны законодателя.

Судебная практике указывает на то, что адвокат подтверждает свой статус в административном судопроизводстве удостоверением, а объем полномочий – ордером, а также доверенностью.

Наличие двойного удостоверения адвокатом своих полномочий в административном процессе объясняется только тем, что использование любого из специальных полномочий может оказать значительное влияние на исход дела.

После того, как КАС РФ был введен в действие, вопросы относительно участия адвоката в административном процессе, нередко становились предметом оспаривания в Конституционном суде РФ.

Критерии квалификации юридической помощи, в том числе и бесплатной юридической помощи [4; 10; 12; 13; 16; 17; 18; 20; 22], вопросы допуска представителей в административный процесс вопреки всем имеющимся проблемам, до сих пор остаются открытыми. Но при этом в любом случае нельзя забывать о том, что квалифицированная юридическая помощь – это деятельность по оказанию юридических услуг, а соответственно должна оказываться лицами, которые обладают специальными познаниями в области юриспруденции [7; 14; 21; 24].

Говорить о профессиональном представительстве в отношении лиц, имеющих диплом о юридическом образовании, не совсем верно. Здесь можно вести речь как минимум о наличии соответствующей квалификации. Как отмечал Г.М. Резник, «квалифицированной в соответствии с мировой практикой может считаться помощь, оказываемая специалистами по праву – как

минимум лицами, имеющими юридическое образование…» [23, стр. 12].

Квалифицированной юридической помощью, в соответствии с п. 1 ст. 1 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ» является адвокатская деятельность. Одним из признаков адвокатской деятельности является профессиональная основа. Именно адвокат – специальный субъект судебного представительства; для адвоката судебное представительство является профессией; об адвокате можно вести речь и как о профессиональном судебном представителе и как о квалифицированном представителе одновременно.

Таким образом, подводя итог, можно сказать о том, что вопросы участия адвоката-представителя в административном процессе до сих пор остаются открытыми. Существующее законодательство по данным вопросам весьма противоречиво, а соответственно нуждается в доработке.

Список литературы

1. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации. – М., 2017.
2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях. – М., 2017.
3. Федеральный закон от 31.05.2002 № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» (ред. от 29.07.2017) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2002. – № 23. – Ст. 2102.
4. Федеральный закон от 21.11.2011 № 324-ФЗ «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации» (ред. от 28.11.2015 № 358-ФЗ) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2014. – № 30 (Часть I). – Ст. 4272.
5. Федеральный закон от 02.06.2016 № 169-ФЗ «О внесении изменений в статьи 55 и 57 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2016. – № 23. – Ст. 3293.
6. Анисимов В.Ф., Акинина Н.Ю. Принципы деятельности российской адвокатуры // Правовое государство: теория и практика. – 2014. – № 3(37). – С. 22-25.
7. Анисимов В.Ф., Акинина Н.Ю. Роль адвокатского сообщества в реализации прав граждан на бесплатную юридическую помощь // Адвокатская практика. – 2013. – № 3. – С. 2-5.
8. Анисимов В.Ф., Акинина Н.Ю. Российская адвокатура: общая характеристика и принципы правозащитной деятельности // Мир политики и социологии. – 2013. – № 11. – С. 97-108.
9. Беспалов Ю. Ф. Комментарий к Кодексу административного судопроизводства Российской Федерации (постатейный научно-практический). – М. : Проспект, 2016. – 289 с.
10. Гасан М.О. Системы бесплатной юридической помощи, правовые основы их функционирования // Мир политики и социологии. – 2017. – № 1. – С. 89-92.
11. Казиханова С.С. Опасные новеллы института представительства по Кодексу административного судопроизводства Российской Федерации // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2016. – № 5. – С. 32-35.
12. Кирилловых А.А. Бесплатная юридическая помощь и правовые основы ее оказания // Адвокат. – 2012. – № 8. – С. 5-20.
13. Курова Н.Н., Вяткина Л.А. Оказание бесплатной юридической помощи в России: развитие института // Адвокат. – 2014. – № 8. – С. 39-46.
14. Меркулова А.Ю. Адвокатура в системе бесплатной юридической помощи // Адвокатская практика. – 2015. – № 3. – С. 17-21.
15. Николаева Л.А., Сальников В.П., Соловьева А.К. Административное судопроизводство: проблемы теории и практики разрешения публично-правовых споров / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2002. – 176 с. – (Серия: «Безопасность человека и общества»).
16. Плетень А.С. Опыт субъектов Российской Федерации в области оказания бесплатной юридической помощи гражданам // Государственная власть и местное самоуправление. – 2008. – № 12. – С. 31-34.
17. Плетень А.С. Реализация конституционного права граждан на получение юридической помощи бесплатно посредством обращения в государственные юридические бюро // Конституционное и муниципальное право. – 2008. – № 7. – С. 7-14.
18. Полникова А.А. Бесплатная юридическая помощь: практика и теория // Юридическая наука: история и современность. – 2015. – № 1. – С. 165-169.

19. Поляков И.В. Современная российская адвокатура: профессиональная и квалифицированная защита прав и свобод граждан // Мир политики и социологии. – 2014. – № 10. – С. 93-97.
20. Пресняков М.В., Васильев А.А. Получатели бесплатной юридической помощи в Российской Федерации // Закон. – 2012. – № 11. – С. 63-71.
21. Радаева Г.О. Как предоставить населению возможность получать качественную юридическую помощь бесплатно? // Адвокатская практика. – 2012. – № 6. – С. 29-32.
22. Радаева Г.О. Проблемы оказания бесплатной юридической помощи в Российской Федерации // Адвокатская практика. – 2012. – № 5. – С. 42-45.
23. Резник Г.М. К вопросу о конституционном содержании понятия «квалифицированная юридическая помощь» // Адвокат. -2007.- № 4. – С. 12.
24. Токмаков И.С. К вопросу об общей характеристике соглашения об оказании юридической помощи // Адвокатская практика. – 2012. – № 4. – С. 16-21.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ И ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА. МЕЖДУНАРОДНОЕ И ЕВРОПЕЙСКОЕ ПРАВО. ИНОСТРАННОЕ ПРАВО

ДАШИН Алексей Викторович,
профессор кафедры теории и истории государства и права Кубанского государственного аграрного университета, доктор юридических наук, профессор (г. Краснодар, Россия)
E-mail: avdashin@mail.ru

Специальность 12.00.01 – Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве

ПРЕДПОСЫЛКИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ АРАБСКИХ ГОСУДАРСТВ НА ТЕРРИТОРИИ СРЕДНЕВЕКОВОГО ЕГИПТА

Аннотация. *Рассматриваются социальные, экономические и политико-правовые причины перехода средневекового Египта под власть Арабского халифата. Формулируется вывод, что основными причинами этого перехода были недовольство константинопольским правлением и религиозная разобщенность внутри страны.*

Ключевые слова: *арабизация; Средневековый Египет; Арабский Халифат; исламизация; Византийская империя; Иран; социально-политический кризис.*

DASHIN A.V.

THE EMERGENCE OF THE ARAB STATES IN THE TERRITORY OF MEDIEVAL EGYPT

The summary. *The article deals with the social, economic, political and legal reasons for the transition of medieval Egypt to the authority of the Arab caliphate. The conclusion is formulated that the main reasons for this transition were discontent with the rule of Constantinople and religious disunity within the country.*

Key words: *Arabization; Medieval Egypt; Arabic Caliphate; Islamization; Byzantine Empire; Iran; social and political crisis.*

Социально-политические и миграционные процессы, происходящие сегодня в мире, уходят своими корнями далеко в прошлое. В особенности – в эпохи, когда взаимопроникновение культур, религий, права и населения происходило особенно интенсивно. Яркий пример подобного взаимодействия, в корне изменивший религиозно-конфессиональный облик Египта, произошел в VII-XII веках.

Со времен Древнего мира завоевательные походы играли важнейшую роль во множестве социальных процессов: ассимиляции лингвоэтнических групп; становлении новых государственностей и государств; появлении и распространении идеологий. Арабские (или мусульманские) завоевания навсегда изменили рисунок

политической карты мира. Начатые еще при жизни основателя ислама пророка Мухаммада, за пару столетий они принесли арабам огромные и богатые территории от Северо-Западной Индии на Востоке и до Испании и Южной Италии на Западе. Арабскими воинами были разбиты многочисленные и хорошо подготовленные армии Персии [7, стр. 71-72], Рима, Хазарского каганата и многих других влиятельных государств того времени.

Что касается особенностей завоевания Египта, то причиной успеха мусульман послужили, во-первых, внешние и внутриполитические внутрисоциальные проблемы Византийской Империи, а во-вторых – полководческие таланты военачальников мусульманских отрядов. В частности, вклад такого мусульманского деятеля как Амра ибн аль-Аса [3, стр. 1], возглавившего завоевательный поход в Египет.

Говоря о внутриполитических и внутрисоциальных проблемах Империи, следует отметить, что особенную интенсивность они приобрели после окончания правления Юстиниана. Это было обусловлено тем, что император, вдохновленный идеей реставрировать Византийскую империю в пределах павшей Римской, в существенной мере израсходовал внутренние ресурсы государства [1]. Эта проблема углубилась при императорах Юстине II, Тиверии, Маврикии и Фоке. И только Ираклий, накануне вторжения арабов, начал проводить многочисленные реформы, которые помогли Византийской Империи избежать полного поглощения арабами, но не сумели обеспечить Египет достойной армией и не разрешили, как и попытки последователей Ираклия Константин III и Констант II, религиозный конфликт.

Относительно внешнеполитических причин падения византийской власти в Египте следует упомянуть длительные конфликты, которые вела Византия с Персией, и которые привели к исчерпанию ресурсов обоих политико-правовых образований. Победы Византии были обусловлены не столько гениальностью византийских полководцев и благополучной социально-экономической ситуацией в Византийской Империи, сколько внутренними распрями, ослабившими Персию.

Помимо вышесказанного успехи мусульман в Египте были обусловлены высоким боевым духом арабской армии и полководческими талантами ее военачальников. Ярким примером является Абу Абдуллаха Амр ибн аль-Ас аль-Кураши, бывший одним из выдающихся лидеров курайшитов – родового племени пророка Муххаммеда, По приходу к власти Абу-Бакра Амр принял участие в кампаниях против Сирии и Палестины; именно он проявил инициативу в вопросе о необходимости завоевания Египта. Согласно дошедшим до нас преданиям, Амру еще до начала мусульманских завоеваний довелось побывать в столице Египта Александрии [3, стр. 74], и он был поражен ее богатством. Будучи уже опытным и уважаемым военачальником, он смог убедить халифа Умара в благоприятном исходе завоевательного похода в египетские земли. Часть исторических источников сообщает о возможных противоречиях, возникших при обсуждении вопроса вторжения и связанных с недостаточной численностью армии (от трех с половиной до четырех тысяч человек), широтой планируемой к захвату территории и новизной кочевой обстановки для воинов, большинство из которых происходило из йеменского племени акк, ведущего оседлый и размеренный образ жизни.

Несмотря на недостаточную подготовленность армии и малое, в сравнении с византийской армией, количество воинов, всего за год Амр смог завоевать весь Египет, включая Александрию.

Причины столь стремительного захвата Египта арабами заключались в явных внутриполитических и религиозных проблемам Египта в частности и Византийской империи в целом.

Объяснение скорости завоевания отчасти кроется в особенностях политической структуры Египта. Со времен фараонов администрация страны оставалась сильно централизованной. В эпоху поздней античности оборону обеспечивал стратег провинции и его армия. Большая часть населения была безоружна и не имела военной подготовки, не было и полунезависимых владык с собственным войском, которые могли бы оказать сопротивление на местах. В этом виден явный контраст с Ираном, где местные властители и князья сохраняли местную культуру и немалую самостоятельность даже после поражения центрального Сасанидского правления. Однако, недостатки военной структуры Египта и тактические промахи Византии не были единственными причинами стремительного поражения ромеев.

К моменту описанных нами завоевательных событий территория Египта была заселена

коптами [2, стр. 144], исповедовавшими, как и большая часть населения Византийской империи, христианство. Однако мир и спокойствие в рамках христианской догматики оказались недолгими, и за периодом единения последовал раскол в рядах его последователей. Оппозиция, которую теперь принято называть коптской церковью, отказалась подчиняться Константинопольским церковным указам, и стала избирать собственного патриарха и епископов, в то время как Византия назначила своего патриарха, выполнявшего тогда и главную административную роль в Египте. Наибольший градус ситуация приняла при назначении на пост патриарха Александрии Кира, который был призван примирить диофизитов и монофизитов под единой монофелитской концепцией. Однако попытки мирного урегулирования конфликтов путем дебатов своих плодов не принесли, и Кир принялся действовать решительно. По всему Египту были разбиты ромейские гарнизоны, а приверженцы коптского патриарха монофизита Вениамина подверглись пыткам и гонениям; сам Вениамин бежал из Александрии. Гонения монахов и священнослужителей продолжались десять лет, и, согласно коптским источникам, отличались особой жестокостью, в это время диофизитские священники-халкедоняне купались в деньгах и роскоши, а их церковные службы проходили пышно и с размахом.

Недовольство константинопольским правлением нарастало. Одно из объяснений тайны завоевания мусульманами Египта кроется и в политике Кира [6, стр. 56] по отношению к арабам. Десятилетие до прихода мусульман он упорно и беспощадно боролся за власть над страной и над египетской церковью. Однако свидетельства как мусульманских, так и христианских источников ясно показывают, что он быстро отказался от надежды отстоять Египет от мусульман и пошел на переговоры, видимо, в надежде на сохранение своей должности наместника.

Положение большинства социальных групп в Египте при византийских императорах стало крайне тяжелым, что обусловлено, как сказано выше, особенностями внутренней политики на этой территории, а также длительной дискриминационной религиозной политикой официальных властей. Данные обстоятельства не способствовали авторитету византийский властей и объясняли поддержку населением персов и арабов-мусульман, выглядящих потенциальными освободителями.

Таким образом, именно недовольство константинопольским правлением и религиозная разобщенность внутри страны создали условия, при которых арабское вторжение завершилось относительно быстрым и легким успехом для мусульман. Византийская армия оказала значительное сопротивление арабским войскам, но местное население не поддержало это сопротивление. Согласно исламским источникам, а именно – трудам Ибн Абд аль-Хакана, четко отграничивавшего коптов от римлян и избегавшего негативных оценок действия египетского населения, коптский патриарх Вениамин поддержал [4, стр. 163] арабских захватчиков, а копты Фарамы во время осады оказывали активную помощь Амру. Как бы то ни было, копты действительно возымели большие надежды на свое избавление от Византии и если и не поддерживали захватчиков, то и не оказывали помощи византийскому гарнизону. Арабское завоевание завершило отделение Египта от остального христианского мира и в дальнейшем история коптов оказалась навсегда связанной с арабской культурой, языком и исламом.

Список литературы

1. Дигесты Юстиниана / Отв. ред. Л.Л. Кофанов. – М.: Статут, 2002.– 584 с.
2. Ибн Абдальхакам, Завоевание Египта, ал-Магриба и ал-Андалуса / Пер. с арабского С.Б. Певзнера. – М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1985. – 442 с.
3. Bahramian A., Negahban F. Amr b. al-Ā // Encyclopaedia Islamica. 2008.
4. Bierbrier, Morris Historical Dictionary of Ancient Egypt. Scarecrow Press. 2008.
5. Kennedy, Hugh The Great Arab Conquests: How the Spread of Islam Changed the World We Live in, Da Capo Press 2007.
6. Nisan, Mordechai Minorities in the Middle East. McFarland. 2002.
7. Rosenwein, Barbara H. A Short History of the Middle Ages. Ontario. 2004.

ХАЧАТУРОВ Рудольф Левонович,
декан юридического факультета Тольяттинского государственного университета, доктор юридических наук, профессор (г. Тольятти, Россия)
E-mail: r_hachaturov@mail.ru

Специальность 12.00.01 – Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве

ЮРИДИЧЕСКАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ В СОЦИОНОРМАТИВНОЙ СИСТЕМЕ СТРАН ДРЕВНЕГО ВОСТОКА

Аннотация. *Исследуются древневосточные памятники права, в которых нашло отражение зарождение института юридической ответственности. Как социальное явление и средство общественного регулирования юридическая ответственность появилась вместе с зарождением человеческого общества. Изначально она имела форму нравственной ответственности, закрепленной в обычаях. Возникновение и развитие религии привело к складыванию воззрений о том, что обычаи являются заветами богов, поэтому нарушение обычая стало восприниматься как проступок против бога. С возникновением государства обычаи получили одобрение со стороны официальной власти, приобретя форму исторически первого источника права – правового обычая, посредством которого делались первые попытки закрепления института юридической ответственности.*

Ключевые слова: *юридическая ответственность; Древний Восток; Авеста; Законы Ману; преступление; наказание; правовой обычай.*

KHACHATUROV R.L.

LEGAL RESPONSIBILITY IN THE SYSTEM OF NORMATIVE REGULATION OF THE ANCIENT EASTERN COUNTRIES

The summary. *The article is devoted to ancient Eastern monuments of law, which reflected the origin of the institute of legal responsibility. As a social phenomenon and a means of social regulation, legal responsibility appeared together with the birth of human society. It was originally a form of moral responsibility enshrined in custom. The emergence and development of religion led to the formation of beliefs that customs are covenants of the gods, so the violation of custom was perceived as a offence against God. With the emergence of the state, customs were approved by the official authorities, taking the form of the historically first source of law, the legal custom, through which the first attempts were made to establish the institution of legal responsibility.*

Key words: *legal responsibility; Ancient East; Avesta; the Laws of Manu; crime; punishment; legal custom.*

Институт юридической ответственности возник в период становления государства и права, когда значение действующих правовых сводов приобретали определенным образом систематизированные и санкционированные государством обычаи, регулировавшие общественные отношения еще при первобытно-общинном строе.

Значительный интерес с точки зрения зарождения института юридической ответственности представляет обращение к древневосточным

правовым памятникам, древнейшим из которых признается свод священных, обычных и юридических норм древних иранцев «Авеста». Предписания правового характера содержатся в одной из книг «Авесты», которая носит название «Видевдат», или «Закон против дэвов» [1].

«Видевдат» уделяет значительное внимание вопросу о преступлениях и наказаниях. Все упоминаемые в «Авесте» преступления по объекту посягательства можно разделить на несколько групп: против религии, против личности, против животных, против нравственности, против имущества.

Среди религиозных преступлений следует назвать клятвопреступления (IV, IVa), обучение еретической вере (XVIII, I, 9, 10), нарушение ритуальной чистоты и ритуальных правил (VI, I – осквернение воды, земли и растений; VII, IX – предоставление воды для питья женщине, родившей мертвого ребенка; VIII, IV, 24, 25 – накрытие мертвого тела; XVI, 13-18 – прикосновение или половое сношение с женщиной в период месячных и др.).

Совершение подобных правонарушений влекло применение к виновному телесного наказания в виде ударов плетью и хлыстом; за совершение клятвопреступления предписывалось вырезать преступнику кусок плоти, за повторное совершение во второй, третий или четвертый раз – заковать в железные кандалы, приковать к скале, отправить в изгнание, соответственно.

Говоря о преступлениях против личности, необходимо отметить, что в «Авесте» различаются угроза совершения преступления («если человек взялся за оружие»), нападение («если замахнулся он им (оружием)») и ранение («если ударяет он им (оружием) кого-либо со злобным намерением») (IV, II, 17). «Авесте» известно несколько видов ранений: «ранение до ушиба», «до крови», «до перелома кости», «до смерти» (IV, II). Для лица, виновного в совершении указанных преступлений, предусматривалось телесное наказание – удары плетью и хлыстом.

Известен институт рецидива, который выступал в качестве отягчающего ответственность обстоятельства (IV, II, 18, 20, 22, 23, 27, 28 и др.).

Значительное число положений «Видевдата» посвящено преступлениям против животных. При этом особое внимание уделено жестокому обращению с собаками и нарушению установленных по отношению к собакам обязательств.

Так, нарушение обязанности ухаживать за беременной собакой, в результате чего щенки рождались мертвыми, влекло наказание, как за предумышленное убийство (XV, III). Избиение готовой ощениться собаки наказывалось 700 ударами плетью, 700 ударами хлыстом (XV, IV).

Наказывалось по нормам Видевдата кормление собаки пастуха или домохозяина непригодной для кормления пищей: «… когда некто дает собаке пастуха или домохозяина нераздробленные кости и слишком горячую пищу; Если кости застрянут в глотке у собаки или повредят ей зубы; или если пища обожжет ей пасть или язык, и собака может тяжко захворать – этот человек становится грешником» (XV, I, 4). Обвиняемого ждало наказание в 200 ударов плетью и хлыстом. То же наказание должно было постичь того, кто избивал беременную собаку или совершал действия, запугивающие её («бегая за ней, крича или хлопая в ладоши»), а также, если, убегая, собака падала в яму, колодец, в реку и тяжело заболевала (XV, I, 3-6).

Каралось убийство взрослой собаки пастуха или домохозяина, а также щенка, причинение ей телесных повреждений (отрезание уха, лапы), если это приводило к невозможности для собаки охранять стадо или дом от воров. Предусматривалась ответственность и за убийство других животных (XIII).

Преступления против нравственности представлены следующими составами: отказ отца ребенка в уходе за его беременной матерью и понуждение им матери ребенка сделать аборт (при этом наказание как за предумышленное убийство налагалось на отца и мать ребенка, а также на повитуху, способствовавшую выкидышу (XV, II)), проституция (XVIII, IV), мужеложство, наказуемое ударами плетью и хлыстом (VIII, V).

Группа имущественных преступлений представлена в Видевдате различными видами воровства (кража, грабеж, разбой, мошенничество). Самостоятельный состав правонарушения образовывала «скупость». Скупой человек считался «вором испрашиваемой вещи» [9, стр. 86]. К воровству приравнивалось также невозвращение долга: «Тот, кто не возвращает долга человеку, одолжившему ему, крадет вещь и обворовывает человека. И делает он это ежедневно и еженощно, пока хранит он в доме своем собственность соседа своего как свою личную»

(IV, I).

В другом древневосточном памятнике права, синхронном времени кодификации «Авесты», – древнеиндийских «Законах Ману» (II в. до н.э. –II в. н.э.) юридическая ответственность предусматривалась за совершение четырех групп преступлений: государственных, имущественных, против личности, против семьи [6].

За совершение таких государственных преступлений, как похищение царской казны, противодействие исполнению царских приказов, содействие врагам царя, «Законы Ману» предписывают «карать различными наказаниями» (IX. 275). Взламывание царского склада, арсенала и кража царских слонов, лошадей, колесниц должны были караться «без промедления» (IX. 280). В обоих случаях конкретный вид и размер наказания не устанавливаются.

Наказанию в виде конфискации имущества подлежали купцы, нарушающие монополию царя на торговлю отдельными видами товаров (VIII. 399).

К числу государственных преступлений относилось также лжесвидетельство, посягающее на порядок царского судопроизводства. Различались лжесвидетельство «из жадности», «из глупости», «из страха», «из дружбы», «из любви», «из гнева», «из невежества», «из беспечности». Наказание за данное преступление зависело от сословной принадлежности нарушителя. Кшатрии (воины), вайшьи (земледельцы, торговцы, ремесленники) и шудры (слуги) подвергались штрафу и изгнанию, брахманы (жрецы) – только изгнанию (VIII. 120-123).

Среди имущественных преступлений «Законы Ману» называют воровство, различая при этом кражу как тайное хищение имущества, и грабеж как хищение чужого имущества с применением насилия. Наказание зависело от размера украденного, времени совершения преступления (VIII. 332).

Преступления против личности представлены причинением смерти, оскорблением словом и действием, изнасилованием. Умышленное убийство наказывалось смертной казнью. Вместе с тем, убийство совершенное в состоянии необходимой обороны (при защите себя, жертвенных даров, женщин и брахманов), влекло освобождение от ответственности (VIII. 349).

Оскорбление словом предусматривало санкции в виде штрафа, телесного или членовредительского наказания. При этом вид и размер наказания определялся статусом жертвы. Так, представители трех высших сословий – брахман, кшатрий и вайшья – могли быть подвергнуты только взысканию штрафа, а шудра – главным образом, телесным и членовредительским наказаниям. Штраф за оскорбление представителя вышестоящей варны был выше (ЗМ, VIII. 267-277).

Оскорбления действием наказывались по принципу символического талиона: «Тот член, каким человек низший ударит высшего, именно он у него должен быть отрезан, таково предписание Ману» (VIII.279).

Изнасилование каралось телесным наказанием: «Кто обесчестит девушку против ее воли, тот немедленно подлежит телесному наказанию; но человек, обесчестивший с ее согласия, не подлежит телесному наказанию, если он равен ей» (VIII. 364).

Преступления против семьи представлены в «Законах Ману» прелюбодеянием. Объективную его сторону составляли «услужливость, заигрывание, прикосновение к украшениям и одеждам, а также совместное сидение на ложе» (VIII. 357). В качестве наказания предусматривалась смертная казнь (VIII.359).

Как социальное явление и средство общественного регулирования юридическая ответственность появилась вместе с зарождением человеческого общества. Изначально она имела форму нравственной ответственности, закрепленной в обычаях. Возникновение и развитие религии привело к складыванию воззрений о том, что обычаи являются заветами богов, поэтому нарушение обычая стало восприниматься как проступок против бога [8, стр. 114]. С возникновением государства обычаи получили одобрение со стороны официальной власти, приобретя форму исторически первого источника права – правового обычая, где делались первые попытки закрепления института юридической ответственности [2; 3; 4; 5; 7].

Список литературы

1. Авеста. Закон против дэвов (Видевдат). – СПб: Политех. ун-т, 2008. – 301 с.
2. Артамонова Г.К, Бабаджанов И.Х, Горбашев В.В, Реуф В.М. Социально-правовое развитие общества и трансформация обычаев в праве // Мир политики и социологии. – 2012. – № 9. – С. 75-92.
3. Дашин А.В. «Обычное право» как феномен: генезис и эволюция // Юридическая наука: история и современность. – 2015. – № 10. – С. 25-38.
4. Дашин А.В. Обычное право как структурно-функциональный элемент национальной правовой системы: историко-теоретический и сравнительно-правовой анализ: Дис. … докт. юрид. наук. – СПб., 2006. – 431 с.
5. Дашин А.В., Сальников М.В. Страны англосаксонской семьи: обычай в национальной правовой системе // Правовое поле современной экономики. – 2015. – № 10. – С. 52-70
6. Законы Ману / Перевод С. Д. Эльмановича, проверенный и исправленный Г.Ф. Ильиным. – М.: Наука, 1992. – 361 с.
7. Ковалевский М. Закон и обычай на Кавказе. В двух томах. – Майкоп: Афиша, 2006. – 528 с.
8. Хачатуров Р.Л. Истоки юридической ответственности // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. – Серия: Юридические науки. – 2016. – № 3(26). – С. 114-119.
9. Хачатуров Р.Л. Липинский Д.А. Общая теория юридической ответственности: Монография. – СПб: Юридический центр Пресс, 2007. – 950 с.

ФИЛОСОФИЯ ПРАВА. ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА И ПРАВОСОЗНАНИЕ. СОЦИОЛОГИЯ ПРАВА И ЮРИДИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

ПРОКОФЬЕВ Константин Георгиевич,
и.о. ректора Курганского государственного университета, кандидат юридических наук (г. Курган, Россия)
E-mail: 775777@bk.ru

САЛЬНИКОВ Виктор Петрович,
главный редактор журнала «Юридическая наука: история и современность», доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации (г. Санкт-Петербург, Россия)
E-mail: Fonduniver@bk.ru

ПОЛИВКО Елена Анатольевна,
проректор Курганского государственного университета по правовой и административной работе (г. Курган, Россия)
E-mail: e_polivko@mail.ru

Специальность 12.00.01 - Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве

ДЖ. РОЛЗ О ПРАВЕ И МОРАЛИ: ОПЫТ ПРЕОДОЛЕНИЯ ЮРИДИЧЕСКОГО ПОЗИТИВИЗМА

Аннотация. *Дж. Ролз трактует моральные законы как опосредующее звено между философской идеей права и реальными правами личности, на которые мы должны ориентироваться в эмпирическом взаимодействии с другими индивидами. При этом он отвергает роль государства как выразителя всеобщей нравственной идеи блага. Тем самым Ролз вынужден свести содержание моральных законов к результатам коммуникации. При всей ошибочности данной позиции она представляет собой более высокую точку зрения по сравнению с юридическим позитивизмом.*

Ключевые слова: *Ролз; коммуникация; общественный договор; право; мораль; справедливость.*

PROKOFIEV K.G.
SAL'NIKOV V.P.
POLIVKO E.A.

J. RAWLS ON LAW AND MORALITY: THE EXPERIENCE OF OVERCOMING LEGAL POSITIVISM

The summary. *J. Rawls interprets moral laws as a mediating link between the philosophical idea of law and the real rights of the individual, to which we should be guided in empirical interaction*

with other individuals. However, he rejects the role of the state as the spokesman for the universal moral idea of the good. Thus, Rawls is forced to reduce the content of moral laws to the results of communication. With all the erroneousness of this position, it represents a higher point of view compared with legal positivism.

Key words: *Rawls; communication; social contract; right; morality; justice.*

Главное этико-правовое произведение известного американского правоведа Джона Ролза «Теория справедливости», было опубликовано без малого полвека тому назад, в 1971 году. Однако современные публикации философско-правового характера однозначно говорят о его востребованности и актуальности [1, стр. 27-98; 2, стр. 135-148; 14, стр. 288-295; 15, стр. 121-180]. Причину этого в предельно общем виде выразил Ю. Хабермас, указывая на то, что Дж. Ролзу удалось осуществить «всеобщую реабилитацию проблематики философии права, ориентированной на рациональную традицию» [16, стр. 79]. Эту традицию немецкий философ связывает с именами Г.В.Ф. Гегеля и А. Смита, тем самым прямо характеризуя Дж. Ролза как ученого, восстанавливающего взгляд на этико-правовые проблемы, характерный прежде всего для классического наследия.

Как нам представляется, Дж. Ролз интересен прежде всего тем, что ему в условиях практически полного господства на Западе юридического позитивизма удалось создать концепцию права и морали, благосклонно принятую научным сообществом как проявление философии права [3]. Во много это оказалось возможным благодаря опоре Дж. Ролза на идеи и методы неокантианства, которое в интерпретации, приданной ему Г. Кельзеном, смогло стать приемлемым для научного сообщества, ориентированного на принципы аналитической философии [7].

Тем не менее, значительную часть своей работы Дж. Ролз вынужден посвятить критике утилитаризма в праве, представляющему своего рода американский вариант юридического позитивизма [15, стр. 125-128]. Основным полем для дискуссии с утилитарзмом здесь служит принципиальный вопрос о правах и свободах личности. Если для сторонников утилитаризма основанием фундаментальный прав и свобод служат эмпирические принципы, то Ролз, апеллирует к моральным законам, для которых он, вслед за И. Кантом, считает принципиально недопустимым выдвигать какие-либо эмпирические основания. Но следуя за Кантом, американский правовед столь же ошибочно дает моральным законам чисто субъективистское толкование. Так, Ролз отвергает идею всеобщего блага, или абсолютного добра, на которой основываемся классическая философия права [6, стр. 42-43; 10, стр. 70-85; 11, стр. 22-28]. Общность моральных законов, согласно его учению, отражает только единство форм познания, но никак не всеобщее единство бытия и мышления, объективного и субъективного.

В соответствии с позицией Ролза, «принципы справедливости, не опирающиеся на общую концепцию блага, лишь задают структуру основных прав и свобод, в рамках которой отдельные индивиды — каждый со своими целями, интересами и убеждениями — получают возможность претворять в жизнь свои представления о благе» [4, стр. 427]. Однако в таком случае сами эти права и свободы лишаются внутреннего содержания. Если разум способен лишь задавать их «структуры», то вопрос о содержательном наполнении этих форм либо снимается (что, по сути, равносильно отмене самой проблематики прав и свобод личности), либо также переносится в чисто субъективную плоскость.

Очевидно, что Ролз должен выбрать второй путь. При этом он оставляет за скобками своей концепции вопрос о роли государства как выразителя всеобщей нравственной идеи [5, стр. 20-21], столь же ошибочно полагая, что роль государства сводится только к обеспечению свободы слова в процессе согласования индивидуальных представлений о благе, согласования индивидуальных целей и позиций. «Государство, следовательно, обязано выступать нейтральным арбитром в конфликтах и спорах индивидов,

имеющих различные представления о благе. Государство не должно отдавать предпочтения ни одной из индивидуальных позиций. Требование нейтральности государства как некое логическое завершение и обобщение либерального принципа веротерпимости – ключевая характеристика либерализма Ролза» [4, стр. 427].

Отвергая роль государства как выразителя всеобщей нравственной идеи блага и, соответственно, требуя его нейтральности в вопросах морали, Ролз неизбежно должен свести содержание моральных законов к эмпирически фиксируемым результатам коммуникации основных акторов социального взаимодействия. Поэтому правовед-неокантианец О. Хёффе имел, конечно же, полное право указать на действительный эмпиризм в трактовке Розом права, морали, справедливости: «Ролз ведет поиски эмпирической теории справедливости, оставляя при этом вопрос о правомочности самой перспективы справедливости открытым. Разумеется, объектом ролзовской теории является справедливость – феномен нормативный, а применительно к нормативным феноменам эмпирическая теория принимает несколько иной вид, нежели к естественно-научным» [13, стр. 23-24].

При всей ошибочности теоретической позиции Ролза она все же представляет собой более высокую точку зрения по сравнению с утилитаризмом в той мере, в какой неокантианство выше юридического позитивизма. Не случайно Ю. Хабермас в своей работе 1994 г. «Фактичность и значимость. Идеи к дискурсивной теории права и демократического правового государства» стремится взять себе в союзники Ролза, который, фактически, предвосхищает его теорию коммуникативного разума. В своей социальной критический теории Хабермас трансформирует теорию коммуникативного разума в научную модель делиберативной демократии.

Однако поскольку как моральные цели, так и сама идея блага, в концепции Ролза не несут абсолютного начала, они могут пониматься лишь как результат более или менее сложно организованной конвенции. Таким образом, концепция Ролза – это по-прежнему всего лишь новая модификация теории общественного договора. В своей «Теории справедливости» Ролз прямо определяет ее задачу как опыта обобщения теории общественного договора Локка, Руссо и Канта с тем, чтобы поднять ее на более высокую ступень научной абстракции [15, стр. 121-122]. Но как нам представляется, ценным исследование Ролза делают не эти общетеоретические построения, которые не сложно редуцировать до их классических прототипов (в данном случае – теории общественного договора), а выдвигаемые им методологические способы воспроизводства социального консенсуса по вопросам морали и базовых принципов права.

Ролз стремится к достижению проекта общества, основная, «базовая», структура которой была бы устроена таким образом, чтобы все его участники могли бы согласовать в ее рамках свои частные интересы. Под «базовой структурой общества» Ролз понимает принципы и институты, в соответствии с которыми формируется процедура «распределения» прав, возможностей и других основных социальных ценностей, в своей совокупности трактуемых как некая модель справедливости, лежащая в основе конституции государства и правопорядка. «Справедливость – это первая добродетель общественных институтов, точно так же как истина – первая добродетель систем мысли» [9, стр. 19].

В базисной структуре общества люди занимают различные социальные положения от рождения, имеют различные ожидания, которые определяются как политической системой, так и экономическими и социальными обстоятельствами. Все это создает существенное неравенство. Именно к такого рода неравенствам, по предположению, неизбежным в базисной структуре любого общества (государства), должны, в первую очередь, применяться принципы социальной справедливости. Эти принципы регулируют выбор политического устройства и основные элементы социальной и экономической системы. По Дж. Ролзу, справедливость социальной системы существенно зависит от того, как приписываются индивидам фундаментальные права и обязанности, а также от экономических возможностей и социальных условий, складывающихся в различных слоях общества [9, стр. 22]. При этом Дж. Ролз заявляет об ограничениях сферы его исследования этого вопроса в двух отношениях: прежде всего, он имеет дело со специальным случаем проблемы справедливости. Он не рассматривает справедливость институтов и социальных практик вообще, как и отдельные случаи справедливости международного права и отношений между государствами [9, стр. 23].

Дж. Ролз находит достаточным, если ему удастся сформулировать разумную концепцию справедливости для базисной структуры общества, временно рассматриваемой в качестве замкнутой системы, изолированной от других обществ [1, стр. 85].

По мнению Ролза, в правовом дискурсе не должен ставиться вопрос о предпочтительности одной определенной базовой структуры перед другой аналогичной структурой, поскольку общество должно руководствоваться не целями или ценностями, заданными институционализированными структурами, а этико-правовыми предпочтениями заинтересованных в консенсусе сторон. В данном контексте Ролз видит цель философии права в том, чтобы достичь более четкого понимания основных структур понятия справедливости в контексте теории общественного договора, а также в том, чтобы дать видение и понимание ориентиров его дальнейшей разработки. В этом контексте Ролз стремился к тому, чтобы в соответствии с принципами своей теории сформировать коммуникативное поле для выработки общих легитимных принципов справедливости. В практическом плане он стремился решить эту задачу на доступном ему метатеоретическом уровне, задавая серию последовательных импульсов для научной дискуссии. Справедливо признать, что эта творческая программа удалась, поскольку именно работы Ролза вызвали к жизни дискуссию либералов и коммунитаристов, в самой значительной степени определившую пространство политической и политико-правовой мысли последней трети XX столетия [2, стр. 143-144].

В соответствии общими принципами своей теории Дж. Ролз пытался сформировать коммуникативное поле для выработки общих легитимных принципов справедливости, способных противостоять кризису современного западного общества и государства. В современном западном обществе с его нарушенной системой коммуникаций оказываются неизбежными противоречия между рациональностью действий государства и стихийностью процессов развития общества, прежде всего в экономической сфере. Эти противоречия оборачиваются нарастающим кризисом самой рациональности в сфере государственного управления, утратой управляющего фокуса по отношению экономики, снижением потенциала доверия к государству со стороны его граждан. Кризис системы «личность-общество-государство» не может не иметь своим результатом кризис легитимности правовых и моральных норм, который приводит к дальнейшему углублению общественного кризиса, деградации структур общественности и искажению коммуникационных процессов, теряющих свои действительные нравственно-правовые основания [8, стр. 189]. Теория Дж. Роза является попыткой найти практический рациональный выход из этих противоречий и одновременно служит способом их внешнего проявления.

Список литературы

1. Идея справедливости в традициях постклассической философии права: Научное издание / Р.Ф. Исмагилов, Д.В. Масленников, В.П. Сальников, С.И. Захарцев, М.В. Сальников, Л.К. Петросян, А.В. Черняева. – СПб.: Фонд «Университет», 2012. – 176 с.
2. Исмагилов Р.Ф., Сальников В.П. Право и справедливость: исторические традиции и современные модели (Историко-правовой анализ теоретических исследований актуальных вопросов отношения идеи права и идеи справедливости в XX-XXI вв.): Монография. – СПб.: Фонд «Университет», 2017. – 324 с. (Серия: «Наука и общество»).
3. Исмагилов Р.Ф., Сальников В.П. Справедливость и право в концепции Джона Ролза // Мир политики и социологии. - 2017. - № 1. - С. 11-17.
4. История философии: Запад – Россия – Восток (книга четвертая: Философия XX в.). - М.: «Греко-латинский кабинет» Ю.А. Шичалина, 2000. – 448 с.
5. Масленников Д.В., Ревнова М.Б. Отношение религии и государства в философии права Г.В.Ф. Гегеля // Юридическая мысль. – 2018. - № 1. - С. 20-25.
6. Масленников Д.В. Право как форма различения добра и зла // Юридическая мысль. – 2015. - № 6. - С. 42-47.

7. Масленников Д.В., Крушельницкий М.А. Понятие основной нормы как предпосылка неокантианской модернизации Гансом Кельзеном юридического позитивизма // Юридическая мысль. – 2016. - № 6. - С. 49-53.
8. Масленников Д.В., Покровский И.Ф., Степашин С.В. Идея справедливости как онтологическое основание права: новые исследования петербургских правоведов. Рецензия на монографию Р.Ф. Исмагилова, В.П. Сальникова «Право и справедливость: исторические традиции и современные модели» (Историко-правовой анализ теоретических исследований актуальных вопросов отношения идеи права и идеи справедливости в XX-XXI вв.) (Санкт-Петербург, 2017) // Юридическая наука: История и современность. – 2017. – № 4. – С. 186-192.
9. Ролз Дж. Теория справедливости. – Новосибирск: Новосибирский ун-т, 1995. – 532 с.
10. Сальников В.П., Сальников М.В. Правовая культура и политико-правовые традиции в контексте абсолютных ценностей // Юридическая мысль. – 2014. - № 4(84). – С. 70-86.
11. Сальников В.П., Романовская В.Б., Сальников М.В., Горбунов М.Д. Абсолютное и относительное в естественном праве // Мир политики и социологии. – 2015. - № 11.- С. 22-29.
12. Сальников В.П., Романовская В.Б., Сальников М.В., Романовская Л.Р. Религиозные и иные духовные традиции как защита от угрозы деградации общества // Юридическая наука: история и современность. – 2015. - № 7. – С. 173-179.
13. Хёффе О. Политика, право, справедливость. Основоположения критической философии права и государства. - М.: Гнозис, 1994. – 319 с.
14. XXVI World Congress of Philosophy of Law and Social Philosophy. – Belo Horizonte: Forum, 2013.
15. Braun J. Rechtsphilosophie im 20. Jahrhundert. Die Rückkehr der Gerechtigkeit. München, 2001.
16. Habermas J. Faktizität und Geltung: Beitrag zur Diskurstheorie des Rechts und des dem. Rechtsstaates. Frankfurt/ Main, 1994.

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Научный журнал «Юридическая наука: история и современность» публикует научные статьи и материалы различной экономико-правовой тематики, отвечающие требованиям научной новизны, актуальности, фундаментальности и аргументации выводов.

Редакция принимает к рассмотрению научные статьи на русском языке. Срок принятия решения о публикации – не более двух месяцев с даты регистрации рукописи.

Основанием для включения статьи в журнал является:

- положительная рецензия независимого рецензента, определяемого редакционным советом журнала;
- для аспирантов дополнительно – отзыв-рекомендация научного руководителя;
- издательский договор с автором статьи;
- лицензионный договор о передаче прав на использование произведения автора;
- выполнение правил представления рукописей и требований к их оформлению.

Требования к оформлению статьи.

1. Электронный вариант статьи предоставляется в формате Word или RTF, кегль 14 «Times New Roman».
2. Бумажный вариант статьи предоставляется в двух экземплярах форматом А4, печать текста через полтора интервала.
3. Объем статьи – не менее 12 стр., но не более 18 стр. (до 40 000 знаков, включая пробелы); объем статьи для аспирантов и соискателей ученой степени кандидата наук – не менее 6 стр. 4. Рисунки встраиваются в формате BMP, диаграммы – в формате Excel, таблицы – в формате Word.
5. Аннотация статьи – на русском и английском языках (не более 1000 знаков, включая пробелы).
6. Ключевые слова – на русском и английском языках (не более 7).
7. Затекстовые ссылки (на русском и английском языках) оформляются в соответствии с библиографическими требованиями, размещаются после текста статьи под заголовком «Список литературы». Источники располагаются по алфавиту. Для связи затекстовых библиографических ссылок с текстом статьи используют знак отсылки, который приводят в виде цифр (порядковых номеров). Отсылки в тексте статьи заключаются в квадратные скобки. Если ссылку приводят на конкретный фрагмент текста документа, в отсылке указываются порядковый номер и страницы. Сведения разделяют запятой. Например:
   - в тексте: [7, стр. 15].
   - в затекстовой ссылке: 7. Бачинин В.А., Сальников В.П. Правовая реальность в контексте цивилизации и культуры. Методология причинного анализа: Монография / Под ред. В.П. Сальникова. – СПб: Фонд «Университет», 2005. – 224 с. – (Серия: «Наука и общество»).
8. Если автор считает необходимым привести ряд комментариев, то перед списком литературы необходимо создать раздел под заглавием «Примечания», в котором в порядке очередности будут указаны авторские уточнения или пояснения, обозначенные в тексте одной и несколькими (до трех) звездочками.
9. Специальные символы (например, греческие, древнерусские и другие редкие буквы) оформляются в виде картинки или сопровождаются шрифтами с данными символами.

К тексту статьи прилагаются данные об авторе:

1. Ф. И. О. автора (полностью на русском и английском языках).
2. Полное название (на русском и английском языках) организации, где работает автор, с указанием города, страны.
3. Почтовый адрес.
4. Контактный адрес: E-mail, телефон, факс.
5. Ученая степень и звание.

6. Основные направления научных исследований.

7. Специальность по Номенклатуре специальностей научных работников.

8. Для аспирантов и соискателей: научный руководитель (Ф. И. О., научная степень, ученое звание, должность).

Обязательными компонентами условий включения статьи в научный журнал являются:

- представление автором текста статьи и комплекта сопутствующих документов в строгом соответствии с вышеназванными требованиями, подтверждаемое получением регистрационного номера;
- подписание лицензионного договора;
- предварительная оплата автором научного рецензирования статьи (рецензентом, определяемым редакционным советом журнала).

Рукопись статьи направляется рецензентам после поступления на счет Издательства оплаты по договору на этот вид деятельности.

Печать статьи в порядке естественной очередности с предоставлением одного экземпляра ее оттиска при получении положительной рецензии производится для автора бесплатно. Оплата расходов за редактирование и полиграфию осуществляется за счет средств Фонда поддержки науки и образования в области правоохранительной деятельности «Университет».

В случае необходимости срочной публикации статьи Издательство может после получения положительной рецензии за отдельную плату реализовать определяемый автором ускоренный выход статьи в свет: один, полтора, два, два с половиной, три или три с половиной месяца после подписания журнала в печать.

В этом случае автор также компенсирует все затраты по выпуску его статьи. Автору предоставляется один экземпляр журнала с собственной статьей.

Плата за опубликование рукописей аспирантов не взимается.

По просьбе автора могут предоставляться дополнительные платные услуги:

1. Одно повторное рецензирование статьи, в случае неположительной первой рецензии.

2. Литературное редактирование.

3. Написание и перевод на английский язык текста аннотаций, перечня ключевых слов, затекстовых ссылок

4. Продажа дополнительных экземпляров журнала на льготных условиях.

5. Предоставление библиографического описания и электронной версии окончательного варианта статьи с указанием страниц в журнале сразу после появления оригинал-макета номера журнала.

Перечень обязательных и дополнительных услуг, а также полная стоимость публикации статьи в журнале определяется издательским договором.

Рукопись статьи и сопутствующие ей документы направляются на редактирование и в печать после поступления средств на счет по издательскому договору. Авторские гонорары не выплачиваются. Рукописи и сопутствующие материалы не возвращаются.

Материалы просим присылать по адресу:

Фонда поддержки науки и образования в области правоохранительной деятельности «Университет»
Редакция журнала «Юридическая наука: история и современность»,
198261, Санкт-Петербург, пр-т Ветеранов, д. 114, корп. 1, лит. Б
тел.: 8 (901) 370-00-25, тел./факс: 8 (812) 755-56-58
E-mail: fonduniver@bk.ru

www.fonduniver.ru

Федеральная служба
по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор)

СВИДЕТЕЛЬСТВО

О РЕГИСТРАЦИИ СРЕДСТВА МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ

ПИ № ФС77-40503 *от 01 июля 2010 г.*

Название *Юридическая наука: история и современность*

Адрес редакции *198261, г. Санкт-Петербург, пр-т Ветеранов, д. 114, корп. 1, лит. Б*

Примерная тематика и (или) специализация *Научная; реклама не более 40 %*

Форма периодического распространения *журнал*

Язык(и) *русский*

Территория распространения *Российская Федерация*

Учредитель (соучредители) *Общество с ограниченной ответственностью "Образовательный центр «СоветникЪ"*
(198261, г. Санкт-Петербург, пр-т Ветеранов, д. 114, корп. 1, лит. Б)

Заместитель Руководителя **Р.В. Шередин**

Начальник Управления разрешительной работы в сфере массовых коммуникаций **М.Ю. Ксензов**

Настоящее свидетельство выдано в соответствии с Законом Российской Федерации от 27 декабря 1991 года № 2124-1 "О средствах массовой информации".
Нарушение законодательства Российской Федерации о средствах массовой информации влечет ответственность в соответствии с законодательством Российской Федерации.

017612

Редактор О.П. Человечкова, к.ю.н.
Технический редактор Д.А. Ларин

ФЕДЕРАЛЬНЫЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
«ЮРИДИЧЕСКАЯ НАУКА: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ»

2018, № 2

Выход в свет 28.02.2018. Формат 60 x 84 $^{1}/_{8}$. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Объем 18,5 уч.-изд. л.; 27,5 усл. печ. л. Тираж 500 экз. Заказ № 304.

Отпечатано на полиграфической базе
Фонда содействия науке и образованию в области правоохранительной деятельности «Университет»
198261, Санкт-Петербург, пр. Ветеранов, д. 114, корп. 1, лит. Б
тел.: 8 (901) 370-00-25; E-mail: fonduniver@bk.ru; www.fonduniver.ru

ЛИДЕРКОНСАЛТ

ВЕРНОЕ РЕШЕНИЕ

ГРУППА КОМПАНИЙ «ЛИДЕР КОНСАЛТ» - это холдинговая структура, успешно функционирующая с 2006 года. Наш секрет прост: мы сочетаем профессиональный опыт, инновационные технологии и абсолютно прозрачные принципы работы.

Наша миссия – ежедневно открывать новые возможности для наших клиентов, партнеров, сотрудников, а также для тех, кто нуждается в поддержке со стороны общества.

«ЛИДЕР КОНСАЛТ» РАСПОЛАГАЕТ ВСЕМИ ВОЗМОЖНОСТЯМИ ДЛЯ КОМПЛЕКСНОГО СОПРОВОЖДЕНИЯ БИЗНЕСА БЛАГОДАРЯ РАЗВИТОЙ СИСТЕМЕ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ.

ЛИДЕРКОНСАЛТ ПЕРСОНАЛ

«Лидер Консалт Персонал» специализируется на поиске и предоставлении персонала на федеральном уровне для компаний, функционирующих в ключевых отраслях экономики.

ЛИДЕРКОНСАЛТ СПЕЦИАЛЬНЫЕ СИТУАЦИИ

«Лидер Консалт Специальные Ситуации» специализируется на разрешении конфликтных ситуаций, вызвавших пристальное внимание контролирующих органов, а также на налоговых спорах и банкротстве.

ЛИДЕРКОНСАЛТ ПРАВО

«Лидер Консалт Право» осуществляет высококвалифицированную защиту прав и законных интересов своих доверителей, а также оказывает профессиональную юридическую поддержку, направленную на развитие бизнеса своих клиентов.

МедПроф МЕДИЦИНСКИЙ ЦЕНТР

Медицинский центр «МедПроф» специализируется на медицинских осмотрах, освидетельствованиях иностранных граждан для органов УФМС, личных медицинских книжках, водительских комиссиях, лабораторных исследованиях.

ЛИДЕРКОНСАЛТ СТРОЙ

«Лидер Консалт Строй» осуществляет реконструкцию и строительство новых зданий, а также фасадные и внутренние отделочные работы.

НАШИ КОНТАКТЫ:

191040, г. Санкт-Петербург, Лиговский пр., д. 78, корп. 2, лит. А
109004, г. Москва, ул. Александра Солженицына, д. 31, стр. 1, оф. 309
Тел.: (812) 607-64-64, (495) 249-05-76, Email: info@lc-rus.com
www.lc-rus.com

ГРУППА КОМПАНИЙ «ЛИДЕР КОНСАЛТ» - ВЕРНОЕ РЕШЕНИЕ ДЛЯ ВАШЕГО БИЗНЕСА!

СУМКИ И КАРТИНЫ PKHAMAT

В современном мире вещи, сделанные руками, обретают новую ценность. Все чаще человек ищет что-то необычное, уникальное, созданное в единственном экземпляре. Философию уникальности несет в себе каждое изделие от Pkhamat. Оно пронизано энергетикой, теплом и любовью мастера. Каждый стежок на сумке или на картине имеет свою историю и помнит тепло рук, которые его сделали.

Pkhamat (Пхамат) – это ручная работа, пронизанная красотой флореального искусства!

Вышивка лентами – уникальный вид рукоделия, сочетающий классические вышивальные швы и стежки со специальными элементами, которые выполняются атласными или шелковыми лентами, благодаря чему получаются невероятно красивые объемные картины и панно, позволяющие передать все великолепие живых цветов.

Pkhamat гарантирует каждому клиенту, что выбрав наше изделие, он становится обладателем качества и получает возможность идти в ногу со временем, при этом выбирая свою дорогу. Мы дарим возможность быть исключением в мире правил.

Инстаграм: Pkhamat
E-mail: hamathanova.asya@mail.ru
С уважением, Ася Хаматханова.

КАК ПРАВИЛЬНО ВЫБРАТЬ САНАТОРИЙ

В «Солнечном» всегда солнечно!

Среди многообразия курортных здравниц мы всегда стараемся выбрать для себя лучшее. По типу лечения, дополнительным услугам, а для кого-то критерием выбора является наличие бассейна, SPA и WELLNESS.

А потому из всего многообразия предложений Кисловодска стоит остановить свой взгляд на санатории «Солнечный». В этом нашего корреспондента убедил владелец и один из руководителей санатория Владимир ТУРИВНЕНКО.

- Насколько мне известно «Солнечный» - самый большой и самый молодой санаторий Кисловодска, ему нет еще и десяти лет.

Как удалось за столь короткий срок добиться популярности?

- Верно, статус крупнейшей здравницы Кисловодска подразумевает и ответственность «Солнечного» в качестве главного законодателя моды на курорте. В этих условиях мы просто обязаны инвестировать значительно больше ресурсов в развитие своей лечебной, оздоровительной и досуговой инфраструктуры по сравнению с обычными санаториями и SPA-отелями. Например, другие четырехзвездочные здравницы Кисловодска располагают либо одним стандартным крытым плавательным бассейном, либо предлагают лишь открытый бассейн в летнее время. И только в «Солнечном» круглый год вы можете бесплатно пользоваться сразу тремя специализированными бассейнами. Тут же расположены просторный зимний пляж под огромным стеклянным куполом и зона развлечений в окружении двух пляжных баров один из которых работает прямо на воде. Сегодня подобное не могут предложить даже значительно более дорогие санатории и SPA-отели региона.

В качестве другого примера можно привести новый конгресс-центр «Солнечного».Сейчас это единственное место на курорте, позволяющее проводить многодневные бизнес-события высокого уровня с присутствием до 600 одновременных участников в пределах единого комплекса. Причем без остановки плановой работы самого санатория. Это открывает недоступную ранее возможность проводить по-настоящему масштабные корпоративные мероприятия на одном из самых знаменитых курортов России. Расскажу Вам и о самых интересных методиках, которые применяют для лечения пациентов «Солнечного».

Биорезонансная терапия (БРТ) позволяет протестировать организм на аллергены, на продукты питания, наличие вирусов, грибов, паразитов и избавиться от них без применения медицинских препаратов. Кроме того можно протестировать склонность пациентов к определённым заболеваниям и проверить подходят ли им препараты, которые они принимают.